

ЕВРОПА В КРИЗИСНОМ МИРЕ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЕВРОПА В КРИЗИСНОМ МИРЕ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
Ал.А. Громыко

Москва
Издательство «Весь Мир»
Институт Европы РАН
2022

УДК 323/327
ББК 63.3(4):65.6(4):66.2(4)
Е 24

Научные рецензенты:

д.и.н., профессор В.Б. Кувалдин,
д.э.н., член-корреспондент РАН М.Ю. Головнин

Авторский коллектив:

Ал.А. Громыко (Введение, гл. 1); В.Б. Белов (гл. 6), Л.С. Биссон (гл. 8),
О.В. Буторина (гл. 4), А.Д. Васильченко (гл. 5, в соавт.),
М.В. Ведерников (гл. 3), К.А. Годованюк (гл. 2), Д.А. Данилов (гл. 11),
Н.Б. Кондратьева (гл. 13), А.В. Котов (гл. 5, в соавт.), Р.Н. Лункин (гл. 9),
Н.М. Межевич (гл. 14), Р.М. Плюснин (гл. 5, в соавт.), С.А. Рогинко (гл. 7),
А.А. Рожин (гл. 10), П.А. Шариков (гл. 12)

Руководитель авторского коллектива чл.-корр. РАН Ал.А. Громыко

Книга опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научного-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

The book was prepared within the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of science and higher education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No 075-15-2020-783).

Отпечатано в России

ISBN 978-5-98163-193-1 (ИЕ РАН)
ISBN 978-5-7777-0895-3 («Весь Мир»)

© ИЕ РАН, 2022
© Оформление.
«Весь Мир», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Ал.А. Громыко).....	7
Часть I.	
ЕВРОПА И МИР	11
<i>Глава 1. Современный мир: разгон противостояния «великих держав» (Ал.А. Громыко).....</i>	11
<i>Глава 2. Британия как фактор мировой политики (К.А. Годованюк).....</i>	27
<i>Глава 3. Европейские подходы к пандемии (М.В. Ведерников).....</i>	48
Часть II.	
ЭКОНОМИКА ЕВРОПЫ.....	82
<i>Глава 4. Региональная интеграция и дезинтеграция: диалектика взаимной связи (О.В. Буторина).....</i>	82
<i>Глава 5. Внутрорегиональная торговля в ЕС: влияние кризисных шоков (А.В. Котов, Р.М. Плюснин, А.Д. Васильченко).....</i>	116
<i>Глава 6. Европейский зелёный курс в условиях вызовов двойного перехода. Роль водородной экономики (В.Б. Белов).....</i>	137
<i>Глава 7. Климатическая повестка в ЕС в эпоху турбулентности (С.А. Рогинко).....</i>	170
Часть III.	
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРОПЕ.....	192
<i>Глава 8. Трансформация социальных моделей (Л.С. Биссон).....</i>	192

Глава 9. Стратификация общества и новые кливажи
(*Р.Н. Лункин*) 217

Глава 10. Социальные размежевания и перспективы новых
социально-политических конфликтов (А.А. Рожин)..... 250

Часть IV.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ 275

Глава 11. Кризис европейской безопасности: эволюция
евроатлантической политики (Д.А. Данилов)..... 275

Глава 12. Кибербезопасность в европейском регионе:
национальные стратегии и коллективные подходы
(*П.А. Шариков*) 299

Часть V.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ПРОСТРАНСТВЕ БЫВШЕГО СССР 315

Глава 13. ЕАЭС: стратегия позитивной интеграции
(*Н.Б. Кондратьева*) 315

Глава 14. Проблемы Союзного государства в условиях
неопределённости (Н.М. Межевич)..... 337

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 349

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 354

ОБ АВТОРАХ 373

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире полным ходом идут процессы децентрализации, протекающие как в упорядоченном, так и в хаотичном виде. «Отлив океана» глобализации сопровождается поднятием уровня «воды» в отдельных «морях». Попытное движение во взаимозависимости на глобальном уровне сопровождается её усилением на региональном. Такое усиление находит выражение как в продолжении региональных интеграций, так и в создании и усилении межгосударственных группировок, направленных на противостояние с другими. О постглобализации говорить преждевременно, но её неолиберальная модель, основанная на америкоцентризме, уходит в прошлое, как когда-то в прошлое ушёл европоцентризм. Вытесняющий её полицентризм не имеет пока чётких очертаний и понятной структуры, рождается не столько на обломках старого мира, сколько прорастает в нём, «идёт на ощупь». Механизмы глобального управления и регулирования представляют собой набор из наследства послевоенной эпохи и новаций постбиполярного мира.

В международных отношениях продолжается поиск нового баланса сил и интересов, который принимает всё более ожесточённый характер. Иллюзии бывших гегемонов сталкиваются с амбициями сторонников нового мироустройства. В этом столкновении задействованы не только политические, экономические, информационные и военные инструменты, но ценностные и идеологические, которые цементируют геополитические разломы. Неолиберальной идеологии противостоят системы координат традиционализма, суверенности, национального самосознания. Экспертный дискурс о контурах нового мирового порядка полон рассуждений в духе «политической геометрии» — анализа взаимоотношений центров силы в категориях «треугольников» и иных комбинаций с большим числом «углов» и «сторон». На фоне ужесточения конфронтации России и Запада и дальнейшего укрепле-

ния статуса Китая в качестве ведущей державы распространение получают концепции «новой холодной войны» и «новой биполярности».

Мир испытывает состояние многослойной дестабилизации, последние напластования которой лишь усугубили риски, с которыми Европа столкнулась в ходе «великой рецессии» 2008–2009 гг., последующего кризиса суверенных долгов, миграционного кризиса 2015 г., пандемии и разрастающегося украинского кризиса. Гремучая смесь этих проблем втягивает Европу в энергетический кризис, а мир — в продовольственный. Интеграция и дезинтеграция в ЕС находится в сложном сочетании. Каждая из двух его мировоззренческих и институциональных опор — межгосударственная и наднациональная — претендуют на роль «первой скрипки».

Над Евросоюзом довлеет тяжёлое наследие брекзита. В ЕС по вопросам верховенства закона появились свои постоянные возмутители спокойствия — Венгрия и Польша, которых в либеральных кругах объединения уже подвергают остракизму. Фактически не функционирует в былом виде европейский франко-германский тандем после ухода с политической сцены А. Меркель и появления в Берлине правящей коалиции из плохо сочетаемых партий. Президентские и парламентские выборы во Франции весной и летом 2022 г. привели к дальнейшей поляризации политического ландшафта страны. В Британии вариант популистского неотэтчеризма вылился в приход к власти нового лидера Консервативной партии Л. Трасс, которая с точки зрения политической демагогии следовала по стопам Б. Джонсона. Не прошло и полутора месяцев, как её сменил другой тори — Р. Сунак. Необходимо отметить, что это во многом технические правительства, не имеющие полноценного демократического мандата. Если бы сегодня были проведены всеобщие выборы, лейбористы одержали бы громкую победу. Партии «нового популизма» продолжают своё шествие по обломкам послевоенных партийно-политических систем. В Италии в сентябре 2022 г. произошла очередная смена власти. На сей раз на основе волеизъявления народа ещё недавно несистемная крайне правая партия «Братья Италии» превратилась в ведущую политическую силу. В том же месяце право-популистская партия «Шведские демократы» завоевала второе место на выборах в риксдаг.

Дальнейшей деградации подвергается ситуация в сфере европейской безопасности. На территории Украины против России ведётся открытая прокси-война, в которой участвуют большинство стран НАТО и Евросоюза. Сам ЕС стал стороной украинского

конфликта, впервые в истории осуществляя масштабные поставки в зону вооружённого конфликта летальной военной техники и снаряжения. Также принято решение о создании тренировочной миссии ЕС для обучения украинских военнослужащих. Быстрыми темпами происходит разрыв экономических, финансовых, энергетических связей между Россией и ЕС. Беспрецедентным событием стали подрывы сразу в нескольких местах ниток газопроводов «Северный поток 1» и «Северный поток 2» в исключительных экономических зонах Дании и Швеции. Москва возлагает ответственность на Британию за участие в этой диверсии. Из-за неразрешимых противоречий Россия и НАТО приближаются к рубежу прямого военного столкновения. Достаточно быстро идёт процесс ратификации соглашений о приёме в альянс Швеции и Финляндии. Последствиями этого станет усугубление военной напряжённости в Балтийском регионе, усиление рисков для национальной безопасности России, включая повышение уязвимости калининградского эксклава.

Сумбурная и тяжёлая ситуация складывается в экономике европейских государств. Ряд стран зоны евро уже находятся в рецессии, которая имеет все шансы усилиться в 2023 г. Инфляция в зоне евро к концу года может достичь 10% — в пять раз выше целевого показателя Центрального европейского банка. Небывалый взлёт цен на энергоресурсы и многократное удорожание счетов за электроэнергию грозят остановить в Европе многие производства, привести к волне банкротств и к значительному снижению уровня жизни европейцев. Продолжится рост госдолга у большинства стран, который в среднем в ЕС в отношении к ВВП приближается к 90% (Франция — порядка 115%, Германия — 70%, Италия — 155%). В Британии госдолг достиг 97%.

Неизбежно дальнейшее социальное расслоение в европейских обществах, снижение реальных доходов населения. Эти процессы, по нашему мнению, лишь усугубляет догматический подход ЕС к реализации разработанного им ещё до пандемии «зелёного курса», требующего огромных капиталовложений и форсированного энергоперехода. Плохо просчитанное в ЕС желание выбиться в технологические лидеры в области возобновляемых источников энергии, помноженное на «зелёную» идеологию, а теперь и на гибридную войну с Россией, подминает под себя рыночные законы, ведёт к массивному и непродуманному вмешательству государства в экономику и в конечном счёте — к снижению благосостояния населения. Европа в целом стоит на пороге больших социальных

волнений, которые приведут к власти новые политические силы и новых лидеров. С высокой долей вероятности в ближайшие годы произойдёт дальнейшая политическая поляризация внутри европейских стран, «вымывание» политического центра в пользу левого и правого флангов, углубление классовых и ценностных размежеваний.

Тревожное положение дел складывается на постсоветском пространстве. Военные действия на части территории и по границам Луганской и Донецкой республик, Запорожской и Херсонской областей, вошедших в состав России, продолжаются. Болезненную внутривнутриполитическую дестабилизацию испытали Беларусь и Казахстан. Замороженный конфликт Армении и Азербайджана вокруг Нагорного Карабаха перерос в горячую фазу, которая окончательно не завершена. Произошли кровопролитные столкновения между Таджикистаном и Киргизией, граница которых в значительной части не демаркирована и полна межэтнических противоречий. Взрывоопасный потенциал имеет приднестровский конфликт с учётом нахождения в регионе оперативной группы российских войск в условиях откровенно прозападного курса Кишинёва.

Тем большее значение в стрессовой ситуации и череде форс-мажорных событий приобретают интеграционные проекты, в первую очередь Союзное государство России и Беларуси и Евразийский экономический союз. Как никогда востребованы их потенциал и способность смягчить внутренние и внешние негативные факторы в развитии государств-членов, необходимость доказать свою востребованность и эффективность для участвующих в интеграции народов.

Представленная читателю коллективная монография Института Европы РАН, результат трёхлетнего исследовательского проекта, посвящена перечисленным проблемам глобального и регионального развития, иным сопутствующим вопросам, находящимся в центре внимания отечественных европейцев. Предпринятый анализ направлен на изучение многочисленных вызовов, стоящих перед Россией и Европой в целом. Понимать мир, в котором мы живём, прогнозировать его развитие, отличать мифы от реалий — необходимое условие для научно обоснованной и выверенной политики государства.

Ал.А. Громыко

Часть I

ЕВРОПА И МИР

Глава 1. Современный мир – разгон противостояния «великих держав»

Ал.А. Громыко

Процессы децентрализации: экономика, политика, социум

События 2022 г. стали очередным подтверждением широко распространённого тезиса о том, что система глобального управления и регулирования, мировая политика и международные отношения переживают сложный, драматичный и длительный период трансформации. При всем разнообразии многочисленных интерпретаций этих процессов, гипотез и теорий представляется, что их объединяет тема *децентрализации* практически во всех сферах мироустройства. Конечно, и она может быть подана по-разному – в терминах деглобализации или многоуровневого управления, фрагментации или регионализации, другими словами – истолкована как отрицательно, так и положительно.

При этом суть явления неизменно заключается в том, что всё чаще решения, направленные на изменение мирового политического ландшафта, должны приниматься широкими коалициями государств (и/или иных субъектов мировой политики), которые, в свою очередь, стремятся укрепить или занять важное место в работе максимального числа международных организаций для отстаивания своих интересов и интересов союзников. Центров принятия решения становится всё больше. Сверхдержавы в их былом понимании ушли в прошлое, уступив место «нишевым державам» – государствам-лидерам в определённом количестве областей. Те или иные стратегии на международной арене имеют шанс на реализацию лишь при условии совпадения интересов значительного числа стран, группирующихся вокруг государства-лидера или образующих различные «клубные», сетевые форматы для коллективной выработки решений.

На уровне государств усложнение проблем внутреннего развития и внешней политики также требует учёта всё большего числа интересов. В *мировой экономике* данные тенденции заявили о себе несколько десятилетий назад, в эпоху тэтчеризма и рейганомики, политики по раскрепощению рыночных сил, либерализации мировой торговли и финансов, перехода от модели экономики спроса к экономике предложения. Речь тогда шла о созидательной децентрализации на индивидуалистических началах. Однако «экономика акционеров», распыление частной собственности, приватизация и другие рычаги по раскрепощению капитала со временем привели к обратному эффекту. Сокрушив во многих странах государственный и профсоюзный контроль над экономическими процессами и механизмами перераспределения богатства, «неолиберальная волна» открыла дорогу формированию мировой финансовой олигархии, картелизации и монополизму на рыночных просторах, другими словами – централизации, основанной на этот раз на догматичном представлении об экономических свободах и примате частного над общественным. Не случайно «общество благосостояния», сложившееся в Европе после Второй мировой войны на основе идей социального рынка, стало подвергаться масштабной коррозии начиная с 1980-х гг.

Ряд известных экономистов били тревогу по поводу неолиберальной ортодоксии и её разрушительного воздействия на рынки уже в первой половине 1990-х гг. Так, британский учёный и успешный бизнесмен Пол Ормерод писал: «Современная ортодоксальная экономическая наука... оторвалась от своих корней конца XVIII – начала XIX веков... Её метод анализа изолирован от более широкого социального контекста»¹. С его размышлениями перекликалась обеспокоенность Самуэля Бриттана об эволюции различных течений либерализма. «В мире политики образовался трагический раскол между двумя сторонами либеральной традиции, – писал он в 1995 г. – Те, кто радел больше всего за гражданские свободы, открытое правительство... сместились влево, тогда как сторонники в первую очередь экономического либерализма – вправо. В результате у обеих сторон произошло идейное обнищание»².

Реагируя на указанные вызовы, был предложен целый ряд новых идей, среди которых выделялись стейкхолдерство и ком-

---

¹ *Ormerod P.* The Death of Economics. London, Boston: Faber and Faber, 1994. P. 21.

² *Brittan S.* Capitalism with a Human Face. Hants, Vt: Edward Elgar Publishing, 1995. P. 266.

мунитаризм, которые опирались на принцип децентрализации на облагоороженных началах, на представление о капитализме с «человеческим лицом». Социальный рынок достаточно долго оставался декларируемым принципом развития Европейского Союза, в котором получил наибольшее воплощение в странах Северной Европы. Однако «экономика акционеров», рыночное равновесие, соображения максимизации прибыли как мейнстрим неоклассической экономической мысли и практики пережили и «великую рецессию» 2008–2009 гг., и последующие попытки их демонтажа в пользу чего-то более социально справедливого. Стейкхолдерство и коммунитаризм остались уделом узкой группы интеллектуалов. Что касается концепции «энергетического перехода» и «зелёной экономики», ставшей для многих развитых государств на рубеже 2010–2020-х гг. стратегией по сохранению своей конкурентоспособности, то они так же слабо связаны с постулатами свободного рынка, как и неолиберальная ортодоксия, напрямую зависят от государственного вмешательства в экономику, и в этом смысле ведут к процессам по централизации принятия и выполнения решений. Одновременно эти действия ведут к нарастанию конфликтного потенциала между странами, участвующими в «переходе», не говоря уже об усилении противоречий между ними и странами-поставщиками невозобновляемых энергетических ресурсов (нефть, газ, уголь). Другими словами, эти действия ведут к дальнейшей децентрализации на глобальном уровне.

В *мировой политике* процессы децентрализации каскадным образом развивались с 1990-х гг. Одна из их граней отражена в становлении стратегических отношений между Россией и Китаем и общих подходах к международной архитектуре управления. Эволюция совместных взглядов Москвы и Пекина в этой сфере наглядно прослеживается в текстах деклараций и заявлений, начиная с Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 года и до недавнего Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии³. Процессы децентрализации проявили себя в распаде СССР, СЭВ, ОВД, Югославии, Чехословакии. Многие в тот период рассматривали эти события как «созидательное разрушение» по Шумпетеру – своего рода аналога устранения государ-

---

³ URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770>

ственного влияния и возвращения к идее «государства – ночного сторожа» в сфере экономики. Позже, как и в области экономики, где неолиберальная децентрализация привела к неприемлемым побочным эффектам, в дискурсе о состоянии международных отношений распространились идеи «мести географии»⁴, «мести истории»⁵, пост-Запада⁶, возвращения геополитического противостояния великих держав⁷, распада мира на отдельные региональные блоки⁸.

Популярная в ранний постсоветский период концепция однополярности с центром в США лишь затушёвывала разгон центробежных сил на международной арене. В первое десятилетие XXI столетия мир де-факто уже вошёл в эпоху полицентричности, кристаллизация основных параметров которой заканчивается, судя по всему, в 2020-е гг. Попытки централизации в современной мировой политике предпринимались не раз. Так, переформатирование Евро-Атлантического региона предполагалось на основе нарратива «европейской мечты», согласно которому Евросоюз собирался перехватить пальму первенства у США. На его место пришла установка «стратегической автономии» ЕС, в случае успеха внедрения которой появился бы своего рода «двухъядерный Запад», в котором Брюссель и Вашингтон выступали бы равновеликими центрами силы. В России возникла концепция «большого евразийского партнёрства»⁹ в противовес новому раунду объеди-

---

⁴ *Каплан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2019.

⁵ *Milne S.* The Revenge of History: The Battle for the Twenty-First Century. London: Verso, New York, 2012; *Goldstein L. J.* From Siberia to Crimea: The Revenge of History in U.S.-Russian Relations // The National Interest. 12 January 2013.

⁶ *Stuenkel O.* Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order. Malden, MA: Polity, 2016; Munich Security Report 2020. Westlessness. URL: https://www.researchgate.net/publication/339326217_Munich_Security_Report_2020_Westlessness

⁷ *Kroenig M.* The Return of Great Power Rivalry: Democracy versus Autocracy from the Ancient World to the U.S. and China. New York: Oxford University Press, 2020.

⁸ Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / Пер. с англ.; под ред. А.А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016; Глобальные будущие тенденции 2030: альтернативные миры. Краткий обзор / Национальный совет по разведке, декабрь 2012. URL: http://cawater-info.net/library/rus/global_trends_2030.pdf

⁹ *Кортунов А.А.* Восемь принципов Большого евразийского партнёрства. 25 сентября 2020. РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/>

нительных проектов на Западе. Если она докажет свою жизнеспособность, то может возникнуть «двухъядерный Восток» с системообразующей ролью Российской Федерации и Китая.

В любом случае речь идёт о той или иной степени децентрализации глобальных политических процессов. Она не противоречит, а, напротив, способствует объединительным тенденциям на более низком, региональном и трансрегиональном уровнях, что находит выражение в дальнейших федеративных веяниях в ЕС и в усилиях по интеграции в рамках Евразийского экономического союза и других постсоветских межгосударственных организациях с лидирующей ролью России, в растущем членстве, полном или ассоциированном, в ШОС и БРИКС. Проявлением такой децентрализации является и распространение модели ситуативных коалиций, коалиций «изменяющейся геометрии», клубным международным форматам (БРИКС, «большая двадцатка» и др.). Процессы децентрализации находят выражение в феномене «стратегической расстыковки» США с европейскими союзниками, временно затушёванном украинском кризисом, в попытках Вашингтона возродить представления о делении мира на демократии и автократии, о «новой холодной войне», на этот раз с Китаем.

Таким образом, процессы по объективной децентрализации и усилению полицентричности на глобальном уровне сопровождаются усилиями по централизации на более низком уровне. Причём в представлении их основных драйверов (США, ЕС, России, Китая) есть как «правильная», так и «неправильная» централизация. ЕС воспринимает интеграционные процессы под своей эгидой в качестве легитимных и естественных, тогда как сближение других центров силы на Востоке считается опасным и контрпродуктивным. В связи с этим возрастают усилия противоположных сторон по недопущению интеграции на «противоположной стороне», создаются разного рода «санитарные кордоны» и буферные зоны (проекты ГУАМ, Триморье, Четырёхсторонний диалог по безопасности – QUAD и др.). Однако и сами государства-лидеры, и объединения вокруг них проходят испытание на прочность, о чём свидетельствуют умножение внутренних расколов в США, брекзит в ЕС, новая череда конфликтов на постсоветском пространстве.

Проследить упорядоченность в этом столкновении центробежных и центростремительных явлений пока довольно сложно. В результате складывается обоснованное впечатление о хаотизации современного политического пространства¹⁰. Звучит разногласие мнений о том, ведёт ли полицентризм к дальнейшему росту неопределённости и накоплению рисков, или новый миропорядок должен представлять собой устойчивое и стабильное равновесие сил, которое миру ещё надо «нащупать». С учётом того, что такой поиск идёт уже более тридцати лет после ухода в прошлое биполярности, логично поставить вопрос: что является переходным периодом и что — «конечным пунктом» такой полицентричности? Должен ли миропорядок расцениваться как период «новой стабильности», а значит, период текущей дестабилизации — как очередной переход, транзит между предыдущей и последующей стабильностью? Или транзит, как он сейчас воспринимается, — это в действительности и есть новый и уже во многом сложившийся миропорядок? Должен ли любой мировой порядок предполагать «наличие баланса сил»¹¹, или отсутствие такого баланса становится его константой (по крайней мере, характеристикой длительного периода в истории международных отношений)? Другими словами, если раньше периоды статики в международных отношениях воспринимались как конечный пункт очередного витка глобальных изменений, то вполне возможно, что в мире современного полицентризма текущий период текучести и изменчивости им и является.

В иных формах полицентризм существовал и в предыдущие исторические эпохи, например в XIX в., в рамках Старого Света и в виде «концерта держав», стараниями которого на достаточно длительный срок был достигнут период очередной стабилизации. Однако, по определению, это был пример регионального полицентризма, хотя и с вовлечением ряда крупнейших на тот момент европейских империй с владениями по всему миру, тогда как в XXI столетии полицентризм обрёл новое качество — глобальность. Элементы полицентризма были частью послевоенного урегулирования, когда с 1945 г. постоянными членами Совета Безопасности ООН стали СССР, США, Китай, Франция и Британия. Однако роль Китая длительное время являлась усечённой. После

---

¹⁰ *Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.

¹¹ Там же. С. 27.

победы над Гоминьданом в 1949 г. и провозглашения Китайской Народной Республики, официальный Пекин при неизменной поддержке СССР добился членства в ООН только в 1971 г., а с США дипломатические отношения были установлены лишь в 1979-м.

В *мировом социальном, культурном, ценностном пространстве*, вслед за политическим и экономическим, процессы децентрализации также развивались ускоряющимся темпом. Множились модели социально-экономического развития, которых насчитывается несколько в самом Евросоюзе. Вестернизация и американизация социальных и культурных норм, шедшая высокими темпами до конца XX в., сменилась противоположной тенденцией по возрождению и укреплению местных особенностей по мере ренессанса института государства-нации и цивилизационных характеристик различных обществ и культур. Одним из символов этого стал феномен Болливуда. В сфере культуры продвижение либеральных идей, доведённых до абсолюта, столкнулось с сильным сопротивлением и критикой¹². Как и в описанных выше процессах, «пересборка» социального пространства с целью его централизации в пику центробежным глобальным явлениям шла на региональном уровне. Продолжаются попытки дальнейшей унификации в ЕС общеевропейской идентичности, в которой популярной в недалёком прошлом концепции мультикультурализма уже нет места. Китай проводит системную работу по популяризации своих образов будущего и социальных практик на основе «китайской мечты». США после избрания на пост президента страны Дж. Байдена удвоили усилия по сплочиванию вокруг себя союзников на идеологической основе. Россия, особенно в последние годы, всё активнее противопоставляет себя Западу в качестве традиционалистской альтернативы¹³.

Неолиберальная модель: головокружение от успехов

В международный дискурс о мироустройстве вошёл тезис о либеральном мировом порядке, который якобы находится под угрозой со стороны авторитарных режимов и нуждается в защите. В большинстве случаев подразумевается порядок, который установили

---

¹² Громыко Ал.А. Европейская культура – силы притяжения и отталкивания // Общественные науки и современность. 2022. № 3. С. 7–20.

¹³ См.: Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611. URL:<http://kremlin.ru/acts/news/69285>

Соединённые Штаты в подконтрольной им части мира после 1945 г. С этой точки зрения в глобальном масштабе он никогда в практическом плане не существовал, если только фигурально. По ходу истории свои порядки действовали в тех подсистемах международных отношений, где доминировали ведущие центры силы, и, если брать период холодной войны, — в подсистемах под руководством СССР и США.

Представляется, что вместо категории «порядок» точнее говорить о моделях международных отношений, которые каждый раз включали в себя несколько сфер влияния с присущим им политическим, экономическим и социальным пространством. Вашингтон, действительно, долгое время претендовал на создание «либерального мирового порядка», в то время как СССР — на создание «социалистического». Но эти намерения никогда не были воплощены в жизнь. Для каждой из сторон их представление о порядке было связано с определённой эталонной нормативной теорией. Если связывать проект «либерального мирового порядка» со сферой влияния США и их экспансионизмом, а нарастание их изоляционизма и прагматизма при Д. Трампе и во многом по-прежнему при Дж. Байдене — с ослаблением могущества Соединённых Штатов, то закат этого проекта неизбежен. Это следует из того, что по мере дальнейшего снижения веса США в международных отношениях, происходящего как по независимым от них причинам, так и вследствие допущенных ими стратегических ошибок, Вашингтон «сбрасывает» с себя всё большее число глобальных функций, пытаясь сосредоточиться на той части мира, где ещё обладает лидерством.

Во многом закат «либерального мирового порядка» стал следствием перерождения философии либерализма в политической, экономической и социальной сферах. В этом отношении показательны размышления известного теоретика и популяризатора либерализма Т.Г. Эша¹⁴, который для нынешнего поколения западных политологов является фигурой, сравнимой с кумирами поколения их родителей — К. Поппером, И. Берлином, Р. Ароном и др. Под влиянием современных реалий последовательный защитник либерализма призывает глубоко пересмотреть подходы к воплощению либеральных постулатов в жизнь. В его понимании речь идёт о спасении «либерально-демократического капитализма» во всех его ипостасях, включая левый либерализм, с которым он в Британии ассоциирует политику К. Стармера, лидера Лейбористской пар-

---

¹⁴ *Ash T.G. The Future of Liberalism // Prospect, Winter Special 2021. P. 18–28.*

тии. Профессор Оксфордского университета указывает на наличие системных проблем: опыт президентства Д. Трампа в США, популярность М. Ле Пен во Франции, политика В. Орбана в Венгрии¹⁵, китайская модель развития и другие явления, которые характеризуются, как «либеральные», авторитарные и проч. Т.Г. Эш делает неожиданное для западного политологического мейнстрима признание — в последние 30 лет либерализмом именовали нечто совсем иное — одномерный экономический либерализм, который в своём худшем исполнении вылился в догматический рыночный фундаментализм (другие эпитеты: редуцированный, технократический, англо-американский либерализм).

На деле трансформация современного либерализма пошла намного дальше, чем доминирование длительное время его неолиберальной экономической версии и создание глобального финансового капитализма. Парадоксально, но те, кто считают себя наследниками тэтчеризма и рейганомики, Ф. фон Хайека и М. Фридмана, К. Поппера и И. Берлина сыграли ведущую роль в демонтаже рыночных устоев мировой экономики. В столкновение пришли политические, ценностные подходы неолибералов, с одной стороны, и экономические — с другой. Тэтчер и главные идеологи политики, получившей позже её имя, возводили в абсолют «малое государство» и превозносили свободный рынок. Внедрение неолиберальной модели капитализма привело к тому, что в 1980–1990-е гг. экономика, рынок во многом подмяли под себя политику, государство. Не случайно именно в 1990-е гг. широко распространились представления о размывании границ государства, об уходе на вторые роли института нации-государства в мировой политике и перехвате его функций другими субъектами мировой политики, включая ТНК, о виртуализации мира и критическом ослаблении географического фактора. По мнению Жан-Мари Гиэнно, «...теперь мы способны создать всевозможные “виртуальные сообщества”, которые освободят нас от ограничений географии и от традиционных политических структур, которые на протяжении столь длительного времени формировали наши действия»¹⁶.

Такие подходы выразились в представлении о неолиберальной версии глобализации, главным бенефициаром которой является

---

¹⁵ Большой резонанс получила концептуальная речь В. Орбана в Тушнадфюреде 23 июля 2022 г. См.: *Шишелина Л.Н.* Виктор Орбан: «Что делать?» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 4. С. 86–94.

¹⁶ *Guehenno J.-M.* The End of the Nation-State. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. P. 141.

западный капитализм, как о наиболее эффективном механизме разделения труда, создания и перераспределения богатств в мире. Однако по прошествии двадцати лет популярность набрали совсем иные взгляды. Так, Роберт Каплан в русле теории реализма, и переключаясь с идеями Самуэля Хантингтона, утверждал: «Сама по себе глобализация способствовала возрождению местного патриотизма и местных особенностей, которые во многих случаях строятся на различиях в этническом и религиозном сознании, привязанным к определённым ландшафтам. Следовательно, их лучше всего объяснять, обращаясь к карте рельефа местности»¹⁷.

Проблемы неолиберальной модели капитализма крылись в «головокружении от успехов», в излишней самоуверенности после исчезновения идеологических соперников. Социалистическая альтернатива была похоронена в результате распада Советского Союза и всей социалистической системы. «Неолиберальную волну» не выдержала ни теоретически, ни практически и другая, умеренная альтернатива — европейский «третий путь» (также «средний путь»), опиравшийся на принцип социального рынка и государства благосостояния. Об этом уже в середине 1990-х гг. писал Лестер Туроу: «... второй путь, коммунизм, и то, что европейцы называют третьим путём — социальное государство благосостояния, перестали быть жизнеспособными альтернативами. В то время как социальное государство благосостояния, в отличие от коммунизма, выжило, по сути, оно перестало работать... Теперь капитализм “выживания сильнейших” возвышается в одиночестве. Альтернативы не существует»¹⁸. Последствия не заставили себя ждать, и в 2008 г. неолиберальную модель глобализации постиг финансовый коллапс, невиданный с 1929 г. и разразившийся в самом центре глобального капитализма — США. Фарид Закария объяснял произошедшее именно фактором предыдущих успехов этой модели, которые породили высокомерие и, как он выражается, «смерть риска», то есть абсолютизацию её привлекательных сторон и игнорирование негативных¹⁹. Вытекающие из этого экономические проблемы, по его мнению, ускорят переход к постамериканскому миру²⁰.

---

¹⁷ Каплан Р. Месть географии. С. 56–57.

¹⁸ *Thurow L.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Will Shape Tomorrow's World. London: Nicholas Brealey Publishing, 1996. P. 5.

¹⁹ *Zakaria F.* The Post-American World. New York, London: W.W. Norton & Company, 2009. P. xiv.

²⁰ *Ibid.* P. xxi.

В 2000–2010-е гг. стало очевидным, что выгоды от глобализации для ряда незападных стран настолько велики, что они сами претендуют на передовые позиции в мировой экономике. Ответ на этот вызов неолибералов, в первую очередь адептов англосаксонской, америкоцентричной модели капитализма, стал сугубо нерыночным – введение против конкурентов экономических и торговых санкций, повышение импортных тарифов, экспортный контроль новейших технологий, блокирование инвестиций «недружественных стран» на своей территории под предлогом национальной безопасности и «промышленного суверенитета». Другими словами – неолиберальное государство полностью подмяло под себя рыночную экономику. Такая реакция и методы, идущие в разрез с доктриной свободного рынка, стали, вероятно, последним козырем в «колоде» современного западного неолиберализма для удержания «командных высот» в мировой политике и экономике.

Однако последующая череда событий не предоставила возможности взять ситуацию под контроль – центробежные процессы в мире и снижение совокупной мощи Запада продолжались. В 2017 г., под впечатлением брексита, Ричард Хаас, объясняя свой тезис о «новом мировом беспорядке», так охарактеризовал положение дел: «Мы являемся свидетелями повсеместного отказа от глобализации и международного вовлечения и, как результат, распространения сомнений в утвердившихся подходах и политике... мы имеем дело с такими проявлениями по всей Европе, в Соединённых Штатах и практически по всему миру»²¹.

Нерыночные методы борьбы распространились не только в сфере противостояния по линии Запад – Восток, воссоздавая механизмы соперничества эпохи холодной войны, но и внутри самого Запада. Тому наглядной иллюстрацией служит усиление экономических противоречий между США и ЕС при Б. Обаме и Д. Трампе, которые не были урегулированы после прихода в Белый дом Дж. Байдена. США продемонстрировали, в том числе на примере иранской «ядерной сделки», что готовы вводить экстерриториальные, вторичные санкции против своих союзников. Задолго до этого, в 1980–1990-е гг., США уже применяли нерыночные методы борьбы с экономической экспансией Японии, например, угрожая ввести 100%-ный тариф на импорт дорогих японских автомобилей. Ещё более красноречиво об отказе американоцен-

---

²¹ Haass R. A World In Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. New York: Penguin Press, 2017. P. 2.

тричного Запада от рыночных инструментов в борьбе за командные высоты в мировой политике говорят санкционный прессинг, полный спектр политических инструментов давления, вплоть до гибридных войн, против соперников, которые представляют для Вашингтона не столько экономический, сколько геополитический вызов — Россия, Иран, Венесуэла, Куба и др.

Как эти противоречия в либеральной мысли предлагает разрешить Т.Г. Эш? Фактически речь идёт о постлиберализме, о выработке некоей синтетической консервативно-социал-либеральной, универсальной идеологии с опорой на классический либерализм, обогащённым рядом элементов других магистральных направлений политической мысли²². У консерватизма и национализма предлагается позаимствовать принципы сообщества и идентичности, у коллективизма — принципы равенства и справедливости. Это далеко не первая попытка «перезапустить» либерализм как основу всех основ; при этом «Конец истории» Ф. Фукуямы²³ был всё-таки пронизан триумфаторством, а размышления Т.Г. Эша — глубокой обеспокоенностью.

Однако претензия либерализма на универсализм имеет слабые перспективы уже потому, что все предыдущие попытки в истории создать единственно правильную теорию и идеологию, будь то марксизм-ленинизм или единое индустриальное общество, не говоря уже о политической философии и теории, не увенчались успехом. Претендовавшие на это как левая, так и правая политическая мысль вырождались в крайние, порой насильственные формы, не терпимые к идейным противникам²⁴. Кроме того, стремление взять лучшее у всех магистральных течений политической мысли противоречит самой природе политического процесса и законам развития партийно-политических систем, эффективное функционирование которых зависит от постоянной конкуренции и многообразия взглядов.

Намного больший интерес в рассуждениях Т.Г. Эша вызывает его анализ недостатков нынешней господствующей разновидности либерализма, которая в большинстве западных стран всё ещё рассматривается как эталонная, несмотря на все системные сбои. Речь идёт об укоренении феномена «наследственной мери-

---

²² *Ash T.G. The Future of Liberalism... P. 20.*

²³ *Fukuyama F. The End of History and The Last Man. New York: Free Press, 1992.*

²⁴ О превращении неолиберализма в догматическую политическую идеологию, нетерпимую к иным взглядам, см.: *Громыко Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6–19.*

тократии» (*hereditary meritocracy*) в системе образования, которая воспроизводит правящие классы, феномена «диспаритета достоинства» (*disparity of esteem*), который выражается в пренебрежительном отношении либеральных космополитичных элит к другим менее обеспеченным и менее приближенным к власти слоям населения. Эти проблемы предлагается решать с помощью «перераспределения уважения» в обществе, отказа от социального высокомерия и культурных стереотипов, децентрализации власти, от «либерального интервенционализма». По поводу последнего Эш делает неутешительный для либеральных кругов вывод: «Дорога в ад может быть выложена либеральными намерениями»²⁵.

Однако идеализм таких рецептов сталкивается с отрезвляющей реальностью — повсеместно наблюдаются прямо противоположные явления: всё большая концентрация экономической власти в руках «давосской элиты», финансовой олигархии, медийных империй, цифровых корпораций и всё новые попытки концентрации политической власти, уход от послевоенного международного права, желание «пересобрать» мир на блоковых, иерархических началах. «Великая рецессия» и последовавшая затем пандемия, казалось бы, предоставили возможность внести существенные коррективы в модели социально-экономического развития, в отношения между различными слоями общества, найти более справедливый баланс между индивидуальным и коллективным, подтолкнуть крупные конкурирующие центры силы к сотрудничеству. Вместо этого разгон геополитического противостояния лишь усилился. На новый уровень поднялись и внутренние противоречия в США, Евросоюзе, на постсоветском пространстве, в Юго-Восточной Азии. Идеи общеевропейского дома, панъевропейской системы безопасности, общего пространства от Лиссабона до Владивостока, диалога цивилизаций находятся в глухой обороне.

Также обращает на себя внимание, что критика недостатков нынешней господствующей формы экономического и политического либерализма, стремление вырваться из прокрустова ложа догматики неолиберальной идеологии — это во многом возвращение к предостережениям и рецептам, с которыми известные политологи и экономисты выступали и в 1990-е гг. в основном с позиций «третьего», «среднего пути», «нового центра»²⁶,

²⁵ *Ash T.G.* The Future of Liberalism... P. 26.

²⁶ Например, см.: *Giddens A.* The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998; *Blair T., Schroeder G.* Europe: the third way / Die

а затем, и в 2000-е гг., с позиций «европейской мечты»²⁷. Однако вместо движения к реальной меритократии, снижению уровней социального неравенства, децентрализации механизмов принятия решений, каждый раз оказывалось, что концентрация капитала достигала новых высот, законы свободного рынка играли всё более декоративную роль, а от механизмов принуждения бизнеса к социальной солидарности, в первую очередь трипартизма, мало что сохранилось.

Политическая геометрия

Центрбежные процессы на глобальном уровне, сталкиваясь с центростремительными на региональном, стимулируют различные конфигурации стратегического взаимодействия, основанные на различных сочетаниях прагматизма и идеологических подходов. Среди них выделяются бинарная стратегия США по делению мира на демократии и авторитарные режимы, инклюзивная стратегия «большого евразийского партнёрства», «глобальная стратегия» Евросоюза, стратегии «новой биполярности» и «новой холодной войны», направленные на двойное сдерживание Западом России и Китая.

В международных исследованиях всё большее внимание уделяется анализу «геометрических фигур», цель которого — выделить наиболее важные «силовые линии» в мире и выяснить, может ли та или иная комбинация из ведущих центров силы помочь перевести международные отношения из состояния хаоса в режим упорядоченности. Пожалуй, чаще всего речь идёт о треугольнике «Китай — Россия — США»²⁸ или о четырёхугольнике с добавлением ЕС. Такие геометрические фигуры, в границах которых происходит противодействие и сотрудничество между «углами», приобретают стратегический характер, если они оказывают системное воздействие на баланс сил в мире.

Neue Mitte', London: Labour Party, 1999; *Hutton W.* The World We're In. London: Little, Brown, 2002.

²⁷ Например, см.: *Leonard M.* Why Europe Will Run the 21st Century. London, New York: Fourth Estate, 2004; *Rifkin J.* The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004.

²⁸ Например, см.: *Рогов С.М.* Неравнобедренный треугольник: Россия — США — Китай в новой геополитической обстановке // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 6—24.

Трудно не согласиться с Томасом Грэмом, что в начале 1970-х гг. указанный треугольник, действительно, стал стратегическим в рамках биполярного мира, так как динамика отношений в нём оказывала масштабное и длительное воздействие на внешнюю политику двух сверхдержав²⁹. Тогда Вашингтон применил принцип стратегической неопределённости в отношениях с Москвой и Пекином, мотивировав обе столицы искать возможности для сближения с ним. Соединённые Штаты, в свою очередь, дистанцировались от Тайваня и установили с Китаем дипломатические отношения. Параллельно Москва и Вашингтон вышли на беспрецедентный уровень взаимодействия в области стратегической стабильности и контроля над вооружениями — *detant* достиг своего пика. В результате в выигрыше оказывались все три стороны, но главным выгодоприобретателем были США. Они были достаточно уверенными в себе, чтобы пойти на ряд компромиссов с Москвой и Пекином. Стратегический треугольник времён холодной войны прекратил своё существование после развала СССР, когда новая Россия на достаточно продолжительное время потеряла статус стратегического игрока в международных отношениях.

Происходящее в последние десятилетия имеет прямо противоположный характер: США не только не заинтересованы в возрождении стратегического треугольника, но делают всё, чтобы противопоставить себя России и Китаю. С середины 1990-х гг. они провоцировали Москву политикой расширения НАТО и, начиная со времён Д. Трампа, провоцировали Пекин эскалацией ситуации вокруг Тайваня. На вооружение Белый дом де-факто взял стратегию двойного сдерживания, проводившуюся на Ближнем Востоке в отношении Ирака и Ирана в 1990-е гг., но теперь уровнем выше: Россия объявлена «непосредственной угрозой», а Китай — «системным вызовом». Если в 1970-е гг. Вашингтон был готов идти на взаимовыгодные комбинации со своими конкурентами и соперниками, то в настоящее время использует исключительно методы силового воздействия, подавления и балансирования на грани войны. Такой подход полностью заменил концепцию баланса и равновесия сил, адептами которой были Дж. Кеннан и Г. Киссинджер. Теперь стратегическое воображение Белого дома сведено к использованию угроз и санкций, в том числе против союзников. Причиной такого поведения США, как представляется, является

---

²⁹ Грэм Т. Китай — Россия — США: отношения и стратегические треугольники // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 62–72.

возрастающая неуверенность в своих силах, объективное снижение их веса в мире, растущие элементы неоизоляционизма, идеологичность мышления, пронизанного неолиберальными догмами, включая политику «смены режимов».

Имеет ли шансы стратегический треугольник возродиться? В принципе это не исключено, но на сей раз это больше зависит от Москвы и Пекина. Если им удастся своими действиями убедить (принудить) Соединённые Штаты вернуться к политике компромиссов, взаимовыгодных договорённостей и практике мирного сосуществования, тогда есть вероятность новой «разрядки». Обе столицы не раз за последние годы демонстрировали свою готовность сесть с Вашингтоном за стол переговоров и вести диалог. Тем опаснее агрессивный идеологический крен, который испытывает политическое мышление в США, лишаящий их способности к прагматизму и реализму во внешней политике. Они, судя по всему, убеждены в том, что смогут заставить две других державы действовать исключительно в соответствии с американскими интересами, тем самым не оставляя Москве и Пекину выбора, кроме как продолжать ускоренное стратегическое сближение. Очевидно, свою роль играет и фактор геронтократии в политическом истеблишменте Соединённых Штатах. Полицентризм движется к конфигурации, в которой нарастает противостояние двухполюсного Запада (США — ЕС) и двухполюсного Востока (Китай — Россия), вокруг которых расположен «манёврирующий мир» — наследник Движения неприСоединения.

По сути, до недавнего времени Вашингтон недооценивал способность Москвы оказывать серьёзное воздействие на систему международных отношений, что опровергалось её действиями в 2008 г. в Закавказье, в 2014 г. после государственного переворота в Киеве, и с 2015 г. в сирийском кризисе. Опосредованное противостояние России и Соединённых Штатов вышло на новый уровень в 2022 г., когда Москва взвинтила ставки. Со своей стороны, США, НАТО и ЕС после начала специальной военной операции на Украине открыто стали вести против России полномасштабную прокси-войну. Возвращение к концепции баланса и равновесия сил вряд ли будет возможно, пока урон от конфронтации с Москвой и Пекином не будет признан неприемлемым для США и их союзников. Это не означает, что у одной из сторон есть явное преимущество с точки зрения «стратегического терпения», — затягивание нормализации отношений больно бьёт по всем. Конфронтация на истощение является крайне недальновидной политикой, которая повышает вероятность прямого военного столкновения ядерных держав.

Глава 2. Британия как фактор мировой политики

К.А. Годованюк

С выходом из Европейского Союза правосубъектность Соединённого Королевства как актора мировой политики претерпела изменения. Ревизия статуса этого европейского государства, добровольно отказавшегося от членства в Европейском Союзе, привела к пересмотру его внешнеполитической стратегии. Обретя самостоятельность, которая была обозначена сторонниками выхода из Евросоюза как важнейшее завоевание брежневита, Лондон оказался в уникальном положении амбициозного международного игрока, рассчитывающего на укрепление собственных позиций на мировой арене, противопоставляя себя Брюсселю не только как субъекту международно-экономических отношений, но и мировой политики. В связи с этим возникли вопросы, в какой степени данные трансформации способны оказать влияние на отношения Британии с основными центрами силы, изменятся ли тренды мирополитических процессов, в том числе появится ли у Лондона возможность влиять на коллективную безопасность и систему союзов в зоне британских интересов.

Важнейший элемент британского внешнеполитического курса на современном этапе — акцент на самостоятельной акторности на мировой арене, что выражается как в процессе разработки внешнеполитической стратегии, так и способности обеспечить независимый внешнеполитический курс, отвечающий собственным национальным интересам.

Несмотря на то что со времен Вестфальского мира ключевым актором международных отношений считают суверенное государство, в научной литературе отсутствует его общепринятое определение¹. Более того, эксперты отмечают, что вследствие глобализации суверенитет государственных акторов приобрел условный характер². Одновременно теоретики-международники подтверждают, что появление новых игроков в мировой политике не меняет

---

¹ *White J.I.* A Critical Reflection on Sovereignty in International Relations Today. 2019. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/77392> (дата обращения: 04.06.2022).

² *Krasner S.D.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

того факта, что прерогативой государства по-прежнему остаётся обеспечение национальных интересов в сфере внешней политики, безопасности и обороны³. Британию после брекзита, безусловно, нельзя назвать новым субъектом международных отношений⁴, поскольку степень британских полномочий в области внешней политики, перенесённых на наднациональный уровень в рамках ЕС, была ничтожно малой. Однако, представляя себя самостоятельным игроком, который не зависит от решений, принимаемых в Брюсселе, Лондон постепенно корректирует своё поведение в соответствии с новым статусом. Это в первую очередь связано с заметно возросшей активностью страны в европейской и индотихоокеанской повестке.

Эксперты вполне обоснованно отмечают, что в последние десятилетия британские разработчики внешнеполитической стратегии тяготеют к неореалистской школе международных отношений⁵, что объясняет стремительно возросшее значение «жесткой силы» (безопасности и обороны).

Одновременно британская внешняя политика продолжает развиваться в логике неолиберальной парадигмы, которая предполагает продвижение ценностных императивов, свойственных «однополярному моменту»⁶ после окончания холодной войны. На этом

---

³ *Rosenau J.* Turbulences in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

⁴ Дискуссионным также остаётся вопрос, в какой степени государственные акторы утрачивают свою международно-политическую субъектность в составе интеграционного объединения. Это в большей степени зависит от того, можно ли считать Европейский Союз самостоятельным субъектом мировой политики. Данный вопрос составляет предмет научных дебатов российских и зарубежных европейцев. См., например: *Zielonka J.* The EU as an International Actor: Unique or Ordinary? // *European Foreign Affairs Review*. Volume 16, Issue 3 (2011). Pp. 281–301; *Rieker P., Tomine M., Giske E.* Conceptualising the Multi-Actor Character of EU (rope)'s Foreign Policy. Joint Research Paper, № 2, 2021. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/joint_rp_2.pdf; *Громыко Ал.А.* Субъектность Евросоюза — между атлантизмом и европоцентризмом // *Современная Европа*. № 4. 2021. С. 10–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>

⁵ *Roth A.I.* Structural Neorealism and the British Case. In: *Leadership in International Relations*. New York: Palgrave Macmillan. 2010. Pp. 17–39. URL: https://doi.org/10.1057/9780230113534_2

⁶ Об этом см.: *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1990-01-01/unipolar-moment?utm_medium=newsletters&utm_source=fa100&utm_content=20220723&utm_campaign=FA%20100_072222_The%20Unipolar%20Moment&utm_term=fa-100 (дата обращения: 01.08.2022).

фоне интерес представляют попытки Соединённого Королевства продвигать международные инициативы, направленные на сохранение своего доминирующего положения и коалиции стран-единомышленников, а также стремление сохранить статус-кво западноцентричной системы международных отношений с акцентом на права человека и принципы либерального миропорядка.

С учётом правительственной стратегии «Глобальная Британия», провозглашённой в марте 2021 г.⁷, важнейшим аспектом внешнеполитического анализа становится географическое распределение британских интересов. На фоне усиливающейся конкуренции в мировых делах Лондон стремится сконцентрировать свои усилия на Евро-Атлантическом (фактор геополитики) и Индо-Тихоокеанском (фактор морской силы) регионах, как наиболее перспективных областях проецирования своего международного влияния в условиях структурных изменений международной среды и глобального миропорядка.

Ревизия международной роли: поиск новой концепции и фактор международной среды

Потеря статуса глобальной державы с окончательным распадом колониальной империи в середине XX в. привела к перманентному поиску Великобританией альтернативной международной роли. Политические элиты предлагали для этого различные формулировки, стремясь не просто подчеркнуть амбиции страны, но и создать «бренд» Британии на мировой арене⁸. В периоды премьерства лейбористов Дж. Каллагэна (1976–1979) и Т. Блэра (1997–2007) было распространено представление о Лондоне как о «трансатлантическом мосте» между Европой и Америкой. Кабинет Г. Брауна (2007–2010) исходил из возможности страны выполнять роль глобального экономического хаба, а консерватор Д. Кэмерон (2010–2016) позиционировал Британию сетевым государством (*Networked*

⁷ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 01.08.2022).

⁸ Годованюк К.А. «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности // Современная Европа. 2020. № 6. С. 181–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020181190>

State), ставя во главу угла задачи развивать партнёрства с быстро-растущими экономиками мира, в том числе со странами БРИКС⁹.

После крупнейшего внешнеполитического поражения во время Суэцкого кризиса в 1956 г. британская внешняя политика в течение шести десятилетий демонстрировала скромные дипломатические успехи, постепенно перейдя в разряд средней державы в рамках европейской интеграции. Фактически речь шла о балансировании дипломатических усилий на двух уровнях: построении «особых отношений» с США и поддержании статуса особого члена ЕС¹⁰. Несмотря на то что Британия в этих «геополитических тисках», казалось, нашла замену имперскому статусу, британские эксперты регулярно писали, что страна с каждым годом теряет своё международное влияние¹¹.

Попытки Лондона последних десятилетий выйти с крупными международными инициативами, которые должны были задавать новые тренды в мировой политике, вряд ли можно назвать успешными. Так, в апреле 1999 г. премьер-министр Великобритании Т. Блэр, выступая в Чикагском экономическом клубе, сформулировал основные принципы доктрины международного сообщества (*Doctrine of the International Community*), главной новеллой которой стала концепция гуманитарной интервенции¹². Инициатива была апробирована коалицией западных союзников в ряде военных конфликтов, что обернулось провальной для политических элит этих стран, в том числе самой Британии, войной в Ираке (2003). Вторжение в Афганистан (2001) и последовавший через 20 лет вывод войск окончательно дискредитировали попытки стран Запада

---

⁹ Britain's Foreign Policy in a Networked World. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/britain-s-foreign-policy-in-a-networked-world--2> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁰ *Gamble E.* Between Europe and America: The Future of British Politics. New York: Palgrave Macmillan, 2003. При этом долгое время Британию считали «трудным партнёром ЕС», учитывая её стремление получить особые привилегии внутри европейской интеграции и нежелание передавать полномочия на наднациональный уровень. Особая евроскептическая культура, свойственная определённой части политического истеблишмента, стала одной из главных предпосылок для проведения в Соединённом Королевстве второго референдума о членстве в ЕС 2016 г. (первый референдум по вопросу членства в ЕЭС состоялся в 1975 г.).

¹¹ *Hill C.* The Future of British Foreign Policy: Security and Diplomacy in a World after Brexit. Cambridge: Polity Press, 2019.

¹² *Freedman L.* Force and the international community: Blair's Chicago speech and the criteria for intervention International Relations 2017. Vol. 31 (2) 107–124. DOI: 10.1177/0047117817707395

«демократизировать» зарубежные общества. Британия не смогла привнести значимые позитивные изменения в мировую политику, в том числе под дискуссионным лозунгом «этической внешней политики», предложенным «новыми лейбористами» в 1997 г.¹³

С 2010 г. коалиционный Кабинет консерваторов и либеральных демократов стремился к «отчётливо британской внешней политике» в попытке сделать «отношения с США партнёрскими, но не раблепными». Такие намерения многие восприняли как возможность снизить влияние фактора Вашингтона в британской внешней политике. Однако кризисный период в отношениях России и коллективного Запада, начавшийся весной 2014 г. в связи с событиями на Украине, продемонстрировал, что выбранный Лондоном курс сдерживания РФ в наибольшей степени согласован с позицией Вашингтона. На волне политических разногласий между Москвой и Брюсселем явно просматривались амбиции Великобритании выступить в качестве регионального лидера в ЕС и в НАТО.

В эпоху постбрекзита¹⁴ британские элиты продолжили поиск значимого нарратива как для внутренней, так и внешней аудитории, который бы отражал не только новый статус страны, но и её обновлённую роль на мировой арене. Если ранее эксперты выражали недовольство, что британскую внешнеполитическую стратегию сдерживает «лингвистическая смирительная рубашка», которая не позволяла адекватно трансформировать её цели и методы в стратегию¹⁵, то после 2016 г. появился шанс отказаться, как казалось многим, от инерционного мышления. Однако заявка британских политических элит о преобразовании прежней внешнеполитической доктрины в концепт о «Глобальной Британии» на первом этапе стала источником острых дискуссий не только в силу своей незавершённости, но и очевидной аналогии с идеями неоимпериализма¹⁶.

¹³ Robin Cook's speech on the government's ethical foreign policy. URL: <https://www.theguardian.com/world/1997/may/12/indonesia.ethicalforeignpolicy> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁴ См. подробнее: Британия после брежневского / Отв. ред. К.А. Годованюк // ДИЕ. Москва: Институт Европы РАН, 2021. № 386. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386

¹⁵ *McCourt D.* 'Rethinking Britain's role in the world for a new decade: the limits of discursive therapy and the promise of field theory', *British Journal of Politics and International Relations* 13: 2, 2011, pp. 145–164.

¹⁶ См., например: *Годованюк К.А.* «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности // Современная Европа. 2020. № 6. С. 181–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/sovereurope62020181190>

Сразу после брекзита, который юридически состоялся 31 января 2020 г., правительство начало работу над Комплексным обзором безопасности, обороны, развития и внешней политики. По словам самих разработчиков, он стал «крупнейшим со времён окончания холодной войны пересмотром внешнеполитических целей»¹⁷. С этим совпала повсеместная разбалансировка постбиполярной системы международных отношений, которая возвела стратегический выбор в разряд фундаментальных вопросов британского внешнеполитического планирования. Дискуссионным остаётся вопрос, что послужило основным импульсом для переосмысления британской стратегии. Эксперты полагают, что, учитывая обязательства правительства регулярно пересматривать стратегию национальной безопасности¹⁸, уже после того, как была обнародована предыдущая редакция Стратегического обзора в 2015 г., Кабинет должен был задуматься о новой стратегии к 2020 г. С другой стороны, не стоит недооценивать значение брекзита и изменение ключевых трендов мировой политики, которые, несомненно, спровоцировали пересмотр внешнеполитических целей.

Авторы нового Комплексного обзора поставили ряд амбициозных задач: определить, какую роль будет играть Лондон на международной арене в предстоящем десятилетии, сформулировать подходы к основным трендам мировой политики, понять, какие ресурсы и институциональные реформы необходимы¹⁹. Комплексный характер новой стратегии был обусловлен тем фактом, что авторы стремились привлечь во внимание различные аспекты международной политики, в том числе обороны, безопасности и содействия развитию в рамках предложенной ещё в 2018 г. доктрины смешанной безопасности (*Fusion Doctrine*)²⁰. Руковод-

---

¹⁷ In Search of Strategy. The 2020 Integrated Review: Government Response to the Committee's First Report of Session 2019–21. URL: <https://committees.parliament.uk/publications/3145/documents/29278/default/> (дата обращения: 30.04.2020).

¹⁸ В 2010 г. Стратегию было решено обновлять каждые пять лет, что должно было совпадать с электоральными циклами.

¹⁹ Аналитическое сопровождение при подготовке Обзора оказал специальный советник премьер-министра по вопросам безопасности Дж. Бью, который возглавляет центр «Большой стратегии» Королевского колледжа в Лондоне, автор идеи о возрастающей роли Realpolitik в современных международных отношениях. *Bew J. Realpolitik. A History.* Oxford University Press, 2016.

²⁰ Секретарь по национальной безопасности Британии М. Сэдвилл предложил новый дизайн управления вопросами национальной безопасности, объединив межведомственную координацию и планирование по вопросам экономики, безопасности, социальной политики и пр.

ствуясь, среди прочего, идеями оптимизации административных и финансовых ресурсов, в сентябре 2020 г. правительство, например, упразднило Департамент международного развития, передав его функции в ведение Форин-офиса. Эта реформа должна была, с одной стороны, повысить статус и влияние внешнеполитического ведомства в структуре правительства, а также оптимизировать бюджет, предусмотренный на выполнение международных задач.

Трансформация британской внешней политики в новых условиях предопределена не только прекращением членства в Европейском Союзе. Не меньшее влияние имеют глобальные сдвиги в системе международных отношений. Именно поэтому на современном этапе поиск новой роли вряд ли можно считать абстрактной задачей для Британии, а скорее ответом на изменения международной среды. Следовательно, крайне важное значение приобретут связи с ключевыми центрами силы, которые определяли контуры международной системы, к которой была адаптирована британская стратегическая мысль.

Известно, что ставка на «особые отношения» с США со второй половины прошлого века была краеугольным камнем внешней стратегии Лондона. После брекзита связка с Вашингтоном стала вопросом экзистенциального выживания Британии как глобального актора. При этом в период администрации Д. Трампа и его повестки *America First* отношения между государствами определяли противоречия по ряду международных вопросов (Иран, климат и пр.), что заметно осложняло международное планирование²¹. Ещё во время предвыборной кампании в ноябре 2020 г. Дж. Байден сформулировал новую установку: «Америка возвращается и готова быть мировым лидером»²².

Признание американоцентричной парадигмы современных международных отношений, которая позволяет обеспечить единственно верную динамику развития мировой политики, стало стратегической максимой Лондона. Исходя из этих соображений, Британия воспринимает поиск рычагов влияния на систему международных отношений и механизм альянсов (в связке с Вашингтоном), адаптированных под собственные интересы, важнейшей задачей обеспечения собственной правосубъектности. Это, в свою

---

²¹ См. подробнее: *Годованюк К.А.* «Особые отношения» США и Великобритании на современном этапе: противоречия и перспективы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 3. С. 63–80.

²² US election 2020: 'America is back', says Biden as he unveils team. URL: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-55057751> (дата обращения: 25.05.2022).

очередь, является важной предпосылкой для выполнения Лондонской ключевой роли в поддержании либерального международного порядка. В этой связи особое значение приобрела система новых форматов, учитывая дезинтеграцию с Европейским Союзом.

В 2020 г. премьер-министр Великобритании Б. Джонсон выдвинул идею расширить Группу семи (G7), включив в неё Австралию, Индию и Южную Корею для координации политики в отношении технологических цепочек 5G. Позднее идея создания коалиции Десяти демократий (D10) приобрела идеологический оттенок, трансформировавшись в попытку создать широкую коалицию ведущих демократий как оплот «противодействия растущему авторитаризму во всем мире»²³. Получило популярность и предложение британского премьер-министра Б. Джонсона, которое дополнило идею президента Дж. Байдена о Саммите демократий. Однако позднее от стран G7, в частности Франции, Германии и Италии, прозвучали опасения по поводу расширения Группы семи. Япония и вовсе высказала протест против включения Южной Кореи. Не получив консенсусного одобрения на саммите 2021 г. в Корнуолле, предложение постепенно ушло из политического дискурса²⁴.

В декабре 2021 г. на смену идее о создании клуба D10 пришла ещё одна британская инициатива «Глобальной сети свободы» (*The Global Network of Liberty*). Это предложение высказала глава

---

²³ Первоначально отдел политического планирования Государственного департамента США предложил создать D10 как стратегический форум «полуторного трека» под эгидой Атлантического совета (американского аналитического центра). В 2008 г. возникла инициатива объединить лиц, занятых в политическом планировании в странах-союзниках Вашингтона на пространстве Атлантического и Тихого океанов, для организации стратегического диалога по вопросам глобальных вызовов. Предполагалось, что D10 будет выступать как платформа для стратегического сотрудничества, которая позволит США и странам-единомышленникам в продвижении общих интересов и ценностей. Впервые Стратегический форум D10 прошел в Оттаве в 2014 г. Позже именно в Атлантическом совете предложили расширить G7, включив в её состав Австралию, Южную Корею и, возможно, Индию. Предполагалось, что новый формат D10 станет своеобразным наблюдательным советом (Steering Committee) для демократических стран, которые будут продвигать «порядок, основанный на правилах». URL: <https://www.atlanticcouncil.org/programs/scowcroft-center-for-strategy-and-security/global-strategy-initiative/democratic-order-initiative/d-10-strategy-forum/> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁴ The D10 Initiative and Japan: Options for Expanding the Coalition of Democracies. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00729/> (дата обращения: 10.06.2022).

Форин-офиса Л. Трасс в своей первой крупной внешнеполитической речи в *Chatham House* в декабре 2021 г.²⁵ Как и предыдущее предложение, новая инициатива дополнила концепцию «Глобальной Британии», однако с некоторыми модификациями.

Во-первых, инициатива о «сети свободы» сфокусирована на установлении в первую очередь торговых и экономических связей со странами, которые разделяют интересы Британии. Такая идея напрямую пересекается с первоначальной установкой на расширенную сеть свободной торговли как сердцевину «Глобальной Британии».

Во-вторых, акцент на экономических перспективах, связанных с новой инициативой, рассматривается как крайне важный индикатор успеха внешнеполитической линии в других регионах²⁶. При этом внутренняя поддержка международного курса помогает обосновать попытки укрепить позиции Великобритании в южной части Тихого и Индийского океанов в рамках объявленного «поворота в Индо-Тихоокеанский регион». Этот вопрос вызывает многочисленные дискуссии как среди экспертов, так и в общественном мнении, поскольку ИТР вряд ли можно назвать «домашним» регионом для Соединённого Королевства.

В-третьих, новая международная коалиция не ограничивает круг стран, а предлагает расширенное толкования термина «демократия», заменяя его на «свободный мир». В частности, глава МИД Л. Трасс признала, что «не все потенциальные партнёры по противодействию китайской угрозе являются либеральными демократиями»²⁷. Более разнообразная коалиция с меньшим акцентом на идеологии, включающая также перспективы расширения экономических связей, выглядит более привлекательной и для потенциальных союзников Лондона.

В целом ряде заявлений британских политиков были конкретизированы цели новой инициативы. Так, выступая в Институте Лоуи в Австралии в январе 2022 г., Л. Трасс отметила, что Британия стремится построить «глобальную сеть свободы» с тем, чтобы противодействовать угрозам междуна-

²⁵ Building the Network of Liberty: Foreign Secretary's speech. 8 December 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretary-liz-truss-building-the-network-of-liberty> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁶ UK Public Opinion on Foreign Policy and Global Affairs Annual Survey – 2022. URL: <https://bfpq.co.uk/wp-content/uploads/2022/06/BFPG-UK-Opinion-Report-June-2022.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).

²⁷ Ibid.

родной безопасности²⁸. В апреле 2022 г. в очередном выступлении на банкете лорда-мэра глава Форин-офиса уточнила, что «глобальная сеть свободы» – важнейший элемент британской политики, направленной на построение «более тесных глобальных альянсов»²⁹. Это, в свою очередь, является одним из трёх направлений новейшей международной стратегии страны, которая включает также укрепление военной мощи и экономической безопасности.

В стремлении занять лидирующие международные позиции Лондон поставил цель защищать основы либерального миропорядка. Хрестоматийная отсылка британских политиков к словам В.В. Путина о том, что «западная модель либерализма исчерпала себя» прозвучала в интерпретации Л. Трасс как предостережение, что «некоторые [страны] намерены установить эру авторитаризма» в международных отношениях. Британия, по мнению главы Форин-офис, всегда готова брать на себя риск (*risk taker*) в противодействии странам, нарушающим правила.

Главный акцент в британской стратегии сегодня сделан на «возвращение геополитики», которая на «определённый период после окончания холодной войны» перестала быть определяющим элементом межгосударственных отношений.

В условиях стремительно меняющейся системы международных отношений, разбалансировки прежних союзов и фрагментации западного единства усиление роли Лондона в обеспечении безопасности на широких геополитических пространствах является не только предметом обеспечения политических и геоэкономических интересов, но и вопросом удержания международного престижа и влияния. При этом Евро-Атлантика как «домашний регион» остаётся главным приоритетом Лондона, где британский истеблишмент стремится продвигать свою собственную повестку, направленную на обеспечение безопасности и поддержание неолиберальных принципов демократии.

---

²⁸ «Building a global network of liberty». Address by the Rt Hon Elizabeth Truss MP. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/building-global-network-liberty-address-rt-hon-elizabeth-truss-mp> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁹ The return of geopolitics: Foreign Secretary's Mansion House speech at the Lord Mayor's 2022 Easter Banquet. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/foreign-secretarys-mansion-house-speech-at-the-lord-mayors-easter-banquet-the-return-of-geopolitics> (дата обращения: 01.06.2022).

Европейский регион: парадокс регионального лидерства

Европейская повестка «Глобальной Британии» представляет собой парадоксальное сочетание двух взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, Лондон стремится выстроить новую политику, которая бы выходила за рамки региональной повестки и подтверждала тезис о том, что после брекзита страна смотрит за пределы Евросоюза/Европы, ведёт самостоятельную политику как глобальный центр силы. С другой стороны, Британия демонстрирует желание развивать политику нового континентализма, то есть утвердиться в роли самостоятельного игрока в Европе, способного определять европейскую повестку.

Динамика отношений Британии с континентальной Европой со второй половины XX в. определялась традиционным прагматизмом и желанием извлечь максимальные преимущества из особого статуса в рамках европейской интеграции. Присоединение к ЕЭС в 1973 г. означало «двойное поражение» Лондона. Во-первых, упадок британской экономики в начале 1970-х гг. заставил обратить внимание в первую очередь на успешно развивающийся интеграционный проект в Европе; во-вторых, разочарование в собственной инициативе альтернативного интеграционного процесса (Европейской ассоциации свободной торговли) привёл Лондон к пересмотру отношения к ЕЭС. В конечном итоге, присоединившись к европейскому проекту, Великобритания обернула прежние неудачи в привилегии своего особого статуса, активно пользовалась на протяжении более 40 лет возможностью влиять на общеевропейскую повестку. При этом британское руководство осознавало, что влияние страны в мире, и особенно в глазах Вашингтона, тесно связано с членством в ЕС³⁰. Обратная сторона медали состояла в том, что многие внутри Евросоюза считали Британию «тройным конем» США, который стремился замедлить европейскую интеграцию, особенно в оборонной политике.

Исход референдума о членстве в ЕС в 2016 г. продемонстрировал уязвимость геостратегического мышления Британии, которое подспудно стремилось выбирать между Вашингтоном и Брюсселем. Брекзитеры, отталкиваясь от идеи национализма, пытались строить самостоятельную суверенную внешнюю политику, однако явные стратегические изъяны выхода из Европейского Союза потребовали стратегической компенсации.

---

³⁰ *Stephens P.* Britain Alone: the Path From Suez to Brexit. London: Faber & Faber, 2021.

Изначально брекзитеры указывали на выход из ЕС как освобождение от Брюсселя, а значит, новая политика вновь стала идеологическим вызовом интеграционной концепции на европейском пространстве. Британский истеблишмент сравнивал Европейский Союз с тюрьмой, а решение о брекзите некоторые даже называли новым днём независимости. Министр иностранных дел Дж. Хант (2016–2017) сравнивал ЕС с СССР, который не позволяет странам-членам покидать его самостоятельно, отсюда заявление о брекзите как о законном праве быть несогласными (*a right to disagree*). При этом стремление быть несогласными с Брюсселем Лондон уже на этапе постбрекзита интерпретировал как возможность выстраивать отношения с отдельными европейскими игроками напрямую, минуя Брюссель. Именно в такой политике Британия видела компенсацию геостратегических издержек.

В силу географической близости европейский вектор остаётся важнейшим и самым очевидным направлением британской внешней политики. По словам Б. Джонсона, Британия, технически покинувшая Евросоюз, остаётся европейской страной «не по международному договору, а в силу неопровержимого факта географии»³¹. При этом потеря влияния на «европейскую повестку» остаётся серьезным вызовом для британской политики.

На первом этапе постбрекзита дилемма стратегического планирования Лондона заключалась в том, как объединить особый атлантический курс и европейскую повестку, а также какую роль Соединённое Королевство могло бы играть в трансатлантическом треугольнике Вашингтон – Брюссель – Лондон. Позднее особенностью европейской повестки Британии стал конкурентный характер взаимодействия с Евросоюзом, что в большей степени создало напряжённость в отношениях со странами ядра ЕС.

Великобритания отмежеввалась от институтов Общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза, оставив открытым вопрос о том, как взаимодействовать с институтами по вопросам международной и региональной повестки. Сегодня единственно возможный для Соединённого Королевства вариант – двустороннее взаимодействие с европейскими странами на национальном уровне или в малых группах. При этом в британском Комплексном обзоре национальной безопасности Париж и Берлин отмечены

---

³¹ PM speech in Greenwich: 3 February.2020 // Prime Minister's Office, 10 Downing Street. 03.03.2020. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020> (дата обращения: 01.06.2022).

в качестве ключевых европейских партнёров. Соединённое Королевство стремится влиять на франко-германский тандем, а следовательно, ищет возможности влиять на европейскую внешнюю политику вне институциональных механизмов.

Площадка «Европейской тройки» (Париж — Берлин — Лондон) могла бы предоставить Британии возможность дипломатического манёвра³². Однако в Париже и Берлине, в свою очередь, понимают, что отход от европейских институтов в пользу неформальных площадок может привести к фрагментации европейской внешней политики. Транзакционный подход Лондона как самостоятельного игрока к отношениям со странами ЕС особенно противоречит интересам Франции, заинтересованной в сплочении Европейского Союза и создании общеевропейских каналов, по которым можно было бы влиять, в том числе на позицию Соединённого Королевства. Президент Франции Э. Макрон сразу после брекзита предложил Британии определиться с будущей моделью внешней политики: «Нужно выбирать, будет ли она лучшим другом США, ЕС или “новым Сингапуром”»³³.

Осложнение отношений со странами ядра ЕС стало естественным следствием тех условий, в которых Британия начала пересмотр приоритетов. Триггером для осложнения британо-французского диалога стал трехсторонний военно-политический союз Австралии, Британии и США (AUKUS), вследствие которого Париж потерял контракт на строительство 12 подводных лодок для Канберры на сумму 36,5 млрд долл. США. Летом 2022 г. кандидат в премьер-министры и глава МИД Л. Трасс заявила, что в Лондоне пока нет понимания, является ли Э. Макрон другом Британии³⁴. Жёсткую риторику в отношении стран ядра можно объяснить стремлением вовлечь европейские страны в общезападный консенсус на принципах атлантизма, приемлемых для Лондона.

³² См. подробнее: *Годованюк К.А.* Новый формат отношений Британии и ЕС: вызовы постбрекзита // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 4 (30). С. 54–70.

³³ ‘Half-pregnant is not a concept’: UK should decide who its allies are, says Macron. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2021/jan/30/half-friends-is-not-a-concept-uk-should-decide-who-its-allies-are-says-macron> (дата обращения: 25.05.2022).

³⁴ ‘Serious problem’ if France and UK can’t tell if they’re friends or enemies, says Macron. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/26/serious-problem-if-france-and-uk-cant-tell-if-they-are-friends-or-enemies-says-macron-liz-truss> (дата обращения: 30.08.2022).

Согласно новой британской стратегии национальной безопасности, Евроатлантика считается приоритетной сферой интересов, что должно подтвердить тезис о том, что именно европейская безопасность является зоной прямой ответственности Соединённого Королевства³⁵. Если первые два года после брекзита (в 2020–2021 г.) Британия вела поиск значимой для себя европейской повестки дня, где доминировали сложные переговоры о выходе из ЕС и попытки определить новый формат отношений с Брюсселем, то с 2022 г. Британия сместила фокус внимания на возросшую военную угрозу в Европе в широком контексте и свою особую роль в обеспечении европейской безопасности.

В сфере оборонного сотрудничества Лондон ещё до брекзита избрал формат малых групп или двусторонних соглашений как наиболее перспективный и максимально отвечающий его интересам. Так, Британия возглавляет Объединённые экспедиционные силы быстрого реагирования, куда вовлекла Швецию и Финляндию, предвосхитив их решение вступить в НАТО. К настоящему времени в данной инициативе участвуют 10 стран (в 2021 г. присоединилась Исландия). Соединённое Королевство председательствует в Северной группе — форуме для сотрудничества в области безопасности и обороны, куда входят скандинавские страны, Польша, Германия, Нидерланды, страны Балтии и Финляндия.

В 2018 г. Британия присоединилась к французской Европейской интервенционной инициативе, наращивает военное сотрудничество с Норвегией по линии НАТО, в том числе в рамках своей арктической политики. Укрепляет позиции в Средиземном море (рассматривает возможность военного соглашения с Испанией в части урегулирования вопросов вокруг базы в Гибралтаре), наращивает оборонное сотрудничество с Италией.

В июне 2021 г. была подписана совместная британо-германская декларация о координации внешней политики и безопасности, на базе согласованного ранее в 2018 г. совместного видения по целям внешней политики. В 2017 г. министры обороны Британии и Нидерландов подписали совместный документ, констатирующий наличие общего видения по вопросам обороны. В июне 2021 г. ВМС Нидерландов присоединились к британской авианосной группе, которая провела манёвры в Средиземном море, а поз-

---

³⁵ *Ананьева Е.В., Годованюк К.А.* Стратегия национальной безопасности Великобритании // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. № 5 (235). С. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021>

же – в Индийском океане, в Южно-Китайском море и у берегов Японии. При этом ни формат «Европейской тройки» (Британия, Париж, Берлин), ни расширенный Диалог по безопасности Quad с США, Францией и Германией на данном этапе не открывает перед Лондоном больших перспектив для расширения своего влияния в Европе, учитывая конкуренцию со стороны других стран ЕС с ярко выраженным атлантическим курсом.

В течение 2021 г. статус страны-председателя Группы семи позволял Лондону ощущать своё дипломатическое преимущество и согласовывать международную линию со странами-единомышленниками. В 2022 г. фактором объединения западного единства выступила специальная военная операция России на Украине. На этом фоне Британия сместила фокус своего внимания на периферию ЕС.

В географическом разрезе интерес для Лондона представляет Центральная Европа на Восточном фланге НАТО (страны Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы), где сдерживание «российской угрозы» становится главным обоснованием британского присутствия. Если в начале 2022 г. Британия анонсировала намерение создать тройственный альянс с Польшей и Украиной как площадку для продвижения общей политики в сфере военной, экономической и информационной безопасности, то поздние усилия Лондона были направлены на создание коалиций для противостояния «военной агрессии России». В частности, создан альянс Британии, Нидерландов и Канады для координации оказания гуманитарной, экономической и оборонной поддержки Украине. Аналогичный проект Лондон запустил с Польшей и Румынией, распространяя своё влияние на приграничные с Украиной страны, а также прибалтийские государства. Особое внимание Британия уделяет странам Вишеградской группы по сотрудничеству в кибербезопасности, противодействию российской «дезинформации», снижению энергетической зависимости от Москвы.

Интерес Лондона, как и Вашингтона, состоит в сопряжении международных повесток с Брюсселем и отказе последнего от европейской стратегической автономии. Координация усилий по поддержке Украины между странами-единомышленниками и противодействие Москве выступает главным объединяющим элементом для коллективного Запада и основной повесткой дня британской политики в Европе.

В стратегической коммуникации, планировании и продвижении внешней политики на европейском направлении Британии после брежневского периода можно выделить следующие принципы:

- игнорировать ЕС как самостоятельного актора и усиливать координацию политики в рамках Группы семи и внутри трансатлантической четверки (Лондон, Париж, Берлин и Вашингтон);
- укреплять влияние внутри Североатлантического альянса и позиционировать себя в качестве самостоятельного игрока на евроатлантическом пространстве;
- отказаться от роли моста между Вашингтоном и Брюсселем, утверждая себя в качестве самостоятельного центра принятия решений (или координации) в Евроатлантике.

Однако для утверждения новой роли возникает потребность определить приоритеты в отношении не только Брюсселя, но и Пекина. После брекзита Британия пока отказывается от «особых отношений» с Брюсселем, который, однако, был для Лондона своеобразным геополитическим щитом от излишнего влияния США. На данном этапе Лондон обрёл лишь иллюзию стратегической автономии в Европе («суверенный атлантизм»³⁶), пытаясь выстраивать свою самостоятельную повестку с оглядкой на Вашингтон.

Индо-Тихоокеанский регион: казус внерегионального лидерства

Можно выделить несколько факторов, которые определяют интерес Лондона в отношении Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), или как всё чаще говорят, «Индо-Пацифики». Среди них: стремление вывести повестку «Глобальной Британии» за пределы европейского региона, укрепить связи с США в ИТР, который обозначен зоной геостратегических интересов Вашингтона, а также продвигать собственную торговлю в Индо-Пацифике с учётом усилившегося американо-китайского противостояния.

Объявленный «разворот в ИТР» Британия представляет как естественное возвращение в регион «к Востоку от Суэца», где она располагает неоспоримым преимуществом в виде исторических связей со странами Содружества, бывшими колониями, а также

---

³⁶ Годованюк К.А. Внешняя политика «Глобальной Британии»: особенности «суверенного» атлантизма // Современная Европа. 2021. № 6. С. 30–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620213041>

странами с общей англосаксонской идентичностью, в частности с Австралией³⁷.

При этом Индо-Тихоокеанский регион интересен и для всего Североатлантического альянса, о чем неоднократно говорила глава британского МИД Л. Трасс: «Не стоит разделять безопасность Евроатлантики и Индо-Пацифики»³⁸. Выступая от лица союзников по Альянсу, британская дипломатия призывала сделать выбор в пользу «глобальной НАТО», курс на которую впоследствии был подтверждён на саммите Альянса в Мадриде в июне 2022 г.

Любопытно, что ещё в 2020 г. Л. Трасс на посту министра международной торговли интерпретировала роль Соединённого Королевства в ИТР с другими акцентами: «Атлантику и пространство Тихого океана объединит сеть торговых соглашений, а Британия составит её сердцевину»³⁹.

Руководство Соединённого Королевства в том числе рассчитывало, что после брекзита страна не просто выйдет за пределы Евро-Атлантического региона, но будет формировать политические и экономические альянсы с демократиями в Азиатско-Тихоокеанском регионе (присоединится, например, к всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве — СРТПП). Одновременно значение ценностного компонента во внешней политике Великобритании, в частности, дискурс о правах человека, продвижение международной системы, основанной на правилах, заметно усилился.

В целом, отказываясь от очевидной роли моста между Брюсселем и Вашингтоном в рамках курса на «Глобальную Британию», Лондон сделал более амбициозную заявку на роль моста между Атлантическим и Тихим океанами, где серьёзно усложнились связи и конкуренция между региональными и внерегиональными игроками. При этом Лондону на данном этапе важно демонстрировать своё формальное присутствие и привязку к военно-политическим альянсам, не вовлекаясь в конфликты в регионе.

³⁷ См. подробнее: *Годованюк К.А.* Фактор Австралии во внешней политике Британии // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 35–47. DOI: 10.31857/S0869049922020034. – EDN EUZGAJ.

³⁸ NATO Public Forum session on NATO in an era of great power competition: Foreign Secretary's remarks. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/nato-public-forum-panel-session-nato-in-an-era-of-great-power-competition> (дата обращения: 20.07.2022).

³⁹ См. подробнее: *Годованюк К.А.* «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности // Современная Европа. 2020. № 6. С. 181–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/sovereurope62020181190>

Делая ставку в том числе на свои военно-технические возможности, Лондон стремился продемонстрировать присутствие в регионе в 2021 г., развернув там ударную группу во главе с флагманом Королевского флота авианосцем «Куин Элизабет». В политическом дискурсе и в стратегических документах Великобритании эти манёвры были представлены главным образом как символ «поворота» в Индо-Тихоокеанский регион и практическая реализация «Глобальной Британии» (авианосная группа посетила более 40 стран, в том числе Индию, Австралию, Сингапур, Южную Корею, Японию и пр.).

Для укрепления позиций Лондона в ИТР особое значение приобрёл «австралийский фактор». Оформленный осенью 2021 г. трёхсторонний пакт по безопасности между Австралией, Великобританией и США (AUKUS) фактически создал предпосылки для долгосрочного присутствия Британии в ИТР. Договорённости предполагают углублённое взаимодействие в сфере обмена военными разработками и технологиями, а также координацию оборонного и дипломатического сотрудничества. На первом этапе стороны окажут содействие Австралии в строительстве восьми атомных подводных лодок, в связи с чем в ноябре 2021 г. было подписано соглашение о передаче соответствующих ядерных технологий Канберре⁴⁰. Следующим этапом трёхстороннего сотрудничества станет совместная работа над гиперзвуковым оружием⁴¹. Соглашение об AUKUS нацелено на дальнейшее вовлечение Австралии, с подачи Британии и США, в гонку вооружений в регионе и будущее сдерживание КНР.

С учётом изменений не только роли Британии в мировой политике, но и самих мирополитических процессов и усиления глобальной конкуренции, вовлечение Лондона в такие альянсы (на правах ближайшего союзника Вашингтона) позволит ему продвигать имидж страны, способной активно воздействовать на союзников и удерживать реноме глобального игрока, который задаёт тон не только в европейской повестке, но и способен влиять на расклад сил в ИТР.

---

⁴⁰ UK/Australia/USA: Agreement for the Exchange of Naval Nuclear Propulsion Information [MS No.8/2021]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/australia-usa-agreement-for-the-exchange-of-naval-nuclear-propulsion-information-ms-no82021> (дата обращения: 15.03.2022).

⁴¹ AUKUS Leaders' Level Statement: 5 April 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/aukus-leaders-level-statement-5-april-2022> (дата обращения: 08.04.2022).

При этом связи с Индией наглядно продемонстрировали пределы дипломатических возможностей Лондона. Пытаясь выстроить партнёрские оси в ИТР на основе дихотомии «демократия-ревизионизм» и акцентируя внимание на роль Нью-Дели в международных делах (в первую очередь как противовес КНР, а также возможный союзник в сдерживании России), Британия не смогла заручиться должной поддержкой Индии в санкционном давлении на Москву в марте 2022 г.⁴² Дискуссионная ставка Лондона на бывшую колонию в целях укрепления позиция в ИТР в целом, как и попытки Британии подвести ценностную базу под британо-индийские отношения, а также включение Нью-Дели в новые альянсы, могут оказаться затруднительными⁴³.

Главный парадокс британского участия в ИТР — противоречивые отношения Лондона с Китаем. Курс в отношении Пекина до сих пор не оформлен в стратегическом документе. Внутривнутриполитические дискуссии о будущем британо-китайского диалога в самой Великобритании и, в частности, внутри правящей Консервативной партии продолжают даже на фоне того, что в Комплексном обзоре национальной безопасности Китай объявлен стратегическим конкурентом Лондона⁴⁴.

Главным драйвером британского вовлечения в дела региона остаётся желание участвовать в формировании контуров новой архитектуры безопасности, что может оказать существенное воздействие на союзников, в том числе по НАТО и Европе. В случае усиления противоречий США и европейских стран по вопросу Китая, Лондон будет стремиться обеспечить единство ближайших союзников, чтобы выступать с единых позиций стран-единомышленников в возможном противостоянии с «ревизионистскими» державами, к которым Лондон относит Москву и Пекин.

При этом у Британии пока не получилось проявить себя в качестве регионального лидера, учитывая нарастающий комплекс британо-китайских противоречий, а также сдержанное отношение

---

⁴² Liz Truss's India visit made awkward by presence of Russian counterpart. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2022/mar/30/liz-truss-india-visit-narendra-modi-russia-sergei-lavrov> (дата обращения: 08.04.2022).

⁴³ См. подробнее: *Годованюк К.А.* Индия в британской внешней политике: вызовы для партнёрства либеральных демократий // Азия и Африка сегодня. 2021. № 9. С. 49–55. DOI: 10.31857/S032150750015442-8

⁴⁴ *Годованюк К.А.* Китайская дилемма Соединённого Королевства // Европейская аналитика 2019 / Отв. ред. К.Н. Гусев. М.: ИЕ РАН: СПб.: Нестор-История, 2019. С. 73–82. DOI: 10.15211/978-5-98163-143-6.09

к британскому влиянию в регионе, несмотря на попытки Лондона представить себя историческим союзником региональных держав.

Заключение

Включение Британии после выхода из ЕС в новую мирополитическую реальность происходило на фоне изменений в международной среде, что ещё острее поставило вопрос о поиске для Лондона новой роли.

Великобритания после брекзита позиционирует себя главным лоббистом не только свободной торговли, но и продвижения принципов неолиберальной модели международных отношений. В условиях острого соперничества глобальных держав и процессов деглобализации Британия стремится использовать дезинтеграцию как отправную точку построения новой системы международных связей и альянсов на основе качественно новых принципов. Среди них: общее видение системы и логики развития международных отношений, общая оценка угроз, исходящих от ревизионистских государств, продвижение американоцентричной системы международных отношений, лоббирование мини-альянсов и неформальных союзов с единомышленниками.

При этом в среднесрочной перспективе влияние Лондона на основные мировые тренды политики будет ограниченным в силу комплементарной роли по отношению к американской стратегии и усилившегося атлантизма. Ещё одним ограничителем остаётся объективно ослабленная роль Лондона в европейской политике, осложнение отношений со странами ядра ЕС, а также имиджевые издержки от брекзита. В то же время Великобритания предполагает, что увеличение оборонных расходов, восстановление морских боевых групп на базе авианосцев и модернизация ядерного арсенала позволят ей выйти в разряд ключевых мировых игроков, которые будут способны влиять на макрополитические процессы.

Сегодня Соединённое Королевство и Евросоюз не располагают механизмом, который бы позволял им совместно координировать международную повестку. Репутационные потери Британии после выхода из ЕС ограничивают возможность влиять на общеевропейскую внешнюю политику. С другой стороны, позиционируя себя самостоятельным актором международных отношений, свободным от правовых обязательств в рамках структур ЕС, Соединённое Королевство делает ставку на мини-форматы для реше-

ния отдельных вопросов с европейскими странами, что усиливает фрагментацию европейского пространства.

Координацию антироссийской политики с европейскими странами Британия продолжила бы при любом исходе выборов лидера Консервативной партии, а также в случае досрочных парламентских выборов или победы оппозиции. Главным козырем нового правительства Соединённого Королевства, сформированного после отставки Б. Джонсона, остаётся способность согласовывать с союзниками антироссийскую политику в условиях специальной военной операции РФ на Украине. Премьер-министр Л. Трасс планировала до конца 2022 г. внести изменения в Комплексный обзор национальной безопасности с целью «гарантировать, что дипломатические и военные возможности, а также архитектура безопасности Великобритании соответствуют возрастающим угрозам, исходящим от враждебных стран». Нет оснований сомневаться, что поддержку официального Киева и противодействие Москве продолжит и Кабинет Р. Сунака при любом сценарии завершения спецоперации. Усилия Лондона будут направлены на затягивание конфликта, дискредитацию России на международных площадках и её экономическое истощение за счёт наращивания санкционного давления. При этом Британия демонстрирует свою полную солидаризацию с внешней стратегией США, нацеленной на сохранение собственных доминирующих позиций в мировой политике.

В сложившихся условиях Британия на стратегическом уровне не может выступать самостоятельным центром принятия мирополитических решений.

Глава 3. Европейские подходы к пандемии

М.В. Ведерников

Пандемия коронавируса COVID-19, несмотря на растиражированный образ «внезапного катаклизма», парализовавшего жизнедеятельность человека, к чему мир не был готов, покажется вполне обыденным явлением, если посмотреть на него сквозь оптику истории. Прошлое, начиная с самого момента его фиксации в хрониках, документах и литературных произведениях, демонстрирует множество примеров борьбы народов с инфекциями, природа появления которых была неведома и устрашающа для обывателя. Несмотря на значительный прогресс в медицине, страх перед болезнью у современного человека и, например, жителя средневековой Флоренции, спасавшегося от чумы, был по своей природе одинаков, сопровождаясь некоторыми эсхатологическими мотивами и желанием изолироваться от другой части общества. Изоляция вне зависимости от достигнутого человеком прогресса в науке и технике всегда была самым действенным способом борьбы с заболеванием.

Необходимо напомнить, что за время существования мировой цивилизации были зафиксированы сотни эпидемий. Американский исследователь У. Макнил в своей работе «Эпидемии и народы» указывал: «Инфекционные заболевания... будут существовать столько же, сколько существует само человечество, и определённо будут оставаться, как и раньше, одним из фундаментальных параметров и предопределяющих факторов человеческой истории»¹. Более того, добавляют ученые, «ничто не убивало больше людей, чем вирусы, бактерии и паразиты, вызывающие болезни»². Не претендуя изначально на громкое название «пандемия», эти вспышки неизвестных заболеваний получали широкое освещение в исторических источниках. Так, наиболее отдалённая от нашего времени задокументированная эпидемия случилась в 430–426 гг. до н.э.

---

¹ Макнил У. Эпидемии и народы. М.: Университет Дмитрия Пожарского: Русский фонд содействия образованию и науке, 2021. С. 422.

² Россия и мир во время и после пандемии COVID-19: вызовы и возможности / Под редакцией Е.С. Вылковой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2020. С. 17.

в античных Афинах. Наиболее смертоносная зафиксирована в 1332–1353 гг. в Европе, в ходе которой, по подсчётам исследователей, погибло от 100 до 200 млн человек — около половины всего населения региона. На территории России, которая вплоть до эпохи Петра I находилась в изоляции от европейских торговых потоков и избегала активных культурных связей с государствами Старого Света, самая крупная эпидемия произошла в 1770–1771 гг. в Москве. Акцент на факте обособленности России от более развитого мира и относительно поздней фиксации события не случаен. Так, хронисты и историки, бравшиеся за освещение ужасов неизведанных болезней, всегда делали акцент на их привозном характере. Греческий автор Фукидид в «Истории Пелопонесской войны», описывая упомянутую выше афинскую болезнь, указывал, что «она зародилась в Эфиопии, перекинулась на Египет и затем распространилась по Персидскому царству»³. Современники «чёрной смерти» XIV в. и т.н. «прилипчивой болезни» в XVIII в. в России также сообщали, что заболевания попали к ним с Востока и не имели эндемического характера. Таким образом, факт неизбежности проникновения любой серьёзной болезни в Европу при её появлении за её пределами подтверждается историческими данными.

К 2020 г. такие сугубо медицинские термины, как «карантин, вакцина, пандемия» через популярную культуру глубоко проникли в массовое сознание западного общества и вестернизированной части азиатского социума и стали его неотъемлемой частью. Несколько столетий назад обрамляющим сюжетом «Декамерона» Д. Боккаччо становится эпидемия чумы 1348 г. Многие популярные фильмы, книги и видеоигры в XXI в., как важный элемент культуры постмодерна, изображают наступление апокалипсиса ввиду заражения человечества неведомой вирусной болезнью. Многомиллионная аудитория по всему миру благосклонно воспринимала подобный контент и делала запрос на продолжение его производства⁵. В свою очередь, на более узкую аудиторию, но более

³ Антонов А.А. Афинская чума в «Истории» Фукидида // Медицина и организация здравоохранения. 2020. № 3. С. 58.

⁴ В 1348 г. татарский хан Джаныбек, осадивший генуэзскую крепость Кафу (современная Феодосия), с помощью катапульта забрасывал туда трупы людей, умерших от чумы. Когда среди генуэзцев начался мор, они покинули город на судах и разнесли лёгочную чуму по Европе. См.: «Чёрная смерть». К загадкам пандемии чумы 1346–1351 гг. URL: <https://www.supotnitskiy.ru/stat/stat9.htm> (дата обращения: 08.09.2021).

⁵ Самой популярной видеоигрой начала 2000-х гг., по мнению профильных изданий, стала игра *The Last of Us*, а одним из наиболее долгих

влиятельную, рассчитаны доклады мировых аналитических центров, которые прогнозировали наступление пандемического кризиса. Так, в работе, подготовленной под руководством П. Шварца в 2010 г., достаточно детально описывалось наступление ситуации, схожей по характеру и этапам развития с той, которая разразилась в начале 2020 г.⁶

Что касается текущего столетия, то за первые два десятилетия нашего века мировое сообщество уже сталкивалось с глобальными заболеваниями, за которыми следовало объявление режима пандемии. Прежде всего речь идет о «свином гриппе» (H1N1), который впервые обнаружили в Мексике в 2009 г., откуда он распространился по всем континентам. Тогда масштабы вирусной инфекции были относительно небольшими, что, впрочем, не предотвратило многочисленные человеческие жертвы⁷. Начавшись почти внезапно, вирус также быстро исчез в 2010 г., что побудило международные здравоохранительные организации дополнять существующие регламенты и дорожные карты для предотвращения подобных ситуаций и минимизации потерь в случае их наступления в будущем.

В ответ на вспышку H1N1 Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) опубликовала в 2009 г. документ «Готовность к пандемическому гриппу и ответные меры»⁸. В нём отражены рекомендации по изменению законодательной базы для подготовки к возможному возникновению пандемической ситуации⁹. Вскоре Еврокомиссия выступила с заявлением, призвав страны-члены ЕС «усилить на уровне ЕС координацию общего планирования подготовки к чрезвычайным ситуациям в области общественного здравоохранения». В то же время отмечалось, что «каждое государство обладает правом принимать особые меры, которые являют-

---

телесериалов — картина *The Walking Dead*. Подобных примеров в современной культуре насчитывает сотни, если не тысячи.

⁶ Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation. May 2010. P. 18. URL: https://www.academia.edu/43023323/Scenarios_for_the_Future_of_Technology_and_International_Development (дата обращения: 08.09.2021).

⁷ Согласно данным ВОЗ, в период 2009–2010 гг. было зафиксировано 18,5 тыс. случаев заражения «свиным гриппом» с летальным исходом.

⁸ Этот документ является дополненной версией документа 1999 г., доработанного в 2005 г. с учётом опыта борьбы с «птичьим гриппом». См.: Pandemic influenza preparedness and response: a WHO guidance document. World Health Organization. 2009. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/44123> (дата обращения: 13.05.2021).

⁹ Ibid. P. 17.

ся наиболее эффективными в ходе пандемии в контексте национальной правовой среды»¹⁰. Ещё ранее, в 2004 г., под воздействием трансграничного распространения атипичной пневмонии (SARS) на уровне Евросоюза был создан Европейский центр профилактики и контроля заболеваний (*European Centre for Disease Control and Prevention, ECDC*), перед которым ставилась задача информировать медицинских экспертов государств ЕС о рисках, связанных с вероятными вирусными инфекциями. Впрочем, несмотря на годовой бюджет в 58 млн евро и штат в 300 человек, аналитики отмечали отсутствие у этой структуры реального влияния и слабую заинтересованность отдельных стран в её работе¹¹.

Ввиду того, что политика в области здравоохранения в ЕС регулируется на национальном уровне, каждая страна разработала собственный документ, в котором описана процедура противодействия пандемии. Важно отметить, что в момент начала распространения COVID-19 в 2020 г. все государства ЕС уже имели одобренный план действий¹². Базируясь на рекомендациях ВОЗ, он тем не менее существенно отличался в проработке деталей, распределении функций и обязанностей конкретных ведомств и министерств, допустимости проведения тех или иных мероприятий. Вариативность реагирования на вызов пандемии, отраженная в этих документах, проявилась в ходе первых дней распространения коронавируса, когда страны начали действовать самостоятельно, не проявляя солидарности в отношении друг друга, не координируя действия и обеспечивая безопасность только собственных граждан. Наибольшую критику со стороны Брюсселя вызвало решение Хорватии, Чехии, Венгрии, Польши и Эстонии¹³ закрыть

---

¹⁰ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Pandemic (H1N1) 2009 {SEC(2009) 1188} {SEC(2009) 1189} {SEC(2009) 1190} {SEC(2009) 1191} {SEC(2009) 1192} /* COM/2009/0481 final */ / Commission of the European Communities, 2009. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52009DC0481&from=en> (дата обращения: 13.05.2021).

¹¹ *Beaussier A., Cabane, L.* Strengthening the EU's Response Capacity to Health Emergencies: Insights from EU Crisis Management Mechanisms. *European Journal of Risk Regulation*. 2020. Vol. 11. No 4. P. 808–820. DOI: 10.1017/err.2020.80

¹² Influenza pandemic preparedness plans. European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/seasonal-influenza/preparedness/influenza-pandemic-preparedness-plans> (дата обращения 13.05.2021).

¹³ *Потёмкина О.Ю.* Европейский союз: ограничение передвижения граждан как средство борьбы с COVID-19 // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020.

пограничные переходы и госграницы, тем самым нарушив один из фундаментальных принципов Евросоюза, а именно – право на свободу беспрепятственного передвижения товаров, людей и услуг. В то же время необходимо отметить, что в рекомендациях ВОЗ 2017 г. указывалось, что организация не препятствует государствам устанавливать особые меры, связанные с торговлей и поездками, в случае если их введение позволяет обеспечить ослабление напряжения, вызванного распространением болезни¹⁴.

Чёткое следование принятым ранее на национальном уровне инструкциям можно увидеть на примере Великобритании и Чехии. Так, в британском антипандемическом плане отмечалось, что «правительство ни при какой пандемии не планирует закрывать границы, ограничивать массовые собрания и устанавливать контроль над общественным транспортом»¹⁵. Выражалось предостережение, что закрытие границ поставит под угрозу снабжение населения продовольствием, медикаментами и другими товарами¹⁶. Как итог, спустя несколько недель безуспешной борьбы с COVID-19 британские власти, сделавшие ставку на формирование у населения коллективного иммунитета, поняли ошибочность выбранной стратегии и поспешили объявить локдаун (23 марта 2020 г.) и ограничить приток въезжающих на территорию государства, не отменив, однако, международные авиарейсы. Объяснялось это тем, что 90-процентное ограничение воздушного сообщения могло отсрочить усиление пандемической волны лишь на одну-две недели, а практически полный запрет на полеты – только на два месяца.

В свою очередь, Чехия, которая одной из первых приняла решение о прекращении сухопутного передвижения с окружающими её странами, введя режим чрезвычайного положения ещё 13 марта, в своем «Плане по борьбе с пандемией» от 2011 г. указывала на возможность ограничения международных перевозок и установления контроля на границах¹⁷. Несомненно, благодаря этим шагам чехи

№ 197. С. 4. DOI: 10.15211/analytcs142020

¹⁴ Pandemic Influenza Risk Management. World Health Organization. May 2017. P. 11. URL: https://www.who.int/influenza/preparedness/pandemic/PIRM_update_052017.pdf (дата обращения: 13.05.2021).

¹⁵ UK Influenza Pandemic Preparedness Strategy. Department of Health. 2011. P. 57. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/213717/dh_131040.pdf (дата обращения: 13.05.2021).

¹⁶ Ibid. P. 38.

¹⁷ Pandemic Plan of the Czech Republic. Ministerstvo zdravotnictví ČR. 18.10.2011. P. 29, 37. URL: <https://www.mzcr.cz/pandemicky-plan-ceske-republiky/> (дата обращения: 13.05.2021).

предотвратили широкое распространение вируса в ходе первой волны пандемии. В свою очередь, страны, которые не имели чётко прописанной позиции в отношении вопроса границ, действовали исходя из складывающейся эпидемиологической ситуации.

Прогнозы экспертов накануне пандемии сводились к перспективе вспышки нового вируса в неблагополучных районах мира, прежде всего в Африке. Подобные опасения были связаны с разразившейся ранее в 2014 г. эпидемией Эболы в западноафриканских странах, которая, по мнению группы авторитетных медиков, вновь подтвердила наличие разрыва в уровне здравоохранения развитых стран Запада и государств Чёрного континента¹⁸. Авторы опубликованного за несколько месяцев до начала пандемии «Глобального индекса безопасности в сфере здравоохранения» (октябрь 2019 г.) с опасением констатировали отсутствие стран, полностью готовых к эпидемиям и пандемиям, и указывали на необходимость формирования новых механизмов финансирования борьбы с такими болезнями. Отмечалось, что только 5% из них могли предотвратить наступление чрезвычайной ситуации или блокировать её при появлении реальной угрозы (наиболее подготовленными считались США, Британия и Нидерланды)¹⁹. Однако, как показали события 2020 г., эти государства оказались среди лидеров по количеству заражённых: Соединённые Штаты в мире в целом, а Соединённое Королевство – в Европе.

Таким образом, пандемия показала, что уязвимость стран перед заболеванием не увязывалась исключительно с финансированием сферы здравоохранения, и многое зависело от сопутствующих факторов. Обеспеченные государства могли предоставить своим гражданам должное лечение и уход, но не сохранить им жизнь или обезопасить от самого заражения. Сложные системы национального здравоохранения, отлаженные для работы в нормальных условиях, давали сбой, что подталкивало к нестандартным вариантам функционирования госуправления.

---

¹⁸ Heymann D.L., Lincoln C., Takemi K. Global health security: the wider lessons from the West African Ebola virus disease epidemic // *Lancet*. 2015. Vol. 385. P. 884. URL: <https://www.thelancet.com/action/showPdf?pii=S0140-6736%2815%2960858-3> (дата обращения: 13.05.2021).

¹⁹ 2019 Global Health Security Index. Johns Hopkins Bloomberg School of Public Health. October 2019. URL: <https://www.ghsindex.org/wp-content/uploads/2020/04/2019-Global-Health-Security-Index.pdf> (дата обращения: 13.05.2021).

Национальные практики борьбы с COVID-19

В обстановке неопределённости первых дней пандемии, когда борьба с ней проходила только в государствах Азии (первые данные о вспышке появились 31 декабря 2019 г.), европейские эксперты достаточно легкомысленно оценивали угрозу проникновения COVID-19 на территорию Евросоюза. Об этом уверенно заявляли представители ECDC. В докладе от 22 января, посвящённом ситуации в китайском городе Ухань, они отмечали низкую вероятность распространения инфекции в Европе²⁰, ссылаясь на опыт предшествовавших инфекций, прежде всего «свиного гриппа» и Эболы. 14 февраля на встрече министров здравоохранения в Брюсселе они же заверяли, что ЕС имеет в наличии необходимые ресурсы для проведения тестирования, которое рассматривалось как главное условие предотвращения расширения инфекции. Основное опасение у них вызывала Африка, где при населении в три раза превышающем европейское, действовали только две лаборатории для проведения необходимых медицинских исследований. Показателен пример распределения средств из первого крупного пакета помощи, который 24 февраля 2020 г. инициировала Еврокомиссия. Из 232 млн евро 144 млн были направлены в ВОЗ для поддержки стран со слабой системой здравоохранения, 15 млн – для помощи государствам Африканского континента в борьбе с вирусом, 100 млн евро – на срочные исследования вируса внутри ЕС, 3 млн евро – на репатриацию граждан ЕС из китайского Уханя²¹.

Впрочем, в очень скором времени Европе пришлось перехватить у Азии «первенство» по количеству заболевших и летальных исходов. Говоря о причинах возникновения крупного очага коронавируса в Старом Свете, необходимо остановиться на механизмах его распространения, которые учёным теперь очевидны. *Во-первых*, вирус ударил вначале по богатым странам мира, жители которых часто путешествовали за границу. *Во-вторых*, не обнаружено существенной корреляции между плотностью населения и заболеваемостью, но её зависимость от уровня урбанизации чётко прослеживалась. *В-третьих*, заболеваемость и смертность

---

²⁰ *Herszenhorn D.M., Wheaton S.* How Europe failed the Coronavirus test // Politico. 07.04.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/coronavirus-europe-failed-the-test/> (дата обращения: 13.05.2021).

²¹ COVID-19: EU working on all fronts, €232 million for global efforts to tackle outbreak. European Commission. 24.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_316 (дата обращения: 06.04.2022).

не связаны с уровнем развития системы здравоохранения в той или иной стране. В-четвёртых, на ранней стадии пандемии заслон на пути её распространения возникал там, где существовали определённые нормы культуры и образ жизни, демонстрирующие «атомизацию» общества (например, в Японии). В-пятых, гомогенные общества, наподобие польского или чешского, были более устойчивы к преодолению пандемии в отличие, например, от британского или французского с их большими мигрантскими сообществами, представители которых к тому же пренебрежительно относились к ограничительным мерам. В этой связи неудивительно, что страны ЕС, демонстрирующие высокий уровень жизни, находящиеся в центре логистических, туристических потоков, в местах с транспортной доступностью, с высоким уровнем урбанизации и наличием крупных мигрантских групп, оказались наиболее подвержены распространению коронавирусной инфекции²².

Осознание масштабов угрозы к властям ЕС пришло в конце февраля, когда были зафиксированы смертельные случаи. С этого момента ECDC активно начал работу по выпуску рекомендаций по кризисному управлению, призывая соблюдать социальную дистанцию, проводить массовое тестирование, отслеживать контакты с заболевшими и др.

Такая запоздалая реакция ECDC, который и раньше не пользовался большим авторитетом в глазах национальных правительств, вкуче с отсутствием обязательной юридической силы его рекомендаций, приводили к тому, что государства ЕС не координировали свои действия в области общественного здравоохранения. Несомненно, для формирования разных подходов в борьбе с коронавирусом имела значение изначально продемонстрированная позиция ведущих представителей ЕС, прежде всего председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен. 26 февраля, несмотря на убедительные сигналы с Апеннинского полуострова, она оценивала риски пандемии как «низкие или умеренные» (на тот момент в ЕС было 275 подтверждённых случаев, 8 погибших). Стараясь следовать обозначенному в начале своего председательства курсу на придание Еврокомиссии более «геополитического» характера, она указывала на необходимость в первую очередь «оказания помощи третьим странам». Брюссельские чиновники не исключали, что

---

²² Kolosov V.A., Tikunov V.S., Eremchenko E.N. Areas of Socio-Geographical Study of the COVID-19 Pandemic in Russia and the World // Geography, Environment, Sustainability. 2021. Vol. 14. No. 4. P. 110. DOI: 10.24057/2071-9388-2021-09

вы вспышки коронавируса ограничатся несколькими государствами, и инфекция не проникнет вглубь континента.

Несомненно, такая риторика контрастировала с ситуацией на местах, где национальные системы здравоохранения начали сталкиваться с возрастающим количеством инфицированных и умерших. Игнорирование проблем Италии, которая столкнулась с нехваткой необходимого медоборудования и медикаментов, отказ в оказании ей своевременной помощи, вело, с одной стороны, к осознанию опасности коронавируса для европейцев, отсутствия предрасположенности азиатов к этой болезни²³, с другой — к пониманию того, что надеяться можно было только на национальные ресурсы и системы здравоохранения.

Впрочем, пренебрежительное отношение Еврокомиссии и лично У. фон дер Ляйен к коронавирусу на начальном этапе во многом объяснялось тем, что лидеры европейских государств делали ставку на предотвращение повторения миграционного кризиса, вероятность которого в феврале — марте 2020 г. была высока²⁴. Брюссель, под впечатлением событий 2015 г., делал упор на решение тех проблем, последствия от которых просчитывались и были наглядны.

В кризисной ситуации государства проявляли свойства, которые длительное время находились в тени из-за относительно благополучной ситуации, когда ничто не ставило под угрозу тысячи жизней граждан. Ранее неоднозначные установки европейских государств на устроение контроля, на усиление экономического протекционизма под предлогом защиты государственного суверенитета становились лейтмотивом принимаемых решений на национальном уровне. В результате менялась структура экономики, нарушались устоявшиеся социальные связи, ограничи-

---

²³ В феврале — марте 2020 г. в ЕС были зафиксированы неоднократные проявления нетерпимости по отношению к представителям азиатских этнических групп. Так, опрос 300 китайцев, проживающих в Нидерландах, в марте 2020 г. показал, что почти половина респондентов (49%) в последнее время сталкивалась с проявлением расизма. Цит. по: *Егоров А., Петровский А.* Социально-экономические проблемы стран ЕС в начальный период пандемии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 52—59. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-52-59

²⁴ В конце февраля — начале марта 2020 г. Турция поставила под сомнение ранее заключённое соглашение с ЕС, согласно которому Анкара обязывалась размещать на своей территории сирийских беженцев в обмен на финансовую помощь. Возникла опасность возобновления их нерегулируемого потока в Европу.

вались права граждан²⁵. В зависимости от уровня развития политических институтов и степени зрелости гражданского общества страны по-разному использовали новую ситуацию. В начале пандемии общим рефреном в рассуждениях экспертного сообщества стало то, что все государства стали уходить в себя, пытаться действовать самостоятельно. Американский профессор Н. Бернс отмечал, что «если Евросоюз не сумеет оказать целенаправленную помощь своим 500 млн граждан, национальные правительства в будущем отнимут у Брюсселя многие полномочия»²⁶.

Ведущее место в решении кризиса заняли национальные правительства. Все предшествующие попытки по интернационализации биополитики оказались безуспешными и неэффективными. То, как государства настроили механизмы борьбы с глобальной болезнью, служит своего рода лакмусовой бумажкой, отражающей положение той или иной страны на шкале защиты национальных интересов и продвижения базовых ценностей. Общим для европейских стран стало проявление «национальных эгоизмов». Германия 4 марта 2020 г. запретила экспорт средств индивидуальной защиты, а Франция ограничила экспорт медицинского оборудования. Д. Конте, премьер-министр Италии, страны, первой испытавшей на себе злобредность коронавируса, отмечал в те дни, что «весь европейский проект рискует потерять смысл своего существования в глазах наших граждан»²⁷. Президент Чехии М. Земан констатировал: «Пандемия совершенно точно ослабит Евросоюз. Она продемонстрировала неспособность ЕС к координационным действиям»²⁸. Между тем И.М. Бусыгина считает, что «способность к координации зависит не только от скоординированных действий институтов Евросоюза (прежде всего генеральных директоров Комиссии), но и в не меньшей степени от готов-

---

²⁵ Силаев Н.Ю., Проценко Н.П. Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу // Международная аналитика. 2020. № 1. С. 11–26. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-1-11-26

²⁶ How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // Foreign Policy. 20.03.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 29.09.2022).

²⁷ Coronavirus: Italian prime minister fears EU could collapse because of pandemic // Independent. 09.04.2020. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/coronavirus-italy-giuseppe-conte-prime-minister-testing-eu-a9456996.html> (дата обращения: 06.04.2022).

²⁸ Президент Чехии заявил, что пандемия показала неспособность ЕС к координации. 05.04.2020. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panogama/8166359> (дата обращения: 06.04.2022).

ности стран-членов прикладывать усилия для координации своих действий с институтами ЕС»²⁹.

При всей хаотичности событий первой половины 2020 г., можно систематизировать практики борьбы с COVID-19, обозначив три группы европейских стран в зависимости от модели их поведения. В первую входят государства Западной и Северной Европы (Австрия, Германия, Франция, Ирландия, Бельгия, Люксембург, Финляндия) с развитой экономикой, высоким уровнем поддержки членства в ЕС и высокой интенсивностью интеграционных связей в рамках Единого внутреннего рынка³⁰. Значительный уровень экономического развития этих стран коррелировал с состоянием системы здравоохранения, её финансированием и несогласием местных властей вводить ограничения на передвижение внутри ЕС «из-за сильных взаимосвязей»³¹. Свою роль играли и идейно-ценностные установки ЕС, принципы евроинтеграции. В эту же группу стоит отнести и некоторые государства Южной Европы — прежде всего Италию и Испанию. Несмотря на то что они не справились с первоначальным накатом пандемии из-за раздробленности системы местного здравоохранения, для них свойственны высокая поддержка евроинтеграции и существенные расходы в области здравоохранения на уровне выше среднего по ЕС.

Эти страны объединяет схожая линия поведения в начале пандемии, которая заключалась в откладывании строгих ограничительных мер (запрет на проведение массовых мероприятий, закрытие школ, магазинов, передвижение внутри страны), что привело к существенному росту числа тяжелобольных инфицированных (преимущественно среди граждан преклонного возраста) и возникновению проблем с их госпитализацией и лечением. В Италии строгие меры были инициированы спустя 12 дней после фиксации первой смерти от коронавируса (22 февраля), общенациональный карантин введён через 17 дней. Упорно этой тактики придерживалась и Франция, которая, после нескольких умерших 3 марта,

---

²⁹ Бусыгина И.М., Чекаленко А. Проблемы координации в Европейском Союзе в период пандемии COVID-19 // Политическая наука. 2022. № 2. С. 76. DOI: 10.31249/poln/2022.02.04

³⁰ Борко Ю.А. Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции / Расширение Европейского Союза и Россия. Под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко. М.: ИЕ РАН, 2006. С. 33.

³¹ Plan national de prévention et de lutte “Pandémie grippale”. Octobre 2011. P. 23. URL: https://solidarites-sante.gouv.fr/IMG/pdf/Plan_Pandemie_Grippale_2011.pdf (дата обращения: 13.05.2021).

ждала введения всеобщей изоляции ещё две недели, хотя пример Италии был уже у всех на виду. Более того, 15 марта в стране состоялись муниципальные выборы, проведение которых шло вразрез с рекомендациями ВОЗ о запрете массовых мероприятий³². Эти страны подвело «превратное понимание сущности демократии», её абсолютизация в условиях, когда требовались жёсткие меры³³.

Вторая группа представлена государствами, которые не входят в «политическое ядро евроинтеграции». Речь идёт прежде всего о странах ЕС-11, которые стали частью Евросоюза в ходе пятой и последующих волн расширения (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словения, Словакия, Хорватия, Чехия и Эстония). К этой группе можно отнести Грецию, Кипр и Мальту. Паттерн их реакции на пандемию характеризуется тем, что строгие ограничительные меры были введены до фиксации здесь первых умерших или сразу же после их регистрации. В Чехии режим чрезвычайного положения стал действовать с 12 марта, а первая смерть от вируса зафиксирована 22 марта; соответственно в Словакии — 15 марта и 30 марта, в Хорватии — 17 и 18 марта; в Венгрии — 11 марта одновременно.

Форсированные меры по борьбе с коронавирусом, в отличие от западных соседей, позволили им в самом начале избежать значительных человеческих жертв и относительно успешно преодолеть первую волну пандемии. Отечественные специалисты И. Кобринская и Б. Фрумкин находят объяснение в их «низком уровне глобализации, относительной экономической и пространственно-демографической периферийности региона». Они добавляют, что страны ЦВЕ «слабее интегрированы в международные торгово-производственные цепочки вне рамок ЕС, имеют меньше прямых экономических связей с Китаем»³⁴. Непосредственной причиной действий правительств стран ЦВЕ был низкий объём финансирования сферы здравоохранения в сравнении с развитыми странами ЕС. О.В. Петровская приводит сведения о том, что в 2017 г. в дан-

---

³² *Ghanchi A.* Adaptation of the National Plan for the Prevention and Fight Against Pandemic Influenza to the 2020 COVID-19 Epidemic in France // *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*. 2020. № 6. P. 805–807. DOI: 10.1017/dmp.2020.82

³³ *Энтин М.Л.* Безальтернативный характер развития ЕС // *Современная Европа*. 2020. № 3. С. 28. DOI: 10.15211/soveurope420202536

³⁴ *Кобринская И., Фрумкин Б.* Центральнo-Восточная Европа в международных процессах «пост-COVID-19» // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. № 2. С. 80.

ную отрасль во Франции было направлено почти в 9 раз больше средств (236,358 млрд евро), чем в Польше (27,756 млрд), и в 25 раз больше, чем в Румынии (9,671 млрд евро)³⁵. Осознавая, что доля бюджетных средств, выделяемая на медицину, у всех стран ЕС-11 была ниже среднего общеевропейского показателя в 9,9% (наиболее высокий показатель 8,2% – у Словении, наиболее низкий – 5,2% – у Румынии), местным политикам требовалось предотвратить развитие ситуации по итальянскому сценарию (нехватка больничных коек, дефицит медикаментов и аппаратов ИВЛ).

В обстановке неготовности к глобальным вызовам наиболее действенным методом, как показал пример Китая и предшествующий исторический опыт, было установление чрезвычайных ограничительных мер. Среди стран ЕС в первой половине 2020 г. наиболее строго действовали хорватские власти, которые, проводя мероприятия, связанные с председательством их страны в Совете Европы, становились примером для партнёров³⁶. Впрочем, в информационном пространстве доминировали члены Вишеградской группы (Венгрия, Чехия, Словакия, Польша), которые приняли решение о синхронном закрытии государственных границ с соседями по Шенгенскому пространству, вызвав протест со стороны Брюсселя. Такое решение «четвёрки» связано с их опытом по борьбе с миграционным кризисом 2015 г.³⁷ Тогда они также не проявили солидарность с другими странами ЕС в распределении беженцев, что было истолковано Брюсселем как угроза основополагающим принципам объединения в угоду узконациональным интересам. В 2020 г. тема ослабления государственного суверенитета и необходимость его защиты стала вновь крайне актуальной. Впрочем, закрытие границ помогло лишь отсрочить пиковые показатели числа инфицированных, зафиксированные в ходе второй волны пандемии (октябрь 2020 г.), когда те же самые страны стали лидерами в антирейтингах по жертвам от COVID-19.

В третью группу входят Великобритания, Нидерланды и Швеция, которые с начала пандемии взяли курс на формирование

---

³⁵ *Петровская О. В.* Пандемия COVID-19 как индикатор раскола ЕС по оси Восток – Запад // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 5. С. 16–17.

³⁶ Coronavirus Government Response Tracker. Blavatnik School of Government; University of Oxford. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker> (дата обращения: 13.05.2021).

³⁷ *Шишелина Л. Н.* Вишеградская группа: четверть века по пути реформ // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 100. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-100-104

у местного населения коллективного иммунитета. Такой курс предполагал изоляцию лиц, находящихся в группе риска (пенсионеров и людей с хроническими заболеваниями), при предоставлении остальным жителям страны возможности переболеть коронавирусом и выработать групповую защиту перед инфекцией. Однако осложнение эпидемиологической обстановки и увеличение человеческих жертв заставили британские и голландские власти отказаться от такой тактики борьбы, оставив Швецию единственным примером проведения подобной неоднозначной политики. В Швеции за все время пандемии так и не был введён всеобщий карантин, население продолжало жить повседневной жизнью, хотя и рекомендовалось трудиться удалённо и соблюдать социальную дистанцию³⁸. Магазины и торговые центры, другие общественные заведения продолжали привычную работу. Шведский учёный С. Андерсон отмечает, что перед властями стояла задача не подавить распространение вируса путём введения ограничений, а смягчить и минимизировать последствия кризиса, которые могли впоследствии проявиться в социальной и экономической сферах³⁹. Шведская модель с самого начала не показала положительного эффекта и по сравнению со скандинавскими соседями испытывала затруднения в преодолении пандемии. Однако официальный Стокгольм не сходил с выбранного пути⁴⁰.

Типология страновых реакций на вызов пандемии на этапе её зарождения, когда не существовало достоверных сведений о летальности инфекции, то есть в момент неопределённости и высокого напряжения, даёт возможность оценить роль национальных государств в Европе. Как отмечает профессор МГУ имени М.В. Ломоносова А.П. Кочетков, их сила определяется характером реакции на вызовы глобализации, реальной готовностью к адекватному ответу и способностью мобилизовать необходимые решения глобальных проблем современности⁴¹. Наиболее сильно роль национального государства продемонстрирована во второй

---

³⁸ Плевако Н.С., Карлбек Х. Вирус и шведская модель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 123–124. DOI: 10.15211/vestnikieran22020123129

³⁹ Andersson S., Aylott N. Sweden and Coronavirus: Unexceptional Exceptionalism // Social Sciences. 2020. No. 12. P. 1. DOI: 10.3390/socsci9120232

⁴⁰ Скрипка И.Р. Борьба с COVID-19 в Норвегии и Швеции: анализ подходов и последствий // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 1. С. 118–125. DOI: 10.15211/vestnikieran12021118125

⁴¹ Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 70.

группе стран, прежде всего среди представителей Вишеградской «четвёрки». В их действиях отчётливо проявились следующие черты: 1) монополия на принуждение в отношении граждан; 2) право осуществлять внутреннюю политику в интересах всего общества; 3) исключительное право издания законов и правил, обязательных для всего населения.

Для первой группы государств характерна временная и частичная атрофия перечисленных свойств, упование на принципы, не работающие в кризисной ситуации. В дальнейшем при усугублении обстановки произошёл переход к тенденции на «возвращение государства». Власти осознали необходимость чередовать демократические и авторитарные методы госуправления для решения насущных общественных задач. В обозначенной модели можно говорить о более сильном проникновении инструментов координации политики со стороны наднациональных структур, не заинтересованных в усилении национального фактора.

Третий вариант — шведский путь — указывает на отказ властей от «монополии на принуждение» и апелляцию к ценностям. Впрочем, он, скорее, исключение (коронавирусная девиация) и возможен только в особых условиях, присущих этой скандинавской стране (высокий уровень развития гражданского общества, экономики и незначительная численность населения).

Коллективные практики преодоления последствий COVID-19

На начальном этапе пандемии ответ ЕС был невнятен и породил со стороны некоторых стран-участниц сомнения в способности Брюсселя координировать их действия. Представители национальных правительств исходили из того, что они лучше ориентируются в текущем положении дел у себя в стране, чем брюссельские бюрократы. Также на волне усиления скептического отношения к ЕС и подъёма т.н. коронанационализма и коронапопулизма неукоснительное подчинение его указаниям вызвало бы непонимание со стороны избирателя и потерю рейтинговых очков, поскольку в составе многих европейских правительств находились представители евроскептических и популистских партий⁴².

---

⁴² *Осколков П.В.* Популизм и корона: как пандемия влияет на правопопулистские партии Европы? // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020. № 198.

10 марта Еврокомиссия провела первый саммит, на котором были озвучены меры по противодействию коронакризису. Оценивая последующие шаги Брюсселя, исследователи высказывают полярные мнения. Итальянский ученый Е. Сальвати отмечает, что реакцию ЕС на пандемию в ходе первой волны можно охарактеризовать как существенно дифференцированную, состоящую из фрагментированных ответных мер, не связанных друг с другом на нескольких уровнях и между различными акторами⁴³. Английские авторы С. Вулф и С. Лади, наоборот, указывают на то, что коронакризис продемонстрировал как никогда прежде высокую способность Брюсселя адаптироваться к непредвиденным вызовам и ускоренное принятие решений⁴⁴. Российский учёный М.Л. Энтин утверждает, что «уроки пандемии и совместные действия по преодолению коронавирусной депрессии будут использованы для построения ЕС “нового поколения”, его консолидации и углубления интеграции»⁴⁵.

Действия ЕС начали приобретать осязаемое наполнение к концу марта – началу апреля. Выступая 26 марта на пленарном заседании Европарламента, У. фон дер Ляйен с пафосом констатировала, что «никто из нас не может справиться с пандемией в одиночку, и уж точно ни одно государство-член не может пройти через этот кризис самостоятельно. Потому что в этом кризисе, да и вообще в нашем Союзе, только поддерживая друг друга, мы можем помочь себе. Когда Европе действительно нужно было быть рядом друг с другом, слишком многие изначально заботились о себе... Сейчас же Европа делает шаг вперёд»⁴⁶. Первую крупномасштабную меру поддержки среди европейских институтов осуществил Европейский центральный банк, инициировавший чрезвычайную программу покупки облигаций (*Pandemic Emergency Purchase Programme, PEPP*), нацеленную на поддержание еврозо-

---

С. 1–6. DOI: 10.15211/analytics152020

⁴³ *Salvati E.* Crisis and Intergovernmental Retrenchment in the European Union? Framing the EU’s Answer to the COVID-19 Pandemic // *Chinese Political Science Review*. 2021. No 6. P. 10. DOI: 10.1007/s41111-020-00171-0

⁴⁴ *Wolff S., Ladi S.* European Union Responses to the COVID-19 Pandemic: adaptability in times of Permanent Emergency // *Journal of European Integration*. 2020. No 8. P. 1025–1040. DOI: 10.1080/07036337.2020.1853120

⁴⁵ *Энтин М.Л.* Указ. соч. С. 25.

⁴⁶ Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the European coordinated response to the COVID-19 outbreak. European Parliament. 26.03.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_532 (дата обращения: 06.04.2022).

ны. Программа РЕЕР изначально опиралась на бюджет в 750 млрд евро, в июне 2020 г. расширенный до 1,35 трлн, а в декабре — до 1,850 трлн евро⁴⁷.

26 марта состоялся виртуальный саммит Евросоюза, на котором было принято Совместное заявление членов Евросовета, обозначающее важность совместных действий по пяти направлениям⁴⁸. Говорилось о необходимости: 1) замедлить распространение вируса, не отказываясь от временного закрытия внешних границ и сохранения внутреннего пограничного контроля⁴⁹; 2) обеспечить системы здравоохранения необходимым медицинским оборудованием; 3) способствовать разработке вакцины против коронавируса (выделено 140 млн евро на 17 исследовательских проектов); 4) устранить социально-экономические последствия пандемии и 5) способствовать вызволению застрявших в третьих странах жителей ЕС.

Однако противоречия, возникшие в начале пандемии, когда Италия была брошена на произвол судьбы, вновь дали о себе знать. Группа стран (Бельгия, Франция, Люксембург, Португалия, Греция, Словения, Ирландия) во главе с Италией и Испанией, которые продолжали испытывать серьёзные трудности в борьбе с пандемией, выступила с инициативой выпустить «коронабонды». Этот финансовый инструмент позволил бы распределить риск между всеми странами ЕС путём объединения (*mutualisation*) долгов. Суть испанского предложения заключалась в создании особого фонда ЕС объёмом 1,5 трлн евро, из которого наиболее пострадавшие государства ЕС могли бы получать безвозвратные средства на преодоление последствий пандемии.

Однако столь далеко идущее предложение не встретило понимания, прежде всего со стороны ФРГ и Нидерландов. Как отмечает М.Л. Энтин, среди аргументов против обобществления долгов были: 1) нарастающая угроза глобального долгового кризиса

---

⁴⁷ 16 декабря 2021 г. Совет управляющих ЕЦБ принял решение прекратить покупку чистых активов в рамках РЕЕР в конце марта 2022 г. См.: Pandemic emergency purchase programme (PEPP). European central bank. URL: <https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/pepp/html/index.en.html> (дата обращения: 05.04.2022).

⁴⁸ Joint statement of the Members of the European Council. Council of the European Union. 26.03.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/43076/26-vc-euco-statement-en.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).

⁴⁹ Ранее, 17 марта было принято решение о закрытии внешних границ ЕС на 30-дневный срок. К концу марта 13 стран ЕС восстановили контроль на своих внутренних границах, что не равнозначно запрету передвижения людей через них.

и неподъёмный характер долговых обременений; 2) опасность утраты сильными экономиками своих базовых характеристик; 3) фактическое поощрение нахлебничества и безответственности экономически менее развитых государств-членов; 4) дальнейшее снижение управляемости ЕС из-за строптивости получателей помощи; 5) неприемлемость обобществления долгов для большинства налогоплательщиков⁵⁰. В свою очередь, в пользу обобществления приводились следующие доводы: 1) необходимость проявить подлинную солидарность со стороны сильных экономик; 2) объективная заинтересованность последних в союзе с экономически менее развитыми; 3) выигрыш от микширования валют в еврозоне; 4) купирование негативных последствий возможной дестабилизации общего экономического и валютного пространства; 5) бесперспективность сохранения разрыва в уровнях развития государств-членов⁵¹.

Событие, ставшее символом преодоления паралича европейской солидарности и признания ошибок со стороны Брюсселя, произошло 1 апреля 2020 г., когда было опубликовано открытое письма У. фон дер Ляйен в итальянской газете *La Repubblica*. В нём председатель Еврокомиссии просила прощение у всех итальянцев за отсутствие помощи в начале пандемии, когда «страны ЕС не замечали ничего кроме собственных проблем». Была обозначена необходимость совместного подхода в борьбе с пандемией «как единого Союза»⁵². Спустя две недели председатель ЕК говорила: «Сейчас Европа стала мировым центром солидарности... Здесь фельдшеры из Польши и врачи из Румынии спасают жизни в Италии... В чешских больницах лечатся больные из Франции. Пациенты из Бергамо поступают в клиники Бонна»⁵³.

23 апреля очередной видеосаммит Евросоюза принимает дорожную карту восстановления — план выхода ЕС из пандемического кризиса. В документе с подзаголовком «На пути к более

⁵⁰ Цит. по: *Энтин М., Энтина Е., Войников В.* Углубление интеграции и институциональная трансформация // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. № 4 (63). С. 9. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.4

⁵¹ Там же. С. 14.

⁵² Еврокомиссия извинилась перед Италией за отсутствие помощи в борьбе с коронавирусом // *Эксперт*. 03.04.2020. URL: <https://expert.ru/2020/04/3/italiya/> (дата обращения: 13.05.2021).

⁵³ Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the EU coordinated action to combat the coronavirus pandemic and its consequences. European commission. 16.04.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/speech_20_675 (дата обращения: 13.05.2021).

устойчивой, стабильной и справедливой Европе» указывалось, что процесс восстановления должен проходить при соблюдении принципов солидарности, сплочения и конвергенции с учётом страновых особенностей государств-членов ЕС. В средней и долгосрочной перспективе предполагалось оживить Единый рынок путём стратегической автономии Союза и преодоления зависимости от иных государств. Объявлялся запуск программы экономической поддержки стран ЕС по подобию послевоенного «плана Маршалла» для модернизации национальных хозяйств посредством реализации зелёного и цифрового перехода. Особое внимание уделялось государствам, наиболее сильно пострадавшим от кризиса. Указывалось на необходимость действий ЕС в глобальном масштабе и оказания помощи сопредельным государствам, в том числе в Африке. Говорилось о важности совершенствования системы государственного управления для преодоления несогласованных действий внутри объединения, усиления его эффективности⁵⁴.

Объявленная посткоронавирусная программа продемонстрировала возможность быстрой (в отличие от опыта финансового кризиса 2008–2009 гг. и миграционного кризиса 2015 г.) разработки антикризисного плана, который учитывал запросы наиболее пострадавших участников объединения. Их незамедлительная поддержка, а именно стран Юга и Центральной и Восточной Европы, была необходима, чтобы избежать роста центробежных тенденций. Учитывая возможности создания ситуативных коалиций (например, в рамках «друзей сплочения»⁵⁵), представлялось важным перевести критическое отношение некоторых государств к ЕС в иное русло. Получив обещание гарантий финансовой помощи, страны начинали торговаться за свой «кусочек пирога», оставив позади критику ЕС и невнимание Брюсселя к их проблемам.

Франко-германский тандем возглавил процесс вывода ЕС из кризиса, поддержав инициативы Еврокомиссии и скорректировав некоторые предложенные программы. 18 мая 2020 г. президент Э. Макрон и канцлер А. Меркель выступили с инициативой по восстановлению Европы, заявив о решимости взять на себя

---

⁵⁴ A roadmap for recovery. Towards a more resilient, sustainable and fair Europe. Council of the European Union. 21.04.2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/43384/roadmap-for-recovery-final-21-04-2020.pdf> (дата обращения: 13.05.2021).

⁵⁵ Неформальная группа стран-членов ЕС (17 государств, прежде всего из Центральной и Восточной Европы), которая не согласна с сокращением расходов ЕС на политику сплочения.

ответственность за Европейский Союз. Они призвали укрепить стратегический суверенитет ЕС в области здравоохранения, поддержали исследования и разработки в области вакцин и лекарственных средств, выступили за создание стратегических запасов медицинской продукции и за координацию политики ЕС в области госзакупок вакцин и продвижения их на мировом рынке.

Париж и Берлин высказались за формирование Фонда восстановления в размере 500 млрд евро и предложили Еврокомиссии обеспечить восстановление экономик стран ЕС за счёт заимствований на финансовых рынках. Как и в апрельской дорожной карте, был намечен курс на ускорение экологических преобразований и переход к цифровым технологиям, а также поставлена цель повысить экономическую и промышленную устойчивость, усилить суверенитет ЕС и придать новый импульс Единому рынку⁵⁶. Как отмечает отечественный франковед Ю.И. Рубинский, подобная инициатива должна была на время «разрешить конфликт интересов “стран-кредиторов” и “стран-должников” в связи с поисками способов погашения колоссально возросшего долгового бремени стран-участниц»⁵⁷. Таким образом Берлин давал своё согласие на обобществление долгов в рамках ЕС, но с оговорками – в чрезвычайном порядке, как временную меру и на заранее оговоренную сумму⁵⁸. Франко-германская инициатива заглушала евроскептические голоса политиков из ЦВЕ. Б.Е. Фрумкин справедливо оценивает выступление тандема как перезапуск франко-германского двигателя евроинтеграции, следствием чего стало преобразование ФРГ из «главного борца за экономное использование средств в рамках ЕС» в основного «разработчика и донора экономической политики Союза»⁵⁹.

Говоря об экономическом потенциале проекта, имевшего беспрецедентный характер, важно отметить стремление А. Меркель

⁵⁶ Франко-германская инициатива по восстановлению Европы в условиях коронавирусного кризиса. Дипломатия Франции, 18.05.2020. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/venir-en-france/coronavirus-advice-for-visitors-to-france/coronavirus-declarations-officielles/article/initiative-franco-allemande-pour-la-relance-europeenne-face-a-la-crise-du> (дата обращения: 13.05.2021).

⁵⁷ Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем перед лицом коронакризиса // Современная Европа. 2020. № 4. С. 22. DOI: 10.15211/soveurope420201624

⁵⁸ Энтин М., Энтина Е., Войников В. Указ. соч. С. 20.

⁵⁹ Фрумкин Б.Е. Заседания европейского совета (саммиты) (июнь – август 2020 г.) // Европейский союз: факты и комментарии. 2020. С. 11. DOI: 10.15211/eufacts320201018

и Э. Макрона с помощью значительных средств, выделяемых на восстановление экономики, обеспечить технологический скачок Евросоюза. Акцент на передовых направлениях развития хозяйства – зелёном переходе и цифровизации – был сделан ввиду желания руководителей ЕС «оседлать» новый виток технологической революции для последующего выдвигания объединения в лидеры трансформации мировой экономики. Было показано стремление использовать глобальный кризис для позитивных изменений.

27 мая 2020 г. последовала презентация Плана восстановления. Еврокомиссия представила проект, который был составлен под сильным влиянием «плана Меркель – Макрон»⁶⁰. Помимо средств Многолетнего финансового плана (МФП) в размере 1,1 трлн евро планировалось использовать новый инструмент поддержки пострадавших от COVID-19 стран – *Next Generation EU*, на который выделялось 750 млрд евро. Средства этой инициативы, размещённые в коллективных ценных бумагах ЕС, давали членам с низким кредитным рейтингом доступ к финансовым ресурсам на более выгодных условиях⁶¹. Впрочем, принципы, положенные в основу механизма распределения финансов, не встречали понимания «экономной четвёрки» – Нидерландов, Австрии, Дании и Швеции, которая представила свой вариант. Эти страны выступали против обобществления долгов⁶² и призвали всех других к большей ответственности. Такие настроения свидетельствовали о значительном недоверии к еврочиновникам и о сомнении в их способности контролировать расходование средств, а также отражали различные финансовые стратегии стран-доноров и стран-реципиентов ЕС.

На внеочередном саммите ЕС (17–21 июля 2020 г.) были приняты документы, устанавливающие порядок и размер финансирования процесса восстановления экономики ЕС на ближайшие годы. У. фон дер Ляйен оценивала достигнутый результат как возможность построения лучшей Европы, устойчивой к будущим испытаниям. Несомненно, ЕС разработал беспрецедентный ответ на коронакризис, основой которого стал МФП в размере 1,074 трлн евро (сокращён по сравнению с первоначальным планом на 26 млрд) и программа *Next Generation EU*, финансирование

---

⁶⁰ *Salvati E.* Op. cit. P. 13.

⁶¹ *Чупина Д.* Коронакризис в ЕС: нокаут или трамплин для интеграции? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2021. Т. 65. № 4. С. 45. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-42-49

⁶² *Фрумкин Б.Е.* Указ. соч. С. 11.

которой осталось на изначально предполагаемом уровне⁶³. Анализируя итоги многомесячных переговоров, можно говорить о реализации плана, инициированного франко-германским тандемом, преодолении противоречий со стороны «экономной четвёрки», предоставлении значительного дополнительного финансирования Италии и Испании, продвижении интересов Польши и Венгрии, которые сумели на тот момент избавиться от увязки распределения средств с соблюдением принципа верховенства права⁶⁴. Российский франковед П.П. Тимофеев считает, что получился компромисс, когда Франция и Германия заставили «южан» отказаться от коронабондов, а затем вместе с ними надавили на «экономную четвёрку», убедив её принять план субсидий. Но и она добилась своего, заставив тандем и «южан» согласиться на кредитование, которое применяется вместе с субсидиями⁶⁵. Л.О. Бабынина, однако, замечает, что «амбициозные планы Комиссии по превращению ЕС в более конкурентоспособную структуру не были поддержаны»⁶⁶. Впрочем, задачи, поставленные перед Еврокомиссией в условиях пандемии, выглядели предельно инструментально: обеспечить институциональную сплочённость Союза, избежать его фрагментации и справиться с социально-экономическими последствиями пандемии COVID-19.

Триумф июльского заседания Евросовета был омрачён спустя несколько месяцев заявлениями польских и венгерских властей. Они выступили против обусловленности (кондициональности) бюджетных выплат и выплат из Фонда восстановления соблюдением верховенства права. Варшава и Будапешт посчитали, что их права как стран-членов ЕС серьёзно нарушались, и были готовы наложить вето на планируемые к подписанию финансовые документы. Что касается самого механизма увязывания выплат с определёнными требованиями со стороны Брюсселя, то речь об этом шла ещё с 2018 г. Как отмечает С.А. Кувалдин, «выставление предварительных условий для получения определённых благ

⁶³ The EU's 2021–2027 long-term budget & Next Generation EU. Publications Office of the European Union, 2021. DOI: 10.2761/808559

⁶⁴ Бабынина Л.О. «Исторический» саммит ЕС: кто выиграл? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 4. С. 15–22. DOI: 10.15211/vestnikieran420201522

⁶⁵ Тимофеев П., Хорольская М. Пандемия COVID-19 как вызов франко-германскому лидерству в ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 8. С. 72–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-72-80

⁶⁶ Бабынина Л.О. Указ. соч. С. 21–22.

от ЕС, будучи первоначально лишь одним из внешнеполитических инструментов, постепенно становилось элементом регулирования внутренних вопросов интеграционного объединения»⁶⁷.

Важно напомнить, что конфликт между центральными органами Евросоюза и странами ЦВЕ длился уже не один год. Он был вызван тем, что европейский истеблишмент обвинял венгров и поляков в нарушении верховенства права ввиду несоответствия проводимой внутри этих государств политики ценностям ЕС и нарастании авторитарных тенденций. Строптивость Будапешта и Варшавы ярко проявилась в ноябре — декабре 2020 г., когда их представители «держали на волоске» исполнение мер, которые в предшествующие месяцы так долго и трудно разрабатывались на уровне государств-членов. Их действия были похожи на карточную партию, где игрок блефует в надежде, что его визави поверит. Между тем такой подход сработал: 11 декабря 2020 г. Евросовет принял компромиссное решение. С одной стороны, было признано, что констатация факта нарушения верховенства права не являлась причиной для урезания выплат, и Еврокомиссия должна была доказать, как те или иные отклонения в соблюдении декларируемых ценностей ЕС влияют на финансовые интересы ЕС⁶⁸. С другой — Венгрия и Польша могли подать апелляцию на решение Еврокомиссии в Европейский суд без риска санкций (приостановления финансирования)⁶⁹. Таким образом, им предоставлялся существенный временной зазор. Предполагалось, что рассмотрение польско-венгерского кейса займет около двух лет, в течение которых Варшава и Будапешт смогут беспрепятственно получать дотации из еврофондов.

Несомненно, «проблема была отложена, но не решена»⁷⁰. 2021 г. прошёл в изнуряющих спорах между Брюсселем и центральноевропейскими столицами, которые не собирались идти на попятную. В свою очередь, решимость наднациональных структур взять под контроль поведение партнёров по ЕС была столь велика, что вплоть до конца года и в начале следующего Польша и Венгрия оставались единственными странами в ЕС, планы восстановления

---

⁶⁷ *Кувалдин С.А.* Увязывание бюджетных ассигнований ЕС с соблюдением верховенства права: пример Польши и Венгрии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 39. DOI: 10.20542/afij-2021-2-38-48

⁶⁸ Там же. С. 44.

⁶⁹ *Шишелина Л.Н.* Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем // Современная Европа. 2020. № 7. С. 13. DOI: 10.15211/soveurope720200515

⁷⁰ Там же. С. 14.

которых не были одобрены Еврокомиссией⁷¹. 16 февраля 2022 г. Суд ЕС отклонил их иски против применения регламента, увязывающего критерии для выделения средств из еврофондов с соблюдением верховенства права. Тем самым открывалась дорога для начала долгого правового разбирательства.

В Варшаве и Будапеште решение верховного судебного органа ЕС восприняли как посягательство на национальный суверенитет⁷². Хотя к тому времени уже стало очевидно ослабление пандемии, польско-венгерская коллизия вновь демонстрировала не решенный до конца в ЕС вопрос соотношения между полномочиями наднациональных органов и национальных государств. Впрочем, события 2020–2022 гг. показали, что пока европейские наднациональные структуры не имеют возможности самостоятельно решать крупные проблемы, стоящие перед Союзом, и заинтересованы в активном сотрудничестве с национальными государствами. Брюссель вынужден по ряду вопросов идти с ними на компромиссы, продолжая в целом сопротивляться тенденции на «ренационализацию госуправления»⁷³. Несомненно, национальные элиты, прибегающие к национал-консервативной идеологии, используют идею нации, защиты суверенитета для извлечения определённых выгод и достижения конкретных результатов⁷⁴. В то же время Брюссель не намерен поступаться ценностными ориентирами и готов применять наиболее жёсткие механизмы в европейском законодательстве для контроля над поведением государств-членов.

Европейский подход при разработке вакцин

Во второй половине 2020 г. казалось, что, после того как первая волна коронавируса относительно успешно преодолена, пандемия пойдёт на спад. Однако осенью она вновь нанесла удар по странам Европы. В этот раз эпицентром катаклизма оказались государ-

---

⁷¹ *Русакова М.Ю.* Польша и Венгрия: кризис в отношениях с ЕС в 2021 году // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2021. № 4. С. 60.

⁷² *Русакова М.Ю.* Польша и Венгрия: противостояние ЕС в вопросе верховенства права (декабрь 2021 – февраль 2022) // ЕС: факты и комментарии. 2022. № 1 (107). С. 68. DOI: 10.15211/eufacts120226772

⁷³ *Дынкин А.А., Телегина Е.А.* Шок пандемии и посткризисный мир // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 7. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16

⁷⁴ *Кочетков А.П.* Указ. соч. С. 66.

ства ЦВЕ, которые вполне успешно прошли испытание коронакризисом предшествующей весной. Среди стран, «антилидеров» рейтингов по количеству умерших осенью 2020 г. и весной 2021 г., оказалась Вишеградская группа⁷⁵. Надежды многих европейцев на проходящий характер пандемии были разрушены. Пришло осознание того, что эта болезнь будет сопровождать жизнь человечества ещё долгое время и необходимо искать варианты сосуществования с ней.

В этой связи быстрый ответ на глобальный вызов должна была дать прежде всего медицинская наука. Ещё когда пандемия не распространилась широко по Европе, и был зафиксирован самый первый случай заболевания коронавирусом во Франции (24 января 2020 г.), власти ЕС, воспользовавшись средствами из фонда «Горизонт 2020», в конце января поддержали научные исследования, направленные на изучение природы болезни, лечения пациентов, разработки вариантов действий на государственном уровне⁷⁶. Второй крупный транш в размере 100 млн евро, выделенный 24 февраля, предназначался на медицинские исследования «для диагностирования, лечения и предотвращения» коронавируса. Для объединения всех научно-исследовательских проектов, направленных на борьбу с пандемией, был задействован фонд Инициатива по прорывным медицинским исследованиям (*Innovative Medicines Initiative, IMI*), который аккумулировал средства и выделял их научным коллективам в виде грантов. Важно отметить, что до марта официально речь не шла о поддержке компаний, занимающихся разработкой вакцин⁷⁷. На высоком уровне представители ЕС заговорили о важности проведения исследований по их созданию 10 марта в ходе видеоконференции членов Евросовета.

Впрочем, анализируя проекты, которые финансировались *IMI*, можно отметить, что европейские власти отдавали предпочтение тем разработкам, которые были направлены на лечение и диагностику коронавирусной инфекции. Вероятно, такой подход объяснялся

---

⁷⁵ Шиселина Л.Н., Дрыночкин А.В., Ведерников М.В. Вишеградский регион в борьбе с пандемией и её последствиями // Вишеградская Европа. Центрально-европейский журнал. 2021. № 4. С. 4.

⁷⁶ EU mobilises €10 million for research on the new Coronavirus outbreak. European commission. 31.01.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/mex_20_175 (дата обращения: 12.04.2022).

⁷⁷ COVID-19: EU working on all fronts, €232 million for global efforts to tackle outbreak. European commission. 24.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_316 (дата обращения: 12.04.2022).

тем, что руководители ЕС осознавали недостаточность потенциала европейской науки для проведения масштабной исследовательской работы по созданию необходимого препарата в сжатые сроки. Поэтому они делали акцент на планы по синхронизации действий с партнёрами в рамках *G7* и *G20*. Прежде всего шла речь о взаимодействии с транснациональными компаниями, базирующимися в США и Великобритании. В этой связи примечателен пример вакцины *CureVac*, разрабатываемой одноименной немецкой компанией, которая, несмотря на значительные финансовые вливания со стороны Еврокомиссии (около 80 млн евро), вплоть до лета 2022 г. так и не смогла закончить работу над медикаментом.

Европейский подход к профилактике коронавируса подробно описан в Стратегии вакцинации ЕС (*EU vaccines strategy*)⁷⁸, принятой в июне 2020 г. до официальной регистрации первой вакцины. На тот момент европейское общество ощущало некоторую передышку после первой волны пандемии, но не испытывало оптимизма относительно сроков начала прививочной кампании. Так, в Стратегии говорилось о «12–18 месяцах, не ранее» до появления препарата. Первоочередная задача ЕС заключалась в быстром обеспечении всех своих стран достаточным количеством эффективной и качественной вакцины. Чтобы поддержать фармкомпания в её разработке и производстве, Комиссия заключала с ними Продвинутое соглашение о покупке (*Advanced Purchase Agreement*) от имени всех государств-членов. В обмен ЕС получал право выкупа зарезервированного количества доз лекарства в установленные сроки. Еврокомиссия также финансировала часть первоначальных затрат (около 2,6 млрд евро), с которыми сталкивались производители. Стремясь продемонстрировать свою глобальную вовлечённость в борьбу с пандемией, в Стратегии отмечена важность поддержки государств, не имеющих ресурсов для обеспечения себя необходимыми лекарственными средствами. В этой связи большое внимание уделялось проекту Глобальный ответ на коронавирус (*Global Coronavirus Response*), на реализацию которого удалось собрать около 15,9 млрд евро⁷⁹.

---

⁷⁸ Coronavirus: Commission unveils EU vaccines strategy. European commission. 17.06.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1103 (дата обращения: 12.04.2022).

⁷⁹ Coronavirus Global Response. URL: https://global-response.europa.eu/index_en#:~:text=The%20Coronavirus%20Global%20Response%2C%20launched,coronavirus%20vaccination%2C%20treatment%20and%20testing (дата обращения: 12.04.2022).

Первый контракт на поставку вакцин в ЕС был заключен 27 августа 2020 г. с британско-шведской компанией *AstraZeneca* и предусматривал покупку 300 млн доз с возможностью расширения сделки на 100 млн дополнительных доз⁸⁰. Второе соглашение с *Sanofi-GSK*, франко-британским консорциумом, подписали 18 сентября; в нём речь шла о 300 млн доз препарата⁸¹. 8 октября были достигнуты договорённости с американской фирмой *Janssen Pharmaceutica NV*, входящей в бизнес-империю *Johnson & Johnson* (200 млн доз)⁸²; 11 ноября — с германо-американской группой *BioNTech/Pfizer* (200 млн доз, с возможностью докупки 100 млн)⁸³; 17 ноября — с компанией *CureVac*, базирующейся в ЕС и не имеющей англо-американского капитала (225 млн доз, с возможностью покупки 180 млн)⁸⁴. 25 ноября был подписан шестой контракт с американской компанией *Moderna* (80 млн доз с опцией дозаказа 80 млн)⁸⁵. 17 декабря стартовали переговоры с производителем вакцины *Novavax* (100 млн доз).

Таким образом, широкое портфолио вакцин, имевшихся в распоряжении Еврокомиссии, должно было стать действенным инструментом для начала широкомасштабной вакцинации. Предполагая, что официальная регистрация препаратов не будет синхронной, в ЕС считали, что благодаря вариативности средств борьбы с коронавирусом удастся обеспечить равный доступ к вакцине всех граждан стран ЕС в относительно короткие сроки.

---

⁸⁰ Coronavirus: the Commission signs first contract with AstraZeneca. European commission. 27.08.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1524 (дата обращения: 12.04.2022).

⁸¹ Coronavirus: the Commission signs second contract to ensure access to a potential vaccine. European commission. 18.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1680 (дата обращения: 12.04.2022).

⁸² Coronavirus: the Commission approves third contract to ensure access to a potential vaccine. European commission. 08.10.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1829 (дата обращения: 12.04.2022).

⁸³ Coronavirus: Commission approves contract with BioNTech-Pfizer alliance to ensure access to a potential vaccine. European commission. 11.11.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2081 (дата обращения: 12.04.2022).

⁸⁴ Coronavirus: Commission approves contract with CureVac to ensure access to a potential vaccine. European commission. 17.11.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2136 (дата обращения: 12.04.2022).

⁸⁵ Coronavirus: Commission approves contract with Moderna to ensure access to a potential vaccine. European commission. 25.11.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2200 (дата обращения: 12.04.2022).

27 декабря 2020 г. в Евросоюзе официально стартовала вакцинация населения. Этому событию предшествовала регистрация на территории ЕС первой вакцины от коронавируса под брендом *BioNTech/Pfizer*. Следующей на европейский рынок была допущена *Moderna* (6 января 2021 г.), далее — *AstraZeneca* (29 января) и *Johnson & Johnson* (11 марта)⁸⁶. Из хронологии одобрения препаратов Европейским агентством лекарственных средств видно, что те вакцины, на которые Еврокомиссия возлагала основные надежды, в разработку которых были вложены значительные средства ЕС и сделан предзаказ — *AstraZeneca*, *Sanofi-GSK*, *CureVac* — были или введены в оборот с запозданием, или не реализованы. Более того, производители вакцин, которые первыми получили «зелёный свет», не обеспечивали ЕС необходимым количеством доз согласно контрактам. Спустя месяц после начала вакцинации её прошли всего от 0,5 до 2% населения в зависимости от государства. Таким образом, озвученные Еврокомиссией планы о вакцинации 80% социальных и медицинских работников к марту 2021 г. и 70% всего населения ЕС к началу лета казались совершенно нереалистичными. Власти Италии, возмущённые поведением американских фирм в отношении европейских заказчиков, подняли вопрос о начале судебного разбирательства⁸⁷.

Ситуация в начале 2021 г. осложнялась проблемами с приобретением вакцины *AstraZeneca*, которая привлекала большое внимание из-за её дешевизны по сравнению с *BioNTech/Pfizer* и *Moderna* и относительной лёгкостью в транспортировке. В конце января *AstraZeneca* сообщила Еврокомиссии, что сможет поставить в ЕС в разы меньше доз, чем было оговорено (17 млн вместо 300 млн), из-за проблем на производственной площадке компании в Бельгии. В Европарламенте звучали мнения, что партии препарата, которые изготовлялись на заводах в Нидерландах и Бельгии, отправлялись в Соединённое Королевство, несмотря на контрактные обязательства⁸⁸. Руководитель *AstraZeneca* Паскаль Сориот подтверждал «задержку в поставках на два месяца»⁸⁹.

Именно на первый квартал года пришлись пиковые показатели по заболеваемости и смертности за всё время пандемии. Опасаясь очередного всплеска «национальных эгоизмов» председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и премьер-министр Португалии

---

⁸⁶ В конце 2021 г., 17 декабря, была одобрена вакцина Novavax.

⁸⁷ Europe Daily Bulletin. No 12640. 21.01.2021.

⁸⁸ Ibid. No. 12645. 28.01.2021.

⁸⁹ Ibid.

Антонио Коста (его страна председательствовала в первой половине 2022 г. в Совете ЕС) 2 февраля призвали государства-члены ЕС проявить единство перед лицом сложностей. Отвечая на критику из европейских столиц о катастрофической нехватке вакцин, они подчёркивали, что ЕК добилась появления вакцины уже в первый год пандемии. Рефреном в их выступлении звучала идея о важности подготовиться к новым штаммам вируса. Также говорилось о задаче разработать пилотную программу по биологической защите ЕС⁹⁰.

Евросоюзу весной 2021 г. не удалось продемонстрировать единодушия среди своих членов. В середине марта был поднят вопрос о распространении новой партии вакцины *Pfizer/BioNTech*, поступление которой в ЕС ожидали ранее установленного срока. 19 из 27 стран выразили согласие временно отказаться от полагающегося им количества доз *pro rata*⁹¹ в пользу тех, кто столкнулся с наибольшими сложностями: Болгарии, Хорватии, Эстонии, Латвии и Словакии. Но Австрия, Словения и Чехия не согласились с механизмом солидарности⁹². В итоге наиболее нуждающиеся страны получили меньшее количество лекарства⁹³. Канцлер Австрии С. Курц констатировал: «Чиновники Евросоюза организовали непрозрачный “базар” при распределении вакцин»⁹⁴.

Отсутствие консенсуса в ЕС наблюдалось и в вопросе российских и китайских вакцин. Хотя их эффективность признавалась ведущими научными медицинскими журналами⁹⁵, а Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель в ходе московского визита выразил надежду на скорейшую регистрацию вакцины «Спутник V» в ЕС⁹⁶, внутри объединения существовала стойкая оппозиция, особенно в отношении российского изобретения. Так, пресс-секретарь ЕК Э. Мамер

---

⁹⁰ Europe Daily Bulletin. No. 12649. 02.02.2021.

⁹¹ Pro rata (*лат.*) — в равных пропорциях.

⁹² Europe Daily Bulletin. No. 12691. 01.04.2021.

⁹³ Agreement on Presidency's proposal to support Member States most in need. European commission. 01.04.2021. URL https://www.consilium.europa.eu/media/49113/ppue_comunicado_imprensa_eng.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

⁹⁴ Канцлер Австрии заявил... // РБК. 12.03.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/604b8d5c9a79473e7138eeb5> (дата обращения: 14.04.2022).

⁹⁵ Jones I., Roy P. Sputnik V COVID-19 vaccine candidate appears safe and effective // The Lancet. 2021. No. 397(10275). P. 642–643. DOI: 10.1016/S0140-6736(21)00191-4

⁹⁶ Боррель ожидает регистрации в ЕС вакцины «Спутник V» // Интерфакс. 05.02.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/749571> (дата обращения: 14.04.2022).

отмечал, что прохождение всех необходимых процедур российской вакциной не означает её последующую закупку и включение в европейское портфолио⁹⁷. Бельгийский министр здравоохранения Ф. Ванденбрюк раскритиковал относительно дешевую вакцину *AstraZeneca*, поставки которой в Европу были не только сорваны, но впоследствии она обнаружила различные побочные эффекты. По его мнению, «Европа обязана учиться на своих ошибках»⁹⁸. Фактически здесь речь также шла о недопустимости российской вакцины.

Всё же в 2021 г. три государства ЕС (Венгрия, Словакия, Чехия) предметно рассматривали возможность закупки российского лекарства в обход Брюсселя. Однако только Венгрии удалось успешно использовать «Спутник V» в борьбе с коронавирусом и снизить показатели заболеваемости и смертности. В Словакии закупка российской вакцины сопровождалась громким политическим скандалом и смещением с поста премьер-министра И. Матовича⁹⁹. Хотя жители страны получили возможность использовать российский препарат, это произошло лишь три месяца спустя после его поставки, когда заболеваемость пошла на спад и появилось значительное количество других вакцин. В Чехии местные круги либерального толка находились в острой конфронтации с политиками, настроенными на конструктивный диалог с Россией. Накануне подписания договора о поставках вакцины разразился дипломатический кризис, который отбросил российско-чешские отношения к состоянию на 1993 г.¹⁰⁰ Такое противодействие российскому фактору в борьбе с пандемией противоречило многочисленным заявлениям руководства ЕС о необходимости победы над коронавирусом общими международными усилиями и в частности — Римской декларации, подписанной 21 мая 2021 г. в ходе Глобального саммита по вопросам здравоохранения¹⁰¹.

В действительности ЕС стремился использовать обстоятельства пандемии, чтобы распространить собственное влияние

⁹⁷ Europe Daily Bulletin. No. 12671. 05.03.2020.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Водерников М.В. Словакия и вакцина *Sputnik V* // Европейская аналитика 2021. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 125–132. DOI 10.15211/978-5-98163-178-8

¹⁰⁰ Водерников М.В. Чешско-российский дипломатический кризис: внутривластный аспект // Аналитические записки ИЕ РАН. 2021. № 13 (243). DOI: 10.15211/analytics132021

¹⁰¹ Rome Declaration. European Union. 21.05.2021. URL: https://global-health-summit.europa.eu/rome-declaration_en (дата обращения: 15.04.2022).

в мире, несмотря на значительные проблемы с закупками и распределением вакцин внутри объединения. В этой связи возрастающие роли РФ в борьбе с коронавирусом были недопустимыми. Стоит отметить значительный вклад ЕС в создание и финансирование программы «Инициатива по ускорению доступа к средствам для борьбы с COVID-19» (*Accelerator for Access to Anti-Covid-19 Tools for Poor Countries, ACT-A*)¹⁰². ЕС намеревался возглавить глобальные ответные меры на коронакризис в рамках международной группы «Команда Европа» (*Team Europe*) за счёт поощрения поставок вакцин через международную инициативу COVAX¹⁰³. К середине 2021 г. по этой линии ЕС выделил 3 млрд евро, нацеленных на исследования, разработку, производство вакцин и их ценообразование. Также Брюссель заявлял о стремлении укреплять «глобальную архитектуру в области здравоохранения» и наращивать партнёрские отношения с дружественными странами для обеспечения готовности к будущим пандемиям¹⁰⁴.

Что касается прямой помощи странам-партнёрам в области поставок вакцины, то на эти цели «Команда Европа» планировала выделить 38,5 млрд евро: государствам, включённым в орбиту Европейской политики соседства, — 13,8 млрд; странам южнее Сахары — 8,1 млрд; Западным Балканам и Турции — 5,8 млрд; странам АТР — 3,2 млрд; государствам Латинской Америки и Карибского бассейна — 3 млрд; иным — 1,3 млрд евро¹⁰⁵. Выступая на саммите G7 по международным делам и развитию (4–5 мая 2021 г.), Ж. Боррель заявил, что ЕС стал «драйвером действий по глобальной иммунизации как крупнейший экспортёр вакцин»¹⁰⁶. К тому времени ЕС экспортировал 192 млн доз вакцин, что превосходило показатели Китая (147 млн доз), России (10 млн) и тем более США и Британии, которые тогда вообще не поставляли за рубеж антиковидные препараты¹⁰⁷.

---

¹⁰² The ACT Accelerator funding tracker. WHO. URL: <https://www.who.int/initiatives/act-accelerator/funding-tracker> (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁰³ COVAX explained. Global Alliance for Vaccines and Immunisation. URL: <https://www.gavi.org/vaccineswork/covax-explained> (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁰⁴ Europe Daily Bulletin. No. 12742. 17.06.2021.

¹⁰⁵ Team Europe: €34 billion disbursed so far to tackle COVID-19 in partner countries. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_4729 (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁰⁶ Europe Daily Bulletin. No. 12714. 07.04.2021.

¹⁰⁷ Europe Daily Bulletin. No. 12717. 11.05.2021. 22 сентября 2021 г. У. фон дер Ляйен и президент США Джо Байден в Нью-Йорке объявили о сотрудничестве между ЕС и США, направленном на достижение к осени 2022 г.

31 августа 2021 г. У. фон дер Ляйен заявила, что 70% населения ЕС старше 18 лет (256 млн человек) полностью привиты¹⁰⁸. Тем самым был достигнут искомый показатель, хотя и с запозданием на три месяца¹⁰⁹. Несмотря на рост заболеваемости, связанный с появлением штамма «Омикрон», новую волну пандемии осенью 2021 г. Европа преодолена относительно безболезненно, как из-за его невысокой летальности, так и благодаря широкой иммунизации населения. Осознавая возможность новых пандемий в будущем, европейские политики настроились на создание отработанной системы, которая в дальнейшем могла бы на раннем этапе предотвращать подобные кризисы. В этой связи показательны слова председателя Европейского совета Ш. Мишеля: «Вопрос не в том, будет ли ещё одна пандемия, а в том, когда. Нельзя терять время, мы должны быть к ней готовы»¹¹⁰.

16 сентября были представлены контуры новой службы ЕС — Управления по чрезвычайному реагированию в области здравоохранения (*Health Emergency preparedness and Response Authority, HERA*), анонсированного ещё в феврале 2021 г.¹¹¹ В спокойные времена *HERA* должна находиться в «режиме готовности». Имеется в виду сбор данных, оценка потенциальных угроз, стимулирование исследований и инноваций, поддержание производственных мощностей на фармакологических производствах для принятия контрмер при возникновении кризисных ситуаций. В случае наступления эпидемиологической угрозы по указанию Еврокомиссии вводится «режим кризисного регулирования», который предусматривает: создание Совета по разрешению кризиса в сфере здравоохранения, активизация механизма мониторинга мер по противодействию кризиса, закупка и производство критически важных медикаментов, активация мощностей для производства вакцин, запуск новых исследований и внедрение инноваций¹¹². Бюджет

показателя иммунизации населения планеты в 70%. Обе стороны обязались делиться вакциной, в первую очередь через фонд *COVAX*, чтобы «срочно повысить показатели иммунизации в странах с низким и средним уровнем дохода». США жертвовали более 1,1 млрд доз, а ЕС — более 500 млн. См.: *Europe Daily Bulletin*. No. 12797. 24.09.2021.

¹⁰⁸ *Europe Daily Bulletin*. No. 12780. 01.09.2021.

¹⁰⁹ На тот момент сохранялись диспропорции между государствами-членами ЕС: показатели шести государств были ниже 50%, в Болгарии — около 20%.

¹¹⁰ *Europe Daily Bulletin*. No. 12689. 31.03.2021.

¹¹¹ *Ibid.* No. 12660. 17.02.2021.

¹¹² *Ibid.* No. 12792. 17.06.2021.

новой службы, которая заработала в феврале 2022 г., составил 30 млрд евро на период 2022–2026 гг.

Помимо создания новых структур, ЕС намеревался пересмотреть работу уже существовавших организаций, которые проявили себя неоднозначно в ходе пандемии. Речь шла о расширении полномочий и усилении мандата Европейского центра профилактики и контроля заболеваний (*ECDC*) и Европейского агентства по лекарственным средствам (*EMA*). 28 октября 2021 г. Европарламент и Еврокомиссия после долгих переговоров согласовали новые обязанности *EMA*. С марта 2022 г. на агентство возлагалась задача по мониторингу запасов лекарств и медицинских изделий, разработке медицинских средств в случае возникновения чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения. Создавалась открытая Европейская база данных о поставках лекарственных средств (*EUMSD*). Агентство должно было не допустить возникновения дефицита жизненно важных препаратов, как это произошло весной 2020 г., и обеспечить оперативное создание новых средств борьбы с тем или иным заболеванием.

29 ноября были одобрены изменения в мандате *ECDC*, которому предоставлялись расширенные возможности для мониторинга, оценки и прогнозирования трансграничных рисков. В соответствии с новым регламентом Центр получал право на организацию визитов своих специалистов в государства ЕС для оценки подготовки профильных служб к потенциальным кризисам. Перед его сотрудниками ставилась задача по контролю готовности национальных систем к эпидемиям и оказанию помощи национальным властям в развитии компетенций по обнаружению и подавлению инфекций, которые могли привести к эпидемиям¹¹³.

Создание новой службы и реформирование старых встраивалось в курс ЕС на формирование Союза здравоохранения, идея которого была выдвинута в октябре 2020 г.¹¹⁴ Тогда У. фон дер Ляйен заявила, что он нужен для того, чтобы 27 стран «работали вместе для обнаружения, подготовки и коллективного реагирования». По мнению О.Ю. Потёмкиной, действия в этом направлении нацелены на значительное усиление наднациональных компетенций в сфере здравоохранения — создание структуры по аналогии с Энергетическим союзом и Союзом безопасности, чтобы привне-

¹¹³ Ibid. No. 12843. 01.12.2021.

¹¹⁴ European Health Union. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/european-health-union_en#latest (дата обращения: 15.04.2022).

сти «больше Европы в сферу здравоохранения»¹¹⁵. Нельзя не согласиться с тем, что «расширение полномочий ЕС в области здравоохранения вело к углублению интеграционных процессов»¹¹⁶. Обсуждения идеи Союза здравоохранения сопровождались большими противоречиями из-за нежелания ряда стран идти на расширения полномочий Брюсселя. Всё же компромисс был найден, и появилась основа для предотвращения новых потенциальных угроз.

*   *
*   *

Пандемия привнесла в жизнь человечества новые неопределённости, став событием, поменявшим расстановку сил в политических, экономических и социальных сферах. Коронакризис, при всех его колоссальных издержках и жертвах, не стоит воспринимать как исключительно явление деградации. С марта 2020 г. по февраль 2022 г., в момент активного всплеска коронавирусной инфекции, не произошло глобальных политических катаклизмов, финансовых обвалов и социальных потрясений. Мир продолжил своё развитие.

Что касается ЕС, то, показав свою полную неготовность к такого рода вызовам в первые месяцы пандемии, объединение затем продемонстрировало способность быстро адаптироваться и формировать в сжатые сроки уникальную программу поддержки государств-членов. Была осуществлена беспрецедентная по срокам иммунизация граждан ЕС, в ходе которой, несмотря на различные противоречия и трудности, удалось привить большую часть взрослого населения. Была создана институциональная база для предотвращения в будущем угроз, подобных коронавирусу. ЕС смог продемонстрировать себя как глобальный игрок с масштабной вакцинальной дипломатией, включая солидную помощь наиболее нуждающимся неевропейским странам. Проявилась и жёсткая геополитическая сущность политики Брюсселя, особенно в отношении вакцин из России, доступ которых не только на территорию ЕС, но и в другие регионы мира тормозился различными способами.

---

¹¹⁵ Потёмкина О. Ю. ЕС на пути к Союзу здравоохранения // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 6. С. 36. DOI: 10.15211/vestnikieran620203238

¹¹⁶ Бусыгина И. М., Чекаленко А. Указ. соч. С. 90.

Часть II

ЭКОНОМИКА ЕВРОПЫ

Глава 4. Региональная интеграция и дезинтеграция: диалектика взаимной связи

О.В. Буторина

«...интеграция и дезинтеграция
как два конкурирующих общественных процесса
действуют одновременно».

Эрнст Хаас, 1967

После того как летом 2016 г. жители Великобритании высказались на референдуме против членства в Европейском Союзе, а в январе 2020 г. страна официально вышла из объединения, тема региональной дезинтеграции прочно закрепилась в мировой общественной науке. Брекзит стал манифестацией явления, которое многие десятилетия воспринималось как нечто незначительное и маловероятное в сравнении с интеграцией. Всего за несколько лет возник солидный свод литературы, посвящённый последствиям брекзита для Великобритании и отчасти — для всего Евросоюза. Однако это ненамного приблизило учёных к пониманию самого феномена дезинтеграции и его места в современной системе международных отношений, прежде всего экономических. Неясным остаётся характер его взаимодействия с процессами глобализации и начавшейся деглобализации. Ещё меньше стройности обнаруживают имеющиеся на сегодня представления о том, как соотносятся региональная интеграция и её антипод — дезинтеграция.

Логика подсказывает, что процесс дезинтеграции не может идти тем же путём, пусть и в обратном направлении, поскольку оба явления не могут быть простым отрицанием друг друга. Следует ожидать, что они имеют разные траектории и разные скорости. Выяснение причин и форм современной региональной дезинтеграции, а также механизмов её взаимной связи с региональной интеграцией — крупная задача, вставшая в последнее время перед общественной наукой. Ввиду своей новизны (но не новизны

явления) она обладает обширной исследовательской программой со слабо очерченными контурами и пока неясными магистральными направлениями.

В данной главе предпринимается попытка приблизиться к пониманию природы современной международной экономической дезинтеграции в трёх измерениях: теоретическом, глобальном и региональном.

Контурь предметного поля

Европейский Союз является на сегодня самой развитой интеграционной группировкой мира, поэтому его историю принято тесно связывать или даже отождествлять на ранних этапах с историей самого феномена интеграции. Начало процессу положило образование в 1951 г. шестью странами-основательницами Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а затем учреждение ими же в 1957 г. ещё двух сообществ – Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома). Идея называть процесс объединения западноевропейских стран «интеграцией» появилась несколько раньше. Термин впервые прозвучал на заседании совета Организации Европейского экономического сотрудничества, состоявшемся 31 октября 1949 г. в Париже. Тогда глава Администрации экономического сотрудничества американец Пол Хоффман призвал страны Западной Европы трудиться вместе, чтобы «создать большой союз и интегрировать их экономику в единый европейский рынок»¹.

Отсюда напрашивается вывод, что понятие экономической интеграции возникло раньше, чем понятие дезинтеграции. Но это не так.

Первый серьезный труд об экономической дезинтеграции появился раньше, чем понятие региональной интеграции и соответствующие научные работы. Его автором стал швейцарский экономист немецкого происхождения Вильгельм Рёпке, один из трёх ведущих – наряду с Вальтером Ойкенем и Александром Рюстовом – идеологов ордолиберализма и будущей концепции социального рыночного хозяйства. Книга Рёпке «Международная экономическая дезинтеграция» вышла в свет в Великобритании в 1942 г.

---

¹ Statement by the E.C.A. Administrator at the 75th Council meeting Paris, 31st October, 1949 https://www.cvce.eu/content/publication/2009/4/3/840d9b55-4d17-4c33-8b09-7ea547b85b40/publishable_en.pdf (accessed 09.07.2022).

Ей предшествовал «Промежуточный доклад о международной экономической дезинтеграции», подготовленный автором летом 1939 г. и разосланный участникам запланированной на сентябрь того же года (но несостоявшейся из-за разразившейся войны) конференции в Женеве.

Центральной проблемой научного труда Рёпке является обозначившийся с 1914 г. процесс распада мирового хозяйства вопреки наблюдавшейся на протяжении всего XIX в. тенденции к его поступательному расширению при одновременном усилении взаимной зависимости и связанности национальных рынков. После 1929 г. тенденция к дезинтеграции резко усилилась. Цель книги, как её определяет автор, состоит в том, чтобы «предложить новый и более продуктивный подход к диагностике того долговременного кризиса международных экономических отношений, который является одним из наиболее ярких симптомов общего экономического, социального и политического кризиса западного общества»².

Рёпке выделяет количественные и качественные дезинтеграционные признаки мировой экономической системы. К первым он относит абсолютное сокращение объёмов международной торговли, а также уменьшение экспортной квоты (отношения экспорта к объёму производства) многих ведущих стран: Франции, Великобритании, Германии, Соединённых Штатов, Польши. Проявлением качественной дезинтеграции он называет повышение таможенных тарифов, распространение количественных ограничений, сокращение сферы действия режима наибольшего благоприятствования. Автор особо подчёркивает факт разрушения многосторонней основы торговли и переход к двусторонним торговым связям. Важной причиной такого регресса стало введение правительствами многих стран разнообразных барьеров на пути движения капиталов. Быстро распространившаяся практика валютных ограничений подорвала имевшуюся при золотом стандарте свободу конвертируемости валют, что ограничило географию торговых обменов узкими рамками валютных блоков³.

К важным проблемам интеграции Рёпке также относит поддержание (при помощи мер государственной политики) здоровой социальной среды. Конкуренция, по его словам, сколь полезной она не была бы для производства материальных благ, не может

---

² *Röpke Wilhelm*. International Economic Disintegration, London: William Hodge and Company Ltd., 1942. P. VII.

³ *Ibid*. P. 24–27, 34–37.

в долгосрочной перспективе являться главным принципом безопасного развития общества. Поэтому «экономическая интеграция зависит от социальной интеграции, а не наоборот». Под последней Рёнке понимал исполнение государством функций, которые обеспечивают необходимый для нормального функционирования рынка уровень взаимного доверия между его участниками, поддерживают стабильную правовую и институциональную основу экономического процесса, включая стабильность денежного обращения⁴. Данный взгляд вполне отвечает идеологии зарождавшегося тогда немецкого ордолиберализма.

Концепция региональной интеграции в том виде, в котором она оформилась на рубеже 1940–1950-х гг., в данной работе не просматривается. Напротив, автор критически относится к растущему влиянию региональных групп и экономических блоков, считая их искусственным результатом преференциальной торговой политики. Поэтому регионализм представляется не только противоестественным, но и «наносщим вред нормальной структуре мировой экономики»⁵. Соответственно, вопросы интеграции национальных и региональных рынков Рёнке оставляют за пределами исследования.

На основе анализа Рёнке можно заключить, что он выделяет два основных уровня интеграции и дезинтеграции: уровень мирового хозяйства, где развитые взаимосвязи между национальными рынками могут создавать фактически единый глобальный рынок, и уровень социальной интеграции общества, где первостепенная роль принадлежит разумной экономической политике государства.

Валютно-финансовая конференция Объединённых наций, проходившая в июле 1944 г. в местечке Бреттон-Вудс (штат Нью-Гемпшир, США), не касалась вопросов интеграции или дезинтеграции мировой экономики, хотя учрежденные ею институты – Международный валютный фонд и Всемирный банк – были призваны содействовать многосторонним платежам и обменам между странами-участницами. В протоколах и официальных документах форума только вскользь говорится о необходимости создать после завершения войны «хорошо интегрированную мировую валютную систему»⁶.

⁴ Ibid. P. 69–71.

⁵ Ibid. P. 44.

⁶ United Nations Monetary and Financial Conference. Bretton Woods, New Hampshire. July 1–22, 1944. Washington (D.C.): United States government printing office, 1948. Vol. 1. P. 228.

Следующей вехой на пути формирования послевоенного экономического порядка стала подготовка Международной организации по торговле и занятости. Её устав был согласован на проходившей в ноябре 1947 г. – марте 1948 г. Конференции ООН. Подписанная по итогам форума, но нератифицированная из-за отказа США Гаванская хартия содержала статью № 44 о добровольных соглашениях с целью «более тесной интеграции между экономиками» участвующих стран. Стороны соглашений о таможенных союзах и зонах свободной торговли должны были стремиться к развитию торговли друг с другом, а не к ограничению торговли с третьими странами. На этот счёт делалось специальное уточнение: устанавливаемые новым объединением таможенные тарифы в отношении внешних партнёров не должны были быть выше, чем до его образования⁷. Как известно, до создания в 1995 г. Всемирной торговой организации (ВТО) вопросы либерализации торговли решались в рамках Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ). Оно было подписано в Женеве в октябре 1947 г. двадцатью тремя странами, принимавшими тогда участие в разработке основ Международной организации по торговле и занятости. Содержавшиеся в тексте ГАТТ положения о таможенных союзах и зонах свободной торговли (ст. 24) практически совпадали с соответствующими формулировками Гаванской хартии⁸. Из этого следуют два полезных для данного анализа заключения.

Во-первых, создание региональных объединений рассматривалось в качестве частного, локального решения глобальной проблемы, которая на данном этапе не могла быть урегулирована в масштабах всего мира. Позже эта же логика легла в основу классической работы Роберта Манделла, ставшей отправной точкой теории оптимальной валютной зоны. Будущий нобелевский лауреат рассуждал следующим образом: раз всеобщий переход к гибким курсам осложнён массой практических трудностей, следует задуматься о возможности такого транзита не каждой отдельной стра-

---

⁷ United Nations Conference on Trade and Employment held at Havana, Cuba from November 21, 1947, to March 24, 1948. Final Act and Related Documents. Interim Commission for the International Trade Organization. New York, April, 1948. Havana Charter for an International Trade Organization, Article 44. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/havana_e.pdf (accessed June 20, 2022).

⁸ Подробнее об истории ГАТТ см.: *Дюмулен И.И.* Нетарифные меры в современной международной торговле: некоторые вопросы теории, практика и правила ВТО, интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 2. С. 3–20.

ной, а валютными зонами. То есть о сохранении фиксированных курсов, например, внутри стерлинговой зоны или на пространстве «Общего рынка»⁹. Иными словами, валютная интеграция давала возможность регионального разрешения общей дилеммы фиксированных и гибких курсов.

Во-вторых, ко времени подписания ГАТТ и Гаванской хартии международное сообщество уже вполне осознало связь между углублением сотрудничества внутри регионального объединения и возможностью фактической дискриминации оставшихся за его пределами стран. Поэтому возникла специальная оговорка о нежелательности превращения региональных зон в недружественные крепости, что привело бы к дезинтеграции прежних международных взаимосвязей.

Данная дихотомия легла в основу классической работы Якоба Винера 1950 г. о воздействии вновь созданного таможенного союза на торговые потоки между его участниками и третьими странами. Автор ввёл актуальные по сей день понятия отклонения и создания торговых потоков, которые (что важно подчеркнуть) касаются общего для всей мировой торговли итога, а не изменения позиций отдельных стран. Когда преобладает эффект создания торговли, чистый выигрыш получает хотя бы одна из стран-участниц таможенного союза. Внешний мир может в краткосрочной перспективе сталкиваться с сокращением торговли, но выигрывать в долгосрочной перспективе «в результате всеобщего распространения возросшего благосостояния территории таможенного союза». Если общим итогом становится отклонение торговли, то проигрывать в результате сокращения торговых потоков могут как сами участники таможенного союза, так и оставшиеся за его пределами страны, а также весь мир в целом¹⁰.

Опирируя в рамках теории свободной торговли, автор признает, что таможенный союз является менее совершенным и надёжным средством регулирования международных торговых потоков, чем недискриминационное снижение торговых барьеров в масштабах всего мира¹¹. С этой точки зрения его позиция близка к позиции В. Рёпке. Хотя Винер не говорит ни слова о дезинтеграции, реалии сегодняшнего дня позволяют выдвинуть предположение, что в слу-

---

⁹ *Mundell R.A.* A Theory of Optimum Currency Areas // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 4. Pp. 657–665.

¹⁰ *Viner J.* The Customs Union Issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. P. 55.

¹¹ *Ibid.* P. 135.

чае выхода страны из таможенного союза торговые потоки начнут отклоняться в сторону от бывших партнёров по объединению. То есть переориентироваться в направлении остальных стран мира. Такое движение наблюдалось после распада Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), когда государства Центральной и Восточной Европы ещё до заключения преференциальных соглашений с ЕЭС заметно сократили товарооборот с Советским Союзом, а позже — с Россией и другими бывшими союзными республиками.

Сегодняшнее восприятие сформулированных Винером понятий отклонения и создания торговли требуют небольшого, но важного комментария. Свою книгу американский экономист писал на исходе 1940-х гг., когда стоимостные показатели внешней торговли были весьма неустойчивыми, в один год они могли увеличиваться, а в другой — сокращаться. Так, в 1949 г. экспорт США сократился, по сравнению с предыдущим годом, на 5%, а в 1950 г. — ещё на 17%. Экспорт Великобритании вырос в 1949 г. на 4%, и уменьшился на 8% в 1950 г.; импорт же сначала вырос на 1%, а потом упал на 14%¹².

Тенденция к устойчивому и опережающему по отношению к ВВП росту международной торговли в это время отсутствовала, она наметилась в середине 1960-х гг. и окрепла в первой половине 1970-х гг. Естественно, Винер исходил из исторического контекста, то есть из возможности абсолютного сокращения объёмов торговли. Когда же мировая торговля находится в состоянии постоянного расширения, *статический* анализ Винера требует поправок *на динамику*, ведь иначе эффект отклонения торговли нельзя обнаружить. Здесь на помощь экономистам приходят показатели, выявляющие изменение доли партнёров по группировке и третьих стран во внешнеторговых потоках, а также иные инструменты с более точной калибровкой, например, индексы интровертности и экстравертности торговли, применённые в главе 5 данной монографии (авторы Котов, Плюснин и Васильченко). Таким образом, можно говорить об абсолютном и относительном отклонении и создании торговых потоков.

Значительно расширила представления об интеграции вышедшая в 1953 г. книга о проблемах экономических союзов английского экономиста Джеймса Мида, коллеги Лайонела Роббинса и Джона Мейнарда Кейнса по экономическому отделу Секретариата каби-

---

¹² UNCTADstat, International merchandise trade / Total trade and share, annual. <https://unctadstat.unctad.org>

нета министров Великобритании в годы Второй мировой войны. По мысли автора, главной целью таких союзов является формирование «единого интегрированного рынка товаров и услуг», а также создание «широкого пространства, где факторы производства — труд и капитал — могут перемещаться от менее производительных к более производительным сферам применения»¹³. Мид задается вопросом о том, что позволяет рынку стать полностью интегрированным. И, отвечая на него, признает, что даже в США товарные рынки не являются полностью интегрированными вследствие сохраняющихся различий в коммерческой и налоговой политике отдельных штатов¹⁴.

То есть признаком глубоко интегрированного пространства является свободное перемещение факторов производства в поисках их более эффективного приложения. Данное условие по сей день не соблюдается в Европейском Союзе по множеству административных, структурных, культурных и иных причин, несмотря на успешно реализованную к началу 1993 г. программу построения Единого внутреннего рынка. Также не сбылись надежды архитекторов Экономического и валютного союза на то, что введение евро будет способствовать выравниванию цен на идентичные товары в государствах-членах, а закон единой цены повысит эффективность рыночных механизмов. Как и Винер, Мид не ставит вопроса о дезинтеграции. Но его понимание общего экономического пространства вводит шкалу интегрированности: чем свободнее перемещаются факторы производства внутри объединения, тем выше степень его интеграции, и наоборот. Соответственно, замедление мобильности факторов производства резонно считать дезинтеграцией.

Среди других классических работ по изучаемой проблеме особого внимания заслуживает вышедшая в 1954 г. книга Яна Тинбергена «Международная экономическая интеграция». Название вполне отвечает содержанию: автор изучает именно международную, а не региональную интеграцию, что сближает его с позицией В. Рёпке. Интеграцию Тинберген понимает как «создание наиболее желательной структуры международной экономики» путём устранения искусственных препятствий для её оптимального функционирования при целенаправленном введении всех желательных элементов координации и унификации. Таким образом, проблема

---

¹³ *Meade J.E. Problems of Economic Union. Routledge, London and New York, 1953. P. 4.*

¹⁴ *Ibid. P. 27–28.*

развития интеграции становится частью более общей проблемы — выработки оптимальной экономической политики¹⁵. При этом автор рассматривает интеграцию как «специальный аспект международной экономической политики»¹⁶.

Тинберген сформулировал ставшее хрестоматийным разделение мер интеграционной политики на негативные и позитивные. К негативной интеграции он относил действия, «направленные на устранение определённых инструментов международной экономической политики», например, таможенных пошлин и количественных ограничений. Однако этого, по словам автора, недостаточно, чтобы добиться «последствий лучшего разделения труда между народами и более высокого уровня жизни». Позитивная интеграция состоит в том, чтобы ввести новые меры, которые устранят существующие между странами несоответствия в области их торговой политики и в сфере производства¹⁷. Иными словами, негативная интеграция демонтирует барьеры на пути международных обменов, а позитивная — создаёт новое качество среды.

Для изучения дезинтеграции положения Тинбергена ценны тем, что они подчёркивают роль целенаправленной политики в деле развития международного разделения труда и соответствующих обменов. Если Мид концентрирует внимание на состоянии рынков, то Тинберген добавляет к концепции взаимосвязанных рынков идею разработки и реализации оптимальной экономической политики, в том числе на межгосударственном или наднациональном уровне. Продолжая данную линию рассуждения, можно заключить, что снижение эффективности общей для объединения экономической политики свидетельствует о неудовлетворительном состоянии интеграции, о приостановке процесса или о начале дезинтеграции. Чёткие критерии, отделяющих одно состояние от другого, здесь пока не просматриваются. Их разработка — задача будущих исследований. Сейчас благодаря интеллектуальному вкладу Тинбергена академическое сообщество получает в своё распоряжение дополнительный сегмент предметного поля и общее представление о прогрессе или регрессе интеграции. С известной степенью осторожности можно предположить, что, когда объединение проводит активную экономическую политику, это свидетельствует о его движении к более глубокой интеграции. Когда

---

¹⁵ *Tinbergen J.* International economic integration. Amsterdam: Elsevier, 1954. P. 15–16, 95.

¹⁶ *Ibid.* P. 106.

¹⁷ *Ibid.* P. 121–122.

же такие программы сворачиваются или не достигают успеха, это может быть признаком дезинтеграции.

Бела Балаша был солидарен с Тинбергеном в том, что интеграция требует как устранения барьеров на пути движения факторов производства, так и проведения эффективной экономической политики¹⁸. Предложенная им шкала стадий, или степеней (англ. — *degrees*) экономической интеграции является основой общепринятого представления о последовательном восхождении регионального объединения по мере его развития от зоны свободной торговли к таможенному союзу, а далее — к общему рынку, экономическому союзу и, возможно, к состоянию полной экономической интеграции¹⁹. Позже две последние стадии стали пониматься как экономический и валютный (или просто валютный) союз и, возможно, политический союз. Данная конструкция не подвергается сомнению, хотя подавляющее большинство существующих в мире региональных группировок представляют собой зоны преференциальной торговли или (в гораздо меньшем количестве) таможенные союзы. А единственное поднявшееся на уровень валютного союза объединение — Европейский Союз — потерпело неудачу при попытке перейти к полноценному политическому союзу в форме федерации.

Концепция стадий экономической интеграции широко применяется для оценки степени зрелости региональных объединений и прогресса их интеграционной повестки — в качестве важного, но не единственного мерила. Её практическая полезность для исследования дезинтеграции не столь велика и ограничивается случаями избирательной, или дифференцированной интеграции, о которых будет сказано позже. В общем виде неготовность конкретной страны двигаться к более высокой стадии интеграции (к которой переходят другие участники) может быть предвестником дезинтеграции. Но может и не быть. Так, Великобритания и Дания ещё в 1992 г. при подписании Маастрихтского договора официально закрепили за собой право не переходить к единой валюте. Первая спустя 28 лет вышла из состава Европейского Союза, а вторая остаётся в нём, никак не подвергая сомнению целесообразность своего членства.

---

¹⁸ Balassa B.A. Towards a Theory of Economic Integration // *Kyklos*. 1961. No. 14 (1). Pp. 1–14.

¹⁹ Balassa B.A. The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1961. P. 2.

До сих пор наука не знает примеров, когда целые объединения или их отдельные члены спускались бы вниз по очерченной Балашей лестнице интеграции. Причина затрудненности обратного движения кроется в крайне высоких (вероятно, во многих случаях запретительных) политических, репутационных и материальных издержках. Скорее, невозможность осуществить намеченный переход к более высокой стадии приводит к роспуску объединения и его воссозданию на новых условиях, что не раз происходило, например, в истории латиноамериканской региональной интеграции. Правда, и при таком течении событий есть варианты: Европейский Союз смог пережить конституционный кризис 2005 г., закрывший путь к формированию федерации и образованию полномасштабного политического союза.

Мировая экономика: проявления деглобализации

С начала XXI в., особенно после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., в мировой экономике наблюдается ряд явлений, которые указывают на попятное движение процесса глобализации. Речь идёт как о количественных, так и качественных подвижках. Два наиболее очевидных признака: сокращение объёмов международного инвестирования и снижение стоимости мирового экспорта по отношению к ВВП (то есть экспортной квоты, о которой писал Рёпке).

По итогам 2007 г. совокупный глобальный чистый приток прямых иностранных инвестиций достиг 3,1 трлн долл. Эта цифра поныне остаётся недостижимым рекордом. С началом мирового финансового кризиса показатель покатился вниз и после нескольких рывков опустился в 2020 г. до 1,3 трлн долл., что составляет немногим более 40% от докризисного уровня²⁰. Прервалась существовавшая не одно десятилетия тенденция к опережающему росту экспорта, по сравнению со всей хозяйственной деятельностью. Если в 1970 г. отношение стоимости экспорта товаров и услуг к мировому ВВП равнялось 13%, то в 2000 г. оно возросло до 24%, а в 2008 г. — до 32%. Дальше началось неровное снижение. По итогам 2020 г. показатель находился на уровне 15-летней давности — 26%²¹.

---

²⁰ База данных Всемирного банка: Foreign direct investment, net inflows (BoP, current US\$). <https://data.worldbank.org>

²¹ База данных Всемирного банка: Exports of goods and services (% of GDP). <https://data.worldbank.org>

Следует заметить, что открытость мировой экономики в целом и отдельных стран не может расти бесконечно. Значительная часть производимых товаров, в первую очередь продовольствие, обычно потребляется на месте, отсюда — принятое в мировой экономической литературе деление товаров на торгуемые и неторгуемые (англ. — *tradable and non-tradable goods*). Существует и другой структурный ограничитель — рост значения сферы услуг, где теперь создаётся почти 70% мирового ВВП. Подавляющая их часть, в принципе, не может быть предметом международного обмена (например, розничная торговля, общественное питание, жилищно-коммунальные услуги, внутренний туризм и гостиничный сервис, услуги фитнес-центров и салонов красоты, помощь нянь и сиделок и т.п.). Поэтому отношение мирового экспорта услуг к созданной в данной сфере добавленной стоимости в настоящее время не превышает 10%. Дальнейшее развитие сферы услуг будет препятствовать интернационализации мировой экономики. К слову, в Китае доля «третьего сектора» в ВВП поднялась с начала столетия с 40 до 54%²².

Есть и другие, менее явные признаки дезинтеграции мирового хозяйства. О нарастании неравномерности географического распределения мировой торговли свидетельствует динамика индекса концентрации экспортного рынка (англ. — *export market concentration index*), который рассчитывается экспертами ЮНКТАД по стандартной формуле Герфиндаля-Хиршмана. Для каждого товара или товарной группы он измеряет степень концентрации экспортного рынка по странам происхождения. Индекс принимает значение от 0 до 1. Чем больше значение приближается к нулю, тем лучше экспорт распределен между многими странами. Чем большая доля экспорта приходится на небольшое число стран, тем выше показатель.

Особенностью данного индекса является то, что в реальной жизни подавляющая часть его значений ложится в интервале от 0 до 0,3. Значение выше 0,18 говорит о значительной концентрации рынка, а 0,3 и выше — о крайне высокой концентрации. Значения выше 0,5 математически возможны только при одном производителе-монополисте²³.

---

²² База данных UNCTADstat. Gross domestic product: GDP by type of expenditure, value added by kind of economic activity.

²³ Приведём несколько примеров для модели мира, состоящего из 10 стран. Если экспорт исследуемого товара распределён равномерно между 10 странами, то сумма квадратов их долей — и значение индекса — составит 0,1. Предположим, что производство будет последовательно перемещаться в страну № 1, исчезая из экспорта других стран. Индекс достигнет значения 0,22, когда в стране № 1

По некоторым уникальным товарам, производство которых требует исключительных природных условий или основано на уходящих корнями в историю ремесленных традициях, данный индекс всегда будет высоким. Производство и экспорт массовых товаров, производимых по стандартным технологиям, распределяется равномерно по регионам и странам мира. Применительно к ним индекс имеет низкие значения, располагающиеся около величины 0,1.

Если с 1998 г. по 2008 г. значение индекса для всего мирового экспорта последовательно снижалось (с 0,157 до 0,136), то после мирового финансового кризиса оно стало увеличиваться. Два последних всплеска произошли на фоне сокращения объёмов мировой торговли в 2014–2015 гг. и во время пандемии коронавируса 2020 г. (рис. 4.1). Другими словами, в мире идёт процесс истощения экспортных потенциалов одних стран и наращивания — других.

Декомпозиция индекса по товарной номенклатуре раскрывает его значительную внутреннюю неоднородность. По таким товарным группам как продовольствие и химические вещества тенденция к диверсификации продолжается: всё большее число стран поставляет их на внешний рынок. Примерно одинаково на протяжении всего исследуемого периода распределялся экспорт машин и транспортного оборудования (отдел 7 Международной стандартной торговой классификации ООН — СМТК); индекс концентрации находился в интервале от 0,19 до 0,23. Однако ещё до глобального кризиса, а именно с начала 2000-х гг. усилилась концентрация экспорта по большой группе товаров, производство которых требует значительных трудозатрат. В первую очередь к ним относятся электронные компоненты, а также детали и компоненты электрических и электронных приборов.

сосредоточится 40% мирового экспорта, а три последние страны перестанут поставлять данный товар. Индекс примет значение 0,3, когда в первой стране будет сконцентрировано уже 50% экспорта, и 0,4 — когда на неё придётся 60% общего экспорта, а четыре «выжившие» страны-поставщика будут по-прежнему давать по 10% каждая. При этом пять стран, то есть половина, прекратят вывозить данный товар. Рассмотрим пример, когда производство будет стягиваться в две первые страны, исчезая из экспорта последних в списке государств. Значение индекса 0,34 будет соответствовать ситуации, когда два лидера дадут по 40% экспорта, а ещё два «выживших» государства-поставщика — по своим традиционным 10%. Когда же два лидера возьмут да себя по 45%, а из «выживших» 10-процентных останется только один, индекс поднимется до 0,415. То есть значение индекса 0,2 свидетельствует о значительной концентрации рынка. Значения же 0,3 и 0,4 говорят о крайне высокой концентрации рынка.

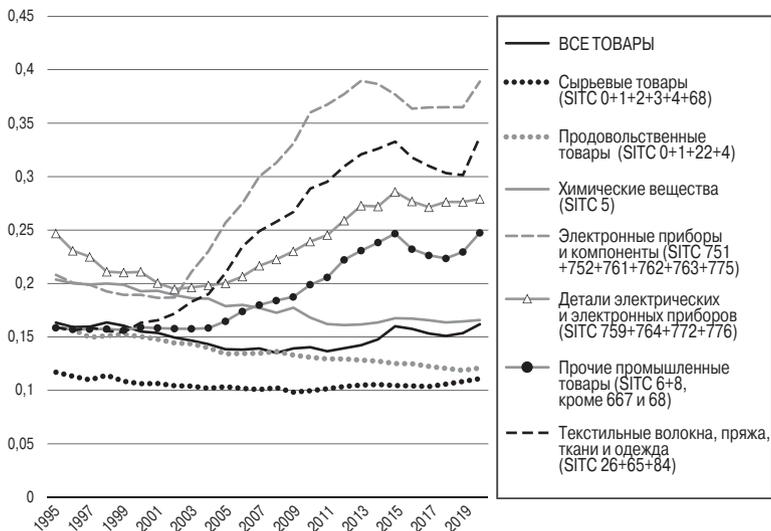

Рисунок 4.1. Индексы концентрации рынков в мировом экспорте в 1995–2020 гг.

Примечание. Коды товаров приведены по Международной стандартной торговой классификации ООН 2008 г. (Standard International Trade Classification – SITC). Для лучшего восприятия названия некоторых товарных групп даны в упрощённом виде. Официальный текст классификации на русском языке доступен по ссылке: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_34rev4r.pdf

Источник: база данных UNCTADstat (International merchandise trade/ Trade indicators/ Merchandise: market concentration and structural change indices of exports and imports of products, annual).

Резко возросла за минувшие два десятилетия географическая концентрация источников экспорта текстиля и одежды, а вместе с ними – всех промышленных товаров, кроме продукции химической промышленности и машиностроения (отделы 6 и 8 СМТК). Данная группа охватывает широчайшую номенклатуру изделий из кожи, резины, дерева, бумаги и картона, чугуна и стали. Сюда же входят: пряжа и ткани, строительные материалы, осветительные приборы, мебель, одежда и обувь, сумки и чемоданы, оптические и измерительные приборы, медицинские инструменты, фото- и киноаппаратура и принадлежности к ним, часы, очки и линзы, печатная продукция, игрушки и игры, спортивные товары, ювелирные изделия, музыкальные инструменты и др. Примечателен тот факт, что наметившаяся было после 2015 г. тенденция к более гомогенному распределению экспорта между странами-поставщиками, прервалась или поменяла направление по итогам 2020 г.

вследствие пандемии коронавируса (рис. 4.1). Данную оценку можно будет подтвердить или скорректировать, когда появятся данные за 2021–2023 гг.

Является ли высокая концентрация экспорта признаком дезинтеграции глобальной экономической системы или, наоборот, свидетельством её тесной интеграции? Можно предположить, что сосредоточение экспорта в нескольких странах говорит о высококоразвитой специализации, и следовательно — о наличии тесных кооперационных и транспортных связей между странами и регионами. То есть является признаком высокой интегрированности мирового хозяйства.

Приведём аргументы в пользу противоположной точки зрения. *Во-первых*, высокая концентрация экспорта ряда товаров — явление относительно новое, начавшее оформляться не более 20 лет назад. Оно соседствует и идёт вразрез с общей тенденцией (характерной для большинства других товарных групп) к включению в процесс производства и экспорта все большего числа стран. *Во-вторых*, высокая концентрация экспорта трудоёмких или оказывающих давление на окружающую среду (как, например, выработка натуральных тканей) товаров может быть признаком не растущей эффективности узкой группы производителей, а социального и экологического демпинга.

В-третьих, зарубежные поставки изделий из группы 8 СМТК (мебель, одежда, видеоаппаратура и т.п.), а также многих товаров из других высококонцентрированных групп редко основаны на международном разделении труда и кооперировании производства. Ведь предметом экспорта является либо готовая продукция, либо стандартные части, тогда как выпущенная с их использованием продукция не возвращается в страну происхождения деталей. Например, если в торговле продукцией машиностроения (экспорт которой распределен по миру достаточно равномерно) между Китаем, с одной стороны, и Германией и Францией, с другой, на внутриотраслевой обмен в 2021 г. приходилось около 80–90% товарооборота, то в торговле электроникой (кроме частей и компонентов) эта доля составляла 5% для Франции и 12% для Германии²⁴.

Наконец, подобные перекосы формируют новое измерение давней проблемы — общей несбалансированности мировой тор-

---

²⁴ Рассчитано по данным UNCTADstat: International merchandise trade / Trade structure / Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual, 2016–2021. Для расчёта доли внутриотраслевой торговли использован индекс Грубеля-Ллойда.

говли. Они усиливают асимметрию платежных балансов, создают почву для торговых конфликтов, объективно повышают риски стран-импортёров, связанные с обеспечением экономической безопасности. В новых отраслях, таких как международная торговля цифровыми товарами и услугами, возникает гонка за право устанавливать международные стандарты и нормы.

По данным за 2020 г. Китай давал 36% мирового экспорта одежды и тканей. На него приходилось 24% мирового экспорта деталей и компонентов электрических и электронных приборов и 41% экспорта продукции электроники. В целом доля КНР в глобальном экспорте увеличилась с 4% в 2000 г. до 15% в 2021 г. За это же время доля Северной Америки сократилась с 16 до 10%, а Европы – с 42 до 37%. При этом удельный вес всего африканского континента остался на уровне 2%.

Как справедливо отмечает В.Б. Кувалдин, глобализация способствовала достижению высоких темпов роста мирового ВВП, модернизации нескольких десятков развивающихся стран, избавлению от хронической бедности и нищеты сотен миллионов людей. Она сделала возможным формирование глобального среднего класса и продление более чем на десять лет средней продолжительности жизни землян. Все это кардинально изменило лицо современного мира, что вовсе не исключает присутствия в нем выигравших и проигравших²⁵.

Не оспаривая главную идею послевоенного мирового порядка о том, что свободное движение товаров и людей способствует эффективному размещению ресурсов, росту благосостояния и занятости, профессиональное сообщество в последнее время обратило внимание на социальные последствия глобализации. Оказалось, что открытая экономическая система не всегда является благом. Одним из первых проблему издержек глобализации поднял турецкий экономист и профессор Гарвардского университета Дэни Родрик. Он показал, что отдача от глобализации неодинакова на её различных этапах. Сначала общий для всех стран «пирог» увеличивается быстро, а потом все медленнее. Наибольшие выгоды приобретаются в ходе либерализации торговли, которая в целом завершилась к началу 1990-х гг. Зато на продвинутых стадиях издержки глобализации начинают увеличиваться. Более

---

²⁵ Кувалдин В.Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 5–13.

того, они распределяются крайне неравномерно. Для отдельных локальных рынков экономический ущерб от дополнительной порции глобализации (то есть открытия внутреннего рынка) может быть слишком большим и социально неприемлемым²⁶.

Выявлению практических взаимосвязей между глобализацией и неравенством посвящены получившие широкое признание работы Эльханана Хелпмана и Олега Иццоки. На базе объёмного эмпирического материала и с опорой на эконометрические модели авторы подтверждают гипотезу о росте неравенства в оплате труда вследствие открытия рынков. Причём данный негативный сдвиг часто наблюдается в рамках одной отрасли, когда экспортирующие предприятия повышают заработную плату сотрудников, а ориентированные исключительно на внутренний рынок производители этого не делают. Данная зависимость не является монотонной: либерализация торговли сначала увеличивает, а затем снижает неравенство в денежном вознаграждении работников. При этом включение той или иной отрасли в международную торговлю может по-разному сказываться на занятости, сохраняя или снижая её численность с соответствующими последствиями для национального уровня безработицы²⁷.

Существуют и другие теневые стороны глобализации. По некоторым оценкам, быстрая модернизация одних развивающихся стран (прежде всего Китая) может оборачиваться торможением индустриализации и замедлением роста совокупной факторной производительности в других развивающихся регионах. Особенно это характерно для государств с относительно слабыми институтами и непоследовательной экономической политикой. В целом же форсированная индустриализация Китая обострила конкуренцию на мировых рынках труда, что подтолкнуло деиндустриализацию и усиление внутристранового неравенства в других регионах²⁸.

---

²⁶ *Rodrik D.* Has globalization gone too far? / Institute for international economics Washington (DC). 1997; *Rodrik D.* The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy, New York: W.W. Norton & Company, 2012.

²⁷ *Helpman, E., Itskhoki O., Muendler M.-A., Redding S.J.* Trade and Inequality: From Theory to Estimation // *The Review of Economic Studies*. 2017. Vol. 84. P. 357–405. <https://doi.org/10.1093/restud/rdw025>; *Helpman, E., Itskhoki O., Redding S.* Inequality and Unemployment in a Global Economy // *Econometrica*. 2010. Vol. 78. No. 4. P. 1239–1283. DOI: 10.3982/ECTA8640

²⁸ *Мельянцева В.А.* Современная глобализация и её воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны // *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2018. № 1. С. 98–119.

Не удивительно, что в масштабах всего мира вопрос о балансе выгод и издержек глобализации остаётся открытым. Тонкой нюансировки требуют суждения о её влиянии на процессы сближения или расхождения душевых доходов бедных и богатых стран. Расчёт на основе паритета покупательной способности показывает, что, если в 1990 г. доходы среднего жителя Индии и Китая составляли не более 5–7% от доходов среднего жителя Франции, то в 2020 г. они поднялись до 15 и 38% соответственно. Но для одного из крупнейших государств Африки – Демократической Республики Конго с населением свыше 100 млн человек – данное соотношение снизилось с 5 до 2% от среднего для Франции²⁹.

Если вести счёт в текущих ценах, то разрывы (относительные и абсолютные) выглядят ещё более значительными. На протяжении последних 20 лет душевые доходы в Латинской Америке растут медленнее, чем в Европе. Африка с трудом удерживается на занятых позициях. Азия сокращает относительный разрыв с Европой, но вместе с двумя другими менее благополучными регионами все больше отстает от неё в абсолютных величинах душевого дохода. Аналогичным образом нарастает количественный разрыв между Северной Америкой и Европой при некотором сокращении относительной разницы в пользу Нового Света (табл. 4.1).

Таблица 4.1

**Доходы на душу населения в основных регионах мира
в 1970–2020 гг. в текущих ценах, долл. США**

	Текущие цены, долл.			2020/ 1970	2020/ 2000	Европа = 100%			Разница с Европой, тыс. долл. США		
	1970	2000	2020			1970	2000	2020	1970	2000	2020
Мир	924	5491	10949	11,8	2,0	47,0	41,1	39,1	-1,0	-7,9	-17,1
Африка	322	811	1804	5,6	2,2	16,3	6,1	6,4	-1,6	-12,5	-26,2
Сев. Америка	4998	34987	60920	12,2	1,7	254,0	262,2	217,4	3,0	21,6	32,9
Лат. Америка	639	4345	6919	10,8	1,6	32,5	32,6	24,7	-1,3	-9,0	-21,1
Азия	246	2558	7122	29,0	2,8	12,5	19,2	25,4	-1,7	-10,8	-20,9
Европа	1968	13344	28021	14,2	2,1	100,0	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0
Океания	2725	15390	39743	14,6	2,6	138,5	115,3	141,8	0,8	2,0	11,7

Источник: рассчитано на основе базы данных UNCTADstat: Gross domestic product/ Total and per capita, current prices. <https://unctadstat.unctad.org>

²⁹ Расчёт на основе базы данных Всемирного банка: GDP per capita, PPP (current international \$). <https://data.worldbank.org>

Ответом многих стран и регионов, в том числе высокоразвитых, на давление глобализации становится усиление протекционизма в его новой версии, за которой в экспертном сообществе закрепилось название «протекционизм 2.0». Первоначально данным термином называли применяемые правительствами защитные меры в области производства и торговли цифровыми товарами. Позже понятие распространилось на широкий спектр инструментов, нацеленных на защиту национальной экономики и бизнеса, как внутри страны, так и за её пределами³⁰.

Обычно такие меры вводятся по причине или под предлогом обеспечения национальной безопасности. Проявлением деглобализации становится развернувшееся в последнее время противоборство в сфере высоких технологий, а также активное обращение к политике импортозамещения, локализации и защиты своих рынков от нежелательных иностранных инвесторов. Примеры подобных действий можно наблюдать как в политике Китая и Евросоюза в целом, так и отдельных европейских стран. Резонансным стал случай применения итальянским правительством «правила золотой силы» осенью 2020 г., когда по геополитическим и ценностным соображениям 50,1% акций морского порта Триест были проданы немцу, а не китайскому инвестору³¹.

Весной 2020 г. Европейская комиссия выступила с проектом новой промышленной стратегии ЕС, основанной на идее двойного перехода — экологического и цифрового. Документ открыто постулирует притязания Евросоюза на мировое индустриальное лидерство в условиях, когда «новые и постоянно меняющиеся геополитические реалии» оказывают «глубокое воздействие» на состояние европейской промышленности. К числу таких реалий отнесены: глобальная конкуренция, протекционизм, искажения рыночных

---

³⁰ *Миловидов В., Аскер-заде Н.* Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64. № 8. С. 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45

³¹ *Громыко Ал.А.* Пандемия и кризис системы международных отношений // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2020. № 5. С. 6–19. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1; *Белов В.Б.* Новая промышленная стратегия Евросоюза // *Аналитические записки ИЕ РАН.* 2020. № 13. Режим доступа: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an196.pdf> (дата обращения: 15.06.2022); *Алексеевкова Е.С.* Выбор Италии: Шёлковый путь по-европейски, а не по-китайски? // *Фактор Китая в Средиземноморье / Под ред. О.В. Буториной, Е.С. Алексеевковой // Доклады Института Европы РАН.* 2022. № 387. С. 61–82. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12022_387

механизмов, противоречия между торговыми партнёрами, а также восхождение новых держав и появление новых конкурентов³².

Следует подчеркнуть, что данная стратегия является в значительной степени реактивной. Евросоюз глубоко озабочен тем, что в новых сферах международных отношений, например, в цифровой экономике и торговле, глобальные правила могут быть установлены без его участия. Тогда и официальным, и деловым кругам стран ЕС придётся жить по правилам, которые будут в первую очередь отвечать интересам США и Китая. Подробно проблематика новой промышленной стратегии ЕС обсуждается в главе 6 данной монографии «Европейский зелёный курс в условиях вызовов двойного перехода. Роль водородной экономики» (В.Б. Белов).

Европейский Союз: пределы интеграции

Создание Европейских сообществ и их поступательное развитие в первые два десятилетия, до нефтяных кризисов 1970-х гг., не оставляло политикам и интеллектуалам места для размышлений об обратном движении. Благодаря подкупающе лаконичной схеме Б. Балаши в общественном сознании закрепилось представление об интеграции как об объективном (и чуть ли не предопределённом) движении от более простых стадий к более совершенным. Надо сказать, что даже в 1990-е гг. во время подготовки амбициозного проекта Экономического и валютного союза членство в ЕС и в будущей зоне евро рассматривалось как «билет в один конец». Хотя Маастрихтский договор о Европейском Союзе 1992 г. впервые в истории Сообществ предусмотрел принципиальную возможность разноскоростной интеграции, при которой к более продвинутым её формам переходят не все, а только готовые к этому государства-члены. Подписанный в 2007 г. Лиссабонский договор впервые изложил процедуру добровольного выхода государства-члена из состава Европейского Союза.

Дезинтеграция была и продолжает оставаться «нелюбимой падчерицей» интеграционных исследований. Её движущие силы, формы, проявления и последствия изучены крайне слабо, что признают как зарубежные, так и отечественные авторы³³. В ака-

³² A New Industrial Strategy for Europe / Centre for European Policy Studies. Eds: Andrea Renda, Malorie Schaus. Brussels: CEPS, 2020.

³³ Sbragia A. Comparative Regionalism: What Might It Be? // Journal of Common Market Studies. 2008. Vol. 46. Annual Review. Pp. 29–49; Либман А.М., Хейфец Б.А.

демическом сообществе отсутствует даже самое приблизительное согласие о том, что считать дезинтеграцией.

Первыми о самой возможности дезинтеграции и необходимости её осмысления заговорили представители неофункционализма. Основоположник теории Эрнст Хаас, чье высказывание взято в качестве эпиграфа к данной главе, отмечал, что конфликт между Жаном Монне и генералом де Голлем (первый стремился к сообществу с надгосударственными органами управления, а второй настаивал на примате национального суверенитета) выходил далеко за рамки исторического контекста. Из этого Хаас делал вывод, что движение к интеграции не является объективным и «неизбежным», а полноценная теория интеграции должна предусматривать феномен дезинтеграции³⁴.

Адресованная научному сообществу рекомендация так и осталась благопожеланием. Хотя о ней не забыли. Видимо, поставленная Хаасом задача оказалась слишком сложной или до поры до времени недостаточно актуальной. Со второй половины 1980-х гг. на многих континентах началось формирование новых региональных объединений, что породило спрос на новую теорию интеграции, которая перестала бы ориентироваться исключительно на опыт Западной Европы и учла бы произошедшую трансформацию мировой экономической системы. Эта трансформация характеризовалась: проведённой благодаря ГАТТ широкой либерализации торговли промышленными товарами; переходом многих развивающихся и социалистических государств к открытой рыночной экономике; критическим увеличением международных потоков прямых зарубежных инвестиций³⁵.

Ведущие идеологи теории нового или открытого регионализма шведские учёные Бьорн Хеттне и Фредерик Зёдербаум в полной мере восприняли идею Хааса о том, что интеграция и дезинтеграция развиваются одновременно. К этому они сделали важную поправку: одновременно, но на разных уровнях. Отсюда на любой

Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 2 (11). С. 4–18; *Лебедева М.М.* Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37

³⁴ *Haas E.B.* The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America // Journal of Common Market Studies. 1967. Vol. 5. No. 4. Pp. 315–343. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1967.tb01153.x>

³⁵ *Ethier W.J.* The New regionalism // The Economic Journal. 1998. No. 108 (July). Pp. 1149–1161.

стадии интеграционного процесса возникает возможность *обратного перелива* (англ. — *spillback*)³⁶. Речь идёт о сконструированном неофункционалистами и весьма продуктивном концепте *перелива* (англ. — *spillover*) интеграционных мероприятий из одной сферы в другую, что создаёт в рамках объединения спрос на наднациональное управление. При этом, по мысли авторов, верх могут одерживать то процессы глобализации, то тенденция к фрагментации наряду с различными вариантами региональных сценариев — от создания враждебных внешнему миру «крепостей» до формирования открытых регионов, служащих своего рода мостом к многостороннему устройству мира³⁷.

Данное положение полезно для настоящего анализа двумя составляющими. *Во-первых*, оно подкрепляет нашу гипотезу о том, что интеграция и дезинтеграция не являются простым отрицанием друг друга и не могут происходить на одном и том же уровне. *Во-вторых*, подтверждается связь между региональной интеграцией и глобализацией, на чем последовательно настаивает автор данной главы³⁸.

Исследования дезинтеграции в Европейском Союзе до того как появился британский прецедент сводились в основном к проблеме дифференцированной, или разноскоростной интеграции. В поле зрения учёных попадали Дания, Великобритания и Швеция (не перешедшие по разным причинам на евро); страны Центральной и Восточной Европы, не присоединившиеся к некоторым направлениям общей политики Евросоюза, включая Шенгенское пространство; а также легитимизированный Амстердамским договором 1997 г. и усиленный Лиссабонским договором механизм продвинутого сотрудничества (англ. — *enhanced cooperation*). Многие авторы указывали на риски, связанные с фрагментацией внутреннего политического и правового пространства Евросоюза³⁹.

³⁶ *Hettne B. and Söderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No. 3 (December). Pp. 457–73. DOI: 10.1080/173687778

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Буторина О.В.* Региональная интеграция: основные понятия // Европейская интеграция: учебник / Под ред. О.В. Буториной и Н.Ю. Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 14–28.

³⁹ *Leruth B.; Gänzle S. and Trondal J.* Differentiated Integration and Disintegration in the EU after Brexit: Risks versus Opportunities // *Journal of Common Market Studies*. 2019. Vol. 57. No. 6. Pp. 1383–1394; *Бабынина Л.О.* Трансформация внутренней архитектуры ЕС: проблемы фрагментации политического пространства // *Политическая наука*. 2014. № 2. С. 44–64; *Кавешников Н.* Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на органи-

Проблема экономической неоднородности Евросоюза вышла на первый план в ходе кризиса еврозоны 2010–2012 гг. Участники валютного союза поделались на должников и кредиторов, на способных и неспособных поддерживать предписанную Маастрихтским договором бюджетную дисциплину. Одновременно выяснилось, что наиболее пострадавшие страны (Греция, Испания, Италия, Ирландия и Португалия) оказались в тяжёлом положении не только из-за безответственной национальной экономической политики, но также из-за разной реакции их хозяйств на единую денежно-кредитную политику Европейского центрального банка.

Единая валюта стала важнейшим общим благом, особенно для тех стран еврозоны, которые ранее не имели устойчивых денежных единиц с высокой степенью интернационализации. Уничтожив валютный риск (как правило, риск девальвации), она открыла шлюзы дешевого внешнего кредитования для компаний и населения относительно слабых стран. Если раньше греки и португальцы не брали иностранные кредиты в немецких марках, опасаясь девальвации своих валют, а иностранные банки по той же причине не давали им займы в драмах и эскудо, то после перехода на евро этот автоматический ограничитель кредитной экспансии исчез. Инвесторы начали путать валютный и страновой риски, что стало одной из основных причин масштабного долгового кризиса еврозоны.

Недавние исследования выявили феномен структурной дивергенции и даже поляризации стран, присоединившихся к еврозоне в первые два года её действия. Имеются в виду нарастающие расхождения в структуре и механизмах развития национальных хозяйств. Группа австрийских и немецких экономистов эмпирически доказала, что процесс расслоения еврозоны на центр и периферию начался с разнонаправленного движения балансов по текущим операциям, когда у одних стран сформировались устойчивые профициты, а у других – дефициты. После мирового финансового кризиса расхождение уже приняло вид двух разных моделей экономического роста: экспортно-ориентированной в странах ядра и долговой – в странах периферии. Ситуацию усугубили различия в технологических потенциалах и в рентабельности компаний. По мнению авторов, достижение реальной конвергенции между странами ЕС требует проведения активной промышленной политики в сочетании с государственными инвестициями и перераспределительными мерами,

которые бы помогли поддерживать на приемлемом уровне совокупный спрос во всех государствах еврозоны⁴⁰.

Расхождение экономических траекторий или прекращение их сближения наблюдается и в других сферах. Ввиду ограниченных размеров данной главы выберем две из них: традиционную – доходы на душу населения и инновационную – торговлю цифровыми товарами и услугами.

Чтобы оценить ход сближения стран ЕС по уровню душевых доходов (который является важнейшим индикатором благосостояния), статистическое ведомство Евростат рассчитывает отношение данного показателя в конкретной стране к средней по всему Евросоюзу величине. Публикуемые данные рисуют в целом благоприятную картину. Так, с 2012 по 2021 г. ВВП на душу населения в Болгарии поднялся с 23 до 31% от среднего по Евросоюзу, а в Латвии – с 42 до 54%⁴¹. Используемый показатель, как и многие другие, имеет свои ограничения, поэтому интерпретация полученных цифровых значений требует понимания экономического контекста. Так, средний по ЕС доход может снижаться вследствие сильного спада в одной или нескольких странах, что даст иллюзию быстрого догоняющего роста в отстающих государствах-членах. Кроме того, специалисты знают, что сближение процентных соотношений может сопровождаться расхождением абсолютных величин⁴².

Наконец, описанное соотношение не даёт понять, насколько кучно распределяются показатели государств-членов, то есть увеличивается или уменьшается с годами разброс доходов в рамках всего объединения. Оценить количественно меру разброса помогает другой инструмент – коэффициент вариации. Он вычисляется путём деления среднеквадратичного (стандартного) отклонения на среднюю для всей группы величину.

⁴⁰ Gröbner C., Heimberger P., Kapeller J. and Schütz B. Is the Eurozone disintegrating? Macroeconomic divergence, structural polarization, trade and fragility // Cambridge Journal of Economics. 2020. No. 44. Pp. 647–669. DOI:10.1093/cje/bez059

⁴¹ Eurostat, Main GDP aggregates per capita [nama_10_pc] / percentage of EU27 (from 2020) total per capita (based on million euro), current prices. Extracted on 24.07.2022.

⁴² Приведём пример. Пусть в начале периода доход в стране А = 100 единиц, а в стране Б = 30 единиц; в конце периода доход А = 200 единиц, а доход Б = 90 единиц. Тогда в начале периода отношение дохода страны Б к среднему по двум странам будет равно $30 / (100 + 30) = 23\%$. В конце периода соотношение составит $90 / (200 + 90) = 31\%$. Увеличение данной пропорции, а также ускоренный рост доходов в стране Б (в 3 раза, по сравнению с удвоением в стране А) будет указывать на сближение душевых доходов. Однако абсолютный разрыв увеличится с 70 единиц (100–30) до 110 единиц (200–90).

Сделанный по 26 странам ЕС расчёт позволяет измерить направление и скорость конвергенции. В целом с 1994 по 2008 г. разброс имел очевидную тенденцию к сокращению (с одной короткой перебивкой), за этот период коэффициент вариации снизился с 0,65 до 0,55 единиц. После глобального экономического кризиса тренд прервался. Процесс конвергенции перешёл в стадию неустойчивой стагнации с признаками дивергенции. Вследствие пандемии COVID-19 по результатам 2020 г. коэффициент вариации резко поднялся, вернув Евросоюз по степени разброса душевых доходов к состоянию 2006 г. (рис. 4.2).

Под этим углом зрения становится более понятным, почему в последние годы руководящие органы Евросоюза произвели столь радикальную смену социально-экономических приоритетов. Напомним, что принятая в 2000 г. Лиссабонская стратегия стави-

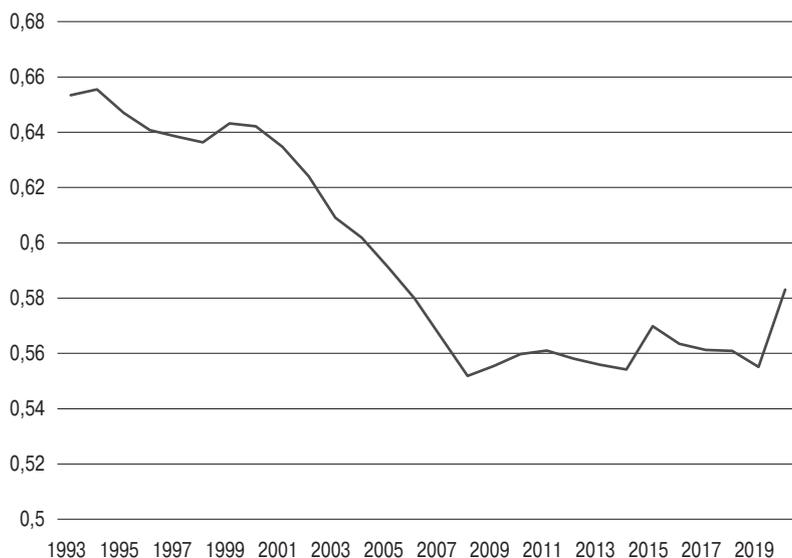

Рисунок 4.2. **Коэффициент вариации душевых доходов государств-членов ЕС в 1993–2020 г., в постоянных ценах 2015 г.**

Примечание: для всего указанного периода коэффициент рассчитан для состава ЕС после января 2020 г., то есть без Великобритании. Из выборки исключён Люксембург ввиду малой численности населения, высокого и волатильного показателя душевого дохода. Таким образом, расчёт сделан по 26 странам.

Источник: рассчитано по данным статистической базы: UNCTADstat: Gross domestic product / per capita, US dollars, constant (2015) prices.

ла цель повысить средние темпы роста до 3% годовых и в течение десяти лет превратить ЕС в «самую конкурентоспособную экономику мира». Реализация стратегии не задалась с самого начала. Её усечённая версия 2005 г. по-прежнему была ориентирована на рост, социальное сплочение, создание рабочих мест, технологическое развитие и защиту окружающей среды. Попытка снова не удалась, и в 2010 г. появилась программа «Европа 2020. Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста». Она содержала восемь «флагманских» целей, сгруппированных в три крупных направления, в соответствии с названием документа.

По состоянию на сентябрь 2019 г., из всех контрольных показателей стратегии лучше всего выполнялись климатические цели, достаточный прогресс наблюдался в части энергетического перехода и в образовательной сфере. Однако Евросоюзу не удалось довести расходы на НИОКР до 3% ВВП (показатель остался на уровне чуть выше 2%); не были выполнены целевые показатели по занятости, сокращению бедности и социальной изоляции⁴³. Следует заметить, что официальный Брюссель никогда не провозглашал цели добиться сближения и тем более выравнивания уровней благосостояния в государствах-членах. Вместе с тем, обосновывая тот или иной новый проект, органы ЕС всегда подчёркивали его социальную значимость, полезность для многих групп населения и для государств-членов.

Приступившая к исполнению обязанностей с декабря 2019 г. Европейская комиссия под руководством У. фон дер Ляйен официально не отказывалась от целей программы «Европа 2020», но выдвинула новые приоритеты — «Европейский зелёный курс» и цифровизация. Как следствие, задачи ускорения экономического роста и социального сплочения ушли в тень. Это подтверждает сделанный автором полтора десятилетия назад вывод о том, что Евросоюз как интеграционное объединение перестаёт быть подобием поезда с общей для всех участников целью (станцией назначения), а превращается в инфраструктурный проект, своего рода торговый молл, где и бедные, и богатые могут одинаково пользоваться сияющими эскалаторами и чистыми туалетами. Правда, одни покупают дешёвую еду, а другие — товары премиального класса⁴⁴. О том, что социальная и экономическая неоднородность может

---

⁴³ Eurostat. Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 Strategy. 2019. P. 9.

⁴⁴ Буторина О. Интеграция в стиле фанк // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. С. 106–121.

снижать эффективность и доступность порождаемых интеграцией коллективных благ пишут и иностранные авторы⁴⁵.

Наблюдаемая перегруппировка приоритетов Евросоюза свидетельствует о том, что в своем прежнем развитии он наткнулся на большое препятствие. Экономическая интеграция фактически достигла потолка в деле повышения благосостояния народов, что является одной из трех главных официально заявленных целей ЕС (наряду с укреплением мира и продвижением европейских ценностей⁴⁶). Речь идёт о двух разных функциях интеграции (или её ожидаемых эффектах) – способности стимулировать экономический рост и содействовать сближению уровней экономического развития. Создание Единого внутреннего рынка, а потом Экономического и валютного союза не стало таким мощным катализатором социально-экономического развития, как это виделось Жаку Делору, его соратникам и многим миллионам их современников внутри и за пределами «европейской семьи». Все предпринятые Евросоюзом в нынешнем веке, то есть после введения евро, попытки запустить механизм ускоренного роста (в том числе путём развития НИОКР, что отвечало постулатам теории эндогенного роста) не принесли результата.

В предстоящие годы государствам-членам ЕС, как и большинству стран мира, предстоит смириться с замедлением темпов экономического роста, вялой или стагнирующей динамикой душевых доходов, консервацией многих разрывов между центром и периферией. На этом фоне Евросоюзу нужна повестка, основанная на свежих, не скомпрометировавших себя идеях, которые обладали бы высокой привлекательностью и имплицитно обещали бы прогресс для всех и каждого – для севера и юга, для бедных и богатых, для коренных жителей и для мигрантов. Цифровизация и «Зелёный курс» обладают и новизной, и столь необходимой для широкой общественной поддержки инклюзивностью. Они помогают официально Брюсселю аккуратно дистанцироваться от прежней логики, в которой достижения интеграции имели, прежде всего, экономическую ценность, и были основаны на примате рынка.

Согласно обнародованной в 2020 г. программе «Формирование цифрового будущего Европы», одной из главных задач ЕС

---

⁴⁵ *Bellamy R., Kröger S.* A democratic justification of differentiated integration in a heterogeneous EU // *Journal of European Integration*. 2017. Vol. 39. No. 5. Pp. 625–639. <https://doi.org/10.1080/07036337.2017.1332058>

⁴⁶ Статья 3 Консолидированной версии Договора о Европейском Союзе 2010 г.

в области цифровизации является укрепление его технологического суверенитета. Чтобы стать «сильным и независимым» игроком цифрового мира, Евросоюз планирует активно наращивать производственный и технологический потенциал, а также максимально использовать свою нормативную силу для «продвижения европейского подхода к формированию глобального взаимодействия». В ближайшие годы он будет стремиться оказывать «действенное влияние на то, как разрабатываются и используются цифровые решения в глобальном масштабе»⁴⁷. Иными словами, интеграция приобретает ярко выраженную внешнюю направленность и тесно переплетается с глобальной повесткой.

Заявленные амбиции должны, по логике вещей, опираться на соответствующий производственный и экспортный потенциал. Но, как констатирует Европейская комиссия в утверждённом в марте 2021 г. плане развития цифровой сферы до 2030 г., пока позиции Евросоюза в сфере передовых технологий (процессоры, веб-платформы и облачная инфраструктура) не соответствуют его мировому экономическому весу. Например, 90% всех данных управляются в ЕС американскими компаниями, среди ведущих онлайн-платформ менее 4% являются европейскими, за счёт собственного производства Евросоюз покрывает только 10% потребностей в микрочипах. В документе признается, что цифровые технологии в основном развиваются за пределами ЕС, а конвергенция между государствами-членами происходит в цифровой сфере крайне медленно. Государства-члены, находящиеся по степени цифровизации ниже среднего по ЕС уровня, за последние пять лет почти не продвинулись вперёд⁴⁸.

По итогам 2020 г., общий экспорт 27 государств ЕС товаров, произведённых на основе информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ-товары)⁴⁹, был равен 303 млрд долл.,

---

⁴⁷ European Commission. (*Shaping Europe's Digital Future*. 2020. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_4.pdf

⁴⁸ European Commission (2021). Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. 2030 Digital Compass: The European Way for The Digital Decade. Brussels, 9.3.2021 COM (2021) 118 final. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118>.

⁴⁹ Сектор включает четыре подсектора: производство электронных компонентов и плат, производство компьютеров и периферийного оборудования, производство телекоммуникационного оборудования, а также производство бытовой электроники.

а импорт — 431 млрд долл. Доля объединения составила 13% в мировом экспорте и 17% — в мировом импорте. Почти $\frac{3}{4}$ мирового экспорта этих товаров происходило из развивающихся стран Азии, крупнейшими поставщиками являлись: Китай, Гонконг, Республика Корея, Сингапур и Тайвань (Китай).

С начала века совокупное отрицательное сальдо ЕС-27 в торговле ИКТ-товарами выросло на 100 млрд долл., а коэффициент покрытия импорта экспортом снизился с 87 до 70%. Сильнее всего отношение экспорта к импорту упало в Финляндии: с 1,9 раза в 2000 г. до 34% в 2020 г., что отражает драматичную историю взлета и падения национального телекоммуникационного гиганта — компании «Нокиа». Соотношение стоимости экспорта и импорта также значительно ухудшилось во Франции, Швеции, Испании, Люксембурге⁵⁰.

Только три государства-члена имели в 2020 г. положительный или нулевой баланс в торговле ИКТ-товарами: Ирландия, Чехия и Словакия. Причём две последние страны, а также Польша многократно нарастили свой экспортный потенциал за последние 20 лет. На протяжении 2000–2020 гг. зарубежные продажи ИКТ-товаров из Словакии выросли в 29 раз, из Чехии — в 26 раз, из Польши — почти в 15 раз, тогда как из всех стран ЕС они увеличились в 1,4 раза. За это же время экспорт из Франции, Ирландии и Швеции сократился на 30–40%⁵¹.

Важной положительной тенденцией является то, что государства Центральной и Восточной Европы (по-прежнему причисляемые к новым членам ЕС) успешно осваивают высокотехнологичные производства и быстро догоняют в этой сфере западное крыло объединения. Данный тренд во многом обусловлен широкой деятельностью на их территории иностранных компаний, в первую очередь европейских. Производители активно используют преимущества ёмкого внутреннего рынка Евросоюза: именно он поглощает 85–90% экспортных поставок ИКТ-товаров из Чехии, Словакии и Польши⁵².

Одновременное вялое развитие или сжатие экспортных возможностей ряда западноевропейских стран (Австрии, Бельгии, Дании, Ирландии, Италии, Испании, Финляндии, Франции и Швеции) свидетельствует о том, что возникающий благодаря

---

⁵⁰ Рассчитано по данным статистической базы: UNCTADstat: Digital economy / Bilateral trade flows by ICT goods categories.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

объединению национальных рынков эффект масштаба сам по себе не являются залогом технологического прогресса. Кроме того, наличие в ЕС двух разных трендов (один из которых направлен вверх, а другой вниз) становится источником статистической иллюзии. Количественные показатели конвергенции оказываются завышенными из-за недостатка поступательного роста в ряде «старых» членов союза.

Сектор цифровых услуг⁵³ значительно превосходит по своим размерам сектор ИКТ-товаров. По итогам 2020 г., стоимость экспортированных из стран Евросоюза услуг с цифровой доставкой составила 1235 млрд долл., тогда как их импорт равнялся 1194 млрд долл. На протяжении последнего десятилетия совокупный баланс ЕС сводится за отдельными исключениями с положительным сальдо. Наибольший вклад в его формирование вносят: Люксембург, Германия, Франция, Испания, Бельгия и в последние годы Польша. Наибольшее отрицательное сальдо имеет Ирландия.

Характерной особенностью экспорта услуг с цифровой доставкой является его устойчиво неравномерное распределение по странам происхождения. Шестёрка лидеров (Ирландия, Германия, Нидерланды, Франция, Люксембург и Бельгия) в общей сложности обеспечивают 70–75% всех трансграничных поставок из Евросоюза. В отличие от экспорта ИКТ-товаров, здесь государства Центральной и Восточной Европы пока не смогли сколько-нибудь расширить своё присутствие. На Польшу приходится только 2,5% совокупного экспорта стран Евросоюза, вклад Румынии, Чехии и Венгрии составляют около 1% у каждой, доли остальных новых стран ЕС не достигают и полпроцента.

Сильнейший разброс между государствами-членами наблюдается по такому важному показателю, как доля услуг с цифровой

---

⁵³ По методологии ЮНКТАД, к цифровым услугам относят девять групп услуг: 1) телекоммуникационные; 2) компьютерные (например, программное обеспечение и компьютерные игры); 3) содействие продажам и маркетинг (например, реклама, исследования рынков, организация выставок); 4) информационные (включая онлайн контент, библиотечные и архивные); 5) страховые и финансовые; 6) управление и администрирование (юридические, бухгалтерские, аудит, трудоустройство, туроператорские услуги и т.п.); 7) лицензионные услуги; 8) инжиниринг, технические услуги и НИОКР (например, издательские и топографические, архитектура и ландшафтный дизайн, обработка фотографий, устный и письменный перевод и др.); 9) образовательные услуги. Подробнее см.: UNCTAD International Trade in ICT Services and ICT-enabled services: Proposed Indicators from the Partnership on Measuring ICT for Development. UNCTAD Technical Notes on ICT for Development. 2015. No. 3. Geneva.

доставкой в общем экспорте услуг. Он тесно связан со степенью цифровизации не только третьего сектора, но и всей хозяйственной жизни. Два лидера в данной области – Ирландия и Люксембург – поставляют в цифровом виде до 90% экспортируемых услуг. Швеция, Финляндия, Нидерланды, Бельгия, Германия и Франция доставляют зарубежным покупателем в цифровом виде 50–70% экспортируемых услуг. На последнем месте находится Греция, где в 2019 г. эта доля равна 10%. Немного лучше ситуация выглядела в Литве и Португалии, там показатель находился на уровне 20%. Важно, что из всех стран с невысокой долей цифровых услуг в их общем экспорте только Болгария и Словакия за прошедшее десятилетие сумели заметно продвинуться вперёд. Большая группа стран (в том числе Греция, Испания, Португалия, Дания, Италия, Словения, Венгрия, Румыния, Чехия, Латвия, Эстония) почти не демонстрируют положительной динамики.

Нынешний низкий уровень интеграции рынков цифровых услуг и слабый прогресс на данном направлении заслуживают особого внимания. Следует отметить, что данная сфера не обременена таможенными барьерами и количественными ограничениями, кои стояли на пути свободного движения товаров между странами ЕЭС до создания ими таможенного союза. Кроме того, перемещение цифровых услуг вообще не подразумевает транспортных расходов, кроме затрат продавца и покупателя на Интернет. То есть интеграция рынков цифровых услуг должна была бы идти легче и быстрее, чем интеграция товарных рынков. Но этого не происходит. Есть мнение, что обеспечение свободы передвижения услуг в ЕС является более трудной задачей, чем обеспечение трёх других свобод из-за неоднородности услуг и их быстрой технологической эволюции, особенно на фоне дигитализации экономики⁵⁴.

В целом если выход Великобритании из ЕС явился примером институциональной дезинтеграции, то многие другие менее яркие события и тенденции дают основания говорить о замедлении интеграционной динамики и исчерпании интеграционного ресурса в его исконном понимании. Возможности интеграции содействовать экономическому росту и повышению уровня жизни населения заметно уменьшились после завершения программы негативной интеграции и особенно после мирового финансового кризиса и кризиса еврозоны.

---

⁵⁴ *Enoch Ch. Europe beyond the euro. Building protection for Europe's economies in the time of risks. London: Palgrave Macmillan, 2021. P. 50.*

Выводы

Современная региональная экономическая интеграция является ответом отдельных групп стран на произошедшую в первой половине XX в. дезинтеграцию глобальной экономики в том виде, в котором она сложилась как единый хозяйственный механизм к концу XIX в. благодаря промышленной революции, утверждению капитализма как главенствующей модели организации общества, бурному развитию транспорта и, конечно, системе золотого стандарта. Важнейшими драйверами и «строительными блоками» процессов интернационализации того времени выступали колониальные империи, в первую очередь Британская и Французская.

Региональная интеграция находится в тесной взаимосвязи с процессами глобализации, причём последние действуют на неё как экзогенная и зачастую непредсказуемая сила. Форматирующее воздействие глобализации на региональную интеграцию является, по нашему представлению, гораздо более сильным, чем влияние региональных объединений на международный экономический порядок. Региональные группировки реагируют на вызовы глобализации, а не наоборот.

Так, в первые 30 лет своей истории ЕЭС развивался в стабильном международном окружении, обусловленным биполярной системой мира. Главным вызовом было удержание политического баланса сил с США, а также экономическое и технологическое соревнование с американскими и в меньшей мере японскими компаниями. Этот период завершился во второй половине 1980-х гг. с распространением информационных технологий, либерализацией и быстрым ростом финансовых рынков, а далее — с распадом СССР и открытием рынков многих развивающихся стран. Сообществам не оставалось ничего другого, как принять вызов: разработать план Экономического и валютного союза, а потом пойти на политически обусловленное и весьма хлопотное расширение на восток. С начала XXI в. главным вызовом стали восхождение Китая и собственная деиндустриализация, связанная с перемещением многих производств в развивающиеся страны. Объявленный Евросоюзом двойной переход — экологический и цифровой — вкупе с новой промышленной стратегией призван смягчить давление глобализации, повысить шансы ЕС влиять на формирование нового мирового порядка и закрепить за ним лидерство в нескольких ключевых сферах.

Региональная интеграция с самого начала содержит в себе риск дезинтеграции. Простейшим примером этой связи является вероятное отклонение торговых потоков при создании таможенного союза. В данном случае имеет место дезинтеграция внешнего пространства. Дезинтеграция внутреннего пространства регионального объединения, скорее, возможна на высоких стадиях интеграции, как это произошло в еврозоне вследствие формирования разных моделей экономического развития в странах ядра и периферии. На более низких стадиях проблема может заключаться в недостаточной фактической интеграции рынков, когда даже при отсутствии административных барьеров факторы производства проявляют неполную мобильность, а закон единой цены не работает. В зоне евро проявлением такой структурной неоднородности стали также разные для отдельных стран темпы инфляции и разная доходность государственных облигаций в условиях полностью однородной, единой денежно-кредитной политики ЕЦБ.

По мере усложнения интеграции и её продвижения к более высоким стадиям растёт и риск дезинтеграции: не все участники способны выдерживать высокий темп и идти на новые ограничения национального суверенитета. В истории ЕС этот риск сначала материализовался в распространении дифференцированной интеграции, а уже потом — в выходе Великобритании из состава объединения. Однако есть основания полагать, что не всякая неполная интеграция создаёт почву для сокращения численного состава группировки. Косвенным количественным признаком остановки интеграции или дезинтеграции можно считать наблюдаемое в ЕС после мирового экономического кризиса прекращение процесса конвергенции показателей душевых доходов между государствами-членами.

К настоящему времени традиционная модель социально-экономической интеграции (основанная на переходе от таможенного союза к единому рынку и к валютному союзу) переживает в Евросоюзе период трансформации. Её изначальный рыночный потенциал, состоявший в снятии барьеров на пути движения факторов производства и в использовании эффекта масштаба, практически исчерпал себя. Создание единого внутреннего рынка и введение единой валюты не дали тех эффектов в части стимулирования роста и перехода к модели устойчивого развития, на которые они были рассчитаны. Единая валюта не смогла серьёзно упрочить свои позиции на мировых товарных и финансовых рынках и составить более мощную, чем 20 лет назад конкуренцию доллару. Более того,

она усилила центробежные тенденции в еврозоне. Израсходовав резервы негативной интеграции (направленной на высвобождение рыночных сил), ЕС переносит упор на позитивную интеграцию — активную политику в избранных областях.

Новые приоритеты подразумевают постепенный отход от прежнего принципа создания общего блага для всех, в частности от идей социально-экономического сплочения. Теперь органы ЕС заняты формированием общей рамки с выраженным глобальным измерением. Вопрос о том, какие страны, компании и социальные слои смогут воспользоваться её преимуществами, остаётся за пределами их внимания. Так, если в производстве и экспорте ИКТ-товаров некоторые страны Центральной и Восточной Европы делают заметные успехи, то в экспорте услуг с цифровой доставкой между государствами-членами наблюдаются большие и устойчивые расхождения. Это значит, что объявленная стратегия цифрового перехода может иметь разную полезность для разных стран и не обязательно усилит их фактическую интеграцию по уровню цифровизации общественной жизни.

Особенностью нового этапа интеграции в ЕС и в других регионах мира является смена вектора глобализации. Происходившее с конца 1980-х гг. повсеместное открытие рынков теперь становится предметом критического анализа. Выявленные издержки либерализации побуждают правительства принимать меры с целью защиты местных производителей, сохранения занятости и защиты стратегических интересов государства. Наблюдаемая деглобализация происходит на фоне продолжающегося снижения уровней таможенной защиты большинства стран мира. Одновременно появляются новые формы протекционизма, что, по нашему мнению, будет сообщать новую динамику отношениям между региональными группировками и их отношениям с внешним миром.

Глава 5. Внутрорегиональная торговля в ЕС: влияние кризисных шоков¹

*А.В. Котов,
Р.М. Плюснин,
А.Д. Васильченко*

Введение

Вспыхнувшая в конце 2019 г. пандемия COVID-19 вызвала резкое сжатие международной торговли. На протяжении трех кварталов 2020 г. стоимость мирового товарного экспорта была ниже аналогичных показателей предыдущего года. Всего за 2019–2020 гг. мировой экспорт сократился на 9,8% – до 17,6 трлн долл. США. После завершения острой фазы пандемии объёмы быстро восстановились, и, по итогам 2021 г., глобальный экспорт достиг рекордных 22,3 трлн долл. Торговля Европейского Союза (включая поставки между государствами-членами) реагировала на внешний шок весьма схожим образом с той только разницей, что восстановление шло несколько медленнее. Как следствие, доля ЕС-27 в мировом товарном экспорте снизилась на один процентный пункт – с 30,7% в 2018 г. до 29,7% в 2021 г.²

Европейский Союз является одним из главных центров мировой экономики, совокупный ВВП 27 государств-членов составлял в 2020 г. в текущих ценах 18% от мирового, тогда как на США приходилось 25%, а на Китай – 17%. В целом же доля ЕС в мировом ВВП постепенно, но неуклонно снижается. Несколько последовательных расширений состава ЕС, в результате чего численность участников увеличилась с 12 в 1994 г. до 28 в 2013 г., частично компенсировали эту негативную тенденцию. Коренной причиной ослабления глобальных экономических позиций ЕС является ускоренный рост в странах с развивающейся экономикой³.

---

¹ Авторы выражают благодарность чл.-корр. РАН, д-р экон. наук О.В. Буториной за идею главы и ценные комментарии.

² Расчёт произведен на основе данных: UNCTADstat: International merchandise trade/ Trade value and volume / Merchandise: Total trade and share, annual. <https://unctadstat.unctad.org>

³ *Brempt K.V.* Report on the trade-related aspects and implications of COVID-19 // European Parliament, Committee on International Trade, 2021. P. 13. URL: <https://www.>

В масштабах всего мира пандемия создала крупные транспортно-логистические трудности для цепочек поставок. Внутри Евросоюза, несмотря на официальные призывы дать «общеевропейский» ответ на глобальный вызов, имелись случаи, когда по факту государства-члены закрывались друга от друга. Так, в начале пандемии власти Франции и Германии ввели запрет на поставку медицинских масок в Италию, где в это время сложилась критическая ситуация из-за взрывного роста числа заболевших и умерших от новой инфекции⁴. Эти и подобные им действия очевидным образом нарушали принцип единства внутреннего рынка ЕС.

Многие компании стран ЕС понесли в период пандемии крупные потери, как из-за приостановки операционной деятельности, так и вследствие нарастания общей макроэкономической неопределённости. За 2020 г. совокупный ВВП 27 стран Евросоюза сократился на 6,0%, в том числе в Испании – почти на 12%, а в Португалии, Греции, Италии и на Мальте – на 8–9%⁵. Таким образом, сжатие торговых потоков было вызвано как нарушением логистических цепочек, так и давлением пандемии на сферу производства. Данная ситуация дает повод вспомнить о другом эндогенном шоке – мировом экономическом и финансовом кризисе 2008–2009 гг. Тогда только за один 2009 г. совокупный ВВП 27 стран Евросоюза снизился на 4,6%, а экспорт (включая внутрирегиональные поставки) упал на 22%.

Остаётся неисследованным, насколько два пережитых странами ЕС шока повлияли на их торговлю с партнёрами внутри объединения и с третьими странами и, соответственно, на соотношение этих двух сегментов внешней торговли. Важно установить, стал ли кризис COVID-19 движущей силой для реконфигурации торговых потоков государств-членов ЕС в пользу их большей ориентации на внешних партнёров или на партнёров по объединению. Научный интерес представляет выявление параметров потенциальных центробежных или центростремительных тенденций, а также количественная и содержательная оценка наблюдаемых изменений.

---

europeanparliament.europa.eu/doceo/document/INTA-PR-689689_EN.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

⁴ Coronavirus: The EU Is Abandoning Italy in Its Hour of Need. URL: <https://www.statewatch.org/news/2020/march/coronavirus-the-eu-is-abandoning-italy-in-its-hour-of-need/> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵ UNCTADstat: Output and income /Real gross domestic product, total and per capita, growth rates, annual. <https://unctadstat.unctad.org>

Гипотеза данного исследования состоит в том, что пандемия коронавируса, будучи крупным экзогенным шоком, могла стать причиной структурных сдвигов в международной торговле государств-членов ЕС, а именно привести к появлению эффекта отклонения торговых потоков (англ. — *trade diversion*) и заместить эффект их создания (англ. — *trade creation*). Теоретической базой служат положения экономической теории о влиянии таможенных союзов на торговые потоки, сформулированные в классических трудах Якоба Винера⁶, Джеймса Мида⁷ и Ричарда Липси⁸. Эмпирической основой исследования служат данные о региональной торговле 27 государств-членов ЕС в 2006–2020 гг., предоставляемые статистической базой ЮНКТАД⁹.

Решение поставленной задачи представлено последовательно в трех блоках. Вначале приводится обзор литературы о механизмах возникновения и проявлениях эффектов отклонения и создания торговли в интеграционных объединениях. Далее авторы разрабатывают методологию анализа статистических данных о движении торговых потоков. Третий блок включает оценку полученных результатов и формулировку содержательных выводов.

Теоретический обзор

Пандемия и последующие внешнеэкономические шоки активизировали дискуссию о дифференцированном проявлении эффектов отклонения и создания торговли в европейской интеграции, начало которой было положено во второй половине 1960-х гг.¹⁰ Коронакризис развернул классический вопрос о последствиях создания таможенного союза, поставив его следующим образом: усилилась или нет близость торговых связей государств-членов ЕС

---

⁶ *Viner J.* The Customs Union Issue. Washington, D.C.: Anderson Kramer Associates, 1950.

⁷ *Meade J.E.* The Belgium-Luxembourg Economic Union, 1921–1939: Lessons from and Early Experiment / Essays on International finance. No. 25. International Finance Section, Department of Economics and Sociology, Princeton University, 1956.

⁸ *Lipsey R.G.* The theory of customs unions: Trade diversion and welfare // *Economica*. 1957. 24 (93). Pp. 40–46.

⁹ *UnctadStat: International Merchandise Trade. Trade Structure.* <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>

¹⁰ *Balassa B.* Trade creation and trade diversion in the European Common Market // *The Economic Journal*. 1967. 77 (305), 1–21. <https://doi.org/10.2307/2229344>

и произошла ли их переориентация внутрь объединения? Данная проблема ложится в русло широкой научной дискуссии о том, становится ли Евросоюз по мере углубления интеграции более сплоченным (и, возможно, более автономным от внешнего мира) или, наоборот, преобладает проявившаяся в 1990-е гг. тенденция к развитию «многоскоростной» интеграции или интеграции «с меняющейся геометрией»¹¹.

Проведенные в последние полтора десятилетия исследования формируют многообразную картину проявления эффектов отклонения и создания торговли в процессе эволюции европейской интеграции. Имеется аргументированное мнение, согласно которому признаки отклонения торговых потоков наблюдались в основном на ранних этапах функционирования таможенного союза ЕЭС (1962–1973), когда внутрорегиональная торговля росла в отраслях со слабо выраженными сравнительными преимуществами. Для более поздних временных периодов данный тренд уже не был характерен, поскольку процесс региональной интеграции совпал с общей либерализацией международной торговли, то есть со снижением внешних торговых барьеров, что улучшило доступ на внутренний рынок сообщества поставщиков из отстающих стран. Одновременно интеграция способствовала экономическому росту и, соответственно, расширению спроса на импортные товары, что было выгодно для внешних производителей¹².

Серьезные подвижки в географической структуре торговых потоков в Европе произошли вследствие распада Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и заключения в начале 1990-х гг. странами Центральной и Восточной Европы соглашений о преференциальной торговле с ЕЭС. Анализ при помощи гравитационной модели позволил подтвердить широко распространенное мнение о том, что расширение ЕС на страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) привело к созданию значительного объема торговли как в отношениях между «старыми» государствами-членами ЕС и их новыми партнёрами на востоке, так и между самими странами ЦВЕ. Причём наибольшее позитивное воздействие было обнаружено в торговле между южной и западной периферией ЕС, с одной стороны, и государствами ЦВЕ, с другой, а также между странами Балтии. Отличительной чертой этих сдвигов стал зна-

¹¹ *Stubb A.C.-G.* A Categorization of Differentiated Integration // *Journal of Common Market Studies*. 1996. 34 (2). Pp. 283–295.

¹² *Kokko A., Mathä T.Y., Tingvall P.G.* Regional Integration and Trade Diversion in Europe // *Integration and Trade*. 2007. No. 26. Pp. 205–246.

чительной рост экспорта из развитых стран ЕС и образование все более значительного торгового дефицита у стран ЦВЕ¹³. Другими словами, эффект отклонения торговли сочетался с эффектом создания торговли.

Иные результаты были получены при оценке влияния четвертого и пятого расширений ЕС (когда в 1995 г. вступили Австрия, Финляндия и Швеция, а в 2004 г. восемь стран Центральной и Восточной Европы вместе с Кипром и Мальтой). В результате оценки гравитационной модели по данным об импорте и экспорте за период 1988–2008 гг. было обнаружено, что по большинству товарных групп торговля между государствами-членами ЕС увеличивалась за счёт сокращения торговли с третьими странами. При этом прирост торговых потоков с партнёрами был по стоимости больше, чем сокращение торговли с внешним миром¹⁴.

Более близкий по времени процесс длительных переговоров после референдума о брекзите показал, что на торговые потоки влияет не только факт изменения численности участников интеграционной группировки, но и перспектива такого изменения. Высокая неопределённость будущего формата двусторонних отношений между ЕС и Британией оказала выраженное негативное воздействие на размер взаимных поставок. Например, испанские фирмы, тесно связанные с данным национальным рынком (направлявшие туда или получавшие оттуда более 10% зарубежных продаж и закупок), смогли за короткий срок почти полностью переориентироваться на других контрагентов, в основном из других европейских стран¹⁵.

Анализ широкого круга показателей о состоянии и динамике внешней торговли Великобритании во время вызванного пандемией COVID-19 кризиса показал, что по итогам 2020 г. её товарный экспорт пострадал сильнее, чем у других стран. Британскому экспорту было свойственно более глубокое падение и более медленное восстановление, чем поставкам из Германии, Италии,

---

¹³ *Wilhelmsson F.* Trade Creation, Diversion and Displacement of the EU Enlargement Process. Unpublished manuscript. Department of Economics Lund University, 2006. https://www.researchgate.net/publication/228339732_Trade_creation_diversion_and_displacement_of_the_EU_Enlargement_process

¹⁴ *Akram M., Rashid A.* Trade Creation and Diversion Effects of the European Union // *Pakistan Journal of Applied Economics*. 2016. No. 26. P. 1–32. URL: https://www.researchgate.net/publication/322554713_Trade_Creation_and_Diversion_Effects....of_the_European_Union (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁵ *Gutiérrez E., Lacuesta A., Machuca C.M.* Brexit: trade diversion due to trade policy uncertainty // *Documentos de Trabajo*. 2021. No. 2140. P. 36.

Испании и США¹⁶. Тем временем на экономическом пространстве Евросоюза, несмотря на призывы официальных органов к единству перед лицом пандемии, обозначилась тенденция к фрагментации. Группа учёных из Северной Македонии отмечала, что вводимые государствами-членами ЕС ограничения на внутренние торговые потоки, ставили под угрозу достигнутые положительные результаты либерализации торговли¹⁷.

Отечественные исследователи многократно обращались к теме торговых эффектов региональной интеграции¹⁸. Предметом критического анализа становился тезис о, безусловно, позитивном влиянии интеграции на экономическое развитие, проверке подвергался факт наличия прямой зависимости позитивных интеграционных эффектов от степени взаимодополняемости национальных хозяйств стран-участниц¹⁹. Вопросы развития региональной интеграции, в том числе на евразийском пространстве, рассматривались в контексте присоединения России к ВТО²⁰, действия международных торговых соглашений²¹, а также современного уровня глобализации и многообразия интеграционных моделей²². Данная работа, посвящённая оценке возникших в государствах-членах ЕС

¹⁶ Du J., Shepotylo O. UK trade in the time of COVID-19: A review // The world economy. 2022. No. 45 (5), 1409–1446. <https://doi.org/10.1111/twec.13220>

¹⁷ Disoska E.M., Kikerkova I. Toshevska K. Covid-19 challenges for eu extra and intra-regional trade // Conference: Economic and Business Trends Shaping the Future. 2020. <http://doi.org/10.47063/EBTSF.2020.0011>

¹⁸ Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М., 2011. С. 25–26; Сабельникова Е.М. Подходы к оценке эффектов экономической интеграции на уровне отраслей: обзор мирового опыта // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. Т. 14. С. 433–460.

¹⁹ Ушкалова Д.И. Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность / Д.И. Ушкалова // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 4. С. 120–137.

²⁰ Гуцин Е.С., Истомин Р.И., Пташкина М.Г., Таганов Б.В. Анализ последствий либерализации внешней торговли Российской Федерации в рамках приСоединёния России к ВТО и региональной экономической интеграции // РАНХиГС. 2015. Препринт, 40 с. URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/wraper/137Gushchin.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

²¹ Идрисов Г., Истомин Р., Каукин А. Исследование взаимного влияния международных торговых соглашений и международной торговли. М., 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2626059> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2626059> (дата обращения: 20.06.2022).

²² Головнин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 4. С. 61–69.

торговых эффектов в ответ на внешний шок пандемии COVID-19, дополняет этот блок литературы.

В условиях нарушения привычного графика поставок вскрылись многие производственные цепочки, о которых ранее больше рассуждали в абстрактных терминах. Теперь же выяснилось, насколько они важны для нормального функционирования международной торговли и экономики отдельных стран. В академической литературе появились труды, посвящённые влиянию COVID-19 на торговлю различных групп стран: например, стран Британского содружества²³ и Вишеградской четвёрки²⁴. Пандемия, как и большинство экономических кризисов, привели к корректировке торговых потоков, масштабы и направления которой зависели от главных причин и принимавшихся правительствами ответных мер²⁵.

Логично предположить, что возникшие в течение пандемии перебои в поставках могли усилить эффекты отклонения торговли. Эксперты ЮНКТАД в проведенном в 2021 г. исследовании задались вопросом о том, показали ли товарные потоки внутри региональных торговых соглашений (РТС) большую устойчивость к глобальному спаду. Объектом анализа стали двусторонние торговые потоки 139 стран. Авторы разработали эконометрическую модель, где факторами с фиксированными эффектами являлись специфические характеристики стран-импортеров и экспортеров, идиосинкратические (уникальные) шоки, а также меры, принятые властями в ответ на вызовы пандемии. На обширном эмпирическом материале (свыше 18 тыс. наблюдений) было установлено,

---

²³ *Escaith H., Khorana S.* The Impact of the COVID-19 Pandemic on Merchandise Trade in Commonwealth Countries. / International trade working paper. 2021. No. 2. 38 p. URL: https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/migrated/inline/ITWP%202021_02_UPDF.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

²⁴ *Astrov V., Holzner M.* The Visegrad Countries: Coronavirus Pandemic, EU Transfers, and Their Impact on Austria // Policy Notes and Reports. 2021. № 43. Vienna: The Vienna Institute for International Economic Studies. P. 22. URL: <https://wiiw.ac.at/the-visegrad-countries-coronavirus-pandemic-eu-transfers-and-their-impact-on-austria-dlp-5600.pdf> (дата обращения: 20.06.2022); *Ugurlu E., Jindrichovská I.* Effect of COVID-19 on International Trade among the Visegrad Countries // Journal of Risk and Financial Management. 2022. 15 (2): 41. URL: <https://doi.org/10.3390/jrfm15020041>

²⁵ *Comunale M., Dainauskas J., Lastauskas P.* Supply chains and trade flows volatility in the face of shocks. CEPR Policy Portal. 2021. URL: <https://voxeu.org/article/supply-chains-and-trade-flows-volatility-face-global-shocks> (дата обращения: 20.06.2022).

что двусторонняя торговля в рамках РТС, действительно, оказалась более устойчивой, чем торговля вне таких соглашений. Так, страны, между которыми существуют соглашения о глубокой интеграции (охватывающие не только торговлю, но и различные сферы экономической политики), показали в 2020 г. сокращение товарооборота на 8,5%. Товарооборот внутри обычных РТС уменьшился на 11,2%, тогда как среднее снижение для той или иной страны вне такого объединения составило 14,1%²⁶.

Хотя пандемия COVID-19 создала перекосы в международной торговле, большинство из них были временными, и уже к концу 2020 г. товарные потоки частично вышли на предкризисный уровень. В то же время в процессах формирования трансграничной торговли всё большую значимость приобретают геополитические факторы. Многие государства приняли и реализуют инициативы, призванные воздействовать на перемещение деятельности своих международных фирм и реорганизацию глобальных цепочек создания стоимости. Причём эти недавние меры целесообразно рассматривать в контексте более масштабного процесса, который очевидным образом разворачивался ещё до пандемии. А именно как часть меняющейся логики и пространственной структуры размещения промышленности, для которой все более характерными становятся такие явления, как: географическая фрагментация производства²⁷, его организации в виде цепочек поставок²⁸, а также рост глобальных производственных сетей²⁹.

Методология

Согласно академической традиции, исследование внутрорегиональной торговли той или иной интеграционной группировки обычно начинается с выявления её доли в общем товарообороте

²⁶ *Nicita A., Mesut S.* Trade Agreements and Trade Resilience During COVID-19 Pandemic. UNCTAD Research Paper. 2021. № 70. 15 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ser-rp-2021d13_en.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

²⁷ *Prema-chandra A.* Production Networks and Trade Patterns in East Asia: Regionalization or Globalization? // *Asian Economic Papers*. 2010. 10 (56). Pp. 65–95.

²⁸ *Koopman R., Powers W., Wang Z., Wei S.-J.* Give Credit Where Credit Is Due: Tracing Value Added in Global Production Chains // NBER Working Paper Series. 2010. No. 16426. P. 58. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w16426/w16426.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

²⁹ *Dent C.* East Asian Regionalism. New York: Routledge, 2008.

стран-участниц³⁰. Величина и динамика показателя дают общее представление о значимости партнёров по объединению в системе их международных связей. Более продвинутые и детализированные инструменты количественной оценки интеграционных процессов представлены в специализированных докладах ЮНКТАД³¹, а также в работах международных исследовательских коллективов под руководством бельгийского экономиста Филиппа Де Ломбарде³², который с января 2022 г. возглавляет Институт сравнительных исследований региональной интеграции в Университете ООН.

Как уже отмечалось, первый и стандартный используемый показатель — доля внутрирегиональной торговли во всём внешнеторговом обороте страны или объединения. Она вычисляется по формуле:

$$S_k = t_{ki}/t_k, \quad (1)$$

где S_k — доля внутрирегиональной торговли страны в её общем внешнеторговом обороте, t_{ki} — объёмы торговли данной страны со своей интеграционной группировкой, t_k — общий объём внешней торговли страны.

Величина данного соотношения очевидным образом свидетельствует о значимости партнёров в системе внешнеэкономических связей страны. Однако за внешней простотой и убедительностью показателя кроются его некоторые недостатки, которые не позволяют провести содержательный анализ при помощи только одного этого инструмента. Главная проблема заключается в том, что величина исследуемой пропорции напрямую зависит не только от интенсивности торговли со странами-партнёрами, но и от размеров самого объединения. Соответственно, по мере приСоединёния к нему новых участников показатель будет увеличиваться, а в случае выхода стран — уменьшаться³³.

---

³⁰ Petri P., Capannelli G., Lee J.-W. Developing Indicators for Regional Economic Integration and Cooperation / ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. 2009. No. 33. P. 56. <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28507/wp33-developing-indicators-rei.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

³¹ UNCTAD Trade and Development Report: Regional Cooperation for Development. New York and Geneva: UNCTAD, 2007.

³² The regional integration manual: quantitative and qualitative methods / Ed. by Ph. De Lombaerde, R. Flores, L. Iapadre, M. Schulz. London: Routledge, 2011. Pp. 107–109.

³³ The regional integration manual: quantitative and qualitative methods / Ed. by Ph. De Lombaerde, R. Flores, L. Iapadre, M. Schulz. London: Routledge, 2011. Pp. 103–104.

Индекс интенсивности внутрорегиональной торговли рассчитывается как отношение предыдущего показателя (доли внутрорегиональной торговли в общем товарообороте) к доле интеграционной группировки в мировой торговле.

$$I_k = S_k/W_i = ((t_{ki}/t_k))/((t_i/T)), \quad (2)$$

где t_i – объёмы торговли интеграционной группировки, T – объёмы мировой торговли. W_i – доля интеграционной группировки в мировой торговле.

Таким образом, устраняется названный выше недостаток первого показателя. Теперь доля стран-партнёров во внешнеторговом обороте страны соизмеряется с долей данного объединения в мировой торговле³⁴. Индекс позволяет сравнить *относительную* интенсивность двух частей внешнеторгового оборота исследуемой страны и выяснить, какой из них развит больше³⁵.

Если значение равно единице, то это говорит о так называемой географической нейтральности страны, то есть о том, что доля её торговли внутри региона равна доле интеграционной группировки в мировой торговле. Значения выше единицы свидетельствуют в пользу большей ориентации страны на торговлю внутри своей интеграционной группировки³⁶. Чем выше это значение, тем выше степень такой ориентации³⁷. Максимальное значение показателя – величина обратная доле региона в мировой торговле – означает, что вся торговля имеет внутренний региональный характер. Оно тем выше, чем меньше совокупный внешнеторговый оборот интеграционного блока³⁸.

Например, в 2000 г. в экспорте Бельгии на страны ЕС приходилось 67%, тогда как доля ЕС в мировом экспорте составляла 33%. Соответственно, показатель интенсивности внутрорегиональной торговли был равен 2,03. То есть значение стран ЕС в торговле Бель-

³⁴ Гурова И.П. Измерение глобальной и региональной торговой интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 67.

³⁵ Можейко А.В. Сравнение моделей экономической интеграции / Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 150.

³⁶ Григорян К.Г. Система индикаторов региональной экономической интеграции // Российский экономический интернет-журнал. 2012. № 1. С. 50.

³⁷ The regional integration manual: quantitative and qualitative methods. Pp. 105–106.

³⁸ Гурова И.П. Измерение глобальной и региональной торговой интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 67.

гии было вдвое выше, чем если бы её экспорт распределялся по странам мира, в тех же пропорциях, что и весь глобальный экспорт.

Устранив одну проблему (связанную с невозможностью учесть размер интеграционной группировки), данный индекс породил другую. Дело в том, что его значения в интервале от нуля до единицы и значения выше единицы имеют разную размерность. Так, в таможенном союзе двух небольших экономик, индекс интенсивности внутрирегиональной торговли может подниматься до уровня 10–20 и более единиц, если доля данного таможенного союза в мировой торговле составляет менее 10 или 5% соответственно. Кроме того, значение показателя зависит от общего объёма торговли всей группировки в том или ином году. Это не позволяет сравнивать показатели интенсивности внутрирегиональной торговли ни по годам для одной страны, ни между странами.

Выход из ситуации был найден путём усовершенствования формулы, что позволило привести исследуемые значения к общей базе. Так возник индекс интровертности региональной торговли. Он рассчитывается следующим образом:

$$SJ_k = ((HI_k - HE_k) / (HI_k + HE_k)); \quad (3)$$

$$HI_k = S_k / W_i = ((t_{ki} / t_k) / (t_{ri} / t_r)); \quad (4)$$

$$HE_k = ((1 - S_k) / (1 - W_i)), \quad (5)$$

где t_{ri} – объёмы внешней торговли интеграционной группировки, t_r – объём внешней торговли остального мира. HI_k – индекс интенсивности внутрирегиональной торговли, HE_k – индекс интенсивности экстрарегиональной торговли.

Последний рассчитывается аналогично индексу интенсивности внутрирегиональной торговли: доля третьих стран в товарообороте исследуемой страны сравнивается (делится) на их совокупную долю в мировой торговле. Теперь, когда в делимом находится разность между показателями интенсивности внутри- и экстрарегиональной торговли, а в делителе – их сумма, значения индекса уже не могут выйти за пределы интервала от -1 до $+1$.

Значение -1 указывает на отсутствие торговли внутри региона, 0 означает «географическую нейтральность», когда торговля внутри группировки и за её пределами одинаково значимы для исследуемой страны. Если показатель равен 1 , это указывает на

отсутствие торговли за пределами региона. Для индекса экстравертности региональной торговли характерна обратная ситуация³⁹.

Индекс интровертности региональной торговли позволяет сравнить ориентированность внешней торговли как для одной страны за разные годы, так и для разных стран группировки между собой. Благодаря этим качествам он был избран в качестве инструмента решения задачи, поставленной в данной главе.

Результаты

Следует отметить, что ещё до начала пандемии коронавируса в международной торговле стран ЕС, как и во всей мировой торговле, наблюдалось снижение оборотов. Экспорт и импорт товаров сократился в 2019 г. на 3,1%. Развитие пандемии и последующий каскад экономических ограничений усугубили ситуацию. В самый трудный период, который пришелся на первое полугодие 2020 г., страны ЕС оперативно принимали меры с целью сдержать распространение вируса. Это приводило к нарушению поставок, сжатию предложения, а затем, когда были введены ограничения для граждан, — также к сжатию потребительского спроса. По оценкам Economist Intelligence Unit, во II квартале 2020 г. ВВП Германии, Франции и Великобритании упали на 9,7, 13,7 и 19,8% соответственно. Поскольку 50–75% экспортируемых из государств ЕС товаров направляются в страны-партнёры по группировке, для большинства из них спад в экономике негативно отразился и на международных связях⁴⁰.

Механика складывания новой системы торговых связей заключалась в том, что после первоначального сбоя многие европейские компании быстро приступили к реконфигурации своих цепочек поставок. Они переключались на новых поставщиков, расширяли круг контрагентов, гибко меняли логистические схемы и нацеливались на новые рынки сбыта. Параллельно шло технологическое перевооружение, расширялось применение цифровых и телекоммуникационных технологий.

---

³⁹ UNCTAD Trade and Development Report: Regional Cooperation for Development. New York and Geneva: UNCTAD, 2007.

⁴⁰ *Stellinger A., Gerber P., Piat S., Garzotti P.* Trade in transition regional report: Europe. URL: <https://impact.economist.com/projects/tradeintransition-2021/reports/DPWorldEurope/regionalreport.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).

По итогам 2020 г., для большинства государств ЕС-27 доля стран-партнёров в общей стоимости их экспорта была заметно ниже, чем в 2006 г. Наибольшее падение показателя (на 16–24 процентных пункта) произошло в Ирландии, Словении и Мальте. Для Нидерландов, Кипра, Испании, Дании и Бельгии рассматриваемая доля сократилась на 9–12 п. п. Менее выраженное снижение (на 2–7 п. п.) наблюдалось в экспорте Австрии, Чехии, Франции, Германии, Италии, Латвии, Люксембурга, Польши, Португалии, Словакии и Швеции. Минимальный прирост (до 2 п. п.) показали Эстония, Финляндия, Греция, Венгрия и Литва. Наиболее выраженный прирост (от 9 до 12 п. п.) был характерен только для трёх стран Южной Европы, которые последними присоединились к Европейскому Союзу. Речь идёт о Болгарии, Румынии и Хорватии. При этом в большинстве случаев в государства-партнёры направлялось более 50% экспорта, а в 11 из них – свыше 65% (рис. 5.1).

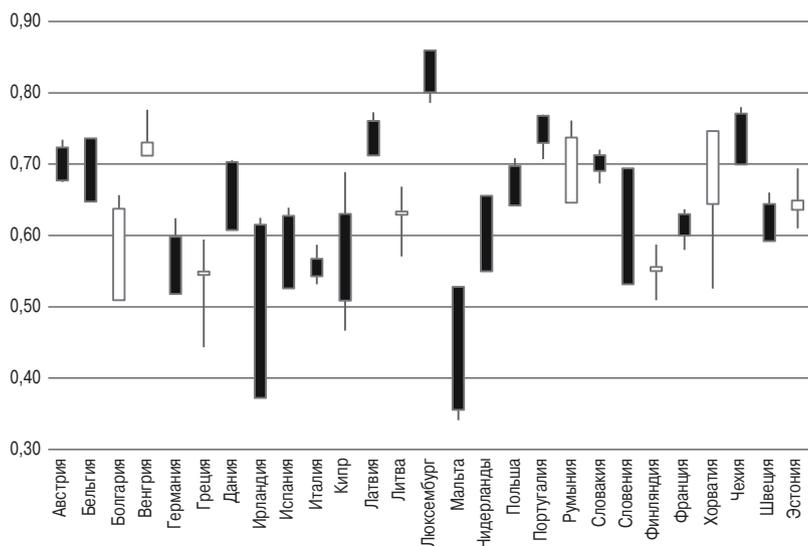

Рисунок 5.1. **Разброс доли внутрирегиональной торговли для стран ЕС-27 в 2006–2020 гг.**

Примечание: Условные обозначения на рисунке: белая свеча – рост показателя, чёрная – снижение, верхняя и нижняя границы прямоугольника – значение на начало и конец диапазона соответственно, хвосты – экстремальные значения в течение диапазона.

Источник: составлено авторами по данным: UNCTADStat International Merchandise Trade. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 15.03.2022).

На основе представленных данных можно сделать вывод, что для большинства стран ЕС (кроме Болгарии, Румынии, Хорватии, Греции, Эстонии, Финляндии, Литвы и Венгрии) значимость их партнёров по группировке в качестве рынков сбыта своей продукции снижалась, а значимость третьих стран, наоборот, повышалась. Однако надо понимать, что такая ситуация могла возникнуть не столько из-за ослабления связей внутри Евросоюза, сколько вследствие уменьшения его доли в мировой торговле. Действительно, доля ЕС в мировом экспорте снизилась с 34,2% в 2006 г. до 31,1% в 2020 г.⁴¹ в основном по причине активного наращивания экспорта из Китая и других развивающихся стран.

Повысить корректность оценок позволяет использование более точного инструмента. Как и предполагалось, расчёт индекса интровертности показывает, что у большинства стран ЕС доля внутрорегиональной торговли сокращалась не из-за усиленного роста объёмов торговли с третьими странами, а из-за снижения доли объединения в мировой торговле. В исследуемый период только у Ирландии показатель снизился и переместился из области положительных значений в область отрицательных (рис. 5.2). Данный сдвиг случился вследствие увеличения объёмов экспорта этой страны в США.

Все остальные 26 участников ЕС продемонстрировали на исследуемом отрезке времени рост индекса интровертности торговли. Причём для половины из них в 2020 г. было достигнуто его максимальное значение, а для шести стран (Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Румынии и Эстонии) самое низкое значение пришлось на начало периода. Наибольшие значения индекса (выше 0,5) по итогам 2020 г. имели Люксембург, Хорватия, Румыния, Венгрия, Португалия, Латвия, Чехия и Словакия. Отрицательные значения, означающие преимущественную ориентацию экспорта на третьи страны, имели только островная Мальта (чьи показатели международной торговли сильно колеблются по годам) и Ирландия, направляющая почти 30% своего экспорта в США.

Если рассматривать динамику, то, как и в случае с предыдущим показателем, здесь явно выделяются три страны, позже остальных вступившие в ЕС: Румыния, Болгария и Хорватия. Они прибави-

---

⁴¹ Расчёт на основе данных UNCTADstat: International merchandise trade / Trade value and volume / Merchandise: Total trade and share, annual. <https://unctadstat.unctad.org>

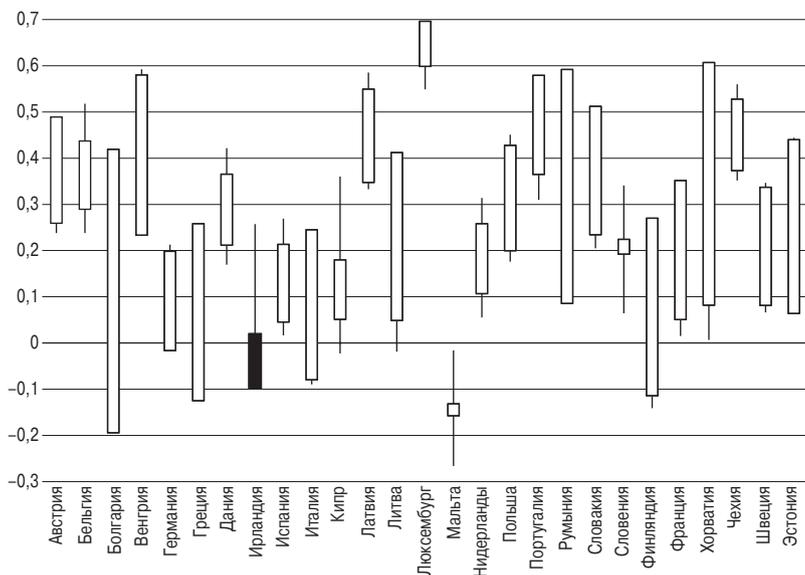

Рисунок 5.2. **Разброс индекса интровертности внутрирегиональной торговли стран ЕС-27 в 2006–2020 гг.**

Примечание: Условные обозначения на рисунке: белая свеча – рост показателя, чёрная – снижение, верхняя и нижняя границы прямоугольника – значение на начало и конец диапазона соответственно, хвосты – экстремальные значения в течение диапазона.

Источник: составлено авторами по данным: UNCTADStat International Merchandise Trade. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 15.03.2022).

ли больше 0,5 единицы. Основная часть стран показали среднюю прибавку индекса – в интервале от 0,2 до 0,4 единицы.

Особо следует отметить, что на протяжении 2006–2020 гг. в торговле практически всех стран (кроме Люксембурга и Хорватии) росла доля Китая. Эта тенденция наблюдалась и в годы кризисов, и в стабильные периоды времени. Наибольший прирост доли Китая в совокупной торговле произошёл у Германии, Чехии и Польши (более чем на 4 п. п.). Они же лидируют и по текущей доле КНР в их внешней торговле: 9,6, 9,3 и 7,8% соответственно.

За последние полтора десятилетия Евросоюз столкнулся с двумя крупными потрясениями – мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. и пандемией COVID-19, наиболее сложный этап которой пришёлся на первые три квартала 2020 г. Хотя два шока имеют разную природу, оба они были экзогенными и потребовали

введения чрезвычайных мер поддержки, что, вероятно, активировало защитные механизмы экономик. Проводя аналогию с концепцией «неприятия потерь» (англ. — *loss aversion*) из поведенческой экономики, отметим, что во время кризисных явлений максимизирующий полезность агент (ЕС) в первую очередь вынужден заботиться о поддержании существующего уровня благосостояния, а не о его увеличении. Поэтому, по нашей гипотезе, хозяйства стран ЕС должны были отреагировать на данные шоки аналогичным образом — сохранить и усилить существующие взаимосвязи. Вероятно, в результате повышения неопределённости, а также существен-

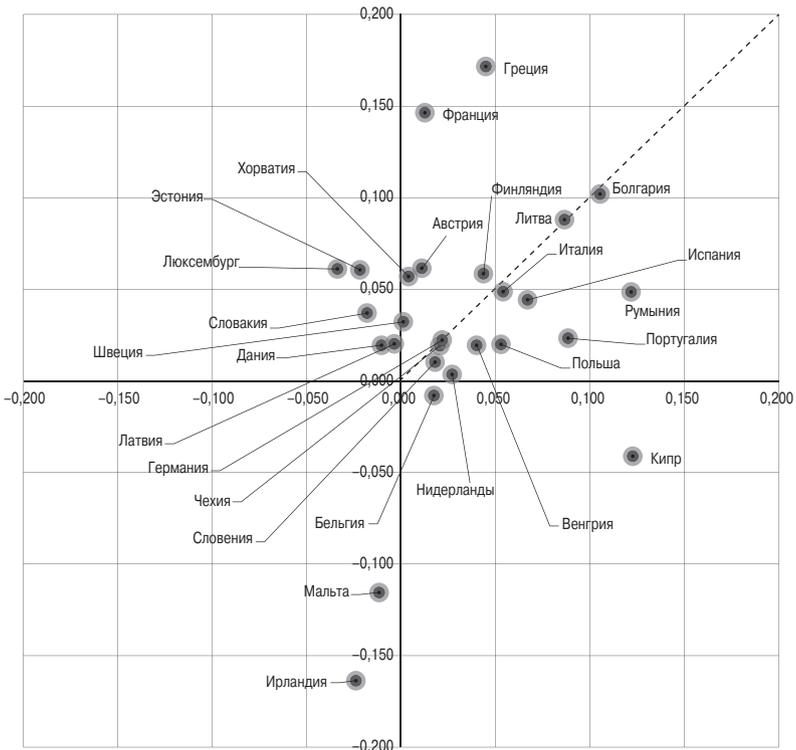

Рисунок 5.3. Матрица первых разниц по индексу интровертности внутрорегиональной торговли

Источник: составлено авторами по данным UNCTADStat International Merchandise Trade. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 15.03.2022).

ного удорожания логистических издержек во время кризисов⁴², данные тенденции могли проявляться в усилении интенсивности внутрирегиональной торговли.

В целях проверки выдвинутой гипотезы нами была построена матрица (рис. 5.3), на которой отображены разницы в значениях показателей торговой интровертности в 2008–2009 гг. (ось абсцисс) и в 2019–2020 гг. (ось ординат).

Матрица позволяет сделать несколько содержательных выводов. *Во-первых*, обращает на себя разница в числе стран, которые отреагировали на кризис снижением индекса интровертности внутрирегиональной торговли в первом и во втором случаях. По итогам 2009 г., на левой стороне матрицы (с отрицательными значениями) расположились семь стран: Люксембург, Эстония, Словакия, Дания, Латвия, а также Мальта и Ирландия. На ось абсцисс тогда попала Швеция. Причём все они, кроме Мальты и Ирландии, показали прирост индекса по итогам 2020 г. Обратную картину (прирост индекса в 2009 г. и его снижение в 2020 г.) продемонстрировали только островной Кипр и Бельгия, где снижение во время кризиса пандемии было минимальным.

Во-вторых, большая группа стран расположилась вдоль или рядом с биссектрисой верхнего правого квадранта. К ним относятся: Словения, Чехия, Германия, Венгрия, Финляндия, Италия, Испания, Литва и Болгария. Это означает, что их реакция на первый и второй шок была положительной и количественно примерно одинаковой.

В-третьих, пять стран (Швеция, Хорватия, Австрия и особенно Франция и Греция) отреагировали на второй шок более активным центростремительным движением, чем на первый. Их значения находятся слева от линии биссектрисы верхнего правого квадранта. В правой его части остаются Нидерланды, Польша, Португалия и Румыния. Они показали в ходе второго шока меньший центростремительный сдвиг, чем в ходе первого, но в обоих случаях произошло смещение в сторону партнёров по ЕС.

В-четвёртых, зафиксированные в 2009 г. центробежные смещения во внешней торговле Ирландии и Мальты существенно усилились по итогам 2020 г. Обе страны невелики по населению (первая – 5 124 тыс. человек, вторая – 515 тыс. человек) и географически расположены на внешних границах ЕС.

---

⁴² Trade Costs in the Time of Global Pandemic. WTO Information note. August, 12. 2020.

Полученные данные подтверждают нашу гипотезу о том, что в трудные времена рынок партнёров по объединению выступает в роли амортизатора, позволяя смягчить давление внешнего шока. Для чистоты анализа вывод о стабилизирующей функции единого внутреннего рынка следует ещё раз верифицировать. Для этого целесообразно сопоставить динамику поставок из Евросоюза в страны – основные получатели его экспорта с динамикой общего импорта этих государств. Ведь есть вероятность, что усиление ориентации торговых потоков на внутренних партнёров была связана с ослаблением спроса на импорт у внешних покупателей. Эту вероятность следует исключить или принять к сведению при формулировке итоговых выводов.

Поскольку размеры данной главы не позволяют провести полномасштабное исследование, ограничимся небольшой, но показательной выборкой. В качестве торговых партнёров нами были выбраны крупные импортёры продукции ЕС, находящиеся на значительном удалении от Евросоюза – в целях минимизации эффекта географического соседства. Ими по итогам 2021 г. стали: США (468 млрд долл.), Китай (263 млрд долл.) и Турция (89 млрд долл.)

На протяжении 2017–2020 гг. импорт Соединённых Штатов из ЕС показывал такие же или более высокие темпы роста (или меньшее снижение), чем общий американский импорт. Разница в пользу ЕС была особенно существенной в 2018–2019 гг. Для Китая, за исключением 2018 г., в целом была характерна аналогичная ситуация. Что касается Турции, то динамика закупок из

Таблица 5.1

Цепные темпы прироста импорта США, Китая и Турции из ЕС, а также их общего импорта (% к предыдущему году)

Интервал	США		Китай		Турция	
	Импорт из ЕС-27	Общий импорт	Импорт из ЕС-27	Общий импорт	Импорт из ЕС-27	Общий импорт
2017	7,2	7,0	18,6	16,1	7,6	18,1
2018	13,2	8,6	10,6	15,8	-5,7	-3,2
2019	4,7	-1,7	-0,3	-2,6	-6,7	-9,0
2020	-5,6	-6,3	4,1	-1,1	5,6	4,4

Источник: составлено авторами по данным UNCTADStat International Merchandise Trade. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 15.03.2022).

ЕС была более благоприятной, по сравнению с общим турецким импортом, только в период 2019–2020 гг. (табл. 5.1).

Таким образом, торговое сближение стран Евросоюза (в части экспортных потоков) в период последнего кризиса не было вызвано ослаблением связей с ведущими внешними партнёрами. Относительное повышение значимости экспорта в страны-партнёры по ЕС происходило при одновременном сохранении «дальнего» экспорта. Следовательно, драйвером характеризующихся в этой главе тенденций являлись причины интеграционного характера, которые повышали стимулы стран к усиленной торговой кооперации в периоды турбулентности.

Проанализировав изменение индекса интровертности внутрирегиональной торговли стран Европейского Союза в период с 2006 г. 2020 г., можно сделать ряд выводов.

Во-первых, ориентированность стран ЕС на свою интеграционную группировку с годами возрастала. Если в 2006 г. среднее значение индекса находилось на уровне 0,12, то к 2020 г. оно стало равно 0,37. А число экономик, ориентированных в большей степени на внешнюю торговлю с третьими странами, сократилось за тот же период с шести до двух. При этом объёмы товарооборота с Китаем росли весь рассматриваемый период времени, что свидетельствует о том, что относительная важность других внешних партнёров из числа крупнейших мировых экономик стала значительно ниже.

Во-вторых, наибольший рост индекса интровертности внутрирегиональной торговли у стран ЕС наблюдался в кризисные годы. Во время мирового финансового кризиса и кризиса еврозоны (2008–2011 гг., средний прирост составил +0,151) и во время коронакризиса (2020 г., средний прирост составил +0,048). В другие годы данный показатель был стабильным у большинства стран с небольшой тенденцией к росту (средний прирост в период 2011–2019 гг. составил +0,039).

В-третьих, наибольший прирост индекса весь рассматриваемый период времени показывали новые члены ЕС, среди которых особенно выделяются вступившие последними – Болгария, Румыния и Хорватия. Среди стран расширения 2004 г., за исключением малых экономик Мальты и Кипра, наблюдаются аналогичные, но не столь ярко выраженные тенденции. Страны ЕС-15 демонстрировали большую стабильность индекса. На любом отрезке времени их средний прирост был ниже общего среднего прироста примерно на 0,01–0,02. Наконец, эффект кризисного сближения

экономик Евросоюза имеет эндогенную природу и определяется преимущественно внутренними факторами.

Выводы

Острая фаза пандемии COVID-19, которая пришлась на первые три квартала 2020 г., явилась крупным шоком для торгово-экономических связей Европейского Союза, как и для всей мировой торговли. Причём для ЕС данный шок имел не только динамические (падение и восстановление объёмов торговли), но и структурные последствия: он привёл к изменению баланса центростремительных и центробежных тенденций во внешней торговле государств-членов.

Смещение данного баланса происходило на фоне долгосрочных тенденций, развивавшихся в течение всего XXI в. Доля ЕС в мировом экспорте неуклонно снижалась на фоне опережающей динамики развивающихся стран. Произошедшее в начале столетия расширение ЕС на восток, а потом на юг затормозило, но не остановило данный процесс. Как следствие, для большинства государств-членов значимость их партнёров по группировке в качестве рынков сбыта своей продукции уменьшалась, а значимость третьих стран, наоборот, увеличивалась. Потенциал наращивания внутрорегиональной торговли оказался исчерпан.

Возникновение в мировой торговле крупного центра тяготения в виде Китая усложнило задачу анализа внутрорегиональной торговли стран ЕС. Экономическая гравитация Поднебесной вносит возмущения в торговые потоки и стимулирует разработку более точных инструментов расчёта для уточнения оценок.

Проведённые расчёты индекса интровертности внутрорегиональной торговли показали, что в периоды кризиса внутренний рынок ЕС смог выступить в роли амортизатора, то есть смягчил влияние экзогенных шоков. Активизация торговых связей внутри объединения позволила в краткосрочной перспективе повысить устойчивость системы в условиях перебоев поставок. Одновременно, по всей вероятности, были запущены долгосрочные процессы перенастройки внешнеторговых связей ЕС.

Есть основания полагать, что пандемия стимулировала развитие двух взаимосвязанных процессов, которые начали формироваться до её возникновения. *Во-первых*, это сдвиг в сторону усиления взаимозависимости в производстве, торговле и технологиях

между ЕС и Китаем. *Во-вторых*, всё более выраженным стремление к укорачиванию производственно-сбытовых цепочек и к локализации их в пределах ЕС.

Речь не идёт о том, что торговля стран ЕС становится менее открытой. Но в современных условиях, когда наблюдается рост геополитических столкновений, а мотивы экономической безопасности выходят на первый план, можно ожидать определённого ослабления глобальных структур в пользу региональных. Возможно, результатом станет более «регионализованная» мировая экономика, где ЕС сохранит за собой место одного из основных производственных центров с сильным влиянием концепции «стратегической автономии» и «цифрового суверенитета».

Глава 6. Европейский зелёный курс в условиях вызовов двойного перехода. Роль водородной экономики

В.Б. Белов

Анонсированный 11 декабря 2019 г. официальным Брюсселем Европейский зелёный курс (ЕЗК) по своей сути представляет новую парадигму хозяйственно-политического развития 27 стран Евросоюза. В его основе – переход в течение тридцати лет к климатически нейтральной экономике в условиях её одновременной цифровой и энергетической трансформации и обеспечения на этой основе международной конкурентоспособности народно-хозяйственного комплекса ЕС.

Такой процесс предполагается выстроить на восьми взаимосвязанных столпах. Они включают в себя: достижение амбиционных климатических целей для 2030 и 2050 гг.; устойчивое снабжение потребителей безуглеродной энергией; ориентация промышленности на чистую экономику замкнутого цикла; энергоэффективная модернизация и строительство зданий; достижение нулевых вредных выбросов; сохранение и восстановление экосистем и биоразнообразия; экологический аграрно-промышленный комплекс; быстрый переход на устойчивый и «умный» транспорт. Данному целеполаганию должны способствовать государственная политика содействия НИОКР и поддержки инноваций, эффективные финансовые инструменты, реформы в системе образования и подготовки кадров. Важнейшей основой для реализации положений ЕЗК рассматриваются цифровые технологии, включая искусственный интеллект, 5G/6G, облака, суперкомпьютеры и Интернет вещей. Важное место отводится обеспечению информационно-коммуникационного сектора широкополосными сетями, центрами обработки данных и другими необходимыми устройствами, включая их последующую переработку¹.

---

¹ The European Green Deal. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Brussels 11.12.2019. Brussels. COM(2019) 640 final. 24 p. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/european-green-deal-communication_

6.1. Новая промышленная стратегия

На момент принятия ЕЗК у Европейской комиссии имелись далеко идущие намерения и планы, но отсутствовали представления о конкретных механизмах реализации поставленных масштабных задач. Предполагалось их разработать в последующие месяцы и годы, что изначально постулировало изменение отдельных подходов брюссельских чиновников к решению каждой из них. В качестве приоритета в документе обозначена необходимость разработки к марту 2020 г. европейской промышленной стратегии (по сути – «промышленной политики», о необходимости подготовки которой было заявлено ещё в 2014 г.). Именно она должна была содержать основные пути сохранения и повышения конкурентоспособности хозяйственно-политического пространства (экономического штандорта²) Евросоюза. К приоритетам отнесены реализация концепции «Индустрия 4.0»; развитие квантовых технологий и облачной платформы *Gateway-X*: создание промышленных альянсов; обеспечение открытой стратегической автономии (безопасность стратегических / критически важных отраслей, регулирование доступа к ним иностранных прямых инвесторов, особенно к важным сырьевым материалам; устранение барьеров/

---

en.pdf (дата обращения: 31.07.2022). См. также: Глобальная зелёная трансформация: как изменится мир? / Мильке К., Белов Д., Котова А. [и др.]. Международный дискуссионный клуб «Валдай». М., 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36510/>; Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д., Тальяпиетра С., Вульф Г. Геополитика Европейского зелёного курса // Россия в глобальной политике. 17.01.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/geopolitika-zelyonogo-kursa/>; Карпович О.Г., Вильчинский А.С. «Зелёная сделка» Европейского союза: риски и возможности для России // Дипломатическая служба. 2021. № 5. С. 410–425. DOI: 10.33920/vne-01-2105-01; Сидди М. «Зелёная революция»? Предварительная оценка «Зелёной сделки» // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 85–107. DOI:10.17323/1996-7845-2021-03-04; Пискулова Н. «Зелёная сделка»: риски и возможности для ЕС и России. РСМД. 14.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-es-i-rossii/> (дата обращения: 31.07.2022).

² Под экономическим штандортом в Германии понимается хозяйственно-политическое, социально-экономическое, культурно-историческое пространство, конкурирующее с другими пространствами за факторы капитала, услуг и рабочей силы. Политика по целенаправленному формированию такого пространства властью во взаимодействии с бизнесом, гражданским обществом, наукой и образованием получила название штандортной. См.: Белов В.Б. Германия – сложный поиск новой промышленной стратегии // Современная Европа. 2019. № 4. С. 27–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420192736>

препятствий на пути развития внутреннего рынка, а также поддержка малого и среднего бизнеса.

Основные требования к европейской промышленной политике (ЕПП) были сформулированы в 2017 г. Чиновники прежней (под руководством Ж.-К. Юнкера) Европейской комиссии (ЕК) активно работали над ней в 2018–2019 гг., но презентовали её только 10 марта 2020 г. — как раз накануне официального объявления Брюсселем начала пандемии коронавируса. По нашему мнению, в подготовке ЕПП важную, если не основную, роль сыграли Берлин и Париж, а именно министерства экономики Германии и Франции, возглавляемые в то время Петером Альтмайером и Брюно Ле Мером соответственно. В феврале 2019 г. немецкий министр предложил подготовленный им проект национальной промышленной политики. Существенно доработанный документ был принят в ноябре того же года. Он стала продуктом конструктивного диалога между властью (представленной Федеральным министерством экономики и энергетики, *BMWi*) и бизнесом (в лице различных групп интересов — предпринимательских союзов, объединений, ассоциаций и пр.). Предложения главы минэкономики первоначально были критически встречены германским предпринимательским сообществом, которое имело своё видение основных положений промполитики. В итоге многие из рекомендаций бизнеса (в первую очередь в отношении обеспечения конкурентоспособности германского экономического штандорта) были учтены в окончательном варианте, утверждённом в ноябре 2019 г. В опубликованном документе «Промышленная стратегия 2030. Руководящие принципы промышленной политики Германии и Европы» отдельная глава посвящена аналогичной политике Евросоюза³. Не случайно ЕПП во многом отразила немецкий подход, который, в свою очередь, учёл влияние Франции (а именно предложения министра экономики и финансов), например, в вопросах необходимости усиления дирижизма, создания различных европейских индустриальных альянсов и совершенствования в этом контексте европейской политики конкуренции.

Суть новой ЕПП была изложена в опубликованном 10 марта 2020 г. докладе «Новая промышленная стратегия для Европы» и двух сопровождающих его документах — «Стратегия развития

---

³ Industriestrategie 2030. Leitlinien für eine deutsche und europäische Industriepolitik. BMWi. Berlin. November 2019. — 40 S. https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Industrie/industriestrategie-2030.pdf?__blob=publicationFile&v=20 (дата обращения: 31.07.2022).

малого и среднего бизнеса для устойчивой и цифровой Европы» и «Выявление и устранение барьеров на пути единого рынка»⁴.

Качественно новым стало положение о промышленных экологических системах, в основу которых положен «предпринимательский подход к мышлению и действиям», предполагающий готовность ЕК «разрабатывать и формировать решения вместе с промышленностью, а также с социальными партнёрами и всеми другими заинтересованными сторонами» с учётом двойного перехода и особенностей их участия в цепочках создания стоимости⁵. Впоследствии чиновники обозначили 14 таких систем, требующих особого внимания Брюсселя и меры поддержки. К ним относятся: аэрокосмическая и оборонная промышленность, агропродовольственная отрасль, строительство, креативная (творческая) индустрия, цифровая сфера, электроника, энергоёмкие отрасли промышленности, энергетика (в том числе её возобновляемые источники), здравоохранение, транспорт, экономика социальных благ, розничная торговля, текстильная промышленность, туризм⁶. В ЕПП также была сформулирована необходимость, с одной стороны, реформирования политики конкуренции с целью создания благоприятных условий для образования различных европейских промышленных альянсов, способных противостоять мировым конкурентам, в первую очередь американских и китайским. С другой — защиты Европейского внутреннего рынка от искажающих условий конкуренции внешних прямых инвесторов и доступа «недружественных» иностранных компаний к государственным заказам, а также обеспечения охраны интеллектуальной собственности компаний ЕС. Другими словами, Брюссель чётко обозначил лейтмотив европейской промполитики — вышеупомянутое уси-

---

⁴ Более подробно см.: *Белов В.Б.* Новая промышленная стратегия Европейского союза // Аналитическая записка ИЕ РАН. 2020 № 13 (196). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics122020>; *Циренщиков В.С.* Очередная версия промышленной политики ЕС // Современная Европа. 2020. № 6. С. 153–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020153162>; *Becker P.* Eine europäische Wirtschaftspolitik im Werden. SWP-Studie 2020/S 16, 28.08.2020, 34 S. DOI:10.18449/2020S16.

⁵ A New Industrial Strategy for Europe. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Brussels, 10.3.2020. COM (2020) 102 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-eu-industrial-strategy-march-2020_en.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

⁶ Europäische Industriestrategie. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-industrial-strategy_de (дата обращения: 31.07.2022).

ление дирижизма / регулирования, пролоббированного Парижем при поддержке и согласии Берлина.

Коронакризис, наступивший в 2020 г., негативно повлиял на разработку механизмов, инструментов и масштабов проведения намеченных в ЕПП мероприятий. В начале мая 2021 г. ЕК обнародовала обновлённую промышленную стратегию, в которой были учтены первые уроки пандемии. Положения опубликованного доклада⁷ в этот раз были конкретизированы в трёх документах. Помимо анализа Единого внутреннего рынка, они были также посвящены стратегическим зависимостям критически важных сфер и перспективам развития сталелитейной промышленности. Как и в марте 2020 г., основное внимание Брюссель уделил малому и среднему бизнесу и механизмам его поддержки в условиях двойного перехода. Однако прорывных положений в упомянутых документах не содержится⁸.

Одновременно в рамках открытой стратегической автономии Евросоюза были обозначены стратегически важные для европейской промышленности сферы, а именно: сырьевая, аккумуляторная, фармацевтическая, водородная, полупроводниковая, а также сфера облачных и ключевых технологий (периферийных вычислений)⁹. Среди 5200 импортируемых Евросоюзом товаров были определены 137, по которым ЕС критически зависит от внешних поставщиков, в первую очередь, из сырьевой и фармацевтической сфер¹⁰. По 34 из них была выявлена «критическая уяз-

---

⁷ Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe's recovery. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 05.05.2021. COM (2021) 350 final URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-industrial-strategy-update-2020_en.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

⁸ См. также: Кондратьева Н.Б. Единый внутренний рынок ЕС и европейская промышленность: обновление стратегии // Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 104: Март – май 2021. [Электронное издание]. С. 15–18; Циренщиков В.С. Обновление промышленной стратегии ЕС // Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 104: Март – май 2021. [Электронное издание]. С. 27–30. URL: http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/104.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

⁹ Eingehende Überprüfungen von Bereichen mit strategischer Bedeutung für die Interessen Europas. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-industrial-strategy/depth-reviews-strategic-areas-europes-interests_de (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁰ Важным этапом на этом пути стал «План действий по критически важному сырью», включающий подробный список соответствующих материалов

вимость», а именно существенные сложности их потенциальной замены на другие импортные аналоги или организации/локализации производства в странах Евросоюза¹¹. Брюссель продолжил исследование потенциальных зависимостей в ключевых хозяйственных областях, актуальность которых существенно выросла после начала Россией специальной военной операции на Украине. Важная роль в этом принадлежит Обсерватории критических технологий ЕК (*EU Observatory of Critical Technologies*). В целях повышения независимости упомянутых промышленных экосистем Брюссель поставил задачу продолжить работу в направлении дальнейшей диверсификации процессов производства, совершенствования логистических систем, включая управление стратегическими запасами, а также стимулирования хозяйственно-инвестиционной деятельности работающих в них экономических субъектов.

и элементов (*Critical Raw Materials, CRM*), который ЕК презентовала 3 сентября 2020 г. Документ содержит описание мер по развитию устойчивых производственно-сбытовых цепочек для промышленных экосистем ЕС; по снижению зависимости от важнейшего первичного сырья за счёт циркулярного использования ресурсов, экологически чистых продуктов и инноваций; по постепенной переориентации на закупки сырья, производимого в ЕС; а также по диверсификации источников поставок из третьих стран. Одновременно Комиссия опубликовала своё первое исследование по *CRM* для стратегических технологий и секторов ЕС на период до 2030 и 2050 гг. См.: Белов В.Б. Европейский сырьевой альянс // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 6. С. 22–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620202231>

¹¹ Strategic dependencies and capacities. Commission staff working document. Accompanying the Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 5.5.2021. SWD (2021) 352 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/swd-strategic-dependencies-capacities_en.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

В 2021 г. ЕК наряду с существующими¹² активизировала работу по подготовке новых индустриальных альянсов. В июле были созданы два таких альянса¹³:

- по разработке технологий процессоров и полупроводников (*Alliance for Processors and Semiconductor technologies*);
- по промышленным данным, пограничным исчислениям и облачным технологиям (*European Alliance for Industrial Data, Edge and Cloud*).

Одновременно Комиссия подтвердила намерение сформировать аналогичные структуры в области космических запусков, а также безэмиссионной авиации. Брюссель рассматривает альянсы как открытые платформы с высоким инновационным потенциалом. Они строятся на принципах открытости, прозрачности, разнообразия, инклюзивности и конкурентно-партнёрского взаимодействия участников из самых разных сфер. Их преимуществом является привлекательность для частных инвесторов, в том числе стартаперов и фирм МСБ, создающих высококвалифицированные рабочие места. Альянсы создаются и действуют в рамках государственно-частного партнёрства, получая поддержку в форме важных проектов общеевропейского интереса (*Important Projects of Common European Interest, IPCEI*).

---

¹² К уже существующим лучшим практикам в организации подобных сетевых структур ЕК относит созданные при её активной поддержке в 2017 г. Европейский батарейный (аккумуляторный) альянс (*European battery alliance*), в 2018 г. – Альянс по переработке и вторичному использованию пластика (*Circular Plastics Alliance*), Важный проект общеевропейского значения «Микроэлектроника» (*IPCEI on Microelectronics*), в 2020 г. – Европейский альянс чистого водорода (*European clean hydrogen alliance*) и Европейский сырьевой альянс (*European raw material alliance*). См. также: Белов В.Б. Электромобильность Германии и «Европейский батарейный альянс» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 86–93. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120208693>; Он же. Европейский альянс чистого водорода // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 52–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520205259>; Он же. Европейский сырьевой... Указ. соч.

¹³ Digitale Souveränität: Kommission startet Allianzen für Halbleiter und industrielle Cloud-Technik. 19.07.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/de/ip_21_3733 (дата обращения: 31.07.2022).

6.2. Цифровая трансформация

Неотъемлемой частью перехода ЕС к безуглеродной экономике является дигитализация. Важную роль в формировании подходов Евросоюза к цифровой трансформации сыграла Германия. Берлин первым в мире в апреле 2011 г. заявил о начале четвёртой промышленной революции, в рамках которой он сформулировал и начал реализовывать стратегию «Индустрия 4.0»¹⁴, определившую в итоге субстантивные параметры процессов цифровизации ЕЗК. В ФРГ основные заинтересованные акторы организовали одноимённую платформу. Государство поддержало её функционирование, а также организовало с 2016 г. проведение ежегодных цифровых саммитов¹⁵. В октябре 2019 г. он был посвящён перспективам развития дигитальных платформенных структур. Многие из высказанных в ходе его проведения идей были учтены в принятых Комиссией в 2020 г. документах. Например, «получил путёвку в жизнь» инициированный Германией и Францией проект *GAIA-X*, как основы продвинутой инфраструктуры данных следующего поколения и укрепления цифрового суверенитета пользователей облачных сервисов из стран Евросоюза¹⁶.

Ещё в мае 2015 г. Брюссель презентовал «Стратегию создания единого цифрового рынка», которая включила 30 законодательных инициатив Европейской комиссии по адаптации внутреннего рынка к цифровой эпохе, и затем была одобрена Европейским парламентом и Советом ЕС. В последующие годы в её рамках было создано общее информационное пространство со свободным перемещением неличных данных и гармонизированными правилами, запрещены геоблокировки, отменён роуминг, начата кооперация стран Евросоюза в сферах высокопроизводительных вычислений, искусственного интеллекта (ИИ), блокчейна, кибер-

---

¹⁴ Более подробно см.: *Белов В.Б.* Цифровая трансформация европейской промышленности // *Европа между трёх океанов: монография* / [Ал.А. Громыко, В.В. Журкин, В.П. Фёдоров и др.]; под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. С. 363–378.

¹⁵ См.: *Вороненкова Г. [и др.]*. Цифровизация в Германии: вызовы и перспективы (к постановке проблемы) // *МЕДИА альманах*. 2021. № 3. С. 104–115. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2021.104115

¹⁶ Германия и Франция являются лидерами среди стран ЕС в области исследования квантовых технологий и их финансирования. См., например: *Никитин А.* Лидеры квантовой гонки: динамика мировых инвестиций. 30.07.2022. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/lidery-kvantovoy-gonki-dinamika-mirovykh-investitsiy/> (дата обращения: 31.07.2022).

безопасности, цифровых навыков и государственных услуг. Всего было реализовано 28 инициатив.

Одним из первых прорывных шагов в сфере цифровизации после принятия Европейского зелёного курса стало выдвижение Брюсселем ряда рамочных цифровых инициатив, которые впоследствии стали основой новой стратегии дигитализации. В феврале 2020 г. Еврокомиссия опубликовала доклад «Формирование цифрового будущего Европы»¹⁷ и обнародовала три основополагающих документа: «Белая книга. Искусственный интеллект — европейский подход к совершенству и доверию», «Европейская стратегия в области данных» (ЕСД) и «Доклад о безопасности и ответственности использования искусственного интеллекта, Интернета вещей и робототехники». Она также предоставила ряд пояснений относительно новых подходов, включая использование дигитальных технологий для достижения целей климатической нейтральности. Консультации по Книге завершились в мае того же года. Было предложено организовать кластер «цифровых, промышленных и космических технологий» и направить на эти цели 15 млрд евро, в том числе около 2,5 млрд для развертывания информационных платформ и приложений. По итогам прошедшего летом того же года обсуждения ЕСД были подтверждены её основные цели — безопасное передвижение личных и неличных данных; облегчение доступа частных компаний и государственных структур к данным, необходимым для создания и внедрения инноваций; обеспечение защиты критически важной инфраструктуры 5G, а также прозрачности цифровых платформ с точки зрения функционирования их алгоритмов¹⁸.

Особое внимание в промышленной стратегии ЕС, опубликованной в марте 2020 г., уделено поддержке процессов углубле-

---

¹⁷ Shaping Europe's Digital Future. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, Brussels, 19.2.2020. COM (2020) 67 final — 16 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0067&from=EN> (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁸ См. также: Кондратьева Н. Б. Цифровизация единого рынка ЕС // Европа между трёх океанов. С. 379–395; Она же. Единый внутренний рынок. Цифровые и оборонные инициативы // Европейский союз: факты и комментарии. № 101. Июнь — август 2020. С. 36–39. http://www.edc.aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/101.pdf; Циренищikov В. С. Стратегия цифровизации Европы // Европейский Союз: факты и комментарии. № 101. Декабрь 2019 — февраль 2020. С. 22–25. http://www.edc.aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/99.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

ния и расширения цифровизации ЕВР. В качестве приоритетной цели рассматривалась модернизация законодательства, в первую очередь в сфере защиты интеллектуальной собственности и оказания цифровых услуг, призванная ужесточить действующие нормы и правила. Европейские чиновники показали понимание того, что цифровой переход к климатически нейтральной экономике должен опираться на достижения в пограничных областях науки и использовании технологий глубокой переработки, а также дигитализацию сферы образования и подготовки высококвалифицированных кадров, особенно для информационно-коммуникационных технологий. Финансирование цифровизации предусмотрено в ряде программ Евросоюза, в том числе таких как: «Горизонт Европа», «Программа цифровизации Европы», «Европейская космическая программа». Средства используются из инновационного, оборонного, а также структурных и инвестиционных фондов, включая важные проекты общеевропейского интереса, ориентированные на привлечение частных капиталов. Поддержка ускорения цифровых процессов предусмотрена Девятой рамочной программой научных исследований ЕС.

Пандемия существенно ускорила процессы дигитализации (онлайн-торговля, дистанционное обучение, электронные госуслуги, телемедицина, домашний офис и пр.). Брюссель принял решение направить 20% средств созданного летом 2020 г. для преодоления последствий коронакризиса Фонда восстановления и устойчивости на финансирование перехода к цифровым технологиям, включая стратегию «Цифрового десятилетия Европы». 16 сентября 2020 г. в ежегодном послании Урсулы фон дер Ляйен заявила о её поддержке и необходимости обеспечения цифрового суверенитета ЕС¹⁹. Евросоюз существенно отстает от США и Китая в таких ключевых технологиях, как процессоры, веб-платформы и облачная инфраструктура.

Через неделю после выступления председателя ЕК был опубликован доклад Еврокомиссии «Формирование цифровой трансформации Европы»²⁰. Чиновники подвели итоги преобразований

---

¹⁹ State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. 16.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (дата обращения: 31.07.2022).

²⁰ Shaping the digital transformation in Europe. Final Report. European Commission, DG CONNECT. September, 2020. 49 p. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/shaping-digital-transformation-europe> (дата обращения: 31.07.2022).

единого цифрового рынка с 2015 г. и уточнили основные положения, механизмы и инструменты новых подходов Брюсселя к дигитализации. Особое внимание они уделили искусственному интеллекту, кибербезопасности, вычислительной технике, квантовым и блокчейн-технологиям, повышению эффективности высокоскоростных сетей и повышению цифровой грамотности населения стран ЕС.

В марте 2021 г. ЕК презентовала подготовленный по поручению Европейского совета «всеобъемлющий» документ — «Цифровой компас 2030: европейский путь в цифровое десятилетие»²¹, в котором изложила уточнённые цели дигитализации до конца текущего десятилетия, систему мониторинга, ключевые этапы, а также средства для достижения целевых показателей. В его основе — четыре основных направления со следующими целеполаганиями к 2030 г.:

- повышение удельного веса взрослого населения, владеющего базовыми цифровыми навыками, до уровня в 80%, и числа высококвалифицированных специалистов в сфере ИКТ с примерно с 8 млн до 20 млн человек (с учётом гендерного паритета);
- расширение устойчивой цифровой инфраструктуры, включая гигабитное интернет-подключение всех домохозяйств, покрытие населённых пунктов сетью 5G; увеличение собственного производства полупроводников до 20% от мирового уровня; выпуск первого квантового компьютера; создание 10 тыс. климатически нейтральных высоко защищённых периферийных узлов;
- три четверти компаний должны использовать услуги облачных вычислений, большие данные и искусственный интеллект; 90% МСП должны достичь «базового уровня цифровой интенсивности», а количество стартапов-«единорогов» вырасти в два раза;
- онлайн-доступность основных государственных услуг и электронных медицинских карт; 80% граждан должны пользоваться технологией электронного удостоверения личности.

---

²¹ Digitaler Kompass 2030: der europäische Weg in die digitale Dekade. Mitteilung der Kommission an das Europäische Parlament, den Rat, den Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschuss und den Ausschuss der Regionen. Brüssel, den 9.03.2021. COM (2021) 118 final. — 24 S. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/DOC/?uri=CELEX:52021DC0118&from=en> (дата обращения: 31.07.2022).

Кроме этого, предусмотрено развитие международного взаимодействия в сфере дигитализации, в том числе в сфере сближения норм и стандартов и сотрудничества регуляторов²².

Через полгода, 15 сентября 2021 г. Европейский парламент и Европейский совет опубликовали политическую программу «Путь в цифровое десятилетие», которая предполагает солидарный подход, межстрановую кооперацию для осуществления совместных капиталовложений и цифровых проектов, углубление идейной и правовой основы процессов дигитальной трансформации. В тот же день фон дер Ляйен в своём ежегодном выступлении перед Европарламентом, призвав к реализации цифровых амбиций ЕС, представила уточнённый План действий по цифровизации до 2030 г. Он во многом отразил положения вышеуказанного документа, включая внедрение системы управления цифровыми процессами, создание органа координации крупномасштабных проектов с участием Брюсселя и стран-членов, а также Европейских консорциумов цифровой инфраструктуры²³.

Политическая программа, состоящая из шести разделов и 26 статей, предполагает повышение качества ежегодного мониторинга дигитальной трансформации, включая составление дополнительно к известному Индексу цифровой экономики и общества (*DESI*)²⁴ прогноза динамики отдельных количественных параметров. Начиная с 2022 г. ЕК готовит отчёт, посвящённый анализу реализации «Цифровой десятилетки». Государства-члены отвечают за разработку стратегических национальных дорожных карт, включающих конкретные показатели и меры. На их основе Брюссель сможет сравнивать «план с фактом» и выработать рекомен-

---

²² Europe's Digital Decade: digital targets for 2030. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en (дата обращения: 31.07.2022).

²³ State of the Union Address 2021 by President von der Leyen. European Commission. Strasbourg, 15 September 2021. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/soteu_2021_address_en_0.pdf; см. также: Кондратьева Н.Б. Курс на цифровую трансформацию: дан старт «Цифровому десятилетию» ЕС // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. Вып. III. № 27 (257). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics32720215156>

²⁴ *DESI (Digital Economy and Society Index)* – сводный индекс, обобщающий основные показатели по эффективности цифровых технологий в Евросоюзе и показывающий их динамику по странам-членам в области цифровой конкурентоспособности.

дации «по устранению недостатков», которые будут взаимоувязаны с Европейским семестром²⁵.

6.3. Основа энергоперехода – водородная стратегия

Относительно неожиданно ключевое место в энергетической трансформации Евросоюза занял водород и производные от него. Как и в случае с промышленной и цифровой стратегией ЕС, решающую роль в этом сыграла Германия. Немецкий подход к формированию политики в водородной сфере сформировался под влиянием жёсткого противостояния противников использования природного газа для производства H_2 , с одной стороны, и, соответственно, сторонников такого подхода, с другой. В итоге победили первые. Они добились включения в национальную стратегию положений об исключительно экологически чистом водороде, то есть производимого электролизным методом из воды с использованием электричества, получаемого только из возобновляемых источников энергии. Вследствие упомянутой затянувшейся конфронтации вместо планируемого принятия документа Берлином в декабре 2019 г. это произошло только 10 июня 2020 г.²⁶

Примечательно, что в ЕЗК слово «водород» и производные от него упоминаются всего три раза. В опубликованной в марте 2020 г. промышленной политике ЕС – примерно столько же. Поэтому несколько внезапной для экспертов стала разработка чиновниками Европейской водородной стратегии (ЕВС), презентованной 8 июля 2020 г. – в самом начале председательства ФРГ в Совете ЕС²⁷.

---

²⁵ Policy Programme: Path to the Digital Decade - Questions and Answers. 14 July 2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_21_4631 (дата обращения: 31.07.2022).

²⁶ Nationale Wasserstoffstrategie. BMWi. 10.06.2020. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Energie/die-nationale-wasserstoffstrategie.pdf?__blob=publicationFile&v=20 (дата обращения: 31.07.2022). В тот же день федеральное правительство создало Национальный водородный совет (НВС), в который вошли 26 высокопоставленных экспертов из различных сфер экономики, науки и гражданского общества, обладающие опытом в области производства, исследований и инноваций, декарбонизации промышленности, транспорта и строительства, теплоэнергетики, инфраструктуры, климата и устойчивого развития. Их основной задачей является разработка и подготовка предложений и рекомендаций по реализации и дальнейшему совершенствованию водородной стратегии.

²⁷ A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European Economic and

Именно водородные технологии в последующем были положены в основу энергетического перехода²⁸, содержание которого уточнялось летом 2021 г. (программа *Fit-for-55* — программа сокращения выбросов парниковых газов на 55% к 2030 г.²⁹) и весной 2022 г. (*REPowerEU* — программа по отказу от российского ископаемого топлива и ускорению зелёной трансформации³⁰). Новое правительство ФРГ (декабрь 2021 г.) в коалиционном договоре подтвердило верность основным положениям двойного перехода. Одновременно оно усилило их своим зелёным ценностным подходом, включая ускорение цифровой и энергетической трансформации в рамках национального народнохозяйственного комплекса. Однако сделала это без подробного описания рыночных механизмов и инструментария для его обеспечения, за что было подвергнуто критике бизнес-сообществом³¹. Особое внимание коалиция уделила водородной стратегии, подчеркнув необходимость её последующего обновления. Это не случайно, так как именно она, будучи основой перехода энергоёмких отраслей с глубоким углеродным следом на зелёные водородные технологии (предполагают производство, транспортировку и хранение экологически чистого водорода),

---

Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 8.7.2020. COM (2020) 301 final. P. 3–4. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

²⁸ A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en#actions (дата обращения: 31.07.2022).

²⁹ Fit for 55⁺: delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 14.7.2021 COM (2021) 550 final. 14 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0550&from=EN> (дата обращения: 31.07.2022).

³⁰ REPowerEU Plan. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. — Brussels, 18.5.2022. COM (2022) 230 final. 20 p. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:fc930f14-d7ae-11ec-a95f-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 31.07.2022).

³¹ Более подробно см.: *Белов В.Б.* Климатическая повестка Германии в контексте выборов в Бундестаг и формирования нового правительства // Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 106: сентябрь 2021 — ноябрь 2021. [Электронное издание]. С. 28–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts420212834>; *Белов В.Б.* Десять дней нового коалиционного правительства Германии // Электронный журнал «Аналитические записки ИЕ РАН». Выпуск IV (октябрь — декабрь) 2021 г. С. 63–71. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43720216371>

является наиболее сложной в контексте достижения целей новой промышленной политики как Германии, так и ЕС. Поэтому в этой главе её анализу мы уделим особое внимание.

6.3.1. Водород как альтернатива первичным ископаемым

Производство водорода в промышленных масштабах доступно несколькими методами, основными из которых являются риформинг, пиролиз и электролиз. С точки зрения энергетического перехода ЕС к климатически нейтральной экономике, принципиальным является количество CO_2 , выделяемого при получении H_2 . Экономические затраты и себестоимость здесь вторичны. Поэтому основным Брюссель выбрал расщепление воды с помощью электролизёров и электричества от ВИЭ, сопровождаемое, по мнению ЕК, нулевыми выбросами углекислого газа. Получаемый таким образом H_2 с подачи немецких экспертов получил название зелёного. По степени «вредности» за ним следовал жёлтый, голубой, и бирюзовый. Самый неэкологичным, но при этом самым дешёвым в производстве, стал серый водород³². Европейские чиновники в своей стратегии первоначально предложили другой подход — они обозначили H_2 , в зависимости от упомянутых технологий, как: «ископаемый», «ископаемый с улавливанием углерода», «низкоуглеродный», «возобновляемый» и «чистый»³³. Восточный комитет немецкой экономики справедливо считал, что более объективным является принцип *Carbon Performance First*, предлагая комплексно оценивать объёмы выбросов CO_2 по всей цепочке получения электричества (включая производство и утилизацию солнечных батарей, производство цемента и меди для стоек ветрогенераторов и пр.) и используемых технологий получения H_2 ³⁴. Но в конечном итоге чиновники Брюсселя в своих публикациях также перешли на цветовые обозначения водорода.

19 мая 2021 г. Европейский парламент обсудил реализацию водородной стратегии ЕС, включая различные предложения

---

³² См. также: *Афанасьева М.* Станет ли зелёный водород нефтью завтрашнего дня в ФРГ? // РСМД. 21.05.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/stanet-li-zelenyy-vodorod-neftyu-zavtrashnegodnya-v-frg/> (дата обращения: 31.07.2022).

³³ A hydrogen strategy ...

³⁴ Für eine Wasserstoff-Partnerschaft mit Russland. Ost-Ausschuss - Osteuropaverein der Deutschen Wirtschaft e.V. Berlin. 8.07.2020. 6 S. URL: https://www.ost-ausschuss.de/sites/default/files/page_files/PP-Wasserstoff_0807.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

и итоги различных дискуссий, состоявшихся после июля 2020 г.³⁵ Евродепутаты отметили, что ЕК должна привести свою водородную концепцию в соответствие с уточнённой европейской промышленной политикой, предусматривающей дальнейшее укрепление технологического лидерства Евросоюза в мире в области чистого водорода. Во время обсуждения была упомянута текущая стоимость возобновляемого и низкоуглеродного водорода — примерно 2,5–5,5 евро за килограмм, в то время как H_2 , производимый с использованием ископаемого топлива — около 1,50 евро/кг³⁶. При этом была сделана принципиальная оговорка касательно чистого водорода, производимого электролизным методом — он ещё не конкурентоспособен и может стать таковым к 2030 г. только при существенных капиталовложениях, совершенствовании нормативно-правовой базы и снижении издержек производства электричества возобновляемыми источниками энергии. На переходный период наряду с зелёным в ЕС должен присутствовать и низкоуглеродистый H_2 . Парламентарии корректно указали на необходимость введения универсальных понятий различных типов водорода: «Быстрое согласование всеобъемлющей, точной, научно обоснованной и единой терминологии в масштабах ЕС необходимо для адаптации юридических определений в государствах-членах и введения чёткой классификации, которая создаёт правовую определённость». Она должна определяться «на основе независимой, научно обоснованной оценки и её следует отделять от традиционной классификации, основанной на названиях цветов». Приоритетным должен стать «принцип учёта выбросов парниковых газов в течение жизненного цикла процесса производства и транспортировки водорода»³⁷. Однако требование Европарламента разработать в течение 2021 г. нормативную базу для H_2 , призванную обеспечить его стандартизацию, сертификацию, гарантии происхождения, маркировку и возможность торговли между государствами-членами, Европейская комиссия так и не выполнила.

---

³⁵ Entschließung des Europäischen Parlaments vom 19. Mai 2021 zu einer europäischen Wasserstoffstrategie (2020/2242(INI)). 20.05.2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0241_DE.html (дата обращения: 31.07.2022).

³⁶ Ibid. В середине 2022 г. в связи с существенно выросшими мировыми ценами на газ и, соответственно, на электричество, себестоимость производства всех видов водорода увеличилась в несколько раз.

³⁷ Ibid.

В вышеупомянутом плане *REPowerEU* весной 2022 г. Брюссель анонсировал проекты двух правовых актов, призванных уточнить определения возобновляемого H_2 . 23 мая ЕК опубликовала свои предложения относительно критериев продуктов, попадающих в категорию «возобновляемый водород», и которые могут использоваться для достижения целевых показателей использования ВИЭ в транспортном секторе. Кроме того, она предложила схему расчёта выбросов экологически чистого H_2 и переработанного углеродного топлива в течение их жизненного цикла³⁸. Наиболее сложным и дорогим представляется переход на водородные технологии сталелитейной промышленности, на которую приходится основная часть промышленных выбросов CO_2 . Например, в Германии этот показатель составляет около 30%. Для достижения установленных законом национальных климатических целей к 2030 г. около трети производства первичной стали придётся перевести на технологию прямого восстановления с использованием водорода, а к 2045 г. — заменить все доменные печи. Модернизация отрасли будет проходить при разнообразной поддержке государства, включая использование проектов *IPCEI*, «контрактов на разницу в ценах» (*Carbon Contracts for Difference*) и средств программы «Декарбонизации промышленности». По оценкам правительства ФРГ, после перестройки национальной сталелитейной промышленности и перевода производственных процессов на водородные технологии ежегодная потребность отрасли в H_2 составит около 2 млн т. Но удовлетворить такой спрос без импорта будет невозможно.

Немецкий бизнес в ожидании государственной поддержки и предстоящего удорожания продукции разработал новую классификацию стали. Она уточняет, какую сталь можно называть «зелёной», то есть произведённую с учётом требований климатической нейтральности. Для этого вводится шестиуровневая цветовая шкала, где «серый» цвет обозначает обычную доменную сталь; а «темно-зелёный» — сталь, которую получили с использованием водорода и электричества от ВИЭ. Классификация основана на том, сколько CO_2 производится по всей цепочке создания стоимости, то есть от добычи железной руды до перерабатываемой листовой стали. Методологически процедура основана на международных спецификациях протокола по парниковым газам.

---

³⁸ Commission launches consultations on the regulatory framework for renewable hydrogen. News. 23 May 2022. Brussels. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/mex_22_3263 (дата обращения: 31.07.2022).

6.3.2. Государственное регулирование и поддержка (на примере Германии)

Германия стала неформальным лидером среди европейских стран по различным программам и механизмам поддержки участников водородного рынка. В июле 2020 г. Федеральное министерство образования и научных исследований (*BMBF*) объявило конкурс идей «Водородная Республика Германия» (нем. — *Ideenwettbewerb "Wasserstoffrepublik Deutschland"*). Его итоги были подведены в середине января 2021 г. Эксперты отобрали три проекта — *H2Mare*, *H2Giga*, и *TransHyDE*, на финансирование которых государство выделило 700 млн евро³⁹. По мнению руководства министерства, их реализация поможет в преодолении существующих технических препятствий и позволит осуществить прорыв на пути превращения ФРГ в «глобального технологического игрока в водородной сфере».

Проект *H2Mare* реализуют *Siemens Gamesa* и *Siemens Energy* — дочерние компании немецкого концерна *Siemens AG*. Он нацелен на интеграцию установок для электролиза зелёного водорода непосредственно в основание морской ветряной турбины *SG14-222DD*. Это сделает возможным её эксплуатацию независимую от других источников электроэнергии, что позволит снизить затраты на производство H_2 . Предполагается, что пилотная установка будет построена в 2026 г. на немецком побережье Северного моря.

В проекте *H2-Giga* — более 100 участников, представляющих сферы науки и бизнеса, включая германскую компанию *ThyssenKrupp AG*. Его цель состоит в серийном производстве оборудования для электролиза водорода. За счёт автоматизации производственных процессов (сегодня сборка осуществляется вручную) и снижения затрат по всей цепочке создания стоимости цены на электролизёры должны быть существенно уменьшены.

Проект *TransHyDE*, координаторами которого выступает компания *RWE Renewables GmbH*, Институт химического преобразования энергии Макса Планка и Институт инфраструктуры энергетики им. Фраунгофера, предусматривает разработку технологий транспортировки водорода вне трубопроводной инфраструктуры, в том числе судами или автомобильным транспортом в контейне-

---

³⁹ Всего было подано 30 проектных заявок. См.: *Teuffer Mareike*. Wasserstoff-Leitprojekte erhalten 700 mio. Euro. 13.01.2021 URL: <https://www.energate-messenger.de/news/208814/wasserstoff-leitprojekte-erhalten-700-mio-euro> (дата обращения: 31.07.2022).

рах под высоким давлением. Он также включает в себя создание соответствующих стандартов, правил безопасности и новых материалов. Всего в проекте участвуют 90 партнёров, в том числе операторы газовых сетей *Ontras*, *OGE* и *GRT Gaz*⁴⁰.

В середине января 2021 г. *BMW*⁴¹ и Федеральное министерство транспорта и цифровой инфраструктуры (*BVMI*⁴²) Германии объявили о приеме до 19 февраля 2021 г. заявок для участия компаний в европейских водородных проектах инициативы «Важные водородные проекты, представляющие общий европейский интерес» (“*IPCEI Hydrogen*”). В её рамках участники могут рассчитывать на более высокие государственные субсидии, чем это разрешено законодательством ЕС, по всей цепочке создания стоимости зелёного водорода — от производства до транспортировки и использования. По итогам конкурса в мае того же года из 230 поданных заявок были отобраны 62 крупномасштабных водородных проекта. На их финансирование предполагалось выделить 8 млрд евро из федерального бюджета (от Минэкономики — 4,4 млрд, от Минтранспорта — 1,4 млрд) и 2,2 млрд из земельных бюджетов. Всего планировалось привлечь 33 млрд евро, в том числе из 22 европейских стран, включая 20 млрд от частных инвесторов. *BMW* отобрало 50 проектов, предусматривающих строительство генерирующих станций для снабжения электролизных мощностей в более чем 2 гигаватт, сооружение водородной инфраструктуры с трубопроводами протяжённостью около 1,7 тыс. км, внедрение водородных технологий в сталелитейной и химической промышленности⁴³.

BVMI отдало предпочтение 12 проектам в сфере мобильности, включая разработку и производства систем и транспортных средств, работающих на водороде, развитие общенациональной и трансграничной сетевой инфраструктуры для заправки водоро-

---

⁴⁰ Подробно о проектах *H2Mare*, *H2Giga*, и *TransHyDE* см.: Willkommen bei den Wasserstoff-Leitprojekten! URL: <https://www.wasserstoff-leitprojekte.de/startseite> (дата обращения: 31.07.2021).

⁴¹ С декабря 2021 г. — Федеральное министерство экономики и защиты климата, *BMWK*.

⁴² С декабря 2021 г. — Федеральное министерство цифровых технологий и транспорта, *BMDV*.

⁴³ *Белов В.Б.* Реализация водородных стратегий Германии и Евросоюза (декабрь 2021 — февраль 2022) // Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 107: декабрь 2021 — февраль 2022. (Электронное издание). С. 36–43. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts120223643>

дом, внедрение H_2 в авиационный и морской секторы⁴⁴. Несмотря на обещание Европейской комиссии одобрить эти проекты до конца 2021 г., первое решение было принято только в середине июля 2022. ЕК одобрила 41 проект в рамках программы мобильности «*IPCEI Hy2Tech*», включая четыре немецких⁴⁵.

В начале 2021 г. обозначились расхождения в позициях германского правительства и основных немецких энергетических игроков по вопросу смешивания водорода с природным газом в газотранспортных сетях при транспортировке и последующем разделении смеси. Компании считали данный метод наиболее эффективным инструментом для расширения водородного рынка. Однако Минэкономики не согласилось с ними и не отнесло такое направление к приоритетным. Аналогичную позицию занял федеральный Минфин, считая, что «примесь водорода в существующих и используемых сетях природного газа должна быть принципиально исключена из соображений энергоэффективности». Согласно техническим правилам Немецкого научно-технического объединения по газу и воде (*Deutscher Verein des Gas- und Wasserfaches e.V.*), доля примеси водорода в метане может составлять максимум 9,9%. Концерны лоббировали повышение потолка до 20%⁴⁶.

В феврале 2021 г. были приняты поправки в федеральный Закон об электро- и газоснабжении (Закон об энергетике, *EnWG*), которые впервые определили водород как энергоноситель и ввели процедуру регулирования водородных сетей, отделив их от газораспределительных⁴⁷. Окончательные предложения по концепции развития и расширения водородной сети ФРГ, в том числе вопросы «нормативно-правовой базы, финансирования инфраструктуры и предложения по переходу от газовых сетей к водородным сетям,

---

⁴⁴ “Wir wollen bei Wasserstofftechnologien Nummer 1 in der Welt werden”: BMWi und BMVI bringen 62 Wasserstoff-Großprojekte auf den Weg. 28.05.2021 <https://www.bmw.de/Redaktion/DE/Pressemitteilungen/2021/05/20210528-bmw-und-bmvi-bringen-wasserstoff-grossprojekte-auf-den-weg.html> (дата обращения: 31.07.2022).

⁴⁵ Rückenwind aus Brüssel für vier erste Wasserstoff-Großprojekte aus Deutschland. BMVD. 15.07.2022. URL: <https://www.bmvi.de/SharedDocs/DE/Pressemitteilungen/2022/052-eu-kommission-genehmigt-41-wasserstoff-grossprojekte.html> (дата обращения: 31.07.2022).

⁴⁶ Wiedemann, Karsten. Wirtschaftsministerium: Wasserstoff-Beimischung hat keine Priorität. 22.01.2021 URL: <https://www.energate-messenger.de/news/209100/wirtschaftsministerium-wasserstoff-beimischung-hat-keine-prioritaet> (дата обращения: 31.07.2021).

⁴⁷ Газовая директива 2009 г. запрещает операторам сетей природного газа владеть и/или эксплуатировать водородные трубопроводы.

включая поэтапное системное планирование», должны были быть подготовлены в 2022 г.⁴⁸

Правила эксплуатации водородных сетей вызвали противоречивые реакции основных игроков сферы энергетики. Партнёрство «Инициатива по хранению природного газа» (*Initiative Erdgasspeicher e. V. – Ines*) весьма положительно отнеслось к раздельному регулированию, которое освобождает строительство водородной инфраструктуры от длительных разрешительных процедур, существующих в сфере газотранспортных систем. Немецкая ассоциация газа и воды (*Deutscher Verein des Gas- und Wasserfaches e. V. – DVGW*), наоборот, выступила против такого подхода. По её мнению, правительство должно финансово поддерживать не только исключительно водородные трубопроводы, но и техническую перестройку существующих газовых сетей для обеспечения транспортировки через неё метано-водородных смесей. Раздельное регулирование критикуют и операторы газовых сетей, считая, что единый регуляторный механизм в большей мере соответствует цели скорейшей экономически эффективной декарбонизации экономики⁴⁹.

Возможно, компромиссное решение будет найдено в контексте заявленных новым правительством Германии изменений, которые предполагается внести в немецкую водородную стратегию. По состоянию на конец лета 2022 г. этого не произошло. В июне Национальный водородный совет опубликовал свои предложения, адресованные кабинету министров⁵⁰. Речь идёт о пяти пакетах мер, направленных на: (1) организацию системы сертификации и торговли для ускорения создания рынка водорода; (2) развитие и расширение водородной инфраструктуры; (3) увеличение доступности экологически нейтрального водорода и его производных за счёт внутреннего производства и импорта из других стран; (4) организацию механизмов стимулирования рынков сбыта водо-

---

⁴⁸ *Wiedemann Karsten*. Trennung von Gas und Wasserstoff bleibt. 09.02.2021. URL: <https://www.energate-messenger.de/news/209593/trennung-von-gas-und-wasserstoff-bleibt> (дата обращения: 31.07.2022).

⁴⁹ *Stratmann Klaus*. Bundesregierung ebnet Weg für Wasserstoffnetze. 10.02.2021. URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/energiewende-bundesregierung-ebnet-weg-fuer-wasserstoffnetze/26899482.html?ticket=ST-14749158-T51-1O53dgXVmOptmTKCo-ap2> (дата обращения: 31.07.2022).

⁵⁰ Eckpunktepapier zur Überarbeitung der Nationalen Wasserstoffstrategie. Stellungnahme. Nationaler Wasserstoffrat. Juni 2022. URL: https://www.wasserstoffrat.de/fileadmin/wasserstoffrat/media/Dokumente/2022/2022-06-30_NWR-Eckpunktepapier_Ueberarbeitung_NWS.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

рода; (5) поддержку НИОКР с упором на реализацию крупномасштабных и комплексных демонстрационных проектов.

6.3.3. Проблемы формирования водородной инфраструктуры

Эксперты обращают внимание на проблемы не только с выпуском, но также с хранением и транспортировкой H_2 .

Британская консалтинговая компания *Frazer-Nash Consultancy* в начале 2022 г. провела исследование последствий утечки водорода в рамках всего его жизненного цикла – от производства до конечного потребления. Согласно расчётам её экспертов, с ростом объёмов выпуска H_2 неизбежные утечки составят – при хранении в баллонах/ёмкостях в сжатом виде – от 0,12 до 0,24% ежедневно; из трубопроводов – на 20% больше, чем аналогичный объём потерь бытового газа (из-за разницы в плотности); при транспортировке в виде криогенной жидкости – в среднем около 1% в день; при обязательных процессах вентиляции и продувки электролизёрных систем – от 3,3 до 9,2% его объёма. При разных сценариях суммарные потери водорода могут составить от 1 до 10% от общего объёма его выпуска. Половина утраты придётся на доставку, по одной четверти на производство и на использование⁵¹.

При попадании в атмосферу H_2 начинает взаимодействовать с другими газами и парами в воздухе. Он связывает тропосферные окислители, расщепляющие метан – один из наиболее мощных парниковых газов, нагревающих атмосферу в 80 раз быстрее, чем CO_2 в сопоставимых объёмах. Мощный продолжительный парниковый эффект метана держится первые 20 лет. Затем благодаря гидроксильным радикалам этот газ распадается в атмосфере, но при этом сами «метановые очистители» достаточно быстро вступают в реакцию с водородом. Метану достаётся меньше расщепляющих элементов, и он дольше задерживается в атмосфере. Присутствие водорода также увеличивает объёмы тропосферного озона и стратосферного водяного пара, что также усиливает парниковый эффект, в итоге увеличивая угрозу глобального потепления. По мнению учёных из Редингского и Кэмбриджского университетов, за 100 лет тонна водорода в атмосфере способствует нагреванию Земли в 11 раз интенсивнее, чем тонна CO_2 . С существенным ростом потребления водородного топлива в транспорт-

---

⁵¹ Fugitive Hydrogen Emissions in a Future Hydrogen Economy. Frazer-Nash Consultancy. March 2022. – 52 pp. URL: <https://newatlas.com/environment/hydrogen-greenhouse-gas/> (дата обращения: 31.07.2022).

ном секторе и новыми энергосистемами его негативное влияние на экологию, включая ускорение нагревания планеты, существенно увеличится. Тем не менее, принимая во внимание пересчёт коэффициента парникового эффекта с учётом замещения выбросов CO_2 , эксперты считают водородное топливо в 10 раз безопаснее для атмосферы в сравнении с парниковыми газами, но при этом настаивают на введении контроля за утечками H_2 в ходе его жизненного цикла⁵².

Один из ведущих российских исследователей в области газовой энергетики А. Конопляник неоднократно указывал в своих работах на ряд критичных ограничений транспортировки H_2 по существующим ГТС как низкого, так и высокого давления. Основные из них связаны с рисками нарушения целостности технологического оборудования вследствие насыщения металла водородом (охрупчивание, вздутия, расслоения); некорректного измерения объёмов прокачиваемого газа; значительных потерь из-за сверхвысокой проницаемости водорода; более высоких, по сравнению с метаном гидравлических потерь давления в газопроводе, а в случае поставок метано-водородной смеси необходимостью создания инфраструктуры по выделению H_2 на конце трубы⁵³.

Часть европейских экспертов считает альтернативой существующим ГТС строительство специализированных водородопроводов на территории Евросоюза и стран – будущих основных поставщиков безуглеродного водорода в ЕС. Однако оценки предполагаемой стоимости и технической реализуемости такой инфраструктуры в специализированной литературе пока отсутствуют. Тем не менее есть сообщения о пилотных водородных инфраструктурных проектах, в том числе строительстве трубопроводов, связывающих места производства (например, морские ветропарки) и доставки судами водорода (например, порты в Нидерландах).

---

⁵² Atmospheric implications of increased Hydrogen / Warwick N. at al. University of Cambridge and NCAS, University of Reading. April 2022. 75 pp. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1067144/atmospheric-implications-of-increased-hydrogen-use.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

⁵³ Конопляник А. Водородный раскол мнений: новый виток противостояния (часть 2) // Нефтегазовая вертикаль. 2022. № 2. С. 66–81. URL: (дата обращения: 31.07.2022). <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/НГВ2022-№2-с66-81-Конопляник-опубликованная%20версия-часть2.pdf>

В конце апреля 2021 г. четыре компании – нидерландская *N.V. Nederlandse Gasunie*, британо-нидерландская *Royal Dutch Shell*, германские *Gascade GmbH*⁵⁴ и *RWE GmbH* подписали декларацию о намерениях относительно реализации проекта *AquaDuctus*. Речь шла о сооружении газопровода для транспортировки зелёного водорода из Северного моря в Германию. Новый трубопровод – это часть инициативы *AquaVentus*⁵⁵, которая предусматривает создание 10 гигаватт электролизных мощностей, расположенных между островом Гельголанд и крупнейшей песчаной отмелью в Северном море – Доггер-банкой, для производства водорода с помощью морской ветровой энергии. После 2035 г. по газопроводу предполагается поставлять до 1 млн т H_2 в год. В случае успеха проект отменит потребность в пяти высоковольтных линиях, которые пришлось бы соорудить для передачи электроэнергии, необходимой для такого электролизного производства. Авторы проекта исходят из того, что это наиболее экономичный вариант транспортировки больших объёмов энергии на расстояние свыше 400 км и что *AquaDuctus* станет одной из самых важных вех в реализации немецкой и европейской водородных стратегий⁵⁶. К 2022 г. количество участников проекта существенно увеличилось.

В конце 2020 г. в Нидерландах стартовала исследовательская программа *HyDelta*, посвящённая вопросам интеграции водорода в существующую инфраструктуру газовых сетей и устранению барьеров на пути инновационных водородных проектов. Первый этап программы, которую реализовывает консорциум под руководством нидерландского концерна *Gasunie B.V.*, закончился весной 2022 г. Её участниками были технические сертификационные и консалтинговые компании. Однако однозначных результатов и рекомендаций для заявленной интеграции и ликвидации препятствий получено не было. Поэтому программу решили продлить до 2023 г.⁵⁷

---

⁵⁴ До апреля 2022 г. совладельцами немецкой *Gascade GmbH* являлись ПАО «Газпром» и германская компания *Wintershall Dea GmbH*. Последняя принадлежала на 72,5% нефтехимическому концерну *BASF SE* (ФРГ) и на 27,5% *LetterOne Holdings S.A.* (Люксембург), чьим конечным бенефициаром был владелец «Альфа-групп» Михаил Фридман.

⁵⁵ *AquaVentus*. URL: <https://www.aquaventus.org/> (дата обращения: 31.07.2022).

⁵⁶ *Transportleitung für Grünen Wasserstoff aus der Nordsee*. GASCADE, Gasunie, RWE und Shell unterzeichnen Absichtserklärung über Zusammenarbeit im Projekt AquaDuctus. 26.04.2021. URL: <https://aquaventus.org/pressemeldungen/transportleitung-fuer-gruenen-wasserstoff-aus-der-nordsee/> (дата обращения: 31.07.2022).

⁵⁷ *What is HyDelta?* URL: <https://hydelta.nl/what-is-hydelta> (дата обращения: 31.07.2022).

Председатель правления Энергетического агентства Германии (*Deutsche Energie-Agentur, dena*) А. Кульманн, и директор Института энергоэффективности Штутгартского университета (*Institut für Energieeffizienz der Universität Stuttgart*) А. Зауэр, считают необходимым развитие децентрализованного снабжения потребителей водородом⁵⁸. Эта позиция противоречит Национальной водородной стратегии Германии, постулирующей приоритет выпуска H_2 на крупных электролизерах вблизи побережья с высоким потенциалом получения электричества от оффшорных ветряных установок, импорте H_2 и развитию магистральной трубопроводной сети от места производства водорода до крупных энергоёмких промышленных потребителей, в основном расположенных на северо-западе страны. Для малого и среднего бизнеса доступ к H_2 пока крайне ограничен. Немецкие эксперты считают правильным положения программ «Водородные долины», содержащиеся в *REpowerEU*, предполагающие объединение производства, хранения и конечного использования возобновляемого водорода в интегрированную экосистему на ограниченной территории. Для размещения в районах, благоприятных для работы ветровых и солнечных установок и где есть экономически обоснованный спрос на водород не только крупных, но и небольших компаний оптимальны электролизёры мощностью до пяти мегаватт. Такое децентрализованное региональное распределение оборудования создаёт предпосылки для производства и использования в Германии до 19 ТВт-ч экологически чистого H_2 . Согласно исследованию Института Фраунгофера производственного машиностроения и автоматизации (*Fraunhofer-Institut für Produktionstechnik und Automatisierung*), при нынешних высоких ценах на энергоносители окупаемость децентрализованно размещённого электролизёрного оборудования могла бы быть достигнута уже сегодня⁵⁹. Эта тема исследуется в рамках платформы «*H2 decentral*», реализуемой упомянутым Энергетическим агентством. Вполне вероятно, что экспертные рекомендации будут учтены при внесении изменений в Национальную стратегию Германии.

---

⁵⁸ *Kuhlmann A., Sauer A.* Deutschland braucht eine dezentrale Wasserstoffversorgung. Handelsblatt. 17.08.2022. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/kommentare/gastkommentar-deutschland-braucht-eine-dezentrale-wasserstoffversorgung/28600982.html>

⁵⁹ Ibid.

6.3.4. Международное сотрудничество

В большинстве стран Европейского Союза нет гарантированных погодных условий для бесперебойной и надёжной работы ветряных и солнечных энергетических установок. Также не хватает земельных участков для их размещения. Соответственно, на сегодняшний день в Европе отсутствуют мощности ВИЭ, которые могут гарантированно поставлять электричество для запланированных объёмов электролизного производства водорода, необходимого для удовлетворения постоянно растущих потребностей промышленности. Для хозяйствующих субъектов европейских государств, заинтересованных в масштабном использовании водорода, важна уверенность в доступности тарифов и надёжности поставок данного экологически чистого сырья. Несмотря на принимаемые Евросоюзом меры, в средне- и долгосрочной перспективе сохранится потребность в большом количестве дополнительных мощностей возобновляемой энергетики, расположенных за его пределами и необходимых для электролизного производства недостающего водорода. Поэтому Брюссель совместно со столицами других государств ЕС поставил задачу обеспечить недостающее предложение через импорт. Основные надежды возлагаются на Австралию, Латинскую Америку и Северную Африку.

Лидером среди европейских стран в этом, как, впрочем, и других «водородных вопросах», была и остаётся Германия. В соответствии с национальной водородной стратегией для гарантированных зарубежных закупок водорода государство с 2021 г. осуществляет проект *H2-Global*. После его одобрения Европейской комиссией Берлин выделил на него 900 млн евро. Для его практической реализации в Гамбурге в июне того же года был создан некоммерческий гражданско-правовой фонд *H2-Global-Stiftung*. Его деятельность поддерживают более тридцати промышленных компаний, включая *Siemens Energy AG*, *Uniper SE*, *RWE AG*, *Nordex SE*, *Thyssenkrupp AG*, *Linde AG*, *VNG AG*, *Deutsche Bank Gruppe*, *Hamburger Hafen und Logistik AG* и *Salzgitter AG*. В свою очередь, фонд основал специальную фирму-посредник *Hint Co GmbH (Hydrogen Intermediate Network)*, которой федеральное правительство предоставило финансовые гарантии, обеспечив тем самым её высокую кредитоспособность. Фирма организует аукционы для различных заинтересованных экономических субъектов — как со стороны внутреннего спроса, так и внешнего предложения водорода. Состоявшийся первый раунд тендеров не имел отношения непосредственно к зелёному

водороду. Речь шла о его производных — аммиаке, метаноле и авиационном синтетическом керосине. По каждому из этих продуктов величина тендерной сделки должна составлять 300 млн евро, и её должен предложить консорциумом фирм или из стран ЕС, или государств, не входящих в Евросоюз. На заключение контракта претендует тот, кто предложит самые высокие объёмы поставок и лучшее качество продукта. Продолжительность проекта *H2-Global* ограничена десятью годами. Правительство Германии не исключает выделение дополнительных средств на его реализацию⁶⁰.

Федеральное министерство образования и научных исследований (*BMBF*) совместно с рядом африканских партнёров с 2020 г. в рамках стратегического водородного партнёрства осуществляет проект “*H₂ATLAS-AFRICA*”⁶¹. Его цель — анализ потенциал Западной и Южной Африки для организации производства зелёного водорода и его последующего экспорта в Европу. В мае 2021 г. были опубликованы первые результаты по 15 странам.

Вторым стратегическим международным водородным партнёром *BMBF* является Австралия. С ней реализуется проект *HuGATE*, посвящённый финансированию исследовательских проектов по разработке и тестированию инновационных технологий зелёного H_2 по всей цепочке создания его стоимости. Он дополняет германо-австралийскую кооперацию *HuSupply*, направленную на технико-экономическое обоснование наиболее оптимальных поставок водорода из Австралии⁶².

Компании Европейского Союза в качестве одного из будущих ведущих мировых центров производства водорода рассматривают Намибию, правительство которой заинтересовано в привлечении крупных инвесторов в водородную сферу.

Одним из первых пилотных проектов стало строительство завода по выпуску 300 тыс. тонн водорода в год, контракт на который в ноябре 2021 г. выиграл германо-британский консорциум *Huphen*, состоящий из технологического концерна *Enertrag SE* и инвестиционной компании *Nicholas Holdings Limited*. Данного объёма достаточно для обеспечения климатической нейтрально-

---

⁶⁰ *Geinitz Ch.* Wie das Förderprogramm für den Wasserstoff funktioniert. 23.03.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wie-deutschland-viel-wasserstoff-ins-land-holen-will-17895173.html>

⁶¹ *H₂ATLAS-AFRICA*. URL: <https://www.h2atlas.de/de/>

⁶² *Grüner Wasserstoff: Welche internationalen Projekte fördert das BMBF?* URL: <https://www.bmbf.de/bmbf/shareddocs/kurzmeldungen/de/woher-soll-der-gruene-wasserstoff-kommen.html>

сти большого сталелитейного завода. Для гарантированных поставок электричества для производства H_2 будут построены солнечные и ветряные электростанции общей мощностью 5 гигаватт. Для транспортировки водорода – новый глубоководный порт. Проект оценивается в 9,4 млрд долл. США, что немногим меньше объёма промышленного производства Намибии в 2021 г. (12 млрд долл.).

Первоначально завод будет выпускать аммиак для его экспорта в другие страны, в том числе, для производства синтетического авиационного топлива. Лишь затем наступит очередь зелёного водорода. К югу от границы с Намибией (в ЮАР) планируется построить новую промышленную зону *Green Hydrogen*. Заинтересованность в её создании проявил ряд компаний, работающих в Южной Африке, в том числе британская *Anglo American pls* и германская *Sasol Germany GmbH*. Предполагается, что с нигерийским заводом эту зону свяжет водородный трубопровод, что представляет собой сложную для решения техническую задачу. К ЮАР как к одному из ведущих мировых производителей платины проявляют интерес фирмы по выпуску электролизёров⁶³.

Помимо Намибии и ЮАР, в конкуренцию за право стать мировыми водородными центрами, сотрудничающими со странами Евросоюза, включились власти Чили, Австралии, Марокко, а также ЮАР.

В середине февраля 2021 г. консорциум из 30 европейских энергетических игроков⁶⁴ официально запустил масштабную программу *HyDeal Ambition* с целью обеспечить к 2030 г. поставки 3,6 млн т зелёного водорода в год потребителям в энергетическом, промышленном и транспортном секторах по цене 1,5 евро кг. Электролизное производство H_2 с использованием электричества, получаемого от солнечной энергии, должно начаться в 2022 г. в странах Пиренейского полуострова. Кроме того, в её рамках рассматри-

---

⁶³ Bröll K. Namibia zweifelt und träumt von grüner Energie. 25.03.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wasserstoff-aus-der-wueste-namibia-traeumt-von-grueener-energie-17895171.html> (дата обращения: 31.05.2021).

⁶⁴ Среди членов проектного консорциума – оператор сети магистральных трубопроводов *Open Grid Europe GmbH* (ФРГ), энергетические компании *Enagas S.A.* (Испания), *Snam S.p.A.* (Италия), *Engie S.A.* (Франция), инженеринговые фирмы *DH2 / Dhamma Energy* (Испания), *Falck Renewables* (Италия), *Qair* (Франция) и ряд других. См.: 30 energy players initiate an integrated value chain to deliver green hydrogen across Europe at the price of fossil fuels. Press release. Paris, February 11th 2021. URL: <https://cellar-c2.services.clever-cloud.com/com-mcphy/uploads/2021/02/Press-release-HyDeal-v1.513-En.pdf> (дата обращения: 12.06.2022).

валась возможность строительства магистрального трубопровода для поставок водорода из Северной Африки через Италию в Центральную Европу.

Эксперты европейских научных центров *Corporate Europe Observatory* и *Transnational Institute* в начале 2022 г. провели исследование, посвящённое перспективам поставок зелёного водорода из трёх североафриканских стран в ЕС. Его результаты были обобщены специалистом по водородной энергетике Майклом Барнардом, автором вышедшего в мае 2022 г. доклада «Марокко, Алжир, Египет: ЕС планирует импортировать водород из Северной Африки»⁶⁵. В нём содержится несколько важных положений, которые ставят под сомнение экономическую эффективность и целесообразность водородных импортных целеполаганий Брюсселя.

Руководство исследуемых североафриканских государств приняло предложение ЕК и решило производить экологически чистый водород и продукцию на его основе с целью последующих поставок в европейские страны на специализированных судах и по трубопроводам. М. Барнард справедливо обращает внимание на ряд следующих факторов:

- морская транспортировка H_2 существенно увеличивает стоимость данного продукта по сравнению с поставками СПГ — для сжижения водорода требуется в три раза больше энергии чем для природного газа, при этом его перевозимый танкером объём на 27% меньше СПГ и во время доставки каждый день он уменьшается на 0,2%;
- аналогичные проблемы существуют и при трубопроводной прокачке — плотность H_2 предполагает утроение энергетических затрат по сравнению с метаном при больших летучих выбросах водорода, который, будучи более агрессивным газом, наносит существенный вред и трубам, и компрессорному оборудованию;
- переход от нынешнего традиционного судового топлива, загрязняющего окружающую среду, на его альтернативные аналоги связан с рядом проблем — зелёный метанол не только токсичен, но и имеет вдвое меньшую плотность энергии при более высокой (в пять раз) стоимости; зелёный аммиак опасен для жизни и в четыре раза дороже;

---

⁶⁵ *Barnard M.* Morocco, Algeria, Egypt: EU plans to import hydrogen from North Africa. Corporate Europe Observatory and Transnational Institute. May 2022. URL: https://corporateeurope.org/sites/default/files/2022-05/Assessing_EU_plans_to_import_hydrogen.pdf (дата обращения: 31.05.2021).

- использование ВИЭ для питания электролизёров значительно увеличивает стоимость зелёного водорода, которая по состоянию на зиму 2022 г. без учёта хранения и транспортировки была в 11 раз выше эквивалента единицы энергии природного газа, на основе которого можно производить голубой и бирюзовой H_2 ; ЕС будет вынужден компенсировать разницу в ценах закупки и реализации;
- североафриканским странам с народнохозяйственной точки зрения выгоднее использовать ВИЭ для внутренних нужд — например, для замены ископаемого топлива при производстве минеральных удобрений, удовлетворения других местных потребностей в энергии, соответственно, сокращения выбросов CO_2 в атмосферу у себя, а не в Европе. Однако Брюссель и ведущие европейские компании не заинтересованы в такой модели и последовательно навязывают де-факто колониальный вариант водородной кооперации⁶⁶.

В заключение упомянем одну из последних инициатив У. фон дер Ляйен в сфере H_2 . Выступая 14 сентября 2022 г. в Европарламенте с традиционной ежегодной речью о состоянии Евросоюза, глава ЕК предложила создать «Европейский водородный банк» с активами в 3 млрд евро. По её мнению, он сможет выступать гарантом при сделках с водородом, стимулировать инвестиции в его производство, поддержать потребителей, связать будущие спрос и предложение и тем самым ускорить превращение водородного рынка в Евросоюзе из нишевого в массовый. Такое предложение стало во многом неожиданным для экспертного и политического сообщества и вызвало не только поддержку отдельных политиков, но и критику ряда специалистов, считающих, что средства лучше направлять в развитие ВИЭ и электрификацию производственных процессов, а не в электролизное производство H_2 ⁶⁷.

---

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Helseth J. Why von der Leyen's 'European Hydrogen Bank' is a bad idea. Euractiv. 16.09.2022. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/opinion/why-von-der-leyens-european-hydrogen-bank-is-a-bad-idea/> (дата обращения: 16.09.2022).

6.4. Выводы

Европейский зелёный курс означает смену парадигмы в хозяйственно-политическом развитии Евросоюза и его государств-членов. При сохранении основной стратегической цели — создание безуглеродной экономики к 2050 г. в рамках одновременной энергетической и цифровой трансформации народнохозяйственных комплексов — за прошедшие с декабря 2019 г. время Брюссель вносил, вносит и будет вносить в содержание зелёной повестки постоянные изменения. С одной стороны, они обусловлены необходимостью уточнения во многом теоретических постулатов первоначальных программных положений. С другой — влиянием на ЕЗК пандемии коронавируса и геополитических изменений, в том числе связанных с кризисом вокруг Украины.

В своей промышленной стратегии Брюссель сместил акцент на укрепление стратегической автономии, увеличение независимости от внешних поставок критически важных материалов, комплексное развитие экосистем и устранение барьеров в рамках Европейского внутреннего рынка. На второй, если не на третий план ушли постулаты «Индустрии 4.0», которая первоначально должна была стать основой повышения конкурентоспособности Евросоюза как хозяйственно-политического пространства. Приоритетным стало усиление дирижизма и государственной поддержки бизнеса в первую очередь через важные проекты общеевропейского значения и создание индустриальных альянсов.

В цифровой сфере ставка сделана на искусственный интеллект, прорывные, особенно квантовые, и информационно-коммуникационные технологии, собственную облачную платформу и высококвалифицированных специалистов. Но по состоянию на середину 2022 г. заметных результатов как на уровне отдельных стран, так и на уровне Евросоюза отмечено не было. Все целеполагания оставались на уровне деклараций и программных установок в рамках «Цифрового компаса» и «Цифрового десятилетия». Есть сомнения, что в ближайшие годы Брюсселю удастся изменить сложившееся соотношение сил и потеснить глобальных конкурентов из США и Китая.

В качестве движущей силы энергетической трансформации ЕК выбрала водородную энергетику и дальнейшее продвижение ветряных (сухопутных, морских) и солнечных источников энергии, которые должны содействовать переходу энергозатратных отраслей промышленности на безуглеродные технологии. Очевидно,

что первоначально заявленные цели на сегодняшний день достичь вряд ли возможно. Представляется, что ставка на электролизное производство экологически чистого зелёного водорода является ошибочной. Собственных мощностей у Евросоюза не было изначально, а попытки обеспечить потребности за счёт импорта из других стран привели, с одной стороны, к необходимости покрытия за счёт государственных средств разницы между высокой закупочной стоимостью H_2 и более низкой ценой реализации потребителям. С другой стороны, «принудительное» стимулирование ряда развивающихся государств к производству зелёного водорода с использованием ВИЭ и его экспорту существенно снижает их потенциал для перехода к собственной климатически нейтральной экономике. Это позволяет выдвинуть тезис о новом неокOLONIALном подходе Брюсселя – в его рамках собственные структурные реформы он осуществляет за счёт других менее развитых экономик, которые оказываются ещё более отдалёнными от собственного зелёного перехода. Кроме того, зарубежные «водородные партнёры» обрекаются на необходимость импорта электролизных технологий и оборудования из ЕС, в первую очередь, из Германии, а также его последующее обслуживание. По крайней мере, Берлин декларирует эту цель в своей национальной стратегии.

По нашему мнению, водородная трансформация имела бы больше шансов на успех, если бы чиновники Брюсселя начали её с уже испытанных технологий с использованием хотя и экологически вредного, но самого дешёвого серого H_2 . Затем по мере совершенствования и апробирования новых технических процессов они могли бы перейти на более экологичные голубые и бирюзовые технологии, позволяющие утилизировать CO_2 , а также жёлтый водород (электричество для электролизёров от АЭС). И только потом замещать их чистым зелёным (с учётом предполагаемого снижения издержек на его производство). Это до сих пор актуально для сталелитейной, химической и транспортных отраслей Евросоюза.

На сегодняшний день поставленные цели относительно объёмов электролизных мощностей в странах ЕС, обеспечения их электричеством от ВИЭ (с учётом резкого роста спроса на него со стороны электромобилей) и объёмов импорта водорода представляются завышенными и недостижимыми. Высокая стоимость H_2 , в том числе получаемого на фоне резко выросших в 2022 г. цен на природный газ методом пиролиза и риформинга, делает продукцию большинства отраслей, переходящих на водородные технологии, неконкурентоспособными. Несмотря на ряд заявленных

проектов, открытым остаётся вопрос о возможностях транспортировки водорода как крайне агрессивного, опасного и летучего вещества по существующим газопроводам и будущим специализированным водородным трубопроводам.

Глава 7. Климатическая повестка в ЕС в эпоху турбулентности

С.А. Рогинко

Евросоюз, выдвигая цели в области климата, включая «Зелёный курс» и пакет “Fit for 55”, привлек большое внимание своей амбициозностью и широко объявленной решимостью этих целей достичь. Массированная пиар-кампания ЕС по этому поводу, поддержанная СМИ, отвлекает внимание от вопроса о достижимости этих целей. Чтобы оценить их реалистичность, попробуем подвести итоги предыдущей активности ЕС в этой области, проходившей в рамках двух отчётных периодов Киотского протокола, длившихся с 2008 по 2012 г. и с 2013 по 2020 г.

Итоги Киото

В течение Первого отчётного периода Киотского протокола ЕС обязался сократить свои выбросы парниковых газов на 8%.¹ Этот план был перевыполнен: согласно расчётам Европейского агентства по окружающей среде, общие выбросы 15 государств-членов снизились на 11,7% по сравнению с уровнем 1990 г. На Второй отчётный период Киотского протокола ЕС наметил уменьшить выбросы в общей сложности на 20% к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г.² Это обязательство также было перевыполнено: сокращение выбросов к началу 2020 г. составило 24%³.

Выполнение целей не обошлось без эксцессов, демонстрирующих признаки усталости общества от климатической повестки, и прежде всего нежелание приносить своё благосостояние

---

¹ МЕМО/04/43 Bruxelles, 4 March 2004 Kyoto Protocol. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/МЕМО_04_43

² Kyoto-Protokolls Verpflichtungsperioden. Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz. <https://www.bmu.de/themen/klimaschutz-anpassung/klimaschutz/internationale-klimapolitik/kyoto-protokoll/verpflichtungsperioden>

³ Peterquin S. Report: EU greenhouse gas emissions down 24% since 1990 AP November 30, 2020. <https://apnews.com/article/climate-change-climate-europe-bc-73c9bf1beb6675ea7350ca14117d78>

в жертву плохо аргументированной климатической риторике. Во Франции введение властями углеродного налога вызвало к жизни массовое движение «жёлтых жилетов», сотрясавшее страну на протяжении почти двух лет начиная с ноября 2018 г. Масштабы бунта впечатляют: 300 тысяч протестующих (по самым скромным оценкам), более 400 раненых, десятки избитых полицейских — такого в последние 50 лет в Европе не случалось. Шокирует и небывалая жестокость расправы властей с протестующими: 3100 обвинительных приговоров, из них — более 400 с реальными тюремными сроками.

Освоив подобные методы убеждения недовольных своей климатической политикой, европейский истеблишмент перестал заботиться об аргументации в пользу климатической повестки. Произошла девальвация аргументации с апелляцией не к разуму, а к эмоциям представителей «поколения Z», воспитанных социальными сетями. Появившееся буквально из ниоткуда движение «Пятницы за климат» было моментально вознесено в топы глобальными СМИ; её главная фарс-фигура — Грета Тунберг — мгновенно была приведена в самые высокие коридоры власти. На всех встречах с ней звучал тезис, который сводился к тому, что «наука уже все решила» (*science is settled*), тем самым уводя внимание от вопросов о том, что за наука имеется в виду⁴. Действительно, многие обоснованно сомневаются в наличии научного консенсуса по поводу антропогенной природы климатических изменений.

Эти сомнения не рассеялись до сих пор. Например, согласно обнародованному в июне 2022 г. отчёту Института политики (Policy Institute), аналитического центра Королевского колледжа Лондона (KCL), в Европе существует сильное скептическое отношение к утверждениям о научном консенсусе по этой проблеме. Для выяснения мнения европейцев проведён опрос 12 тыс. человек в шести странах: Великобритании, Германии, Ирландии, Италии, Норвегии и Польше. В среднем респонденты считали, что только 68% учёных едины в том, что «происходит антропогенное изменение климата». При этом британцы оказались скептичнее остальных — их средняя оценка составила 65%. Большую веру в научный консенсус по поводу антропогенного фактора продемонстрирова-

---

⁴ *Coppedge D.* Climate Hysteria Goes Far Beyond the Science, *Creation Evolution*, 11 December, 2019. Available at: <https://crev.info/2019/12/climate-hysteria-goes-far-beyond-the-science/> (accessed 4 September 2020).

ли ирландские и польские респонденты – 71%, норвежские – 73%, итальянские – 75% и немецкие – 76%⁵.

Такой скепсис по поводу официальных заявлений о наличии в науке консенсуса относительно природы и последствий потепления объясняется как появляющимися время от времени заявлениями серьёзных учёных о своём несогласии с мнением большинства⁶, так и пониманием того, как работает «культура отмены», лишаящая отступников от мейнстрима возможностей вести профессиональную деятельность.

Тем не менее тактика голословных утверждений сработала: глобальное сообщество вместо серьёзного подхода стало реагировать на запросы и эмоции детского движения и её лидера, а Евросоюз, опираясь на сформированный им же «запрос молодого поколения», приступил к разработке новых климатических целей. Эти цели, по замыслу Еврокомиссии, должны были существенно превосходить уже представленную Евросоюзом к Парижской Конференции ООН по климату цель сокращения к 2030 г. выбросов парниковых газов на 40% по отношению к 1990 г.⁷ 40%-ная цель была зафиксирована в качестве первоначального обязательства (NDC – Nationally Determined Contribution) Евросоюза по линии Парижского соглашения, но амбиции, подогретые восприятием себя в качестве «климатического лидера», требовали большего.

Новую цель согласовывали с большим трудом, поскольку окончательное утверждение осуществлял Совет министров ЕС. Германии, Франции и другим сторонникам климатических амбиций пришлось приложить немало усилий (и пообещать немало денег), чтобы добиться согласия Польши, Чехии и Венгрии, собиравшихся заблокировать эту инициативу. В итоге консенсус был достигнут и озвучен Евросоюзом в опубликованном обращении под названием «Состояние Союза, 2020» (State of the Union Address, 2020)⁸.

---

⁵ Which European countries know the least about climate change? A new survey finds people underestimate the scientific consensus // The Economist, Jun 30th 2022. <https://www.economist.com/graphic-detail/2022/06/30/which-european-countries-know-the-least-about-climate-change>

⁶ *Perry M.* There Is No Climate Emergency, Say 500 Experts in Letter to the United Nations. American Enterprise Institute, October 01, 2019. <https://www.aei.org/carpe-diem/there-is-no-climate-emergency-say-500-experts-in-letter-to-the-united-nations/>

⁷ Paris Agreement. EU's role. https://ec.europa.eu/clima/eu-action/international-action-climate-change/climate-negotiations/paris-agreement_en#eus-role

⁸ EU State of the Union Address 2020. Available at: https://ec.europa.eu/info/strategy/strategic-planning/state-union-addresses/state-union-2020_en (Accessed

Пост-киотские амбиции

В этом обращении глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен поставила перед Евросоюзом новую цель: сократить выбросы парниковых газов к 2030 г. не на 40% по отношению к 1990 г., а на 55%. Тем самым в рамках «Европейского зелёного курса» странам Евросоюза была задана новая планка, более высокая по сравнению с обязательствами ЕС по линии Парижского соглашения.

Воодушевившись таким поворотом событий, Европарламент решил превзойти Еврокомиссию в решимости и добиться ещё более масштабных обязательств. На своём уровне это ему удалось, что продемонстрировали результаты прошедшего 6 октября 2020 г. голосования. Евродепутаты с небольшим перевесом (352 голоса «за», 326 голосов «против» при 18 воздержавшихся) поддержали задачу сокращения выбросов парниковых газов к 2030 г. на 60% по отношению к 1990 г.

Еврокомиссия не стала отвергать инициативу депутатов, заявив о намерении начать переговоры со странами ЕС по установленной ими цели. Более того, парламентариев обнадёжили, установив конец 2020 г. в качестве срока завершения этих консультаций. Однако этим усилия ЕК и ограничились, поскольку в дальнейшем информации о какой-либо работе по согласованию новой амбициозной цели не появлялось. Вместо этого Еврокомиссия сосредоточилась на своей 55%-ной цели. В конце 2020 г. ЕК представила в Секретариат Рамочной Конвенции ООН об изменении климата 55%-ную цель в качестве обновлённого обязательства ЕС (NDC) по Парижскому соглашению на период до 2030 г.

Пути достижения этой цели Еврокомиссия презентовала в июле 2021 г. в виде «Fit for 55». Этот документ позиционировался как «План зелёного перехода» — пакет мер, направленный на сокращение выбросов парниковых газов в Европейском Союзе на 55% к 2030 г. Если отбросить пафосные формулировки ЕС о собственной «ведущей роли в глобальной борьбе против изменения климата» и сосредоточиться на конкретике, то можно выделить следующие основные компоненты данного пакета мер:

- распространение Системы торговли выбросами ЕС (EU ETS) на теплоснабжение, авиационный, наземный и морской транспорт;

- дополнительные меры поддержки использования биотоплива на транспорте;
- увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем энергобалансе ЕС до 40% и более к 2030 г. (вместо ранее намечавшихся 32%) и дополнительные меры поддержки этого сектора;
- введение целевого показателя поглощения лесами парниковых газов ЕС на уровне не менее 310 млн тонн CO₂-эквивалента к 2030 г.;
- запрет к 2035 г. на продажу в ЕС автомобилей с двигателем внутреннего сгорания;
- введение СВМ (Carbon Border Adjustment Mechanism – пограничного корректирующего углеродного механизма), фактически устанавливающего углеродный налог на карбоёмкую продукцию, импортируемую странами ЕС⁹.

Мнимые и реальные оценки

Таким образом, Еврокомиссия не пошла на поводу у Европарламента и проигнорировала его решение об ужесточении климатической цели с минус 55% до минус 60% выбросов к 2030 г. по отношению к 1990 г. Причину, скорее всего, следует искать в существующих технических ограничениях. Чтобы оценить уровень готовности Евросоюза достичь желанную форму «минус 55%», сравним следующие показатели:

- обновлённые обязательства ЕС (NDC) по Парижскому соглашению на период до 2030 г.;
- результаты выполнения обязательств ЕС в рамках двух отчётных периодов Киотского протокола (рассмотренные нами выше);
- временные рамки, отведённые, соответственно, для выполнения обязательств ЕС по этим обоим соглашениям.

Наши расчёты облегчаются наличием общего для всех обязательств Евросоюза базового года, которым является 1990-й. Из проведённого сравнения становится очевидным, что Евросоюз за 2020-е гг. намерен добиться намного большего сокращения

---

⁹ Fit for 55. The EU's plan for a green transition. Council of the European Union. <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55-the-eu-plan-for-a-green-transition/>

выбросов парниковых газов, чем за всю предшествовавшую историю. И сделать это в разы быстрее.

Так, сокращение выбросов по линии Киотского протокола составило 24%, причём фактически оно было достигнуто не за 12-летний срок действия Протокола. В зачёт по итогам Протокола шли все результаты, достигнутые начиная с 1990 г., то есть фактически для 24-процентного сокращения выбросов Евросоюзу понадобилось целых 30 лет.

Что касается обязательств в рамках Парижского соглашения, то для их выполнения потребуется дополнительно сократить выбросы на 31% (55% минус 24%). И это – за 10 лет. Значит, речь идёт о темпах сокращения выбросов не менее чем 3,1% в год (по базе 1990 г.) по сравнению с 0,8% в год в предыдущие 30 лет. Разница – почти в четыре раза. За счёт чего возможен такой рывок? И возможен ли он вообще?

Для ответа напомним о таком базовом понятии климатической политики, как *low hanging fruit* («низко висящие плоды»), то есть меры, дающие наибольший эффект и наиболее доступные по цене и по наличию технологических решений. Аксиомой в любой стратегии снижения выбросов является последовательное повышение стоимости каждой тонны сокращений по сравнению с предыдущей за счёт исчерпания *low hanging fruit* и вынужденного перехода к более дорогостоящим и технологически менее доступным решениям. Конец этого ряда неизбежно упирается либо в запредельно высокую стоимость сокращений, делающую их экономически нецелесообразными, либо в их техническую невозможность из-за отсутствия апробированных технологических решений.

Евросоюз может служить хрестоматийным примером этого подхода: именно экономически доступные и технологически надёжные решения обеспечили первоначальный рывок ЕС в деле сокращения выбросов по линии Киотского протокола. Лидерами стали Германия и Великобритания, быстрыми темпами сократив в 1990-е и «нулевые» годы угольную энергетику и переведя генерацию с угля на газ. Дешёвый российский газ для Германии и отечественный газ для Британии стали классическим примером *low hanging fruit*, обеспечившим первоначальный успех. Другими доступными решениями стали меры по энергосбережению, усиленное внедрение ко-генерации и некоторые другие.

В дальнейшем, по мере исчерпания экономически доступных и технологически надёжных решений, Евросоюз в рамках «энер-

гетического перехода» обратился к более дорогостоящим и менее надежным решениям, к которым относятся, прежде всего, ВИЭ. В результате доля ВИЭ в общем энергобалансе ЕС-27 в 2020 г. достигла 22,1% по сравнению с 9,6% в 2004 г.¹⁰ В секторе электрогенерации в 2020 г. доля возобновляемой энергетики составила 38%, впервые в истории превысив долю ископаемых источников, сократившуюся до 37%. Это потребовало колоссальных инвестиций, составивших только в период 2010–2019 гг. около 720 млрд долл.¹¹, а также привело к резкому росту цен на электроэнергию и небывалой разбалансировке системы энергоснабжения в регионе ЕС, выразившейся в крупнейших энергокризисах 2020–2021 гг.

Таксономические утопии

Следующим шагом на пути отхода от экономически доступных и технологически надёжных решений должен был стать переход к стратегиям, опирающимся на несуществующие технологические решения (которые, возможно, появятся в будущем). И Еврокомиссия сделала этот шаг, введя в июле 2020 г. широко разрекламированную «Зелёную таксономию» (EU taxonomy for sustainable activities)¹², которая создавалась как некий набор видов деятельности, приемлемых с точки зрения «зелёного финансирования» и содержащий, в частности, предъявляемые к ним технологические критерии.

Последние сразу вызвали вопросы с точки зрения реалистичности: например, требование нулевых выбросов CO₂ для продаваемых в ЕС автомобилей на 1 км пути начиная с 2026 г. и аналогичное требование по выбросам CO₂ для продаваемых в ЕС автомобилей до конца 2025 г. не более 50 грамм на 1 км пути. И если к автомобилям с «нулевым выбросом» с большой натяжкой можно отнести электромобили, то автомобильных двигателей, обеспечивающих выбросы CO₂ не более 50 грамм на 1 км пути, не существует даже в виде перспективных проектных решений. Реальным эффектом

---

¹⁰ EU Renewable energy statistics. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics

¹¹ Global Trends in Renewable Energy Investment 2020. UNEP-Bloomberg NEF, 2020. https://www.fs-unesp-centre.org/wp-content/uploads/2020/06/GTR_2020.pdf

¹² EU taxonomy for sustainable activities. https://finance.ec.europa.eu/sustainable-finance/tools-and-standards/eu-taxonomy-sustainable-activities_en

Таксономии, по мнению Ассоциации европейских автопроизводителей (European Automobile Manufacturers Association – ACEA) может стать лишь серьёзное ухудшение финансового положения ведущих автогигантов¹³. Ассоциация обвинила Еврокомиссию в двойных стандартах, заявив о некорректности измерения углеродного следа электромобилей только по выбросам собственно транспортного средства и отметив, что электромобили являются не более «зелёными», чем та электроэнергия, которую они используют. Данная позиция была учтена в другом, более позднем документе – пакете «Fit for 55», где срок полного перехода на электромобили был перенесён на 2035 г.

Первым сигналом возврата к реальности стал энергетический кризис 2020 г., показавший невозможность устойчивого энергоснабжения в системе с преобладанием ВИЭ. Пойдя по пути бесконтрольного увеличения доли ВИЭ в генерации, ряд стран ЕС (прежде всего Германия) упёрся в естественный предел, за которым погодная зависимость солнечных (СЭС) и ветровых электростанций (ВЭС) становится серьёзной помехой для устойчивости энергоснабжения. Достаточно оказалось пары пасмурных и безветренных недель, чтобы поставить Германию на грань блэкаута. Спасти ситуацию удалось только за счёт экстренной закупки электроэнергии АЭС Франции и Чехии. Осознание проблемы пришло довольно быстро: в 2021 г. впервые за много лет произошёл слом инвестиционной динамики по ВИЭ: вложения в них снизились по сравнению с предыдущим годом. Традиционные энергоносители вернули себе приоритет в секторе генерации; их доля превзошла вклад ВИЭ на один процентный пункт.

Следующий энергокризис 2021 г., произошедший всё из-за того же перекоса в генерации в пользу ВИЭ, по своим масштабам намного превзошёл кризис годом ранее. Цены на электроэнергию росли, но энергоснабжение становилось все более нестабильным. Причины видны невооруженным глазом, поэтому в ведущих странах ЕС и в самой Еврокомиссии наконец поняли, что надо что-то менять. Таксономия, по сути, табуировавшая для финансовых институтов все виды генерации кроме ВИЭ, гарантированно обрекала традиционную генерацию на уничтожение, а энергетику ЕС – на полную разбалансировку, чреватую небывалыми блэкаутами.

---

¹³ Taylor K. LEAK: Only zero-emission cars will win EU green investment label. EURACTIV.com November 12, 2020. <https://www.euractiv.com/section/energy-environment/news/leak-only-zero-emission-cars-will-win-eu-green-investment-label/>

Ответом стал беспрецедентный шаг: в январе 2022 г. Евросоюз заявил о своём намерении ввести в «Зелёную таксономию» такие виды генерации, как газовая и атомная. Исключённые ранее из Таксономии атомная и газовая энергетика смогут после возвращения в неё получить режим благоприятствования со стороны финансовых институтов. Для этого Еврокомиссия разработала специальный Дополнительный акт делегирования¹⁴, включающий в Таксономию данные виды деятельности. Документ, несмотря на протесты «зелёных», в сжатые сроки прошел все согласования и 6 июля 2022 г. был не без проблем принят Европарламентом: за это решение голосовали 328 депутатов из 639. Еврокомиссия приветствовала такой результат: по мнению Мейрид Макгиннесс, комиссара ЕС по финансам и рынкам капитала, «Дополнительный акт о делегировании полномочий — это прагматичное предложение, направленное на обеспечение того, чтобы частные инвестиции в газовую и атомную энергетику, необходимые для нашего энергетического перехода, соответствовали строгим критериям»¹⁵.

Формальным основанием для действий ЕС стала оценка соответствующего углеродного следа, проведённая в 2021 г. Объединённым исследовательским центром ЕС (JRC). По этой оценке, углеродный след в тоннах CO₂-эквивалента на 1 ГВт/ч составляет, соответственно, для ветровой энергетики от 26 до 110 т, для ядерной энергетики — от 28 до 110 т, для солнечной энергетики — от 85 до 730 т, для газовой энергетики — от 350 до 850 т¹⁶. Как мы видим, влияние ядерной энергетики находится на одном уровне с влиянием ветровой и намного меньше, чем влияние солнечной. Что касается воздействия газовой деятельности, то её след в основном вписывается в диапазон следа солнечной энергетики, некритично превышая его по верхней пороговой оценке.

---

¹⁴ Полное название: Дополнительный акт делегирования по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним, охватывающий определённые виды газовой и ядерной деятельности (Complementary Delegated Act on climate change mitigation and adaptation covering certain gas and nuclear activities). https://finance.ec.europa.eu/publications/eu-taxonomy-complementary-climate-delegated-act-accelerate-decarbonisation_en

¹⁵ EU Taxonomy: Commission welcomes the result of today's vote by the European Parliament on the Complementary Delegated Act 6 July 2022 Brussels. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_4349

¹⁶ Technical assessment of nuclear energy with respect to the 'do no significant harm' criteria of Regulation (EU). 2020/852 ('Taxonomy Regulation') https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/210329-jrc-report-nuclear-energy-assessment_en.pdf

Оценки Объединённого исследовательского центра ЕС и позиция стоящей за проведённым исследованием Еврокомиссии предсказуемо вызвали недовольство у «зелёных» и у особо радикальных депутатов Европарламента, сделавших карьеру на борьбе с ископаемым топливом и атомными электростанциями¹⁷. Возмутился и Европейский инвестиционный банк, годом раньше уже принявший стратегию отказа от финансирования проектов, связанных с ископаемым топливом и вынужденный в итоге пойти на попятную¹⁸.

Но весь этот протест был изначально обречён: за инициативой ЕС стояли мощные силы, в первую очередь Франция. Именно французские АЭС стали главным балансиrom европейской энергосистемы в кризисы 2020—2021 гг., когда падение выработки на ВИЭ из-за плохой погоды грозило массовыми веерными отключениями целым провинциям. Эта ситуация дала возможность Э. Макрону сыграть его любимую роль «спасителя Европы», которая стала для него одним из важнейших политических активов. Отсюда — признание экологичными в Таксономии не только действующих АЭС, но и новых станций и даже строящихся, получивших разрешение на строительство до 2045 г.¹⁹

Что касается газовой генерации, то за её продвижением просматриваются интересы Германии, не желающей лишаться своего балансира энергосистемы в виде газовых ТЭС (на которые приходится 27% выработки)²⁰ и попасть в этой области в полную зависимость от Франции. Это отразилось в полемике по поводу удельных показателей выбросов для газовых ТЭС для включения в Таксономию. В итоге установлен репер не выше 270 г CO₂ на киловатт/час, или в среднем менее 550 кг в год в течение 20 лет, что превышает средний германский показатель (225 г CO₂ на киловатт/

---

¹⁷ *Ainger J.* Key EU Parliament Groups Reject Plans to Label Gas and Nuclear as Green Energy // Time, June 14, 2022. <https://time.com/6187406/eu-parliament-nuclear-gas-climate/>

¹⁸ *Ainger J.* EU Bank May Refrain From Bestowing Green Label on Gas, Nuclear Projects. EIB's Hoyer says bank must be alert to risks of greenwashing. Bloomberg, January 27, 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-27/eu-bank-may-avoid-bestowing-green-label-on-gas-nuclear-projects>

¹⁹ *Khan M.* EU faces down critics over green investment label for gas and nuclear power // Financial Times. February 2, 2022. <https://www.ft.com/content/0acb5e0f-8322-413f-911d-fda09951ea99>

²⁰ *Meza E.* German gas mix emissions incompatible with climate targets — report. Clean Energy Wire, 14 Dec. 2021. <https://www.cleanenergywire.org/news/german-gas-mix-emissions-uncompatible-climate-targets-report>

час)²¹ и сопоставимо с уровнем выбросов для ТЭС, построенных 20–25 лет назад. Рекомендации правительств Испании, Австрии, Дании, Нидерландов, Швеции и Люксембурга, призвавших установить идеологически мотивированный (но технологически необеспеченный) порог в 100 г СО₂ на киловатт/час²², были проигнорированы.

Дискуссия по этому поводу между еврокомиссарами, депутатами Европарламента, бизнесом и банками, научным сообществом, «зелёными» НПО и другими акторами фактически закончилась в конце февраля 2022 г.: начавшиеся события на Украине прервали этот процесс, переключив внимание Евросоюза на совсем другую повестку.

Февральская энергетическая «контрреволюция»

Резко переключившись на русофобскую тему, Еврокомиссия стала лихорадочно искать пути ускоренного отказа от российских энергоносителей. Поспешно разработанный для этого Еврокомиссией проект плана носит название REPowerEU, которое расшифровывается в подзаголовке: «Совместные действия европейских стран по обеспечению более доступной, безопасной и устойчивой энергии»²³, и рассчитан на снижение потребности ЕС в газе из России на 2/3 до конца 2022 г. и окончательный отказ от него в течение трех лет.

Меры, предлагаемые в рамках данного плана, включают: диверсификацию поставщиков за счёт увеличения объёмов импорта СПГ и других производителей трубопроводного газа; рост объёмов производства и импорта биометана и «чистого» водорода; развитие атомной энергетики, ввод новых мощностей на АЭС; ускоренный отход от ископаемых видов топлива для отопления домов и промышленных предприятий, осуществляемый за счёт повышения энергоэффективности и роста использования возобновляемых источников энергии.

---

²¹ Ibid.

²² *Khan M.* EU faces down critics over green investment label for gas and nuclear power // *Financial Times*, February 2, 2022. <https://www.ft.com/content/0acb5e0f-8322-413f-911d-fda09951ea99>

²³ REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. EU Press release. Источник: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/ip_22_1511 (дата обращения: 23.03.2022).

Оценивая реалистичность задач и контрольных цифр плана REPowerEU, следует отметить, что цель «обеспечения более доступной энергией» населения имеет минимальные шансы быть выполненной. Топливо и энергия в странах ЕС ещё во второй половине 2021 г. начали бить стоимостные рекорды. При цене на газ, впервые превысившей на биржевых торгах 2000 долл. за куб. м, банкротство энергокомпаний и остановка промышленных предприятий стали массовым явлением. Если добавить к дороговому топливу колоссальные затраты на «перезагрузку», то становится понятно, что за политические амбиции Евросоюзу придётся заплатить большую цену, и в итоге забыть о доступной энергии.

Ещё одна стратегия разработана Международным энергетическим агентством (МЭА) и презентована 3 марта 2022 г., практически синхронно с REPowerEU. Доклад МЭА «План из 10 пунктов по сокращению зависимости ЕС от российского природного газа»²⁴ предусматривает следующие решения (которые Евросоюзу предлагается реализовать немедленно): отказ от новых газовых контрактов с Россией; поиск альтернативных путей закупки трубопроводного газа и увеличение импорта СПГ; установление конкретных обязательств по заполненности подземных газовых хранилищ (ПГХ); ускоренный запуск новых проектов ветровой и солнечной энергетики; атомная генерация и энергия биомассы; краткосрочные меры для защиты уязвимых потребителей электричества; активное использование тепловых насосов; наращивание усилий в сфере энергоэффективности – более рационального расходования энергии при эксплуатации зданий и в промышленности; понижение температуры в жилых и офисных помещениях; повышение гибкости и устойчивости энергосистем для повышения надёжности электроснабжения.

По своему содержанию планы REPowerEU и «10 пунктов МЭА» во многом пересекаются. Основные технологические решения сводятся к замене российского природного газа на импортный СПГ и к наращиванию мощностей атомной генерации. Другие технологические альтернативы – биогаз и водородная энергетика – вряд ли с ними сопоставимы как по причине экологической безопасности и ограниченности потенциала (в случае биогаза), так и из-за отсутствия разработанного и испытанного набора техноло-

---

²⁴ A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas. IEA Fuel report – March 2022. Источник: <https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas>. (дата обращения: 23.03.2022).

гических решений, способного обеспечить безопасный цикл производства, транспортировки и использования (в случае с «зелёным» водородом).

Ускоренный запуск новых проектов ветровой и солнечной энергетики способен только усугубить несбалансированность, созданную в энергоснабжении Европы предыдущими реализованными проектами. Предлагаемые МЭА в качестве компенсаторных меры повышения гибкости и устойчивости энергосистем (наращивание сетевого хозяйства и линий перетока) вряд ли смогут дать значительный эффект, поскольку их роль в основном сводится к обеспечению энергией от угольных и газовых ТЭС и АЭС районов с преобладанием альтернативной генерации в ситуациях, когда выработка на ВЭС и СЭС падает из-за погодных условий. При этом потребности в газовой и угольной генерации (и соответственно в топливе) практически не уменьшаются. Не уменьшаются и выбросы парниковых газов.

Поэтому, анализируя вопрос выполнимости Евросоюзом целей пакета «Fit for 55», рассмотрим влияние на эти цели сценариев импорта СПГ и роста мощностей атомной генерации.

Начнём с импортного СПГ. Как известно, его углеродный след превышает след российского трубопроводного газа на 30–35%, что вызвано увеличением выбросов за счёт сжижения газа, его транспортировки и регазификации. Разумеется, не все эти дополнительные выбросы придется на Евросоюз: большая их часть генерируется за его пределами. Но и в этом случае официальному Брюсселю трудно будет избежать репутационных рисков: под удар сразу попадает его главное «климатическое оружие» — пограничный корректирующий углеродный механизм (СВАМ).

Пограничный углеродный рэкет

Климатические амбиции Евросоюза уже давно не могут уместиться в границах этого объединения, провозгласившего себя климатическим лидером; ЕС претендует на право навязывать свои подходы другим странам. Примером этого стала объявленная в рамках «Европейского зелёного курса» инициатива — «пограничный корректирующий углеродный механизм». Здесь мы сталкиваемся с совершенно новым и особым явлением в мировой практике — углеродным империализмом. Именно так определяла пограничный углеродный налог Германия на ранних стадиях обсуждения

этой инициативы, назвав её «новой формой экоимпериализма»²⁵. Позже, по ряду причин, Германия отошла от своей позиции, поддержав инициативу Франции, по праву считающейся в Европе местом появления идеи трансграничного углеродного регулирования в качестве политической инициативы. Жак Ширак, Николя Саркози, Франсуа Олланд и Эммануэль Макрон, сменяя друг друга, постоянно и с упорством продвигали идею трансграничного углеродного налога. Главный довод руководителей Франции был весьма прост: углеродный налог может стать действенным инструментом в торговой конкуренции или просто средством получения дополнительных доходов страной-импортером за счёт страны-экспортёра. В итоге эта идея превратилась из предмета европейских дискуссий в абсолютный политический мейнстрим для ЕС.

Первая попытка не просто озвучить идею трансграничного углеродного налога, но и превратить её в полномасштабную политическую и экономическую конструкцию, была предпринята ЕС в 2012 г. В качестве пилотного сектора для подобной меры был выбран сектор гражданской авиации; предполагалось, начиная с 2012 г., включить зарубежные авиакомпании, выполняющие рейсы в ЕС, в Европейскую систему торговли выбросами (EU ETS). Это означало, что они должны были бы покупать европейские разрешения на выбросы (EU Allowances-EUA) за каждый полет, выполненный в европейский аэропорт, основываясь на существующих ценах на EUA. Причём выбросы предполагалось учитывать на всем маршруте самолёта, который приземляется в странах ЕС или вылетает из этих стран.

Эта инициатива была принята в штыки всем остальным миром, решившим, что Евросоюз зашёл слишком далеко и остановить его могут только жёсткие контрмеры. Сильнейшее давление со стороны ряда стран, включая США (Конгресс принял закон, запрещающий авиакомпаниям США платить Европейскому Союзу за свои авиационные выбросы CO₂) и Китая, заблокировавшего свой заказ на самолёты от компании Airbus, вынудили Евросоюз свернуть эту инициативу. Но не забыть о ней: её быстрой реинкарнации препятствовало только отсутствие глобального климатического соглашения, призванного заменить Киотский протокол. В Брюсселе не без оснований опасались выходить с уже отвергнутой идеей раньше

---

²⁵ Gillet A., Simon F. L'idée de Nicolas Sarkozy sur une taxe carbone à nouveau sur la table en France EURACTIV.fr 18 May 2012. <https://www.euractiv.fr/section/climat/news/l-idee-de-nicolas-sarkozy-sur-une-taxe-carbone-a-nouveau-sur-la-table-en-france/>.

времени, понимая, что, раскрывая свои реальные намерения, можно отпугнуть многие страны от участия в том, что в декабре 2015 г. стало Парижским соглашением. Как только Соглашение обрело статус юридической нормы и к нему присоединились почти все страны мира, Евросоюз решил «раскрыть карты» и выйти с новой версией пограничного углеродного налога, охватывающей импортируемую в ЕС продукцию сразу нескольких отраслей промышленности.

Формат механизма СВAM, согласованный на текущий момент, будет применяться к ограниченному набору товаров (цемент, азотные удобрения и сырье для них, чугун, сталь и алюминий, и продукция из них, а также электроэнергия). Ввод механизма в полном объеме планируется на 2026 г. При этом предусматривается переходный период (2023–2025 гг.), в течение которого будет определяться углеродный след каждого импортируемого товара и корректироваться методологии расчёта и отчётности. Обязательства импортёров в этот период будут ограничиваться отчётом о своих выбросах на ежеквартальной основе – без необходимости покупать и сдавать сертификаты или подавать ежегодную декларацию. К концу переходного периода Европейская комиссия намерена оценить, как работает СВAM и следует ли корректировать его охват, либо расширяя его для более полного охвата цепочки создания стоимости (распространяя налог по цепочке углеродного следа), либо увеличивая охват продукции в рамках выбранных секторов или в иных отраслях.

Данная версия СВAM во многом рассчитана на совместимость с Системой торговли выбросами в ЕС (ETS). Каждый сертификат СВAM – эквивалент квоты, то есть разрешения на выбросы ETS (EU Allowance-EUA), будет выражаться в тоннах выбросов парниковых газов, содержащихся в импортируемых товарах. Тем не менее, сертификаты СВAM будут выдаваться отдельно от EUA, и оба этих инструмента не будут взаимозаменяемыми.

Как ожидается, цена сертификатов СВAM будет коррелировать со средней ценой EUA. При определении количества необходимых сертификатов будет учитываться доля бесплатного распределения EUA, на которое имеют право производители сопоставимой продукции в ЕС. Также предусмотрены вычеты для отражения напрямую действующей платы за выбросы парниковых газов, взимаемой страной происхождения товара. По данным последнего доклада давно занимающейся этой темой Boston Consulting Group, при цене EUA (EU Allowance) на уровне 100 евро доходы Евросо-

юза от внедрения СВАМ могут составить более 2 млрд евро в год (цена AAU на июль 2022 составила 84 евро)²⁶.

Согласно законопроекту, каждое государство-член ЕС будет создавать новые органы управления для администрирования продаж, перепродаж, аннулирования и надзора за управлением сертификатами СВАМ. Начиная с 2026 г. право ввозить на рынок ЕС товары, подпадающие под действие СВАМ, будут иметь только импортёры с разрешением, выданным компетентным органом СВАМ. Эти уполномоченные декларанты должны обратиться за разрешением на импорт в компетентный орган по месту своей регистрации. Декларанты смогут приобретать сертификаты СВАМ в течение всего года, и цена будет определяться еженедельно на основе средних недельных цен ETS на аукционах ETS. Декларанты должны будут иметь сертификаты, эквивалентные 80% выбросов, заложенных в импорте, в конце каждого квартала. Сверка будет проводиться один раз в год, поскольку импортёры должны будут подать декларацию 31 мая и компенсировать связанный с экспортом объём выбросов имеющимися у них сертификатами. Любые затраты на выбросы углерода, понесённые в стране производства, могут быть вычтены из подлежащих оплате сертификатов СВАМ. Кроме того, количество сертификатов будет отражать бесплатные разрешения на выбросы, предоставляемые каждому конкретному сектору в соответствии с ETS ЕС.

Для секторов, охватываемых СВАМ, в качестве альтернативы бесплатного распределения разрешений на выбросы, устанавливается переходный период с постепенным сокращением бесплатного распределения по мере поэтапного внедрения СВАМ.

Россия является крупнейшим поставщиком в страны ЕС продукции, охваченных СВАМ отраслей. Продажи этих товарных групп в среднем за период 2015–2019 гг. составили более 10 млрд долл., намного превысив показатели следующих по значимости экспортёров – Турции и Китая (соответственно 7,1 и 4,2 млрд долл.)²⁷. Это однозначно позволяет определить СВАМ как, прежде всего, анти-российскую меру, поскольку было бы наивно предположить, что сделанный Еврокомиссией отбор секторов был случайным. Имен-

---

²⁶ *Meinecke H., Figures T., Engels M.* How Technology Can Tame the EU Carbon Tax on Imports Boston Consulting Group, July 20, 2022. <https://www.bcg.com/publications/2022/navigating-the-european-green-deal>

²⁷ *Petkova M.* Weekly data: EU's CBAM to impact Russia, China and the UK the most. Energy Monitor, 7 February 2022. <https://www.energymonitor.ai/policy/carbon-markets/eus-cbam-to-impact-russia-china>

но на продукцию черной металлургии приходится более 50% доходов от экспорта России в ЕС по товарным группам, намеченным к включению в СВAM: 5,2 млрд долл. в год (в среднем за период 2015–2019 гг.). Следующими по значимости идут алюминий и удобрения (соответственно 3,4 млрд и 1,6 млрд долл. за тот же период)²⁸.

Санкции, введённые Евросоюзом против ряда российских экспортных товаров в 2022 г., несколько изменили ситуацию. Из потенциально облагаемых СВAM товаров выпала одна из ведущих статей российского экспорта – продукция черной металлургии. Как следствие, на месте главных мишеней СВAM оказались Турция и Китай. Великобритания в силу её участия в ETS ЕС, по всей вероятности, будет исключена из списка экспортёров, товары которых будут облагаться углеродным налогом по линии СВAM.

Тем не менее для России сохраняются серьёзные риски прежде всего по таким товарным группам, как цветные металлы (в первую очередь – алюминий) и удобрения. По остальным товарам, таким как цемент и стекло, объёмы экспорта России в ЕС невелики. В целом ЕС импортирует лишь 3% потребляемого цемента, основными поставщиками которого являются Турция и Украина, для которых введение СВAM действительно может довести их экспорт цемента до нуля.

Что касается алюминия, то его производство в России является самым экологически чистым в мире. Основной производитель – компания Русал – использует электроэнергию принадлежащих ему ГЭС, которые не дают выбросов CO₂. Теоретически при введении трансграничного сбора на выбросы парниковых газов российский алюминий получает конкурентное преимущество (если только ЕС не введёт специальные санкции против алюминия из России).

Судить о потенциальном влиянии СВAM на динамику выбросов парниковых газов в ЕС можно на основе главного документа ЕС о «Европейском зелёном курсе» – Сообщение Европейской комиссии²⁹. В нём аргументом в пользу СВAM является гипотеза «углеродной утечки» (Carbon leakage). Считается, что с увеличением цены на углерод в рамках системы EU ETS финансовое давление на компании реального сектора принуждает их переме-

---

²⁸ Ibid.

²⁹ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal. Brussels, 11.12.2019 COM(2019) 640 final. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF

щать производства в страны, где предприятия свободны от подобной нагрузки. Что, по идее, должно приводить к генерации новых выбросов вне ЕС взамен сократившихся в ЕС. Перспектива утраты реального сектора промышленности тревожит ЕС, который делает акцент на сохранении оставшихся энергоёмких производств, утверждая, что «энергоинтенсивные отрасли, такие как сталь, химикаты и цемент, необходимы для европейской экономики»³⁰.

Конечно, сохранение энергоёмких производств как минимум не способствует сокращению выбросов парниковых газов в Евросоюзе. Ещё опасней с точки зрения динамики выбросов намерение нарастить производственный потенциал этих отраслей (о чём в последние годы в ЕС ведутся дискуссии, подогреваемые соображениями уязвимости экономики, её зависимости от логистических цепочек). Поэтому вряд ли стоит рассчитывать, что повышение самодостаточности ЕС в карбоноёмких отраслях приведёт к чему-либо иному кроме роста выбросов. Здесь Евросоюз попадает в серьёзный конфликт приоритетов, который будет сложно разрешить.

Ещё сложнее будет ЕС продвигать СВАМ, одновременно стимулируя переход с российского природного газа на СПГ, что приведёт к росту выбросов как в самом ЕС, так и за его пределами. Брюссель неоднократно заявлял, что цель СВАМ — стимулирование сокращения выбросов за рубежами ЕС, в том числе борьба с «углеродной утечкой». Но рассуждая в логике ЕС, наращивание производства СПГ за рубежом и его транспортировку в ЕС нельзя определить иначе, как самый яркий пример такой утечки. В любом случае, эффект импорта СПГ с точки зрения целей пакета “Fit for 55” можно оценить только как отрицательный.

Атом в тумане

Рассмотрим другую возможность: снижение выбросов за счёт резкого наращивания такой низкоуглеродной опции, как атомная энергетика. Для этого надо ответить на вопрос: располагает ли ЕС возможностями для строительства достаточного количества атомных электростанций, обеспечивающих дешёвую электроэнергию?

Очевидный ответ — нет. Первая причина — технологические соображения. ЕС растерял значительную часть своего технологического опыта. Осталась лишь одна компания, строящая атомные

---

³⁰ Ibid.

электростанции – AREVA, и сейчас она сооружает только две станции: во Франции и в Финляндии. Строительство длится уже более 15 лет, затраты оказались в несколько раз больше, чем планировалось изначально. В результате мощности новых станций будут очень дорогими (5000–8000 долл. за кВт), тогда как цены Росатома колеблются в пределах 2000 долл. за кВт.

Наличие внешней экспертизы также ставится под сомнение: американский экс-лидер Westinghouse находится в сложной ситуации после своего банкротства в 2017 г. Действующими лидерами являются Россия, Китай, Республика Корея. Если ЕС отвергнет РФ и КНР по политическим причинам, то вопрос упрётся в технологические возможности южнокорейских компаний.

Следовательно, Евросоюз едва ли способен запустить к 2030 г. достаточное количество новых реакторов, чтобы обеспечить планируемые сокращения выбросов в рамках пакета “Fit for 55”. Единственным быстрым сценарием увеличения атомной генерации, который предложили эксперты МЭА, является запуск уже выведенных из эксплуатации блоков АЭС. Но здесь сразу возникают соображения безопасности, по которым, собственно говоря, эти блоки и были законсервированы. Такая мера неизбежно вызовет протесты «зелёных» НПО и партий, а в ФРГ способна стать разрушительной для правительственной коалиции и полностью обнулить репутацию руководства страны. Во всяком случае, в Германии 31 декабря 2021 г. прекратили работу три из шести действующих АЭС; вывод из эксплуатации остальных намечен на конец 2022 г. По информации министра экономики и энергетики ФРГ Роберта Хабера, в начале марта 2022 г. власти изучили возможность продления эксплуатации АЭС, и в итоге отказались от этого шага.

Примеру Германии следуют не все. Бельгия, которая ещё в 2003 г. приняла закон об отказе к 2025 г. от атомной энергетики, решила отложить закрытие АЭС. Премьер-министр Бельгии Александр де Кро в своём заявлении 18 марта 2022 г. объявил о продлении работы реакторов на атомных электростанциях Doel 4 и Tihange 3 ещё на 10 лет, мотивируя это необходимостью избежать энергодефицита.

Подведём промежуточный итог. Выполнение целей пакета “Fit for 55” и обновлённых обязательств ЕС по Парижскому соглашению невозможно без наращивания темпов сокращения выбросов в 2020-е гг. почти в четыре раза по сравнению с предыдущими десятилетиями – до 3,1 % в год против 0,8%. Однако анализ предлагаемых Евросоюзом и МЭА технологических альтернатив

показывает, что подобное ускорение невозможно. Эксперты МЭА признают, что принимаемые ЕС меры в пользу снижения краткосрочной зависимости от российского газа будут означать «замедление темпов снижения выбросов ЕС»³¹. Иными словами, вместо запланированных 3,1% в год Евросоюз получит цифру менее 0,8%. Это даёт основания полагать, что цели пакета “Fit for 55” и обновлённые обязательства ЕС по Парижскому соглашению выполнены не будут.

Угольный «антиповорот»

Умеренные темпы снижения — один из возможных сценариев. Другой весьма вероятный сценарий — рост выбросов. Такая возможность предусмотрена в документе МЭА: помимо упомянутых десяти пунктов, в тексте имеется ещё один, непронумерованный. Он называется «Дополнительные опции по смене топлива» (Additional fuel switching options) и затрагивает доселе строго табуированную тему — возврат к «грязной» угольной генерации. При этом в преамбуле документа содержатся традиционные ссылки на совместимость плана МЭА с «Зелёным курсом» ЕС и целями «нулевых выбросов к 2050 г.» Но по сути предлагаемых мер выходит, что, отбросив свой главный ориентир и символ веры — климатическую повестку, МЭА предлагает Европе вернуться к генерации электроэнергии с использованием угля и нефти, что сократило бы спрос на газ для производства электроэнергии примерно на 28 млрд куб. м³².

Такая замена сразу увеличит выбросы парниковых газов в ЕС почти на 50 млн т CO₂-эквивалента в год. Вероятность такого сценария ощущалась ещё в 2021 г., когда угольная энергетика в ЕС впервые за 10 лет выросла на 18%.³³ В мае 2022 г. о возможности задействовать законсервированные угольные ТЭС заговорил главный представитель партии «зелёных» в «светофорной коалиции» Германии, вице-канцлер и министр экономики и энергетики

---

³¹ A 10-Point Plan to Reduce the European Union’s Reliance on Russian Natural Gas. IEA Fuel report – March 2022. Источник: <https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas> (дата обращения: 23.03.2022).

³² Ibid.

³³ Proctor D. Coal Use Rises, Prices Soar as War Impacts Energy Markets // Powermag, Mar 8, 2022 <https://www.powermag.com/coal-use-rises-prices-soar-as-war-impacts-energy-markets/>

Роберт Хабек. Речь идёт о 26 ТЭС, из которых 15 – угольные электростанции, шесть – нефтяные и пять – буроугольные, с общей мощностью 5,9 гигаватт³⁴. Порядок расконсервации определит немецкий регулирующий орган – Федеральное сетевое агентство (Bundesnetzagentur) – в зависимости от системной значимости каждой станции в энергоснабжении страны. Позицию коллеги по партии «зелёных» поддержала и глава германского МИД Анна-лена Бербок, что выбивает почву из-под ног «зелёных», призывавших покончить с углём уже к 2030 г.

Разумеется, «зелёные» понимали, что такой резкий поворот в сторону «грязного» угля не пройдёт незамеченным для массы сторонников, которых они десятилетиями убеждали в необходимости отказа от угольной энергетики. Требовалось серьёзное объяснение, но в качестве такового «зелёные» не нашли ничего иного кроме русофобии – на этот раз речь идёт о попытках представить Россию в качестве ненадёжного поставщика газа.

Для обеспечения угольных ТЭС топливом в Германии наращивается добыча угля, даже такого экологически вредного, как бурый. Для расширения добычи не жалеют старых германских деревень, которые сносятся десятками. По данным экологической организации BUND, за последние годы в Северном Рейне – Вестфалии переселено более 40 тыс. человек из-за расширения угольных карьеров. Только ради намеченного расширения крупнейшего угольного карьера Гарцвайлер (на западе земли Северный Рейн – Вестфалия) предусмотрен снос восьми деревень (на их месте бурый уголь будет добываться до 2038 г.).

Пример Германии подхватила Британия, власти которой впервые за 30 лет собираются открыть новую угольную шахту; речь идет о шахте в городе Уайтхейвен в графстве Камбрия. Объяснения этого шага оригинальностью не блещут: недавно ушедший в отставку кабинет Б. Джонсона повторил германские доводы о необходимости снижения зависимости от российских энергоресурсов. Против открытия этой шахты протестовали экологические НПО, и Борис Джонсон на ноябрьской (2021) Конференции ООН по климату в Глазго (COP26) заявил, что не поддерживает строительство новых шахт. Как видим, угроза потери лица не страшит Лондон, для которой имидж климатического лидера был до недавнего времени высшим приоритетом.

---

³⁴ *Delfs A.* Germany to Bring Back Coal Power Plants If Russia Cuts Gas // Time, May 24, 2022. <https://time.com/6180579/germany-coal-power-russia/>

Весь этот энергетический «антиповорот» последних месяцев не мог не тревожить глобальный климатический истеблишмент, фронтменом которого уже давно выступает Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш. 20 марта 2022 г. он отметил резким заявлением, констатируя, что поспешная замена российского топлива и переход на уголь не только ставит под удар глобальные климатические цели, но и угрожает разворотом общего глобального тренда на сокращение выбросов парниковых газов. Итогом такой политики, по мнению Гутерриша, может стать рост глобальных выбросов в 2020-е гг. на 14%, что чревато катастрофическими последствиями³⁵. По его словам, наблюдающийся отказ от российского топлива «является безумием». Делая такое заявление, Генеральный секретарь ООН, очевидно, рассчитывал на мгновенную реакцию европейских и мировых лидеров (что всегда происходило после его выступлений на такую чувствительную тему как климат). Однако случилось небывалое: на слова Генсека ООН не прореагировал никто из руководства ведущих держав Европы и мира. Его речь оказалась гласом вопиющего в пустыне, и это подтверждает: у Запада нашлись дела посерьёзнее климатической повестки.

Эту повестку, разумеется, никто не собирается сдавать в архив; риторика и имитация активности сохранятся. Но о выполнении громогласно объявленных целей пакета “Fit for 55” и обновлённых обязательств ЕС по Парижскому соглашению, по всей видимости, придётся забыть. А как ЕС при этом избежать неизбежных в такой ситуации претензий со стороны общества — на этот вопрос уже нашли ответ германские «зелёные». Виновник всех бед ими уже объявлен, и нашей стране, хорошо знакомой с двойными стандартами Евросоюза, надо готовиться к обвинениям в свой адрес в провале усилий Евросоюза по спасению планеты.

---

³⁵ *Friedman L.* U.N. Chief Warns of ‘Catastrophe’ With Continued Use of Fossil Fuels // The New York Times, March 21, 2022. <https://www.nytimes.com/2022/03/21/climate/united-nations-fossil-fuels-climate-crisis.html>

Часть III.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРОПЕ

Глава 8. Трансформация социальных моделей

Л.С. Биссон

Возникновение новых рисков как для государств, так и для отдельных граждан в результате изменения внешних и внутренних условий, включающих технологические и производственные сдвиги, международную конкуренцию, старение населения, миграцию, изменение климата, распространение инфекционных заболеваний в масштабах пандемии, приводят к структурным изменениям моделей государств благосостояния в развитых странах. Существенные политические и социально-экономические изменения требуют от государств и обществ постоянной адаптации. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., затронувший ЕС и особенно зону евро, стал серьезным испытанием моделей благосостояния в странах Евросоюза. В 2010-е гг. центром политических и научных дискуссий был вопрос о пределах и возможностях координации экономической и социальной политик в новой архитектуре посткризисного управления ЕС¹. При этом в дебатах довольно устойчиво фигурировала точка зрения о том, что бюджетная дисциплина и макроэкономические цели нивелируют значимость социального измерения в рамках Европейского семестра². Тем не менее ряд исследований подтверждает постепенную эволюцию координации экономической политики ЕС в более социально сбалансированном направлении³. Однако по-прежнему недоста-

---

¹ *Zeitlin J., Vanhercke B.* Socializing the European Semester: EU social and economic policy co-ordination in crisis and beyond // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25. Issue 2. Pp. 149–174.

² *Rainone S.* An overview of the 2020–2021 country-specific recommendations (CSRs) in the social field. ETUI, The European Trade Union Institute, 2021. URL: <https://www.etui.org/publications/overview-2020-2021-country-specific-recommendations-csrs-social-field> (дата обращения: 23.06.2022).

³ *Jessoula M.* Europe 2020 and the fight against poverty – beyond competence clash, towards ‘hybrid’ governance solutions? // *Social Policy & Administration*. 2015. Vol. 49. Issue 4. Pp. 490–511; *Bekker S.* European socioeconomic governance in

точно работ посвящено результатам трансформации социальных моделей в межкризисный период, а также их готовности к новым вызовам⁴. В данной главе особое внимание уделено роли ЕС в консолидации «Социальной Европы» на современном этапе. В первой части главы дана краткая характеристика основным социальным моделям стран-членов Европейского Союза. Вторая часть посвящена Европейской социальной модели (ЕСМ), её основным характеристикам и трансформации/адаптации с учётом последствий кризиса 2008 г. и пандемии COVID-19, отмечена роль Европейской опоры социальных прав и новых наднациональных норм, оказывающих влияние на социальные модели государств-членов. На основе статистических данных оценены промежуточные социально-экономические показатели, такие как уровень занятости населения, бедности, неравенства, уровня жизни и др. В заключении определены некоторые перспективы развития социального измерения европейской интеграции.

*   *
*   *

Концепция всеобщего благосостояния в Европе была ключевым компонентом парадигмы послевоенного развития экономики. В период, который иногда называют золотым веком экономического роста, длившегося вплоть до начала 1970-х гг., своё развитие получили различные социальные режимы, призванные уравновесить развитие рынка и социальные права, благосостояние граждан, прежде всего трудящихся⁵. На протяжении десятилетий сравнительные исследования социальной политики были сосредоточены на попытке описать разнообразие этих режимов через создание «идеальных типов». Наиболее широкую известность и распространение получила типология датского экономиста и социолога Г. Эспинга-Андерсена, который выделил три различные модели государства благосостояния: либеральную, представленную англо-саксонскими странами, прежде всего США

---

action: coordinating social policies in the third European Semester / OSE Research Paper No. 19, Brussels: European Social Observatory, 2015.

⁴ *de la Porte C., Heins E.* A new era of European integration? Governance of labour market and social policy since the sovereign debt crisis // *Comparative European Politics*. 2015. Vol. 13. Issue 1. Pp. 8–28.

⁵ *Борко Ю.А.* Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции. М., 1975; *Он же.* Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма. М., 1984.

и Великобританией; консервативную, присущую странам континентальной Европы (Франция, Германия, Италия, Швейцария) и социал-демократическую, характерную для скандинавских государств⁶. В основе сравнения учёного лежали три принципа общественного устройства: государственное вмешательство в регулирование социальной сферы (интервенция), социальное расслоение по уровню дохода (стратификация) и соотношение между рыночным/частным и государственным распределением благ (декоммодификация). Работа Эспинга-Андерсена оказала определяющее влияние на дальнейшее изучение социальных моделей, его типология по-прежнему служит основой для современных исследований подходов к обеспечению благосостояния в отдельных странах и регионах⁷. Тем не менее она не только дополняется, но и пересматривается⁸. В 1996 г. М. Феррера ввёл в научный оборот четвёртый южноевропейский тип социального государства, к которому он отнёс Италию, Испанию, Португалию и Грецию⁹. В 2000-е гг. исследователи поставили вопрос о том, представляют ли собой системы, созданные в ходе перехода от социализма в странах Центральной и Восточной Европы пятую модель¹⁰.

Опираясь на концепции Эспинга-Андерсена, Ферреры и других исследователей, можно коротко определить основные черты социальных моделей государств Европейского Союза следующим образом. Скандинавская модель является наиболее всеобъемлющей, с высокой степенью акцента на перераспределение, социальную интеграцию и универсальность. Страны Северной Европы, которые можно отнести к этому идеальному типу (Дания, Финлян-

---

⁶ *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

⁷ Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

⁸ Так, например, в современных исследованиях общепринято считать Финляндию частью скандинавской социальной модели, в то время как Эспинг-Андерсен относил её к консервативному типу. А Австрию, Бельгию и Нидерланды учёные относят к континентальной модели, а не социал-демократической.

⁹ *Ferrera M.* The “Southern Model” of Welfare in Social Europe // *Journal of European Social Policy*. 1996. Vol. 6. Issue 1. Pp. 17–37. Doi:10.1177/095892879600600102

¹⁰ *Sengoku M.* Emerging Eastern European Welfare States: A Variant of the «European» Welfare Model / Slavic Eurasia’s integration into the world economy and community (ed. by S. Tabata and A. Iwashita). Sapporo, 2004; *Menno F.* Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-Communist Countries in a Welfare Regime Typology // *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*. 2004. Vol. 3. Issue 2. Pp. 1–30.

дия и Швеция), характеризуются сильным социальным диалогом и тесным сотрудничеством социальных партнёров с правительством, а профсоюзы принимают активное участие в экономической жизни в целом. Континентальная модель делает акцент на занятости как основе социальных трансфертов, пособия находятся на более умеренном уровне и привязаны к доходу. В эту группу входят Нидерланды, Германия, Бельгия, Франция и Австрия. Либеральная или англосаксонская модель, представленная в ЕС Ирландией, подчёркивает ответственность человека за себя, социальные трансферты меньше, чем в других странах, более адресные. В средиземноморской модели (воплощением которой являются Испания, Португалия, Италия и Греция) низкий уровень социальных трансфертов частично компенсируется сильной поддерживающей ролью семьи. Как отмечает Феррера, в отличие от универсалистской модели Севера, социальная политика в южноевропейской модели характеризуется партикуляристскими и клиентелистскими чертами. Социальную модель стран Центральной и Восточной Европы, а также стран Балтии, характеризуют присущие переходу от плановой к рыночной экономике черты: сохранение полного доступа к пенсиям по старости и выплатам по инвалидности и охране здоровья, повышенные показатели безработицы в ряде отраслей, связанных с реструктуризацией и процессом глобализации и европейской интеграции, отток рабочей силы, слабость неправительственных организаций и социального диалога¹¹. Стоит отметить, что внутри этой группы стран наблюдается и ряд различий. Так, страны Балтии и в некоторой степени Словакию характеризуют низкий уровень социальных расходов и налогообложения и, соответственно, низкий уровень перераспределения, что приближает их к англосаксонской модели¹². При этом после вступления этих стран в ЕС в них наблюдалось довольно динамичное снижение уровня материальной бедности и проблем, связанных с социальной изоляцией, хотя по этим показателям данная группа стран все ещё существенно отстаёт от ЕС-15.

Как справедливо отмечает А. Хемерик, сама концепция социальных моделей все-таки представляет собой статичный взгляд

¹¹ Golinowska S., Hengstenberg P., Żukowski M. (eds) Diversity and Commonality in European Social Policies: The Forging of a European Social Model. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar. Friedrich-Ebert-Stiftung, 2009.

¹² Laužadytė-tutlienė A., Balezentis T., Goculenko E. Welfare State in Central and Eastern Europe // Economics and Sociology. 2018. No. 11. Pp. 100–123. DOI: 10.14254/2071-789X.2018/11-1/7.

на государство всеобщего благосостояния, в то время как социальные системы находятся в постоянном движении, процессе трансформации и адаптации¹³. Тем не менее подобные типологизации задают параметры для сравнения различных режимов. Действительно, сложившись в послевоенный период, с 1970-х гг. социальные системы стран Европы претерпевали значительные изменения в связи с процессами глобализации и интеграции, изменениями в производстве и структуре занятости, усилением миграционных процессов. Процесс старения населения, переход к постиндустриальному обществу и другие вызовы заставили европейские страны пересмотреть широкий комплекс мер, на котором изначально строились их системы социальной защиты. Кроме того, в случае Евросоюза немаловажную роль в трансформации социальных моделей государств-членов играет консолидация экономической, бюджетной политики на наднациональном уровне, а также процесс европеизации социальной политики, выражающейся в поэтапном закреплении общих норм и ценностей в законодательстве и социальных мерах государств-членов. С одной стороны, происходит повсеместное переориентирование на более универсалистский подход к социальной защите и благосостоянию граждан, понимаемому не только в сугубо экономическом, но в социальном смысле, как доступ к новым возможностям занятости и социальной мобильности, реализации потенциала молодёжи и т.д. С другой стороны, временное противоположное движение может наблюдаться в период экономических потрясений и последующей политики жёсткой экономии, когда цели повышения роста и конкурентоспособности диктуют снижение социальной поддержки со стороны государства. Последнее из-за негативных последствий для общества в свою очередь вызывает возвращение к ценностям социального государства как реакцию на общественные волнения, недовольство и протесты. Так, на примере Европейского Союза можно констатировать, что именно кризис 2008–2009 гг. и негативные последствия строгих бюджетных, налоговых и других мер, в результате которых были сокращены отдельные статьи соци-

---

¹³ *Hemerijck A. Recalibrating Europe's semi-sovereign welfare states / WZB Discussion Paper, No. SP I, 2006.*

альных расходов и проведены структурные реформы¹⁴, привёл к «перезапуску» идеи «Социальной Европы»¹⁵.

Не предпринимая попытки комплексного сравнения всех институциональных изменений в социальной политике государств-членов ЕС, что потребовало бы отдельного масштабного коллективного исследования, стоит остановиться на сравнении некоторых социально-экономических результатов, достигнутых за 2010-е гг. В целом социальная защита в странах Евросоюза по-прежнему представляет собой крупнейшую область государственных расходов. В 2020 г. расходы на социальную защиту в ЕС-27 составили 22% ВВП и 41% от общих расходов. При этом доля социальных расходов в странах-членах варьируется от 10,2 % ВВП в Ирландии до 27,3 % во Франции. Около половины социальных расходов приходится на пенсионное обеспечение. В Греции, Италии, Финляндии, Франции, Австрии поддержка пенсионеров составила от 15,7 до 13,9 % ВВП. Разница в структуре социальных расходов отличает группы стран внутри ЕС. Наибольшие расходы на поддержание семьи и детей в Дании, Люксембурге, Финляндии и Польше.¹⁶ В период с 2007 по 2009 г. расходы на поддержку безработных в ЕС выросли с 1,5 % ВВП до 1,9 %, снизившись до 1,3 % ВВП в 2019 г. В связи с пандемией COVID-19 и мерами правительств по смягчению её экономических и социальных последствий этот показатель увеличился до 2,2 % ВВП в 2020 г. А в Бельгии, Франции и Испании выплаты по безработице в 2020 г. составили от 3,1 до 3,8 % ВВП. В период с 2019 по 2020 г. на уровне ЕС расходы на безработицу увеличились со 180 до 298 млрд евро. Самые высокие расходы от ВВП на выплаты по болезни и нетрудоспособности в Бельгии, Нидерландах.

Степень эффективности социальных моделей оценивают в том числе по показателям бедности и неравенства доходов. По расчётам коэффициента Джини¹⁷, самые высокие уровни неравенства

¹⁴ *Hemerijck A.* Stress-testing the new welfare state / *The Politics of the New Welfare State.* Ed. by G. Bonoli and D. Natali. Oxford: Oxford University Press, 2012.

¹⁵ *Биссон Л.С., Борко Ю.А.* Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы» // *Современная Европа.* 2019. № 6 (92). С. 5–18. Doi: 10.15211/soveurope6201905177.

¹⁶ Eurostat, Total government expenditure on social protection, 2020. URL : https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Total_general_government_expenditure_on_social_protection,_2020,_%25_of_GDP.png (дата обращения: 23.06.2022).

¹⁷ Eurostat, Living conditions in Europe – income distribution and income inequality. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?ti>

Таблица 8.1

Доля социальных расходов к ВВП в странах ЕС-27 в 2011, 2021 гг.

	2011	2021		2011	2021
ЕС-27	19,4	21,9	Латвия	12,6	13,5
Еврозона	19,7	22,7	Литва	14,0	16,3
Бельгия	19,1	22,7	Люксембург	17,0	20,6
Болгария	12,2	13,1	Венгрия	16,8	13,6
Чехия	13,5	14,4	Мальта	13,6	12,0
Дания	24,7	22,4	Нидерланды	16,8	17,4
Германия	18,9	21,8	Австрия	20,7	22,9
Эстония	12,2	15,0	Польша	15,5	18,2
Ирландия	16,0	10,2	Португалия	18,0	18,8
Греция	20,6	22,5	Румыния	13,0	13,8
Испания	17,0	22,1	Словения	19,6	18,7
Франция	23,7	27,3	Словакия	14,6	16,3
Хорватия	15,3	15,7	Финляндия	22,5	25,7
Италия	19,5	25,2	Швеция	19,6	19,8
Кипр	12,6	13,6			

Источник: составлено автором по данным Евростата.

по располагаемому доходу в 2019 г. в ЕС наблюдались в Болгарии (40,8 %), Литве (35,4 %), Латвии (35,2 %) и Румынии (34,8 %). Самые низкие уровни неравенства по доходам среди государств-членов ЕС по этому показателю были зафиксированы в Чехии (22,8 %), Словении (23,9 %) и Словакии (24,0 %).

Сравнительного анализа заслуживают такие показатели как: уровень занятости среди различных категорий граждан (молодёжь, женщины, люди старшего возраста) (см. табл. 8.2). Так в государствах скандинавской и англо-саксонской модели, трудовая активность этих категорий выше. Высокая активность женщины на рынке труда в скандинавских странах связана с системой общедоступных детских садов и гибких схем занятости, позволяющих женщинам, имеющих детей, работать. В то же время в 2000-х гг. во всех странах ЕС наблюдался рост занятости женщин и пожилого населения, чтобы было отчасти связано с реализацией программ в рамках социальных стратегий на уровне ЕС.

Страны ЕС также различаются по индексу материальной депривации (материальных лишений), который определяется как вынужденная невозможность позволить себе купить некоторые товары или оплатить услуги, которые большинство людей считает необходимыми для нормальной жизни. Этот индекс используется Евростатом и является одним из компонентов при оценке бедности. Как свидетельствуют статистические данные, наибольшее число граждан и домохозяйств, испытывающих серьёзные материальные или социальные лишения¹⁸, проживает в странах ЦВЕ (Румыния, Болгария и Венгрия), в Греции и в двух странах Балтии (Латвии и Литве). Более двух пятых (42,1%) населения ЕС, проживающего в домохозяйствах с одним взрослым и детьми-иждивенцами, в 2020 г. подвергалось риску бедности или социальной изоляции¹⁹. Стоит отметить, что в период 2015–2020 гг. в большинстве стран ЕС наблюдалось снижение уровня материальных лишений, исключение составили Франция, Финляндия и Испания. Материальные условия жизни особенно улучшились в трёх государствах-членах: в Болгарии и Венгрии для более чем 14% населения, в Румынии для 8,7%. Рост инфляции и цен на энергию в связи с ситуацией вокруг военного конфликта на Украине и санкционного режима, вероятнее всего, негативно отразятся на показателях материальных лишений в отдельных странах ЕС в конце 2022–2023 гг.

На протяжении 50 лет европейской интеграции постоянно росло разнообразие социальных моделей внутри Сообщества. Различия в решениях социальных вопросов между первоначальными шестью странами-членами ЕЭС (Бельгия, Франция, Германия, Италия, Люксембург и Нидерланды) были относительно небольшими, что позволяло отнести их к консервативной модели социального обеспечения. Каждое последующее расширение ЕС приносило в Сообщество новые традиции: либеральную, социал-демократическую, южноевропейскую. Расширения 2004

¹⁸ Лица и домохозяйства, испытывающие серьёзные материальные или социальные лишения, согласно статистическим данным ЕС по доходам и условиям жизни (ЕС-SILC), не могут позволить себе 6/7 из 13 пунктов, среди которых: непредвиденные расходы, возможность оплаты коммунальных платежей, поддержание тепла дома, недельный отпуск вне дома, автомобиль, новая мебель, базовые предметы одежды и обувь, доступ в интернет, деньги на личные расходы и т.п.

¹⁹ Биссон Л.С. Социальные цели ЕС в условиях пандемии // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. № 16 (246). С. 1–8. DOI:10.15211/analytics162021.

и 2007 г. ещё больше увеличили это разнообразие за счёт присоединения стран, которые отличались не только более низким уровнем жизни, но и самими подходами к социальной политике. Сравнение степени государственного участия в распределении, уровня социального и экономического неравенства в различных группах стран-членов ЕС и в США дали основания Дж. Альберу утверждать, что общая Европейская социальная модель (ЕСМ) представляет собой скорее набор политических установок, нежели отражает эмпирическое положение дел²⁰. Ряд исследователей, напротив, сходятся в выводе о том, что при сравнении ЕС в целом с другими регионами мира, различия между странами-членами представляются менее значимыми, а сходство становится более заметным²¹. Так, в Европе социально-экономическое неравенство ниже, а социальные права и государственная поддержка для обеспечения социальной защиты шире, чем в других регионах. При всей разнородности как законодательства, так и социально-экономических показателей развития, для всех государства ЕС присущ все же общий набор установок, заданных логикой членства в ЕС, согласно которым должна развиваться социально ориентированная рыночная экономика.

Европейская социальная модель: характеристики, достижения и вызовы

Отличительной особенностью модели интеграции ЕС стало развитие социального измерения. В процессе формирования единого внутреннего рынка наблюдалось постоянное балансирование между экономическими и социальными целями интеграции²². В ст. 3 Договора о ЕС²³ перечислены ключевые цели Союза, в том

---

²⁰ *Alber J.* The European Social Model and the United States // *European Union Politics*. 2006. Vol. 7. Issue 3. P. 414. DOI: 10.1177/14651165060666272; *Alber J.* What the European and American welfare states have in common and where they differ: facts and fiction in comparisons of the European Social Model and the United States // *Journal of European Social Policy*. 2010. Vol. 20. Issue 2. Pp. 102–125. DOI:10.1177/0958928709358791

²¹ *Vaughan-Whitehead D.C.* EU enlargement versus social Europe. The uncertain future of the European social model. Cheltenham: Edward Elgar, 2003. P. 111.

²² *Борко Ю.А.* Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма.

²³ Consolidated version of the treaty on European Union // *Official Journal of the European Union*. C 326. 2012. P. 17

числе «социальный прогресс» и борьба с социальным отчуждением и дискриминацией, содействие социальной справедливости и защите. ЕС берёт на себя обязательство способствовать экономической, социальной и территориальной сплоченности и солидарности между государствами-членами. В целом можно утверждать, что поступательное развитие социальной политики ЕС привело к формированию Европейской социальной модели. Её характерными чертами стали высокие по сравнению с другими регионами мира стандарты условий труда, развитие института социального диалога, универсальная система социальной защиты, инклюзивный рынок труда, доступ к общественным услугам. При том что в рамках ЕС сосуществуют различные национальные социальные модели, каждая из которых обладает своими специфическими характеристиками — цель наднациональных институтов всегда заключалась в конвергенции социальных прав и положения граждан Союза.

Европейская социальная модель представляет собой не только аналитическое понятие для изучения интеграции социальной политики в ЕС, но обладает и вполне осязаемыми характеристиками. Начиная с 2000-х гг. ЕСМ развивалась по нескольким направлениям:

1. расширение трудовых прав и гарантий благодаря наднациональному законодательству;
2. создание гибких инструментов для координации между государствами-членами (метод открытой координации);
3. обеспечение социальной солидарности на европейском уровне через механизм перераспределения социальных фондов ЕС;
4. развитие социального диалога на наднациональном уровне.

Несмотря на то что социальная политика относится к сфере смешанной компетенции ЕС и государств-членов, и возможности Европейской комиссии часто ограничены инструментами мягкого права, в ряде областей защиты трудовых прав граждан наднациональные нормы играют важную роль в установлении более высоких социальных стандартов. Кроме того, ЕСМ обладает нормативным измерением. Оно выражается в концептуальном, стратегическом видении дальнейшего социального развития Евросоюза, выраженном в постановке целей, разработке планов действий, рекомендаций, социально-экономических индикаторов развития стран-членов (*Social Scoreboard, benchmarking*), координации

и обмене опытом, а также в процессе европейского социального диалога²⁴. Так, консолидации социальной политики ЕС послужила, провозглашённая в 2017 г., Европейская опора социальных прав (ЕОСП), призванная сыграть роль стратегии и оказать нормативное влияние на предпринимаемые государствами-членами шаги в социальной сфере. ЕОСП стала результатом широких общественных консультаций, европейского диалога между представителями социальных партнёров, национальных правительств и ведомств, а также академического сообщества. Опора значительно расширила список и содержание основных социальных целей ЕС по сравнению со стратегией «Европа 2020», принятой в 2010 г.²⁵ 20 принципов её сосредоточены вокруг трёх областей: равные возможности и доступ к рынку труда, справедливые условия работы и социальная защита и инклюзия. Начиная с 2018 г. принципы ЕОСП включены в Европейский семестр²⁶. Можно сказать, что Европейская опора социальных прав ознаменовала собой перезапуск «Социальной Европы», инициированный Комиссией Ж.-К. Юнкера, который продолжает новый состав Еврокомиссии под руководством У. фон дер Ляйен.

Стоит отметить, что часть исследователей все же считает, что европеизация социальных прав граждан в ЕС крайне ограничена, а регулирование рынков труда всегда будет оставаться национальной прерогативой²⁷. По их мнению, продвижение к общей, гармонизированной социальной модели выглядит мало реалистичным. Они довольно справедливо отмечают, что свобода передвижения в рамках единого внутреннего рынка лишь повышает конкуренцию между государствами, вынужденными жертвовать социальными достижениями своих национальных моделей. Этот факт доказывает, например, блокировка из-за несогласия между странами-членами нового регламента о координации систем социального страхования, предложенного Комиссией в 2016 г. Действующий

---

²⁴ Bertin G., Ellison M., Moro G. Is there a European Social Model? Theorising the relationship between economics and society / The European Social Model and an Economy of Well-being: Repairing the Social Fabric of European Societies. Ed. By G. Bertin, M. Ellison, G. Moro. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 38.

²⁵ Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой М.: Весь Мир, 2011.

²⁶ Zeitlin J, Vanhercke B. Socializing the European Semester: EU social and economic policy co-ordination in crisis and beyond // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25. No. 2. P. 149–174. DOI:10.1080/13501763.2017.1363269

²⁷ Vaughan-Whitehead D. The European Social Model in Crisis: Is Europe Losing its Soul? Cheltenham: Edward Elgar and International Labour Organization, 2015.

регламент 2001 г. определяет правила, по которым должны производиться социальные выплаты мобильным гражданам ЕС²⁸. Существующая разница в режимах социального обеспечения служит серьёзным фактором, с одной стороны, для внутренней мобильности граждан Евросоюза, с другой – порождает такие негативные явления как «социальный туризм» и «социальный демпинг». Кроме того, на уровне ЕС пока отсутствуют наднациональные нормы в отношении социального страхования по безработице или производственным травмам. Схемы условия получения и сроки социальных выплат по безработице, в странах-членах разнятся существенным образом. Тем не менее на повестке дня ЕС до коронакризиса стоял вопрос о создании Европейской схемы безработицы прежде всего для стран зоны евро. Этот проект поддерживают страны южноевропейской социальной модели. Однако в План действий по реализации ЕОСП, опубликованный в 2021 г., эта инициатива Комиссии не была включена в виду необходимости принятия более срочных временных мер поддержки занятости, связанных с преодолением последствий пандемии COVID-19.

Тем не менее нельзя не признать, что наднациональное законодательство ЕС играет значительную роль в расширении трудовых прав граждан ЕС. Целый ряд директив, регулирующих условия труда и права работников, закрепили успешный опыт одних стран-членов на наднациональном уровне и ввели новые стандарты в трудовое законодательство тех государств, где ранее такие нормы не существовали. Речь идёт, например, о директиве 2019/1152 о балансе трудовой и личной жизни²⁹, которая распространила право обязательного отпуска в связи с рождением ребёнка на отцов. Директива также предоставляет обязательный пятидневный оплачиваемый отпуск по уходу за больным членом семьи. Кроме того, директива дала право родителям и опекунам требовать корректировки своего рабочего графика в связи с обязанностями по уходу за ребёнком.²¹ Среди стран-членов Европейского Союза самое гибкое и социально ориентированное законодательство в вопросах ухода за детьми разработано в скандинавских странах.

---

²⁸ Подробнее см.: *Биссон Л.С.* Координация систем социального обеспечения в ЕС: упущенная возможность для социальной Европы // Европейский Союз: факты и комментарии. 2019. № 96. С. 48–52. DOI: 10.15211/eufacts220194852

²⁹ Directive (EU) 2019/1152 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on transparent and predictable working conditions in the European Union // OJ, L 186, 11.7.2019. P. 105–112.

В Швеции, например, родителям предоставляется 12 оплачиваемых месяцев по уходу за ребёнком, которые отец и мать могут разделить в удобной для них пропорции, при этом каждому из родителей гарантировано по два месяца обязательного оплачиваемого декретного отпуска. В Германии отец имеет право уйти в декретный отпуск на 14 месяцев с сохранением 67% от заработной платы³⁰. До имплементации директивы в Греции, Италии, Нидерландах, трудовое законодательство не поощряло отпуск для мужчин, предоставляя им право всего на два дополнительных дня отпуска в связи с рождением ребёнка.

В рамках реализации ЕОСП была так же принята директива 2019/1152 о прозрачных и предсказуемых условиях труда³¹. Согласно директиве, работодатель должен в письменном виде сообщить работникам перечень условий труда в течение семи дней после начала действия договора. Директива определила максимальный срок испытательного периода в начале трудовой деятельности (6 месяцев), гарантировала право на работу по совместительству, закрепила право на необходимое бесплатное профессиональное обучение в счёт рабочего времени. Директива затрагивает права в том числе работников, занятых в нестандартных и новых формах труда, таких как контракты с нулевым рабочим днём, работа на дому, работа на цифровых платформах (такси, курьерские службы и т.п.). В отношении последней категории работников Комиссия уже выступила с законодательной инициативой в декабре 2021 г.³² Предполагается, что проект новой директивы охватит около 28 млн работников, трудовые права, которых по-разному регулируется в государствах-членах. Как правило, эта категория сотрудников зарегистрирована в качестве самозанятых, что ограничивает их доступ к ряду социальных прав (право на оплачиваемый отпуск, в том числе по уходу за ребёнком, право на охрану здоровья и безопасность, пенсионные права и т.д.). Еврокомиссия предлагает ввести перечень критериев для определения того, является ли платформа работодателем. Таким образом от 1,7 до 4 млн сотрудников могут быть переквалифицированы в наёмных работников.

---

³⁰ UNICEF, Are the world's richest countries family friendly? Policy in the OECD and EU. Florence, UNICEF Office of Research, 2019.

³¹ *Georgiou D.* The new EU Directive on Transparent and Predictable Working Conditions in the context of new forms of employment // *European Journal of Industrial Relations.* 2022. Vol. 28. Issue 2. P. 193–210. DOI:10.1177/09596801211043717

³² Proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work, COM (2021) 762 final.

В распоряжении Комиссии также находятся финансовые инструменты, такие как Европейский социальный фонд плюс (ESF+) и Европейский фонд адаптации к глобализации. Их бюджет на период 2021–2027 гг. составляет 99,3 млрд и 1,6 млрд евро соответственно. Европейский социальный фонд плюс с 2021 г. объединяет сразу несколько фондов и программ: Европейский социальный фонд (ESF) и Инициативу по трудоустройству молодёжи (YEI), Фонд европейской помощи наиболее обездоленным (FEAD), Программу ЕС по занятости и социальным инновациям, Программу ЕС по здравоохранению. Объединение этих финансовых инструментов отражает комплексную поддержку со стороны Евросоюза государств-членов в ответ на социальные проблемы и проблемы рынка труда, связанные с пандемией COVID-19 и возможными грядущими вызовами. Основное финансирование по линии фондов направляется на программы профессионального обучения и приобретения навыков, необходимых рынкам труда стран-членов в условиях «двойного перехода». Основной концепцией деятельности фондов стало так называемое социальное инвестирование. Речь идёт о финансировании политики стран-членов, направленной на поддержку полноценного участия граждан ЕС в трудовой и социальной жизни, а также мер в таких областях, как: уход за детьми, здравоохранение, помощь в поиске работы и реинтеграция на рынке труда. Пакет социальных инвестиций (SIP), разработанный Комиссией ориентирует страны ЕС на более эффективное и действенное использование социальных бюджетов для обеспечения адекватной и устойчивой социальной защиты населения. В целом подход Евросоюза направлен на укрепление нынешнего и будущего потенциала граждан и расширение их возможностей для участия в жизни общества и рынке труда, особенно это касается молодёжи, женщин, пожилых людей и людей с ограниченными возможностями.

Важную роль в укреплении ЕСМ играет институт социального диалога. Роли социальных партнёров (представителей бизнеса и работодателей, с одной стороны, и профсоюзов – с другой) не одинаковы в различных государствах-членах и зависят от сложившейся социальной модели, тем не менее развитие бипартизма и трипартизма как на коммунитарном, так и на национальном уровне служат важной целью социальной политики ЕС. Помимо того, что Комиссия консультируется с социальными партнёрами до внесения законодательных предложений по целому ряду вопросов, связанных с регулированием трудовых отношений, представители

работников и работодателей на наднациональном уровне вносят вклад в определение социальных стандартов благодаря автономным соглашениям. После экономического и финансового кризиса 2008 г. социальный диалог был ослаблен децентрализацией, снижением охвата переговоров и вмешательством государств в политику заработной платы. В 2022 г. Комиссия провела консультации об инициативе по поддержке европейского социального диалога в рамках реализации одного из пунктов Европейской опоры социальных прав, который предполагает повсеместное продвижение института три- и бипартизма на уровне национальных государств при проведении социальной политики.

Последствия финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. и предпринятые для его преодоления структурные реформы оказали негативное влияние на благосостояние и занятость граждан Евросоюза, а также на перспективы ЕСМ. Среди наблюдаемых эффектов политики экономии заметен в том числе рост социальных конфликтов и недовольства, имеющие последствия для партийно-политических систем государств-членов (возрастающая роль электоральной поддержки евроскептических и популистских партий как правого, так и левого толка). В долгосрочной перспективе сокращение социальных расходов на образование, реформу рынка труда на фоне задачи ЕС по осуществлению «двойного зелёного и цифрового перехода» могут негативно отразиться на занятости и благосостоянии будущих поколений. В период кризисов увеличилось число менее защищённых форм занятости. Сдерживание заработной платы, которое требовалось в рамках пакета мер бюджетной консолидации также оказало прямое воздействие на потребление и рост. Притом что социальные вопросы вернулись в русло главных политических дебатов ЕС, на пути консолидации «Социальной Европы» по-прежнему стоит ряд вызовов.

«Социальная Европа» перед лицом новых кризисов

Ещё более актуальным дальнейшее развитие социального измерения единого внутреннего рынка стало в период пандемии и карантинных мер, которые непосредственно сказались на социально-экономической ситуации в государствах-членах и, прежде всего, на положении работающих граждан. Несмотря на то что в целом в ЕС значительно повысились показатели занятости, в некоторых странах безработица среди молодёжи до 25 лет достигает от 20 до

30%, как это произошло в Швеции, Италии, Португалии, Испании и Греции³³. Медленно снижается число бедного населения. По данным Евростата, в 2020 г. каждый пятый житель ЕС был подвержен риску бедности или социальной изоляции (96,5 млн человек, что составляет 21,9% населения ЕС)³⁴. Среди 27 стран-членов ЕС наибольшее число граждан, подверженных риску бедности проживает в Румынии, Болгарии, Греции и Испании (35,8, 33,6, 27,5 и 27% населения, соответственно). Самые низкие показатели в Чехии (11,5%), Словакии (13,8%) и Словении (14,3%). По данным Евростата, каждый десятый европейский работник подвержен риску бедности, причём эта цифра возрастает до каждого шестого работника, занятого на временной работе или работающего неполный рабочий день. Доля работающих бедных растёт в ряде государств-членов, достигая 9,6%. 17% европейцев живут менее чем на 60% от национального медианного дохода домохозяйств. Негативные социально-экономические последствия череды кризисов отразились прежде всего на положении среднего класса. Увеличение неравенства также указывает на общую проблему перераспределения, которая может сохраниться в долгосрочной перспективе в отсутствие адекватных социальных и экономических мер.

В целом Европейская социальная модель положительно проявила себя в период пандемии 2020–2021 гг. и выполняла свою функцию в раннем периоде кризиса, когда большинство европейских правительств увеличили социальные расходы, чтобы смягчить социальный и экономический шок. Такие институциональные механизмы, как схемы неполного рабочего дня, социальный диалог и профессиональное обучение активно использовались благодаря финансовой помощи из общего бюджета ЕС для поддержки рынка труда на национальном уровне.³⁵ Важнейшим элементом комплексной стратегии ЕС по защите граждан и смягчению крайне негативных социально-экономических последствий пандемии COVID-19 стал Европейский инструмент временной поддерж-

---

³³ Eurostat. Unemployment by sex and age – monthly data. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/UNE_RT_M_custom_2986188/default/table?lang=en (дата обращения: 15.10.2021).

³⁴ Eurostat. One in five people in the EU at risk of poverty or social exclusion. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/edn-20211015-1> (дата обращения: 15.10.2021).

³⁵ Сидорова Е.А. Преодоление последствий COVID-19 в ЕС: наднациональный финансовый аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 24–32.

ки для снижения риска безработицы в чрезвычайных ситуациях SURE, согласованный в мае 2020 г. странами-членами Евросоюза³⁶. SURE предусматривает финансовую поддержку в виде кредитов, предоставляемых на льготных условиях государствам-членам для финансирования национальных схем кратковременной занятости и аналогичных мер по сохранению занятости в отдельных отраслях, субсидированию заработных плат и поддержанию доходов самозанятых. В рамках использования инструмента SURE финансовую помощь получили 19 государств ЕС на общую сумму 94,4 млрд евро³⁷. Наибольшие по сумме долгосрочные кредиты были выданы Италии (27,4 млрд евро), Испании (21,3), Польше (11,2) и Бельгии (8,2). По данным, переданным странами в Еврокомиссию, помощь, выделенная в рамках инструмента SURE в период 2020–2021 гг., была оказана 34 млн человек и порядка 3 млн предприятий³⁸. Предприятия малого бизнеса стали основными бенефициарами поддержки. Целевые меры помощи коснулись в основном таких секторов как, оптовая и розничная торговля, ресторанный и гостиничный бизнес, обрабатывающая промышленность. В целом можно сказать, что комплексные меры поддержки рынка труда, включая инструмент SURE, предотвратили рост безработицы в 2020 г. Так, в странах, получивших поддержку, несмотря на значительное падение производства, рост безработицы был значительно ниже, чем ожидалось. Это было достигнуто благодаря сохранению рабочих мест и активности самозанятых. В качестве дополнительных факторов SURE также помог улучшить общее доверие к ЕС среди граждан, что подтвердил в конце 2021 г. опрос Евробарометра в странах зоны евро³⁹.

Состоявшийся в мае 2021 г. социальный саммит ЕС в г. Порту подтвердил приверженность стран-членов ЕС идее «Социальной Европы» и социальным целям на ближайшее десятилетие, обозначенным Еврокомиссией в Плате действий по реализации

---

³⁶ *Говорова Н.В.* Европейский рынок труда в условиях пандемической реальности // Современная Европа. 2020. № 7. С. 71. DOI:10.15211/soveurope72020128139

³⁷ Report on the European instrument for Temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak pursuant to Article 14 of Council Regulation (EU) 2020/672 SURE at 18 months: third bi-annual report. Brussels, 24.03.2022. COM (2022) 128 final.

³⁸ Это составило почти 30% от общего числа занятых и четверти от всех предприятий в государствах-членах ЕС, которые участвовали в реализации SURE.

³⁹ Flash Eurobarometer 501. The euro area – October – November 2021.

Таблица 8.2

Показатели занятости в странах ЕС-27 в 2012, 2021 гг.

	Занятость среди населения старшего возраста (55–64)		Занятость среди женщин		Долгосрочная безработица		Молодые люди, не имеющие работы, образования и профессиональной подготовки (NEET*)	
	2012	2021	2012	2021	2012	2021	2012	2021
ЕС-27	46,6	60,5	61,0	67,7	5,0	2,8	16,1	13,1
Австрия	41,6	55,4	69,6	71,3	1,5	2,0	8,6	9,4
Бельгия	39,5	54,5	61,7	66,8	3,1	2,6	13,6	10,1
Болгария	45,1	64,8	59,8	68,9	7,2	2,6	24,7	17,6
Венгрия	36,1	62,8	60,4	73,5	4,8	1,3	16,9	11,7
Германия	60,7	71,8	70,7	75,9	2,4	1,2	10,6	9,2
Греция	36,2	48,3	44,6	52,7	13,1	9,2	26,4	17,2
Дания	57,9	72,3	71,1	75,6	2,1	1,0	9,0	8,3
Ирландия	49,2	62,8	60,2	70,0	9,2	1,8	21,6	9,8
Испания	43,9	55,8	54,6	62,4	11,0	6,2	22,2	14,1
Италия	39,9	53,4	50,1	53,2	6,0	5,4	23,9	23,1
Кипр	50,7	63,4	64,8	70,0	3,6	2,6	17,3	15,4
Латвия	52,6	67,8	66,2	72,9	8,6	2,3	17,2	12,1
Литва	51,7	68,0	67,9	76,7	6,6	2,6	13,9	12,7
Люксембург	41,0	46,6	64,1	70,3	1,6	1,8	7,6	:
Мальта	34,7	51,8	48,0	69,6	3,8	1,0	12,0	9,9
Нидерланды	57,4	71,4	72,0	77,5	1,7	0,8	7,2	5,5
Польша	37,6	54,7	56,2	68,4	5,3	0,9	16,9	13,4
Португалия	40,0	63,4	60,8	73,1	8,1	2,9	15,6	9,5
Румыния	30,9	43,8	48,2	56,9	3,7	2,0	24,3	20,3
Словакия	44,2	60,6	61,5	70,4	10,9	3,9	18,0	14,2
Словения	32,6	52,7	64,2	72,6	4,3	2,0	10,1	7,3
Финляндия	57,4	68,3	71,3	75,8	2,1	1,8	9,9	9,2
Франция	45,8	55,9	66,0	70,2	2,6	2,3	12,4	12,8
Хорватия	37,5	48,6	52,6	62,9	10,2	2,8	19,7	14,9
Чехия	49,3	69,8	62,5	72,1	3,0	0,8	12,9	10,9
Швеция	71,6	76,9	76,1	78,0	2,3	1,9	7,9	6,0
Эстония	60,5	71,6	71,1	77,5	5,4	1,6	14,1	11,2

Примечание: (NEET*) – к общей численности населения.

Источник: составлено автором по данным Евростата.

Европейской опоры социальных прав. Первая цель — обеспечить 78% занятости среди людей в возрасте от 20 до 64 лет. С пандемией COVID-19 уровень безработицы в странах ЕС вновь начал расти. В 2019 г. ЕС удалось достичь докризисных показателей в 6–7% (в 2013 г. пик безработицы в ЕС был зафиксирован на отметке в 11,5%)⁴⁰. В качестве насущной задачи Еврокомиссия также отмечает снижение доли молодых людей в возрасте 15–29 лет, которые не имеют ни работы, ни образования и не проходят профессионального обучения (NEET) с 13 до 9%⁴¹.

Помимо упомянутых выше фондов и программ ЕС, в марте 2021 г. Европейская комиссия выступила с инициативой «Эффективная активная поддержка занятости» после кризиса COVID-19 (EASE), призванной содействовать реализации четвёртого принципа Европейской опоры социальных прав — активной занятости. В ней представлен стратегический подход Евросоюза к постепенному переходу от чрезвычайных мер, принятых для сохранения рабочих мест во время пандемии (SURE и др.), к новым механизмам, необходимым для повышения занятости населения. На практике EASE представляет собой инструмент мягкого права ЕС в виде руководств для стран-членов по проведению активной политики на рынке труда. Государствам ЕС предлагается разработать пакеты мер, сочетающие временные и долгосрочные механизмы для решения проблем рынка труда, вызванных пандемией, и для преодоления нехватки квалифицированных кадров, которая, вероятно, будет сдерживать экономический рост в период восстановления. При этом Комиссия призывает к активному привлечению социальных партнёров (представителей работников и работодателей) для разработки таких мер. Действия на национальном уровне должны состоять из трёх компонентов: (1) стимулы для найма и поддержка предпринимательства, (2) возможности повышения квалификации и переквалификации, и (3) усиление поддержки со стороны служб занятости с особым акцентом на молодёжь и работников всех возрастов в секторах, наиболее пострадавших от пандемии. Инициатива будет опираться на бюджетные средства ЕС, включая доступные в рамках программы «ЕС следующего поколения» (NextGenerationEU) и временного Механизма по восста-

---

⁴⁰ Eurostat, Statistics Explained, Unemployment rate, March 2021. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Unemployment_statistics#Unemployment_in_the_EU_and_the_euro_area (дата обращения: 10.05.2021).

⁴¹ Eurostat, Seasonally adjusted unemployment, totals, March 2022.

новлению и обеспечению устойчивости после пандемии (Recovery and Resilience Facility) с общим бюджетом более 723 млрд евро. Таким образом, поддержка рынка труда и социальная политика в широком смысле оказываются вписанными в логику осуществления перехода к «зелёной» и цифровой экономике и встроены в Европейский семестр. Рекомендации по конкретным странам, принятые Советом в рамках Европейского семестра, будут продолжать играть центральную роль в руководстве и мониторинге социальной политики и политики занятости в государствах-членах.

Необходимо отметить, что несмотря на пандемию и ограничительные меры, располагаемые доходы большинства европейских граждан не снизились. Это также объясняется тем, что в данный период государства предприняли направленные меры по поддержке занятости и доходов населения. В то время как реальные денежные доходы могли снизиться в данный период, располагаемые доходы либо не изменились, либо выросли. Подобная ситуация наблюдалась и в России, где по данным исследований, благодаря поддерживающим выплатам со стороны государства за первое полугодие 2021 г. был практически восстановлен допандемийный уровень доходов домохозяйств (за исключением большей части работников частных организаций)⁴².

Своего рода подтверждением приверженности идеи «Социальной Европы» стало достигнутое в июне 2022 г. согласие между институтами ЕС и государствами-членами по предложенной Комиссией директиве об адекватной минимальной заработной плате в ЕС (COM(2020)0682)⁴³. Главная цель директивы – не гармонизировать, но установить параметры расчёта адекватной минимальной оплаты труда, исходя из национальных показателей стран-членов⁴⁴. Таким образом, страны ЕС должны будут оценить, достаточен ли установленный национальным законом минимальный размер оплаты труда для обеспечения достойного уровня жизни, принимая во внимание собственные социально-экономические условия (покупательную способность, национальные уровни производительности и долгосрочного развития и др.). При этом директива не нарушает институциональный баланс

---

⁴² Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: три квартала 2021 года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

⁴³ Europe Daily Bulletin No. 12966, Brussels, 07/06/2022.

⁴⁴ Расчёт произведен, исходя из 60% от медианной заработной платы брутто или 50% от средней заработной платы брутто.

национальных социальных моделей, что составляло главную обеспокоенность стран Северной Европы (Финляндии, Швеции, Дании), а также Австрии, Кипра и Италии, где МРОТ в большинстве отраслей устанавливается в результате коллективных переговоров. Напротив, директива в перспективе может стимулировать распространение этого социального института и на другие государства. В настоящий момент в 21 стране Евросоюза МРОТ закреплён в национальном законодательстве. Охват коллективными договорами прав и оплаты труда по отраслям в Евросоюзе очень разнообразен: высокий уровень охвата (около 80% и более работников) – в Австрии, Франции, Бельгии, Финляндии, Швеции, Нидерландах, Дании, Италии и Испании, низкий уровень охвата (10–35% работников) – в Румынии, Ирландии, Болгарии, Венгрии, Словакии, Эстонии, Латвии, Польше и Литве⁴⁵. Помимо того, что минимальная заработная плата в ЕС варьируется от 332 евро в Болгарии до 2257 евро в Люксембурге⁴⁶, в десяти государствах ЕС установленный законом минимум составляет лишь 50% или менее от медианной заработной платы. В 2018 г. минимальная заработная плата составляла более 60% от медианного валового заработка только в четырёх государствах-членах: Франции (66%), Португалии (64%), Словении (62%) и Румынии (61%). Европейская конфедерация профсоюзов поддержала принятие директивы, отметив, что достигнутое в ЕС соглашение «может стать переломным моментом для миллионов работающих людей, борющихся с кризисом стоимости жизни»⁴⁷.

Поддержка достойной оплаты труда лишь одна из мер борьбы с бедностью, которую наряду с повышением занятости ЕС ставит в качестве одной из социальных задач до 2030 г., подтверждённых государствами-членами. В Плане действий по реализации ЕОСП Еврокомиссия предложила сократить число людей, подверженных риску бедности или социальной изоляции как минимум на 15 млн человек. Достижение этой цели может существенно осложниться

---

⁴⁵ National industrial relations, Across Europe. ETUI web site. URL : <https://www.worker-participation.eu/index.php/National-Industrial-Relations/Across-Europe/Collective-Bargaining2> (дата обращения: 30.08.2022).

⁴⁶ Eurostat, Statistics Explained, Minimum wage statistics, January 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Minimum_wage_statistics#Variations_in_national_minimum_wages Living conditions in Europe - poverty and social exclusion, October 2021 (дата обращения: 23.06.2022).

⁴⁷ ETUC, Europe closer to crucial pay directive Press release, 07.06.2022. URL: <https://www.etuc.org/en/pressrelease/europe-closer-crucial-pay-directive> (дата обращения: 23.06.2022).

в ближайшие годы как в связи с необходимостью осуществления энергетического перехода, так и с международным кризисом в связи с ситуацией на Украине и прекращением поставок нефти и газа из России, что уже вызвало значительный рост цен на энергоносители в странах Евросоюза. Это существенно может сказаться на уровне благосостояния в странах ЕС при отсутствии каких-либо мер регулирования или смягчающей политики для поддержки населения. Домохозяйства с низким уровнем дохода непропорционально страдают от инфляции цен на энергоносители⁴⁸. В 2020 г. средние домохозяйства в странах-членах ЕС тратили около 2,5% своего дохода на оплату энергии для бытовых нужд (в разных странах этот показатель варьируется от 1,5 до 4%). Для категорий с самым низким доходом эта доля может составлять до 6%. Скачок цен приведёт к значительному увеличению расходов европейских домохозяйств на оплату энергоносителей, в частности, на отопление и транспорт⁴⁹. Последствия будут значительно отличаться в разных странах, в зависимости от сочетания источников энергии и тарифного регулирования. Не исключено, что для смягчения текущего роста цен ЕС рассмотрит возможность использования средств потенциального Социального климатического фонда, создание которого Еврокомиссия предложила летом 2021 г., чтобы снизить социальные риски по переходу к «зелёной» экономике и сделать его более справедливым и поддержать наиболее уязвимые категории граждан и домохозяйств. На период 2025–2032 гг. ЕС планирует мобилизовать до 72 млрд евро, в том числе за счёт бюджетных средств и доходов от торговли квотами на выбросы парниковых газов. Но ряд государств ЕС высказались против предложения Комиссии, отметив, что планируют самостоятельно распоряжаться доходами от продажи квот, в том числе в интересах поддержки населения⁵⁰. Однако в новых условиях, исходя из текущей ситуации, на рынке энергоносителей проект вполне может

---

⁴⁸ *Claeys G., Guetta-Jeanrenaud L.* Who is suffering most from rising inflation? Bruegel Blog, 1 February 2022. URL: <https://www.bruegel.org/blog-post/who-suffering-most-rising-inflation> (дата обращения: 23.06.2022).

⁴⁹ *Afunis G., Cato M., Helmschrott S., Schmidt T.* Russia's invasion of Ukraine has led to higher inflation expectations of individuals in Germany, VoxEU. 2022. URL: <https://voxeu.org/article/russia-sinvasion-ukraine-has-raised-germans-inflation-expectations> (дата обращения: 23.06.2022).

⁵⁰ *Taylor K.* EU's proposed social climate fund comes under fire from all sides// EURACTIV, 21.12.2021. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy-environment/news/eu-social-climate-fund-comes-under-fire-from-environment-ministers/> (дата обращения: 23.06.2022).

быть пересмотрен, если Еврокомиссия предложит более сбалансированный подход. Кроме того, государства самостоятельно будут предпринимать усилия по сдерживанию нагрузки для потребителей, прежде всего домохозяйств, в результате роста цен на газ и электроэнергию путём субсидирования и замораживания цен.

Вслед за авторами доклада группы Высокого уровня по социальным и экономическим вызовам после пандемии COVID-19, стратегию развития Европейского Союза на ближайшее десятилетие смело можно назвать «тройным переходом», не только к цифровому и «зелёному» Союзу, но и к «социальному»⁵¹. Испытав на себе экономические и социальные последствия череды кризисов, граждане ЕС действительно выдвинули запрос на «Социальную Европу». Результаты специального выпуска Евробарометра, посвящённого реализации Европейской опоры социальных прав, 2021 г. свидетельствует о том, что 9 из 10 граждан ЕС считают действия в социальной сфере на коммунитарном уровне необходимыми⁵². Наиболее актуальными вопросами для граждан являются равные возможности и доступ на рынок труда, справедливые условия и оплата труда, доступ к качественному медицинскому обслуживанию. В то же время 71% опрошенных заявили, что считают отсутствие социальных прав серьёзной проблемой, а 62% считают, что в 2030 г. Европа будет более социальной.

Парадоксально, но даже в то время, когда Европейская социальная модель сталкивается с многочисленными сложностями, многие другие страны мира усиливают свою социальную защиту. Например, Китай содействует развитию институтов минимальной заработной платы и социального диалога, а также постепенно расширяет свою систему социальной защиты. Аналогичным образом, Бразилия и Соединённые Штаты вдохновились некоторыми элементами Европейской социальной модели в своих усилиях по укреплению социальной защиты и охвата медицинским обслуживанием. Крайне важным опыт трансформации ЕСМ может оказаться и для социальной политики России, где наблюдаются схожие процессы на рынке труда (рост незащищённых видов занятости), рост бедности и социальной исключённости и пр.

* *
*

---

⁵¹ A New Era for Europe. How the European Union Can Make the Most of its Pandemic Recovery, Pursue Sustainable Growth, and Promote Global Stability. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022.

⁵² Special Eurobarometer 509 “Social Issues”.

Системы социального обеспечения стран-членов Европейского Союза характеризуются разнообразием институциональных рамок: правил и норм регулирования производственных отношений, роли государства в социальном обеспечении, пенсионной и семейной политики, определяющих всеобщее и личное благосостояние. Исследование трансформации социальных моделей в ЕС в период кризисов выявило, что при всех исторических различиях и степени экономической и социальной дивергенции в сфере социальной политики государства-члены ЕС тем не менее движутся в одном направлении. Набор политических установок в отношении баланса развития рынка и благосостояния граждан в широком смысле (образование, семья, здравоохранение), сплочение, защита уязвимых групп населения, признание широких экономических и социальных прав граждан, поощрение социального диалога в качестве одного из инструментов регулирования рынка труда – всё это составляет отличительные черты Европейской социальной модели. ЕСМ в этом смысле является открытой концепцией, в которой не доминируют ни традиции, ни инерция решений государства всеобщего благосостояния, разработанных в рамках национальных моделей. Кроме того, ЕС обладает необходимыми механизмами как мягкого права (Европейская опора социальных прав и План действий по её реализации), так и законодательными возможностями (директивы в области защиты прав работников и т.п.), а также ресурсами и средствами для реагирования на новые проблемы и вызовы в будущем (Европейский социальный фонд плюс и Фонд адаптации к глобализации и др.).

Реагируя на последствия пандемии COVID-19, Евросоюз заметно отошёл от своего опыта постепенных межправительственных шагов, которые затрудняли быстрые действия или централизованную финансовую помощь. Экстренные временные меры поддержки рынка труда и предприятий (инструмент SURE) оказали положительный эффект и помогли государствам-членам справиться со многими социально-экономическими проблемами. Перед лицом новых вызовов, связанных с возможным замедлением экономического роста, инфляцией, ростом цен и проблемами с поставками энергоносителей, Евросоюз оказывается перед новой задачей, с одной стороны, быстрого реагирования, с другой – необходимости встраивания социального измерения в архитектуру посткризисного управления. В период с 2011 по 2016 г. произошла частичная и постепенная «социализация» Европейского семестра. Наблюдается усиление координации политики и социального мониторинга

на наднациональном уровне. Социальные цели встали в один ряд с экономическими и финансовыми в ежегодных рекомендациях для конкретных стран, в качестве инструментов бюджетной дисциплины. В целом можно отметить повышение роли ЕС в принятии решений для субъектов социальной сферы и занятости. Анализ наднациональных норм и их имплементация в социальное законодательство стран-членов позволяет сделать вывод о том, что Комиссия идёт по пути усиления действий в социальной политике с целью преодоления негативных социально-экономических последствий кризиса 2008 г. и пандемии COVID-19 и ввиду возможных новых вызовов.

Обеспечение занятости, особенно среди молодого поколения в условиях трансформации рынка труда и перехода к цифровой экономике, снижение уровня бедности — главные задачи ЕС до 2030 г. По некоторым показателям (уровень безработицы, социальной и материальной депривации) в большинстве стран Евросоюза были достигнуты докризисные значения. Однако новые вызовы, связанные с осуществлением перехода к «зелёной» и цифровой экономике, обострением международных отношений и проблемами с поставками и ростом цен на энергоносители, могут серьёзным образом сказаться на возможностях финансирования всех поставленных социальных целей. Кроме того, вероятно, что темпы экономического роста и возможности сохранить ключевые элементы Европейской социальной модели будут варьироваться в странах-членах ЕС. Это может привести к риску большей дивергенции внутри ЕС.

Тем не менее весь комплекс мер, призванный усилить социальные инвестиции, рассчитанные на будущее поколение, отвечает запросу граждан на проведение чётко выраженной европейской социальной политики, запросу на «Социальную Европу» как гаранта приверженности принципам социального государства и защиты прав трудящихся и наименее защищённых лиц. Более того, кризисы способны подорвать доверие к государственной политике и ЕС как объединению и его институтам, привести к политической поляризации и росту популизма (см. главу 9). Осознание такой опасности проявляется в совместных усилиях стран-членов и институтов ЕС в выработке мер в ответ на возникающие современные вызовы, стоящие перед расширенной Европой и миром в целом. От того, насколько Евросоюз сможет и дальше способствовать эффективному объединению усилий стран-членов в деле постпандемического восстановления и ответа на новые внешнеполитические вызовы? зависит, насколько вероятен новый импульс к дальнейшему углублению европейской интеграции.

Глава 9. Стратификация общества и новые кливажи

Р.Н. Лункин

Изменение классовой структуры общества стало одной из самых значимых проблем в контексте перехода к постиндустриальному обществу в мире в целом и в Европе в частности. Формирование новых социальных классов и подклассов связано с меняющейся общественной структурой, с новыми параметрами экономического развития, распределения и организации производства, условий труда в глобальном масштабе. Для эффективной реализации социальной политики новые страты, классы или подклассы создают дополнительные сложности, поскольку само общество становится более многослойным и учесть интересы каждого слоя оказывается чрезвычайно сложной задачей. Кроме того, построение «зелёной» экономики и цифровая трансформация всего общества лишь в будущем могут послужить на благо всех граждан, а в краткосрочной перспективе они лягут на плечи социально незащищённых, уязвимых категорий населения, что лишь обостряет поляризацию внутри социума.

Европейский Союз с самого начала своего формирования в 1950-х гг. уделял особое внимание социальной сфере, сбалансированному сочетанию экономического роста и социальной справедливости. Сложившиеся к началу 2000-х гг. принципы Европейской социальной модели (ЕСМ) позволяли целенаправленно корректировать общеевропейские цели и задачи в этой сфере, что и делалось неоднократно в ходе преодоления последствий финансового кризиса 2008 г., пандемии 2020–2022 гг., ту же линию ЕС продолжает и в рамках украинского кризиса 2022 г. Принятая в 2017 г. стратегическая программа до 2030 г. «Европейская опора социальных прав» задала высокую планку уровня жизни и занятости, обучения и переобучения работников, преодоления социальной отчуждённости в Евросоюзе. Интеграционные процессы движутся в сторону конвергенции социальных моделей в рамках Союза и сглаживания диспропорций, которые касаются, к примеру, рынка труда и мобильных граждан, трудящихся в разных

странах ЕС (им гарантирована равная оплата труда за равную работу). При существующей дихотомии между целями развития рынка и достижением социального прогресса растёт значение наднационального регулирования социальной сферы в ЕС¹. Самостоятельная, а не подчинённая роль социальной сферы в ЕС позволяет наиболее выпукло увидеть как достижения, так и недостатки политики ЕС в этой сфере, в особенности в том, что касается недовольства отдельных категорий граждан.

С полным правом можно сказать, что Евросоюз является не только пространством чрезвычайно дифференцированной социальной политики, но и одним из самых многообразных по социальной стратификации сообществ, что связано с сохраняющимися различиями между социальными системами стран-участниц ЕС, а также с принципиальным стремлением общеевропейской политики поддерживать разные формы занятости и организации труда, экономической активности. С одной стороны, эти особенности говорят о динамичном развитии экономики и социальной сферы параллельно с выработкой общих для всех норм и ценностей. С другой стороны, во время кризисов обостряются противоречия между различными социальными группами, в большей степени страдают наименее защищённые слои населения, возникают такие проблемы, о которых даже сложно было предположить ранее (например, возмущение людей своим положением, которое они транслируют через популистские партии и движения, а также в ходе демонстраций в связи с экономическими последствиями санкций против России).

Один из главных вопросов — кто и почему в рамках находящейся в стадии трансформации классовой структуры дифференцированного европейского общества недоволен и/или подвергнут социальному исключению (*social exclusion*) и с какими новыми и старыми социальными и идеологическими размежеваниями это недовольство соотносится?

---

¹ Борко Ю.А., Биссон Л.С. Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы» // Современная Европа. 2019. № 6. С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>

Новое понимание классовой структуры

Параллельно с усилиями руководства ЕС и его стран-участниц по укреплению социальной сплочённости и справедливости происходило изменение структуры общества. В особенности с 2000-х гг. стала заметна определённая фрагментация практически всех социальных слоёв, единство которых стало размываться. Прежде всего изменения претерпели средний и рабочий классы. От среднего класса стала отслаиваться его нижняя часть в силу постепенного снижения общего благосостояния этого класса. Рабочий класс терял свою численность на протяжении последних десятилетий, и в силу перевода производств в другие страны, и в силу их автоматизации. Массы населения либо теряли работу, либо перетекали в сферу услуг, на низкоквалифицированную работу, в онлайн-сервисы и т. п., что привело к возникновению довольно больших «неучтённых» групп населения. Современная классовая теория включает в себя различные критерии определения социальных классов: исходя из социально-культурного контекста, социально-профессиональной принадлежности, выделяются новые категории менеджеров, креативного класса, среднего класса как основы стабильного демократического общества, неомарксистские концепции «становящихся классов» («класс для себя» по К. Марксу) и «ставших классов» («класс в себе»). В постиндустриальном обществе классы не исчезли, они приобрели новые характеристики: «В конце XX – начале XXI в. было выявлено, что наряду с трактовкой среднего класса и другими изменениями в социально-классовой структуре общества стали созревать иные представления, которые в основу её классификации ставили не доход, образование и социальный статус, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищённости, сохранения профессиональной идентичности, соучастия в управлении и уверенность в будущем»². Анализ сложившихся концепций стратификации социально-экономических классов позволяет выделить целый ряд новых социальных групп, которые частично пересекаются между собой, то есть не являются консолидированными классами подобно марксистскому представлению о рабочем классе³.

² Прекариат: становление нового класса. Колл. монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 20–28.

³ В рамках марксистской концепции основные классы в капиталистическом обществе (рабочий класс, буржуазия, крестьянство) характеризуют их

Во-первых, в качестве отдельного слоя существует прекариат, категория трудящихся с неполной и нерегулярной занятостью (в качестве отдельного класса он был описан Гаем Стэндингом, а в российской науке Ж.Т. Тощенко). Словосочетание «неустойчивая» занятость/работа («*precarious» employment / «precarious» jobs*) означает в терминах Евростата, что контракт на работу не превышает трёх месяцев. Группа работающих по краткосрочному контракту остаётся более или менее стабильной, как в отдельных странах-членах ЕС, так и в союзе в целом с 2011 по 2020 г.: более 3% людей с неустойчивой занятостью в Сербии (7,4%), во Франции, в Хорватии, Северной Македонии, Бельгии, Финляндии, Швеции, Испании, Италии (3,1%)⁴. В данном случае не учитываются те, кто периодически ищет работу, нерегулярно занят по своей профессии (фрилансеры, художники, фотографы и т.д.), работает без контрактов онлайн или оффлайн, но всё это входит в понятие «прекариат». В категорию прекариев могут входить и люди из креативного класса, но в основном прекарная занятость сопряжена с неудовлетворённостью своей жизнью, условиями труда и самой временной профессией, а также с нерегулярным заработком⁵. Прекариат может пересекаться и с рабочим, и со средним классом. В данном смысле это своего рода кросс-класс. Прекариат в странах ЕС, в отличие, например, от России, не представляет собой более или менее массовую группу граждан, которая страдает от нестабильности и небольшого размера нерегулярных заработков, неучтённых и невидимых в структуре занятости⁶. Однако прека-

---

место в системе разделения труда, способ присвоения благ и классовая солидарность. Определение классу было дано В.И. Лениным: «Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически сложившейся системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства». См.: *Ленин В.И.* Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников) // ПСС. Т. 39. С. 15.

⁴ Precarious employment by sex, age and NACE Rev. 2 activity. Eurostat. 21.04.2021. URL: <https://ec.europa.eu/> (дата обращения: 28.06.2022).

⁵ *Standing G.* A New Class For a New Age: the Dawn of the “Precariat”. Friends of Europe. 17.09.2019. (<https://www.friendsofeurope.org/insights/a-new-class-for-a-new-age-the-dawn-of-the-precariat>).

⁶ *Тощенко Ж.Т.* Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9.

риат численно вырос в связи с переходом многих компаний на аутсорсинг и удалённую работу во время пандемии. Пандемия только усилила неравенство, затронув самые уязвимые слои населения. Негативный эффект в наибольшей степени проявился в Южной Европе и Ирландии, где доля отраслей, входящих в принудительно закрытый сектор, сравнительно велика⁷.

Во-вторых, в социологии формируется новое понимание того, что такое «рабочий» и «рабочий класс» в современном обществе. Произошла трансформация рабочего класса в расширенный трудовой класс, который состоит из рабочих («старого» рабочего класса), наёмных служащих, представителей прекариата, то есть этот класс даже вырос, но за счёт слишком разнородных слоёв. Монолитный рабочий класс, как в XIX в., фактически существует только в виде небольшого ядра рабочих разной квалификации, в рамках которого высококвалифицированные специалисты уже ближе к менеджменту и высшему среднему классу, чем к простым рабочим. Всего треть рабочих занята физическим трудом на материальном производстве. Новый рабочий класс состоит и из «синих воротничков», ассоциирующих себя со средним классом, бедных и андеркласса, то есть включает в себя низший средний класс и низший класс, внутренне консолидированный «класс в себе»: «Классовая общность объединяет лиц, занятых физическим трудом и рутинной непроизводственной деятельностью, не осуществляющих функций контроля и принятия решений в трудовом процессе, имеющих невысокий уровень дохода и преимущественно среднее образование»⁸.

Существует две основные концепции понимания рабочего класса, которые используются в социологическом анализе, в том числе в рамках опросов Евростата и Евробарометра. Классовая схема Дж. Голдторпа основана на отношениях найма и формы занятости. Под определение рабочего класса подпадают все работающие по трудовому контракту только за зарплату – квалифицированные и неквалифицированные рабочие, малообразованные технические работники, руководители низшего звена. Классификация Э. Рай-

---

С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8

⁷ Тенденции развития рынка труда в странах Европейского Союза // Социально-трудовые конфликты. Вып. 32. СПб.: СПбГУП, 2021.

⁸ *Росенко С.И.* Низший класс в социальной структуре постиндустриального общества: состояние и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 4. EDN VJHXBD. С. 128.

та исходит из категорий собственности и эксплуатации наёмного труда, то есть в эксплуатируемый рабочий класс, отстранённый от внеэкономических и экономических измерений влияния, входят рабочие, полуавтономные работники и менеджеры низшего звена, которых также относят к эксплуатируемым. Ядро рабочего класса в обеих схемах составляют малоквалифицированные рабочие. В начале 2000-х гг. Европейское социальное исследование отмечало, что в 1980-х гг. к рабочему классу принадлежала одна пятая мужского населения Европы, но к началу 1990-х гг. численность класса уменьшилась. Исходя из концепции Голдторпа, 37,4% населения 21 страны Европы (исключая Францию), где исследование проводили в 2002 г., принадлежат к рабочему классу. Однако по концепции Райта, к рабочему классу относилось 40,9% населения⁹.

В-третьих, возникли «новые бедные», понятие, тесно связанное с концепцией социального отторжения, людей, не только живущих в нищете, но и тех, кто по тем или иным причинам лишён социальных благ и активно не участвует в жизни общества. В основном «новые бедные» — это люди низкоквалифицированного труда, которые с трудом решают проблему занятости, работают на низкооплачиваемой работе и не могут вырваться из своего слоя. Их также можно выделить в социальный подкласс. В периоды кризисов государства часто сами создают этот подкласс, привлекая для решения проблемы занятости массы населения к низкоквалифицированному физическому труду. Как отмечает М. Риччери, в конечном же счёте это не решает ни проблемы повышения благосостояния, ни полноценной занятости: «формирование этого подкласса — осязаемое слабое звено не только американской, но и более широко — англо-американской модели, хотя оно и было замаскировано несомненно лучшим результатом занятости населения по сравнению с реалиями большинства европейских стран»¹⁰.

В современном постиндустриальном обществе в «обездоленный» или «отверженный» класс включают поколение молодых людей без образования и без работы (NEET¹¹) или же всех мало-

---

⁹ *Leiulfsrud H., Bison I., Jensberg H. Social Class in Europe // European Social Survey 2002/3. / Norwegian University of Technology and Science, Norway and Department of Sociology and Social Research University of Trento (Italy): 2005. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd (http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_social_class.pdf).*

¹⁰ Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. С. 352.

¹¹ Not in Education, Employment or Training.

имущих объединяют в один «андеркласс», поскольку рабочие уже не угнетённый класс, как было в то время, когда свои работы писал К. Маркс. Состав низкостатусных и малоресурсных групп, к примеру, А.Ш. Жвитиашвили суммирует таким образом: андеркласс, NEET, незанятые и NLEET (*Neither in the labor force, nor in education, employment, training* – индивиды, не только лишённые образования, работы, трудовых навыков, но и не входящие в состав рабочей силы). По его мнению, их появление говорит, по крайней мере, о наличии «противоречия между легитимной системой демократических прав и сужающимися возможностями восходящей мобильности, основанной на меритократии. Эти группы состоят из социальных акторов, которые находятся либо на периферии рынка труда, либо вне его. Они порождают тенденцию к сжатию сил наёмного труда. Поведенческая стратегия новых групп социальной депривации усиливает дисфункцию общества»¹².

Часть исследователей полагает, что в современном постиндустриальном цифровом обществе возникает класс, невостребованный рынком труда, который зависим не от своих профессиональных компетенций, а от «возможностей получать пособия и ренты», что является составной частью идущих структурных противоречий. В связи с этим концепция прекариата стала левым ответом на утопию неолибералов о креативном классе в ситуации роста общественного неравенства, когда пособия по безработице «превратились в долгосрочные, почти пожизненные выплаты, и неопределённость, негарантированность и непредсказуемость источников существования все большего количества людей ведёт к усилению напряжения в обществе. ... Это безработные (пособие), частично занятые (непостоянный, случайный заработок), пенсионеры (пенсия), все дольше обучающаяся молодёжь (стипендия), искусственно пребывающая в инфантильном состоянии перед выходом на сокращающийся рынок труда. Рынок труда сам по себе становится все более гибким и неформальным, что, по сути, означает ультимативное либертаристское требование к рабочим играть на понижение для сохранения своих рабочих мест: все чаще внедряются новые формы менеджмента, такие как аутсорсинг, аутстаффинг, лизинг персонала...»¹³.

¹² Жвитиашвили А.Ш. Новые социальные группы на Западе: общее и особенное // Власть. 2016. Т. 24. № 1. С. 118–124.

¹³ Мартьянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 139–148.

Объединяет прекариат, новый рабочий класс и «новых бедных» (низший средний и низший классы) то, что они противопоставлены высшим слоям и высшему среднему классу, менеджерам и профессионалам, то есть тем слоям, которые можно назвать элитой европейского общества, в том числе «образованным классом», «креативным классом». В научных дискуссиях о новых социальных группах, очевидно, присутствует антагонизм между этими частями общества и по уровню благосостояния, и по мировоззренческим установкам. Этот антагонизм сочетает в себе ценности и экономические интересы, но в отличие от противоборства капиталистов и рабочего класса в прошлом в современном обществе он не отличается прямолинейностью, радикальностью и непримиримостью, а ряды протестующих раздроблены.

Классы и их ценности

Мировоззренческие различия в социальной среде также стали трендом, который помогает понять реструктуризацию общества. В Евросоюзе эти различия проявлены наиболее ярко, поскольку и сам Союз был провозглашён пространством европейских ценностей, где большое внимание уделено формированию новой общеевропейской идентичности. Ценностные характеристики ложатся в основу любых стратегических программ ЕС, в том числе и социальной¹⁴. В связи с этим вполне естественно, что идеологические предпочтения стали наслаиваться и на экономические потребности и интересы. Наиболее заметным и обсуждаемым предметом в публичном поле подобное разделение общества стало в контексте роста поддержки партий политической альтернативы, критикующих элиты и их представления о либерализме. Спусковым крючком для протестных движений, которые сразу были маркированы как «популистские», стала обеспокоенность иммиграционными проблемами и сопутствующим им вопросом сохранения традиционной идентичности обществ, стран, народов, который лидеры Евросоюза игнорировали, выдвигая на первый план защиту всех дискриминируемых и общеевропейскую идентичность.

---

¹⁴ *Лункин Р., Филатов С.* Борьба «за» и «против» идентичности во внутриполитических процессах // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 9. С. 50–60. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60>; *Пантин В.И.* Политические размежевания и расколы в современных обществах // *Южно-Российский журнал социальных наук.* 2019. Т. 20. № 3. С. 28–40.

Опасения по поводу будущего либеральной демократии в связи с упадком среднего класса ещё в 2012 г. высказывал Ф. Фукуяма. По его мнению, технологические инновации и глобализация намного усилили неравенство, затронув широкие слои населения и в западных странах, прежде всего, средний класс. Причём его частью стал и высококвалифицированный рабочий класс, который превратился в группу интересов, которые выражают профсоюзы, то есть часть рабочего класса перетекла в средний класс. Беднейшим социально незащищённым слоем, по мнению Фукуямы, стал новый довольно разнородный класс, в который он включил этнические группы, иммигрантов и разного рода меньшинства¹⁵. В данном случае стоит отметить, что иммигранты, действительно, пополнили ряды «неучтённой» рабочей силы в странах Евросоюза.

Изменения в голосовании различных классов по следам популистской волны отметил, к примеру, Т. Пикетти. С его точки зрения, существует разделение на «торговцев», которые голосуют за правых, и «левых браминов», то есть образованный слой, который в последние десятилетия отдаёт свои голоса за левых. «Рабочим классом» развивающегося общества стали работники сферы обслуживания, поскольку промышленный рабочий класс почти исчез. Левые выбрали в качестве опоры белые воротнички среднего класса, так как они в большей степени соответствовали «прогрессивной» культурной политике левых. Традиционалисты из сферы обслуживания и низшего среднего класса остались политически одиночками в современном обществе, и лишь частично их чаяния воплотили праворадикальные партии. Новая эра неравенства, по мнению Пикетти, стала следствием в том числе тупиковой политики идентичности¹⁶. На первый план вышли проблемы миграции и наднациональной интеграции, между социал-демократическими партиями и их прежним электоратом произошёл культурный конфликт. Исследования показали, что основным фактором стало не снижение статуса рабочего класса, а идеологические и географические причины, когда оказалось, что масса

¹⁵ Fukuyama F. The Future of History: Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? 16.03.2012. URL: <https://www.gif.org.tr/food-for-thought/the-future-of-history-can-liberal-democracy-survive-the-decline-of-the-middle-class-francis-fukuyama>

¹⁶ Piketty Th. Capital and Ideology. Cambridge MS: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020; The 'Brahmin left' vs the 'Merchant right': A comment on Thomas Piketty's new book. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/09/16/the-brahmin-left-vs-the-merchant-right-a-comment-on-thomas-pikettyps-new-book/>

людей, живущих на периферии, ощутила свою маргинализацию в ходе процессов глобализации¹⁷. Повседневные работники опасаются за своё будущее в ходе изменения социальной структуры и по этой причине предпочитают голосовать за правые партии¹⁸.

В качестве слоя общества, интересы которого не полностью представлены во властных институтах, чаще всего называют те или иные модификации рабочего класса или нового трудового класса как в широком (все наёмные работники), так и в более узком понимании (люди физического труда). Несмотря на деиндустриализацию, данный класс по-прежнему представляет значительную часть общества, а возврат части производств на европейскую почву, к примеру, из Китая, в перспективе может увеличить его численность (правда, в связи с украинским кризисом и экономической рецессией это может быть неопределённо далёкой перспективой).

Как отмечает французский политический географ и социолог К. Гиллюи, исчезновение традиционного среднего класса в западных обществах — медленный и многофакторный процесс, который принимает различные формы в зависимости от национального контекста, но в основном приводит к ослаблению тех категорий, которые раньше представляли собой основу культурно-интегрированного среднего класса, оставшегося в течение двадцати последних лет как бы в тени политической борьбы¹⁹. Тем не менее именно представители «забытого» среднего класса в последние годы стали активнее участвовать в политической жизни. Их голос — не только посредством выборов, но и благодаря различным манифестациям — всё чаще раздаётся в странах Евросоюза. Повсеместно фермеры, мелкие государственные служащие и самозанятые голосуют за оппозиционные действующей власти партии по обе стороны политического спектра. С 2020 г. данные категории граждан выражают свои социальные требования и через антиковидный протест. В своей книге «Время простых людей» Гиллюи

---

¹⁷ *Oesch D., & Rennwald, L.* Electoral competition in Europe's new tripolar political space: Class voting for the left, centre-right and radical right // *European Journal of Political Research*. 2018, 57 (2), 783–807; *Oesch D., Vigna N.* A Decline in the Social Status of the Working Class? Conflicting Evidence for 8 Western Countries, 1987–2017 // *Comparative Political Studies*. 2022; 55 (7):1130–1157. doi:10.1177/00104140211047400

¹⁸ *Kurer T.* The Declining Middle: Occupational Change, Social Status, and the Populist Right. *Comparative Political Studies*. 2020; 53(10-11):1798–1835. doi:10.1177/0010414020912283

¹⁹ *Guilluy C.* No Society. La fin de la classe moyenne occidentale. Paris: Flammarion, 2020.

фактически выстраивает новые контуры экономико-идеологического и географического противостояния в обществе в противовес либеральным концепциям, которые жёстко делят общество на демократов и авторитаристов, на плюралистов и националистов и т.д. Как отмечает Гиллюи, в странах Евросоюза (в качестве основного примера он исследует Францию) в последние десятилетия произошёл значительный сдвиг в сторону интересов высшего класса и крупных корпораций, глобализация вытеснила средний и низший класс из мегаполисов. В связи с этим на французском опыте Гиллюи отмечает, что крупные города голосуют за эстаблированные партии, пригороды и иммигранты — за левых, периферия и малые города — за популистов. Учёный делает логичный вывод, что мелкий и средний бизнес (беднеющий средний класс), низшие классы с периферии хотят, чтобы их голос был услышан и используют для этого популистские партии и движения в качестве своих «марионеток». Однако если традиционные партии услышат голос периферии, то «марионетки» будут не нужны. Пандемия коронавируса, как отмечает Гиллюи, уже показала, как «простые люди» постепенно отвоёвывают себе место под солнцем, повышая свой статус: креативный класс оказался по большей части бесполезен, а на первый план вышли курьеры, кассиры, медсестры, пожарные, разного рода малооплачиваемые специальности, которые реально обеспечивают жизнедеятельность общества²⁰.

В связи с распространением «популизма», под которым понимают, прежде всего, критику руководства Евросоюза и иммиграционной политики властей, главный идеолог прекариата Гай Стэндинг предложил свой взгляд на участие этого социального класса в продвижении антиэлитизма и национализма (Стэндинг написал об этом в 2019 г., но его выводы сегодня звучат даже более остро). Он разделил прекариат на три группы: 1) атависты — те, кто оглядывается назад на реальное или воображаемое потерянное прошлое; 2) ностальгирующие, те, у кого нет настоящего, нет дома, в основном — мигранты и меньшинства; 3) прогрессисты, молодые люди, которые не видят будущего, обещанного им элитами. В этой конструкции наиболее «отсталой» частью являются, безусловно, атависты, которые, по мнению Стэндинга, и поддерживают таких политиков как Дональд Трамп, Борис Джонсон, Маттео Сальвини, Марин Ле Пен, Виктор Орбан и Тьерри Бодэ. Ностальгирующая часть, скорее, находится вне политики и лишь иногда восстаёт,

²⁰ *Guilluy Christophe. Le temps des gens ordinaires. Paris: Flammarion, 2021.*

защищая свои права. Прогрессисты же разочарованы в социал-демократии, но им более близка экологическая повестка²¹.

Объединяет достаточно разрозненные «отверженные» социальные группы, чаще всего, именно мировоззренческая повестка, через которую они могут опосредованно заявить о своих проблемах и интересах. На фоне слабой интеграции в социальную систему исследователи, в том числе те, кто анализируют электоральную базу популистских партий, находят у «отверженных» кризис идентичности и патерналистскую ориентацию. Жвйтиашвили отмечает: «У андеркласса кризис идентичности связан с тем, что попадающие в иную культурную и цивилизационную среду нелегальные иммигранты испытывают психологический и культурный диссонанс. У NEET и прекариата кризис идентичности вызван прежде всего либо отсутствием, либо низким уровнем занятости. У них фактически отсутствует профессиональная идентичность»²². Однако, по существу, все низкостатусные группы объясняют отсутствие профессиональной идентичности или же неудовлетворённость ею фрустрацией перед инокультурным либеральным обществом (иммигранты) и той же фрустрацией перед либеральным обществом и элитами, разрушающими суверенитет и идентичность, которую испытают уже все «отверженные» категории.

В целях выживания все эти многообразные группы, выпадающие из полноценного инклюзивного общества Европейской социальной модели, пытаются добиться доступа к материальным ресурсам неэкономическими способами, в том числе через активизацию политики протеста и политики идентичности, в том время как элиты ведут общество к рентному капитализму с его новым антагонизмом²³.

На фоне происходящих структурных социальных изменений и, прежде всего, трансформации занятости и роста политических противоречий в обществе, исследователи выстраивают новые

---

²¹ *Standing G.* (2019) A New Class For a New Age: the Dawn of the “Precariat”. Friends of Europe. 17.09.2019. <https://www.friendsofeurope.org/insights/a-new-class-for-a-new-age-the-dawn-of-the-precariat>

²² *Жвйтиашвили А.Ш.* Новые социальные группы на Западе: общее и особенное // *Власть*. 2016. Т. 24. № 1. С. 118–124.

²³ *Мартьянов В.С.* Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // *Социологические исследования*. 2016. № 10. С. 139–148; *Давыдов Д.А.* Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? // *Социологические исследования*. 2021. № 6. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250014309-2

классификации. В них учитываются как экономические интересы разных социальных категорий, так и их ценностные предпочтения. К примеру, авторы монографии «Социальный класс в Европе» отмечают, что в процессе европейского строительства различия между отдельными классами стали только больше, а неравенство разных регионов, Северной и Западной, Южной и Восточной Европой только увеличивается. Новую классовую структуру исследователи представляют себе так: рабочий класс (в среднем 43% по Европе) – низкоквалифицированный и высококвалифицированный, работники физического труда и «белые воротнички» (медсестры, IT-специалисты и т.д.); средний класс (в среднем 38% по Европе) – на стыке рабочего класса и доминирующего, класс как государственного, так и частного секторов; доминирующий класс – те, кто связаны с властью и финансовым капиталом, а также с «глобально привилегированной группой», то есть это могут быть культурная элита, журналисты, адвокаты и т.д.

По мнению авторов «Социального класса в Европе», политически в ЕС представлены почти только представители доминирующего класса. Средний класс даже больше представлен в профсоюзах, чем рабочий класс. Трудно найти политику ЕС, которая бы благоприятствовала рабочему классу. Это отражается в электоральном поведении других классов. К примеру, 57% руководителей высшего звена и специалистов на референдуме в Британии в 2016 г. проголосовали за то, чтобы «остаться», по сравнению с 36% работников физического труда, низкоквалифицированных рабочих и неквалифицированных работников физического труда, проголосовавших также. Аналогичная демографическая ситуация наблюдается на европейских референдумах в Ирландии и во Франции. На референдуме по греческому меморандуму в 2015 г.²⁴ врачи, юристы и инженеры проголосовали за сделку «Тройки», в то время как 72% безработных проголосовали против. Левые партии, да и руководство Евросоюза, по мнению исследователей, оказались в ловушке между высокими ожиданиями, предъявляемыми социальной Европой, и неспособностью их удовлетворить²⁵.

---

²⁴ 5 июля 2015 г. в Греции состоялся референдум, на котором греки решали, следует ли правительству Греции принять фискальные меры, предложенные Европейским Союзом, Международным валютным фондом и Европейским центральным банком или нет.

²⁵ Social Class in Europe. New Inequalities in the Old World. By Etienne Pensat, Alexis Spire and Cedric Hugree. Published by Verso. 2020. P. 224.

Несоответствие представлений о социальном составе общества в традиционных концепциях и в реальности становится проблемой, которая все больше отражается в политической сфере. Социологические опросы фиксируют в Британии разрыв между элитами и массами, отчуждение между социальными слоями, падение социальной мобильности²⁶. В результате проведенного в 2015 г. в Британии социологического исследования классы были определены по следующим параметрам: экономическим (доход, сбережения, недвижимость), социальным (связи и круг общения) и культурным (интересы и способы времяпровождения). Было предложено разделить общество на семь категорий: 1) элита, 2) устойчивый средний класс (*established middle class*), самый многочисленный (25%), 3) технический средний класс, относительно состоятельный, но социально отчуждённый и культурно апатичный, 4) новые состоятельные работники, в меньшей степени состоятельные, но социально активные, 5) традиционный рабочий класс (15%), немолодой и несостоятельный, 6) работники сфер обслуживания, бедные, но с высоким социальным капиталом, 7) прекариат или прекарный пролетариат, бедный и с самым низким социальным и культурным капиталом²⁷. Исследование выявило целый ряд разнородных групп, которые так или иначе неудовлетворены своим положением в обществе и в обычных опросах о социальной политике их голоса сливаются со средними показателями и остаются неустраиваемыми.

Анализ социологических опросов, проведенных в Евросоюзе в 2000–2010-х гг., показал, что у различных социальных классов существуют разные ценностные и политические ориентации, что само по себе вполне естественно. Однако различия проходят как раз по тем элементам, которые считаются лидерами Евросоюза частью общей европейской идентичности, общих ценностей, лежащих в основе европейской идеи. Сами классы сохраняют свои ценностные различия, что также стало требовать доказательств. К примеру, рабочий класс вопросы экологии и гендерного равенства волнуют в меньшей степени, чем средний класс и молодёжь²⁸.

---

²⁶ Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 75.

²⁷ Devine Fiona & Snee Helene. Doing the Great British Class Survey // The Sociological Review. 2015. 63 (2). 10.1111/1467-954X.12282.

²⁸ Hylmö A., Wennerhag M. Does class matter in protests? Social class, attitudes towards inequality, and political trust in European demonstrations in a time of economic crisis. Conference paper: 2012 SISP, Rome. URL: https://www.researchgate.net/publication/260619114_Does_class_matter_in_protests_Social_class_attitudes_

Предпосылки социально-политических различий между классами и европейскими регионами отмечались в трудах учёных с середины 2000-х гг. В частности, на основании Европейского социального исследования (ESS) было выявлено, что профессионалы и менеджеры по классификации ESS в большей степени склонны к ценностям открытости и самореализации, а низкоквалифицированные служащие и индустриальные рабочие (*routine employees and industrial workers*) более консервативны и склонны к патернализму. Меньшее количество профессионалов и менеджеров почти всегда означает большее количество низкоквалифицированных и индустриальных рабочих. Профессионалов и менеджеров меньше 20% (на 2006 г.) в Италии, Ирландии, Португалии, Греции, Венгрии и Польше. Число низкоквалифицированных рабочих варьируется от 24% в Греции и 27,2% в Испании до 37,7% в Соединённом Королевстве и 38,2% в Австрии, 20,8% для Польши и 35% для Норвегии, при этом Португалия занимает промежуточное положение. По числу индустриальных рабочих наибольший контраст наблюдается между Голландией (15,2%) и Испанией (35,0%), Венгрией (41,2%), причём Португалия находится очень близко к Испании. Если сокращение численности рабочих является неоспоримым фактом во всех странах, то в Южной и Восточной Европе они сохраняют своё место в классовой структуре, к примеру, в Венгрии, Чехии, Словении, Польше, Испании и Португалии²⁹.

Последующие исследования показали, что «неразборчивое использование термина «популизм» для определения политических партий может способствовать отрицанию в качестве демагогических законных требований социально обездоленных, неявно исключая их из демократического процесса»³⁰. Служащие и низкоквалифицированные работники, индустриальные и сельскохозяйственные рабочие являются основными сторонниками популистов в Австрии, во Франции и в Нидерландах (выводы сделаны на основании Европейского социального исследования, ESS8, 2016). В других странах служащие и низкоквалифицированные работ-

---

towards_inequality_and_political_trust_in_European_demonstrations_in_a_time_of_economic_crisis (accessed: 01.08.2022).

²⁹ Almeida Joo & Machado Fernando & Costa Antonio. Social Classes and Values in Europe // Portugese Journal of Social Sciences. 2006. 5. 95–117. 10.1386/pjss.5.2.95_1.

³⁰ Casanova José & Almeida Joo. When democracy incubates inequality and heteronomy: authoritarianism and nationalism in the European Union // Sociologia Problemas e Práticas. 2021. DOI: 10.7458/SPP20219621001.

ники не так заметны в голосовании за популистов (тем не менее они находятся на втором месте в Финляндии и Германии), но индустриальные и сельскохозяйственные работники всегда преобладают среди избирателей. Сумма индустриальных и сельскохозяйственных рабочих и служащих и низкоквалифицированных работников почти всегда превышает 50% среди поддерживающих популистов, за исключением Франции (48,8%).

Исследователи объясняют подобное поведение «рабочего» электората падением доверия к политическим институтам, неудовлетворённостью демократией. Истоки недовольства также кроются в противоречиях данных социальных категорий между ожиданиями растущего равенства возможностей и социальной интеграции, институционально поощряемыми в ЕС, и реальностью растущего неравенства, снижения социальной мобильности и социальной изоляции для социально отчуждённых. Корректирует голосование за правых и крайне правых молодое поколение, поддерживающее экологическую тематику и развитие общества знаний, результатом которого является рост интеллектуальных и квалифицированных технических работников³¹.

Проявлением противостояния различных социальных категорий в идеологической сфере стала и культурная теория Р. Инглхарта и П. Норриса. Учёные объяснили рост возмущения в обществе и всплеск популизма естественной реакцией консервативных кругов на быстро меняющийся постмодернистский мир. Причём, по их мнению, консерваторам старшего возраста противостоят миллениалы с либеральными постматериалистическими ценностями³². Инглхарт, главный методолог Европейского исследования ценностей, и Норрис, по сути, заявили о наличии «неправильной» и «отсталой» части общества по сравнению с теми, кто стремится к глобальному прогрессу, хотя это объяснение вряд ли способно сделать Европейскую социальную модель более справедливой и демократичной.

---

³¹ *Casanova José & Almeida Joo*. When democracy incubates inequality and heteronomy: authoritarianism and nationalism in the European Union.

³² *Inglehart R., Norris P.* Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Работающие бедные в ЕС

Исследование социальной базы движений, критикующих Евро-союз и высказывающих своё недовольство политикой общеевропейских и национальных элит, часто создаёт впечатление о несущественности и маргинальности этого протеста. Однако популистские партии и движения аккумулируют чаяния лишь части бедных и социально отчуждённых, которые таким образом могут выразить свои требования и донести их до руководства ЕС. Необходимо проанализировать, насколько в действительности велико в Евросоюзе число отчуждённых и подверженных риску потерять работу, перейти в категорию бедных.

Прежде всего основой недовольства является широкий слой бедного населения, социально незащищённого, то есть де факто не являющихся получателями разного рода благ в рамках европейских программ (или по крайней мере, эти программы, помогая людям выжить, не выводят их из бедности) и выгодополучателями Европейской социальной модели (ЕСМ). Меры социальной поддержки, кроме пенсий, лишь на треть помогают сократить риск бедности. Учитывая ту высокую планку, которую задаёт Европейская опора социальных прав, эти цифры достаточно велики и говорят о том, что «всеобщее благосостояние» в ЕС присутствует в ограниченной мере. Основным инструментом борьбы с социальным отчуждением и бедностью в ЕС является повышение уровня занятости и её качества. Для нас важно обратить внимание именно на работающих, а не просто на деклассированных бедных и безработных, так как, *во-первых*, работающие обладают определёнными экономическими интересами и запросами; *во-вторых*, они являются социально и политически активной частью общества; *в-третьих*, депривация работающих является наиболее острой проблемой в «государстве благосостояния», где трудящийся уж точно в теории должен жить достойно. Именно этот слой работающих составляет низший средний и низший классы.

На 2020 г. риску бедности подвержены 96,5 млн чел., то есть почти 22% всего населения ЕС, почти 7% испытывают сильные социальные лишения, 2% населения старше 16 лет лишены медицинской помощи³³. Между тем десятая часть занятых также

³³ Eurostat, One in five people in the EU at risk of poverty or social exclusion. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/edn-20211015-1> (дата обращения: 15.08.2022).

находится под угрозой бедности. Лиц, подверженных риску бедности или социального отчуждения по роду занятости (население в возрасте 18 лет и старше) по состоянию на 2020 г. больше, чем в среднем по ЕС (более 21,1%) среди населения в целом в Италии, Греции, Эстонии, Латвии, Литве, Болгарии, Румынии (для сравнения: в ведущих странах ЕС в Германии и Франции – 20 и 18% соответственно). Среди всех занятых больше, чем в среднем по ЕС (более 11,3%) в Болгарии, Греции, Испании, Люксембурге, Испании, Венгрии, Португалии, Румынии (в Германии и Франции по 10%).

Наибольший процент бедных среди занятых, за исключением служащих, это люди, работающие самостоятельно, на себя. Казалось бы, именно эта часть общества должна была составлять часть среднего класса, но, по сути, они принадлежат к нищающему мелкому бизнесу или составляют самозанятый прекариат. Таких бедных среди занятых, за исключением служащих, больше, чем в среднем по ЕС (более 22,6%) в Эстонии, Греции, Испании, Латвии, Польше, Португалии, Румынии (более 60%). Даже в ведущих странах ЕС Германии и Франции – их число, соответственно, 15 и 19% (см. табл. 9.1).

Поскольку больше всего в ходе кризисов страдают работники с нерегулярной занятостью, то необходимо представить, сколько такого рода работающих, которые потенциально являются прекариатом. Предположение, что они могут стать прекарными занятыми обусловлено тем, что под прекариатом чаще всего имеется в виду нестабильная занятость, но некоторые работники могут быть вполне стабильно и постоянно частично заняты. Таким образом, получается, что одна пятая работающих в Евросоюзе подвержена риску потерять работу или стать беднеющими прекариями (см. табл. 9.2).

Особо стоит обратить на одну из категорий, которая выделена в исследовании Евростата. Это частично занятые с неудовлетворенной занятостью, которые, с одной стороны, работают неполный рабочий день, но хотели бы работать дополнительные часы и могут это сделать. С другой стороны, это люди, работающие формально полный день, но не имеют достаточного объема работы, а значит, не имеют и достаточного дохода³⁴. Это своего рода прекариат поневоле, которые под определение прекариата не подпада-

---

³⁴ Glossary. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Underemployed_part-time_worker

ют, но им де факто являются (респонденты в рамках опроса самостоятельно определяют, насколько они могли бы быть заняты).

Лучше всего «прекарное» состояние в сфере занятости в целом характеризует такой индикатор Евростата, как ослабленный рынок труда (*labour market slack*). В 2021 г. 31,2 млн чел. в ЕС столкнулись с неудовлетворенным спросом на трудоустройство, что соответствует 14% от расширенной рабочей силы (*extended labour force*). Показатель ослабленного рынка труда включает в себя: безработных, частично занятых с неудовлетворенной занятостью, людей, ищущих или же нашедших работу, но не сразу приступающих к работе (или не способных это сделать сразу), а также людей, способных, но не ищущих её.

Для выявления ослабленного рынка труда используется понятие расширенного рынка труда, который включает в себя безработных и занятых, а также упомянутые дополнительные показатели безработицы (ищущие, но не работающие, способные работать, но не ищущие). Тенденция к ослаблению рынка труда была характерна для ЕС с 2009 по 2019 г. Из-за пандемии коронавируса спрос на трудоустройство снизился с 14,9 % в 2020 г. до 14% в 2021 г. (в 2009 г. он составлял 16,2%). По оценкам Евростата, спад на рынке труда с 2020 г. был вызван, главным образом, увеличением числа людей, которые могут работать, но не ищут ее, что было связано с карантином и тем, что поиск работы не мог дать положительного результата³⁵.

Большой процент ослабленного рынка труда, чем в среднем по ЕС (более 13,4) – в Ирландии, Греции Испании, Франции, Италии, Кипре, Латвии, Финляндии, Швеции, Исландии, Швейцарии, Сербии. Самый высокий процент – в Италии (22,5), Греции (22,1) и Испании (23,6). Для сравнения в Германии – 7,5 (см. табл. 9.3).

Украинский кризис продемонстрировал общую тенденцию – любой кризис затрагивает, прежде всего, низший и низший средний класс, бедных работающих, в том числе прекариат. Последствия санкций сразу отразились на социально незащищённых слоях населения и работниках физического труда, которые вместе с домохозяйками и безработными заявили, что уже ощутили ухудшение условий жизни. Практически все работающие раз-

³⁵ Labour market slack – annual statistics on unmet needs for employment. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Labour_market_slack_-_annual_statistics_on_unmet_needs_for_employment

Таблица 9.1

**Лица, подверженные риску бедности или социального отчуждения
по роду занятости (население в возрасте 18 лет и старше),
ЕС (27 стран, с 2020 г.), %**

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Население в целом	23,2	22,9	21,8	21,2	20,7	21,1
Среди всех занятых	13,1	12,7	12,1	11,5	11,1	11,3
Среди занятых за исключением служащих (самозанятые, работодатели, работники в семейном бизнесе)	26,1	25,8	24,9	23,3	22,6	22,6

Источник: Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_PEPS02N_custom_2968220/default/table?lang=en

Таблица 9.2

**Частично занятые и работающие по временным контрактам,
ЕС (27 стран, с 2020 г.), с 20 до 64 лет (% от всех работающих)**

Тип занятости	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Примечания
Работники с частичной занятостью	19	18,9	18,6	18,7	17,2	17,2	На 2021 г. более 20% в Бельгии, Дании, Германии, Нидерландах, Австрии, Норвегии, Швейцарии.
Занятые по временным контрактам	12,5	12,6	12,5	12,0	10,9	11,2	На 2021 г. средний процент по ЕС превышен в Испании, Франции, Хорватии, Италии, Кипре, Нидерландах, Польше, Португалии, Финляндии, Швеции, Сербии.
Частично занятые с неудовлетворённой занятостью	4,8	3,7	3,4	3,1	3,2	3,1	На 2021 г. средний процент по ЕС превышен в Бельгии, Ирландии, Греции, Испании (6,3%), Франции, Кипре, Финляндии, Швеции, Швейцарии (6,2%).

Источник: Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/LFSI_PT_A_custom_3019178/default/table?lang=en

Таблица 9.3

**Ослабленный рынок труда, с 20 до 64 лет
(% от участников расширенного рынка труда)**

	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Европейский Союз (27 стран, с 2020 г.)	16,6	15,3	14,0	13,0	14,2	13,4
Евროзоны (19 стран, с 2015 г.)	18,2	17,0	15,7	14,7	16,0	15,0

Источник: Eurostat, URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/LFSI_SLA_A_custom_3020014/default/table?lang=en

ных категорий отметили, что ситуация и далее будет ухудшаться (см. табл. 9.4).

Ожидаемо, что работники физического труда в отличие от менеджеров и белых воротничков отметили, что не готовы к последствиям санкций в отношении России (см. табл. 9.5).

Таблица 9.4

Размышляя о вашем личном уровне жизни (например, о товарах и услугах, которые вы можете себе позволить), какое из этих утверждений ближе всего подходит к вашей личной ситуации? (%)

Социально и профессиональные категории	Ситуация на Украине уже сказалась на условиях жизни и будет ухудшаться	Ситуация на Украине пока не сказалась на условиях жизни, но будет ухудшаться	Ситуация на Украине не скажется на условиях жизни
Самозанятые	35	51	13
Менеджеры	30	53	15
Другие белые воротнички	38	50	11
Работники физического труда	47	42	9
Домохозяйки	50	37	11
Безработные	52	37	8
Пенсионеры	42	47	10
Студенты	29	50	18

Источник: The Spring 2022.EB 97.3. European Parliament Eurobarometer survey. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2792>

Таблица 9.5

Насколько вы готовы к следующим последствиям санкций в отношении России? (%)

Социально и профессиональные категории	Повышение цен на продукты	Повышение цен на энергоносители
Самозанятые	44	45
Менеджеры	55	55
Другие белые воротнички	43	42
Работники физического труда	32	32
Домохозяйки	27	26
Безработные	22	23
Пенсионеры	40	41

Студенты	40	41
----------	----	----

Источник: The Spring 2022.EB 97.3. European Parliament Eurobarometer survey. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2792>

Помимо проблем с низким уровнем жизни среди выявленных занятых существует также неучтённая или неправильно классифицированная рабочая сила, которая не обладает трудовыми правами и социальной защитой. Такой сферой, к примеру, оказались работники цифровых платформ. Их численность в ЕС — более 28 млн чел., а к 2025 г. прогнозируется увеличение до 43 млн. По данным Еврокомиссии, 5,5 млн работников платформ неверно считаются самозанятыми. В 2021 г. была объявлена законодательная инициатива по улучшению условий их труда и включения её в план действий в рамках Европейской опоры социальных прав³⁶. Руководство Евросоюза, безусловно, обращает внимание на возникающие провалы в социальной сфере, но основа не только и не столько для неравенства (как естественного состояния общества), но для социального отторжения или исключенности (как особой категории социальной политики ЕС³⁷) и противостояния разных частей общества всё равно остаётся.

Новые кливажи

Отталкиваясь от концепции кливажей/размежеваний (*cleavages*) С.М. Липсета и С. Роккана³⁸, можно выделить новые формы политических размежеваний³⁹, которые проявились в данных опросах, во взаимном пикировании популистов и лидеров ЕС на

³⁶ Commission proposals to improve the working conditions of people working through digital labour platforms. 9 December 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6605

³⁷ Дериглазова Л.В., Менх В.В., Чепчугова А.П. Проблема социального отторжения в странах ЕС: определение и методы измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. № 2. С. 201–224. DOI 10.21638/spbu06.2021.205. — EDN QСAХNP.

³⁸ Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.

³⁹ Липсет и Роккан выделяют четыре основных вида размежеваний: центр — периферия, государство — церковь, город — деревня, собственники — рабочие.

фоне социально-экономического кризиса, в пандемийных протестах, в демонстрациях против повышения цен вследствие экономических санкций против России. Разделения, которые возникли в западном мире в последнее десятилетие, стали очевидным фактом. Их игнорирование может привести к более глубокому кризису — в том числе и ЕС как объединения. На политические процессы в странах Евросоюза влияют новые формы социальных размежеваний между политической культурой центра (крупных городов) и периферии (провинций), а также между представителями рабочего и низшего среднего классов, с одной стороны, и высшим средним классом — с другой. Большинство исследователей согласны с тем, что классовое и религиозное голосование снижается, однако продолжают споры о том, полностью ли класс и религия утратили свою роль в качестве основания для современных политических конфликтов⁴⁰.

Чтобы увидеть контуры новых идеологических размежеваний, посмотрим, как в опросах, которые проводились европейскими агентствами, представлен разброс мнений по социальным вопросам и оценке деятельности Евросоюза в целом среди различных классов общества.

В целях настоящего исследования остановимся на двух категориях, которые используются в «Евробарометре» и «Евростате» — рабочий класс (*working class*) и нижний средний класс (*lower middle class*). По мнению ряда учёных⁴¹, занятый в промышленности рабочий класс в постиндустриальном обществе представляет собой часть более широкого по составу трудового класса, который включает в себя управленцев, офисных работников, малый и средний бизнес и т.д. Таким образом, новый (по широкому определению) трудовой класс, если использовать классификацию Евробарометра и Европейского социального исследования, в основном и состоит из рабочего класса и нижней части среднего класса. Всего к рабочему и нижнему среднему классу в ЕС-27 себя относит 40% граждан (субъективный рабочий класс)⁴². Большая часть из

⁴⁰ Биссон Л.С., Лункин Р.Н. Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // *Общественные науки и современность*. 2021. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1

⁴¹ Wright E. Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure // *Politics & Society*. 1980. 9 (3). 323–370. DOI: 10.1177/003232928000900303.

⁴² В 2005 г. 41% респондентов в США и 44% в Британии ответили, что принадлежат к рабочим, в Германии таких было 26%, что совпало с численностью номинального рабочего класса, тогда как в Британии и США объектив-

них (50% и более) проживает в Болгарии, Греции, Испании, Венгрии, Польше, Португалии.

Социальное недовольство в ЕС, как показывают опросы Евростата и Евробарометра, сконцентрировано в наибольшей степени в среде рабочего и нижнего среднего класса, которые в одинаковой степени не удовлетворены последствиями глобализации, иммиграции, в меньшей степени привержены неолиберальным ценностям, больше всего озабочены социальным неравенством и безработицей. Обсуждать будущее Европы данные классы предпочли бы со своей семьёй и гражданами других стран ЕС, чем с партиями и политиками. Вопросы безработицы, социальной защиты и миграции все классы хотят решать одновременно на европейском и национальном уровнях⁴³, что представляет собой общественный запрос для выработки единой политики ЕС и соответствует задачам европейской опоры социальных прав. При этом рабочий и нижний средний класс в меньшей степени, чем остальные классы, ассоциирует себя с Европейским Союзом и даже с Европой, предпочитая национальный уровень⁴⁴.

Проведённое в 2010-е гг. исследование об участии представителей разных социальных классов в демонстрациях и других публичных акциях в странах ЕС достаточно ясно показало мировоззренческий раскол. Рабочий класс меньше всего интересуется проблемами климата, гендерного равенства и права меньшинств. Данная часть общества наиболее активно принимает участие в манифестациях по вопросам безработицы, оплаты труда, защиты демократии в целом. Больше всего ценностей либеральной демократии придерживаются представители высшего среднего класса, который поддерживает «зелёную экономику», защиту прав различных меньшинств, открытость иммиграционной политики. Согласно анализу мнений участников разных акций, в соответствии с их профессиональной принадлежностью, те же вопросы менее всего волнуют рабочих на производстве и технических служащих,

---

ного рабочего класса оказалось меньше. (*Жвиташвили А.Ш.* Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 34–41).

⁴³ Future of Europe, Fieldwork Date, October 2020. November 2020. March 2021 (<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2256>).

⁴⁴ Standard Eurobarometer 82 Autumn 2014 EUROPEAN CITIZENSHIP REPORT. Fieldwork: November 2014. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2041>

а больше всего – менеджеров среднего звена и студентов, людей творческих специальностей⁴⁵.

Опросы Евробарометра демонстрируют последовательное противостояние рабочего и низшего среднего класса высшему и высшему среднему классу. Важность социальной политики – её приоритеты – понимаются по-разному (табл. 9.6, 9.7), хотя на уровне руководства ЕС предполагается, что социальная справедливость и равные возможности – это общепризнанная европейская ценность.

Таблица 9.6

Что важнее всего для социально-экономического развития ЕС?

Принадлежность к социальному классу	Равные возможности и доступ к рынку труда	Справедливые условия труда	Доступ к квалифицированной медицинской помощи
Рабочий класс	52	52	46
Низший средний класс	47	46	43
Средний класс	44	43	40
Высший средний класс	44	40	30
Высший класс	40	30	36

Источник: Special Eurobarometer 509. "Social Issues" Report. March 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2266>

Таблица 9.7

Насколько социальные права являются серьёзной проблемой сегодня в ЕС?

Принадлежность к социальному классу	Это не является серьёзной проблемой	Это серьёзная проблема
Рабочий класс	21	76
Низший средний класс	27	71
Средний класс	27	71
Высший средний класс	35	64
Высший класс	35	65

⁴⁵ Hylmö A., Wennerhag M. Does Class Matter in Protests? Social Class, Attitudes Towards Inequality, and Political Trust in European Demonstrations in a Time of Economic Crisis / 2012 SISP Conference. https://www.researchgate.net/publication/260619114_Does_class_matter_in_protests_Social_class_attitudes_towards_inequality_and_political_trust_in_European_demonstrations_in_a_time_of_economic_crisis

Источник: Special Eurobarometer 509. "Social Issues" Report. March 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2266>

Акценты на гендерном равенстве и равных возможностях чужды рабочему классу, но воспринимаются высшим классом как часть политики продвижения европейских ценностей ради будущего Европы (см. табл. 9.8). Выгоды от равных возможностей для рабочего класса явно не так очевидна, как для высших классов.

Таблица 9.8

В каких направлениях национальное правительство должно предпринимать действия ради будущего Европы? (%)

Принадлежность к социальному классу	Создание рабочих мест	Гендерное равенство	Равные возможности
Рабочий класс	27	10	9
Низший средний класс	23	12	12
Средний класс	23	15	13
Высший средний класс	22	14	19
Высший класс	20	19	22

Источник: Special Eurobarometer 509. "Social Issues" Report. March 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2266>

Отношение к иммиграции и разным категориям мигрантов также разделило общество и отдельные страны ЕС. Эта тематика прямо связана с европейскими ценностями, с пониманием открытости и равных возможностей руководством ЕС. Миграционный кризис широко использовался правопопулистскими партиями и движениями, однако это лишь в очень ограниченном масштабе помогло им добиться электоральных результатов. Объяснение этому можно найти в Евробарометре, посвящённом иммиграции (данные конца 2021 г.). Согласно исследованию, подавляющее большинство населения всех социально-профессиональных категорий не испытывает никакой ненависти к иммигрантам и готово их видеть друзьями, соседями, коллегами и т.д. Вместе с тем работники физического труда и безработные видят в иммиграции не только возможность, но и проблему одновременно, и в большей степени, чем менеджеры и белые воротнички. Помимо этого, интересно, что высший и высший средний класс полагают, что ситуация с иммигрантами улучшилась и в сфере образования мигрантов

и их детей и повышения уровня жизни, тогда как рабочий класс и низший средний класс такого улучшения положения не видят⁴⁶.

Из опросов можно сделать вывод, что для большинства трудящихся в ЕС негативное отношение к иммигрантам и к политике их принятия связано не с национализмом и ксенофобией, а с социально-экономическими причинами. В частности, «обедневший средний класс, жители депрессивных районов видят в иммигрантах из других стран ЕС (прежде всего из Восточной Европы), а теперь ещё и беженцах из далёкого ближневосточного региона конкурентов на рынке труда, за получение социальных пособий»⁴⁷. Наряду с этим, мигранты наглядно демонстрируют небогатым работающим европейцам неоднозначные последствия глобализации и понимания европейских ценностей.

В публицистике и научной литературе рассуждения о противостоянии тех, кто выиграл или тех, кто проиграл от глобализации, стали общим местом. Восприятие глобальных процессов как далеко не во всем позитивных, частично негативных, является вполне осознанным мнением рабочего и низшего среднего класса, а поддержку открытости и глобализации исповедует высший класс (см. табл. 9.9, 9.10).

Таблица 9.9

Отношение к вхождению в еврозону и к свободной торговле

Принадлежность к социальному классу	Вхождение в еврозону для моей страны было только позитивным	Вхождение в еврозону для моей страны было только негативным	Свободная торговля приносит только позитивное	Свободная торговля приносит только негативное
Рабочий класс	40	43	65	20
Низший средний класс	43	43	74	19
Средний класс	60	28	81	14
Высший средний класс	73	19	85	13
Высший класс	81	14	88	9

Источник: Standard Eurobarometer 96 - Winter 2021-2022. April 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553>

⁴⁶ Integration of Immigrants in the European Union. Report. June 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2276>

⁴⁷ Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 75.

Среди рабочего класса большой процент тех, кто не знает, приносит ли свободная торговля что-то позитивное или же негативное (15%). По поводу глобализации 17% из этой категории не определились с ответом, а по поводу протекционизма – 23%.

Таблица 9.10

Отношение к глобализации и протекционизму

Принадлежность к социальному классу	Отношение к глобализации позитивное	Отношение к глобализации негативное	Отношение к протекционизму позитивное	Отношение к протекционизму негативное
Рабочий класс	47	36	40	37
Низший средний класс	53	38	45	42
Средний класс	64	30	44	46
Высший средний класс	74	23	36	59
Высший класс	71	22	35	60

Источник: Standard Eurobarometer 96 – Winter 2021-2022. April 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553>

Расхождения в понимании социальной, иммиграционной, экономической политики приводят рабочий и низший средний класс к сомнениям в демократической системе Евросоюза (см. табл. 9.10), поскольку фактически они не могут внести коррективы в незыблемый свод европейских ценностей, определяемый Еврокомиссией как фундамент европейской идентичности. Вместе с тем стоит признать, что жёсткого антагонизма между различными классами не наблюдается. Скорее, речь идёт об иной иерархии ценностей, о приоритетности тех или иных направлений. К примеру, почти никто не отрицает необходимости гендерного равенства, но для значительной части общества (в данном исследовании частично выявленного в виде рабочего и низшего среднего класса) проблемы гендера имеют лишь косвенное отношение к трудовым правам, а доведение гендерной политики до абсурда с введением строгих квот при трудоустройстве и ЛГБТ-тематикой неприемлемо. В силу иного представления о жизненно важных приоритетах и европейские ценности для рабочего и низшего среднего класса оказываются на втором месте после уровня жизни (см. табл. 9.13).

Таблица 9.11

Отношение к демократии в ЕС (%)

Принадлежность к социальному классу	Полностью удовлетворён, как работает демократия в ЕС	Полностью не удовлетворён, как работает демократия в ЕС	Интересы моей страны полностью учитываются в ЕС	Интересы моей страны не учитываются в ЕС
Рабочий класс	46	46	47	42
Низший средний класс	47	47	50	42
Средний класс	59	37	62	32
Высший средний класс	65	33	70	26
Высший класс	71	28	67	32

Источник: Standard Eurobarometer 96 – Winter 2021-2022. April 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553>

Таблица 9.12

Европейские ценности или уровень жизни?

Социально и профессиональные категории	Защита европейских ценностей (свободы и демократии) приоритетнее, чем цены и уровень жизни	Поддержание цен и уровня жизни приоритетнее, чем защита европейских ценностей (свободы и демократии)
Самозанятые	62	37
Менеджеры	68	30
Другие белые воротнички	60	38
Работники физического труда	54	45
Домохозяйки	49	47
Безработные	50	46
Пенсионеры	60	37
Студенты	65	32

Источник: The Spring 2022.EB 97.3. European Parliament Eurobarometer survey. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2792>

Данные опросов говорят не только о наличии социально-экономических требований у части населения по отношению к ЕС и к своим национальным правительствам, но и о непонимании или даже неприятии иерархии приоритетов общеевропейского проекта у части общества.

Не оспаривая в полной мере прежние представления о кливажах Липсета и Роккана, которые в разной степени сохранили своё

значение, стоит отметить, что усложнение структуры постиндустриального общества и процессы глобализации усложнили и сами кливажи. Размежевания *центр – периферия, государство – церковь, город – деревня, собственники – рабочие* остались как своего рода вечные архетипы противостояний, модели, которые в разных модификациях и с разным наполнением будут проявляться всегда. При этом социально-политические идейные размежевания, определяющие партийно-политические и широкие общественные дискуссии, стали чрезвычайно многообразными.

В социальной сфере современного постиндустриального общества на примере Евросоюза можно выделить следующие кливажи.

Сторонники традиционной занятости и форм труда против нетрадиционной. Это более широкое определение, чем просто атипичная или нестандартная занятость, поскольку связана и с изменениями условий труда, с цифровизацией всех сфер жизни, с вытеснением полной занятости и т. д. Исходя из характера трудовой активности можно разделить общество на тех, кто в основном занят физическим трудом и работает оффлайн и тех, кто работает в виртуальном пространстве. Своеобразный «оффлайн класс» в своей трудовой деятельности связан с физическим трудом и усилиями, даже если он трудится руками онлайн через гаджеты или комбинированно, как доставщики еды. При этом элита является онлайн-классом, так как по большей части управляет бизнесом, общественными или государственными структурами в онлайн-формате. Физический труд в целом характеризует и те слои, которые высказывают недовольство своим социальным положением и мировоззрением Евросоюза. Проблемы цифровизации, как и то, как будет выглядеть труд и занятость в будущем, является одной из самых обсуждаемых тем в мире, в том числе в ЕС.

Сторонники границ против сторонников открытости. Проблема соблюдения границы возникает в самых разных политических модификациях – пускать в страну иммигрантов или нет, открывать рынок труда или нет, делать экономику глобальной или идти по пути протекционизма, отстаивать суверенитет и идентичность страны, общества, культуры или следовать «общечеловеческим ценностям» и «западным стандартам жизни». Логически из привязки к физическому труду вытекает приверженность национальному производству, экономическому суверенитету и их противопоставленность тем, кто исповедует принципы глобализированной экономики. Возникает противостояние сторонников и противников глобализации в социально-экономической сфере (глобализи-

рованную культуру потребления или поп-культуру наряду с этим воспринимает почти всё общество). Вопрос о том, до какой степени надо быть открытыми, возникает и при проведении политики социальной инклюзивности для женщин, ЛГБТ, «дискриминируемых» национальностей.

Сторонники консервативной морали против этики морального релятивизма. Вопросы морали и сохранения идентичности вышли на первый план, хотя они прямо и не влияют на уровень жизни населения, потому что они стали символическими. Нивелирование семейных ценностей и ЛГБТ-тематика — своеобразный спусковой крючок. Со стороны политиков провозглашение неолиберальных ценностей политкорректности почти всегда означает открытие страны для иммигрантов и уменьшение протекционизма для своей рабочей силы, а также модернизацию институтов и производств, цифровизацию без учёта национальных интересов.

Рабочий класс, в принципе, более консервативен, чем элита, беднейшим слоям населения менее понятна риторика европейских правящих кругов по поводу защиты многочисленных меньшинств и прав иммигрантов, что является вполне естественной реакцией тех, кто не видит выгоды от крайней политкорректности. Однако по мере того, как растёт социальное недовольство и ощущение отчуждённости от принятия решений в Евросоюзе, возникает все более тесная связка экономических требований и идеологии. Всплеск правового популизма в европейских странах показал, что довольно значительная часть общества в зависимости от страны выступает против идеологии либеральной демократии, а не просто с критикой отдельных положений европейского проекта. По сути, евроскептицизм, который руководство Евросоюза считало главной опасностью, был одной из ступеней к более широкому и глубокому идейному противостоянию, а не стремлением разрушить Европейский Союз. Сложность оценки параметров и глубины идеологической борьбы состоит и в том, что в каждой европейской стране своё восприятие традиции и идентичности, где-то более, а где-то менее либеральное с различным набором параметров.

Намеченные контуры кливажей, не отменяющие прежних, помогают понять, каково ядро того социального слоя, который стал самым недовольным в социальном смысле в Европе. Его облик определяют физический труд, приверженность протекционизму и традиционное сознание. Эти качества были исторически присущи крестьянскому сословию и сейчас вернулись на новом

уровне и в новых модификациях, когда неолиберализм зашёл слишком далеко в своих притязаниях — в демонстрации идеологических амбиций с опорой в основном на высший класс.

Новый суперкласс, состоящий из рабочих, наёмных служащих, «новых бедных», прекариев можно назвать отверженным классом (прежде всего, в смысле концепции социальной отверженности, тех, кто недостаточно представлен в публичной политике и лишён отдельных социальных благ). Он является проблемой для государства всеобщего благосостояния, его представители недостаточно экономически активны и эффективны, с точки зрения постиндустриальной экономики, и он не может быть в полной мере опорой социальной сплочённости, основанной на принципах либеральной демократии. Вместе с тем это не нищий класс, а работающий, хотя иногда и нерегулярно, и не угнетённый класс в прежнем марксистском представлении, поскольку в рамках современной экономики бизнесу даже выгодно делать наёмных работников частично занятыми, а не усиливать их эксплуатацию. Государства же при этом сталкиваются с наличием большой массы населения, которое все и не может быть и стать чрезвычайно активным и креативным в социально-экономическом смысле, но благосостояние которого надо постоянно поддерживать на определённом уровне.

Политическая проблема в связи с существованием такого отверженного класса состоит в том, что его представления часто входят в противоречие с ценностями либеральной демократии или построения Европы, открытой для иммигрантов, более унитарной, чем коммунитарной, нивелирующей национальные различия. В период кризиса этот класс в ещё большей степени ощущает то, что его интересы игнорируются правящими элитами. Пандемийные меры подчеркнули стремление элит контролировать новых отверженных, сделать их самих менее заметными, по максимуму перевести в онлайн-гетто. Оффлайн-класс разобшён, обладает слишком гетерогенной структурой, но его консолидация может быть делом времени.

Социальное недовольство и протестная мобилизация, вызванные социально-экономическими причинами и ценностными факторами, требуют не только адекватных мер от действующих правительств, но и обновления программных предложений о будущем посткризисной Европы от политических партий. Если идейные и социальные требования недовольных положением дел в ЕС — расширение социальных прав, повышение занятости и уровня жизни, ограничение миграции — не будут учтены, классовый

и ценностный раскол в самом Союзе лишь усугубится, а недоверие к институтам ЕС усилится. В долгосрочной перспективе данная динамика может привести к институционализации протеста и появлению новых партий либо к трансформации программ традиционных партий, вынужденных более ответственно подходить к пониманию социальной солидарности, справедливости и социального диалога.

Глава 10. Социальные размежевания и перспективы новых социально- политических конфликтов

А. Рожин

Суть социального размежевания и сопутствующих конфликтов

Пандемия COVID-19 затронула практически все страны мира и продолжается уже несколько лет. Она сформировала в обществе условия большой неопределённости и напряжения как в отношении эпидемиологической угрозы, так и экономической нестабильности. Общественность крайне остро отреагировала на совокупность данных факторов. В таких условиях наибольший интерес представляют изменения социальных настроений граждан. Ценности, восприятие государственной политики, доверие к общественным институтам и социальный протест составляют предмет нашего исследования, цель которого заключается в определении динамики доверия в европейском обществе и анализе социальных размежеваний и их конфликтного потенциала.

В европейском обществе линии социально-политических конфликтов проходят по целому ряду аспектов: коронавирусная политика ЕС и отдельных государств, гражданские права и экономическое благосостояние (рост цен на товары первой необходимости и большие темпы инфляции не соответствуют реальным доходам населения), миграционный кризис, реакция на санкции как следствие кризисной ситуации на Украине и т.д. Все эти животрепещущие темы находят противоречивые отклики у населения европейских стран, побуждают их к коллективным действиям, основной формой которой являются демонстрации, забастовки и протесты. Социальное недовольство и протестная мобилизация, вызванные социально-экономическими причинами и ценностными факторами, требуют не только адекватных мер от действующих правительств, но и обновления программных положений политических партий о будущем посткризисной Европы¹.

---

¹ Лункин, Р., Биссон Л. Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 7–33.

В современной социальной науке существует несколько подходов для описания и понимания сущности социального протеста, его форм и значения. Точки зрения на данный процесс различаются на фундаментальном уровне. Так, некоторые отечественные учёные (М.М. Назаров, В.В. Бондалетов, Г.В. Баранова) выдвигают идею о том, что социальный протест является одной из наиболее деструктивных и противоречивых форм социально-политической активности². Тем не менее такой подход упускает из вида протестную пассивность, которая выражается в абсентеизме, сознательном отказе от участия в мероприятиях, направленных на поддержку власти, препятствие выполнению указаний руководителей³. Подобные действия тоже характеризуют своеобразную форму социального протеста, однако нас интересуют в первую очередь виды действий, обладающие наиболее сильным конфликтным потенциалом: демонстрации, забастовки, митинги.

Можно рассматривать протесты как проявления социальных движений или коллективного действия. Исследователи, работающие в русле концепции коллективного поведения, подчёркивают тесную связь социальных протестов с деструктивными проявлениями буйствующих толп, которые нарушают законы и ставят под угрозу общественный порядок. В рамках теорий социальных движений следует выделить два основных течения: обоснование социальных протестов с помощью относительной депривации населения и объяснение протестного функционирования социальных движений возможностью и умением мобилизовать имеющиеся ресурсы. Первая концепция, которой придерживались С. Стауффер, Р. Мертон, В. Руинсман, Е. Вятр, Дж. Дейвис, Т. Гарр, пыталась выявить факторы, которые мотивируют индивидуальные решения участников протестов. Под депривацией они понимают состояние участника общественной жизни, при котором он субъективно ощущает некоторую обездоленность⁴. Оно возникает и усиливается вследствие отсутствия средств для удовлетворения

---

² Назаров М.М. Политический протест: опыт экономического анализа // Социс. 1995. № 11; Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряжённости // Социс. 2012. № 3. С. 50–65.

³ Basset J., Peimer A. Political ecological perspectives on socioecological relations // *Natures Sciences Sociétés*. 2015. No. 23 (2). Pp. 157–165, DOI: 10.1051/nss/2015029

⁴ Merton R.K. Social theory and social structure. New York: Free Press, 1949; Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. 27 (1). Pp. 5–19.

жизненно важных потребностей. Большой уровень депривации значительно увеличивает вероятность участия отдельных граждан и групп населения в протестных движениях⁵.

Второе течение, представителями которого являются Дж. МакКарти, М. Залд, Р. Эш, М. Асим, К. Вильсон, В. Гемсон, Ч. Тилли, выдвигает идею о том, что развитие и реализация протестного потенциала возможно лишь при наличии необходимых ресурсов и способности граждан их использовать рационально. Множество административных, информационных, финансовых факторов определяет формы и пределы протестных действий⁶. В основе подхода лежит представление о рациональности поведения акторов, задействованных в социальных движениях.

Все перечисленные концепции и теории объединяет то, что в любом обществе (даже таком экономически и социально защищенном как европейское) есть группы и категории населения, которые обладают наибольшим протестным потенциалом, в силу их уязвимого положения и способности к самоорганизации. Их можно охарактеризовать как движущие силы протестов, к социально-политическому действию которых присоединяются другие более пассивные слои населения в знак солидарности с ними⁷.

Однако нас интересуют в первую очередь особенности появления социального протеста и его движущие силы, категории населения, которые намерены и готовы участвовать в забастовках и демонстрациях для защиты и расширения своих прав. Профсоюзы, рабочий класс и молодёжь традиционно выступают в этой роли, а другие слои и группы населения присоединяются к ним из солидарности с их целями и требованиями.

---

⁵ *Климов И.* Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 6–23.

⁶ *Gamson W.A.* Talking Politics. Cambridge, UK: Cambridge University, 1992. Press; *Gamson W.A.* The social psychology of collective action. In: A.D. Morris and C. Mueller (Eds.), *Frontiers in social movement theory*. New Haven: Yale University Press, 1991. Pp. 53–76.

⁷ *Bubbico R.L., Freytag L.* Inequality in Europe. Luxembourg: European Investment Bank, 2018.

Протестные движения в Европе и их основные движущие силы

Характер общественной солидарности можно проследить среди групп граждан, которые активно участвуют в протестной деятельности. Проблемы коронавирусной политики ЕС и отдельных государств, экономическая незащищённость многих слоёв населения, ограничение гражданских прав и свобод, образовавшиеся в результате пандемии и санкций, побуждают людей к объединению и совместному действию — забастовкам, демонстрациям, пикетам, которые помогают сплотить участников гораздо сильнее, чем иные события февраля 2022 г. поначалу сделали проблемы миграции и безопасности основными. Однако вскоре население европейских стран резко ощутило экономические последствия: рост цен на товары первой необходимости, падение качества жизни в целом. На фоне неспособности или нежелания властей предпринять конкретные шаги для поддержания благосостояния граждан европейцы оказались в положении, когда единственным средством социального диалога оказался протест.

Одними из ключевых европейских ценностей являются права на мирные собрания и свободу самовыражения. Последние несколько лет поставили их под угрозу, так как только за первые полгода пандемии (2021) негосударственными правозащитными организациями было зафиксировано неправомерное задержание в 22 странах Европы (Финляндия, Бельгия, Чехия и т.д.); излишнее применение силы в 16; а на журналистов, правозащитников и представителей гражданского общества было оказано давление в 17⁸. Снижение эпидемиологической угрозы и появление новых экономических факторов способствовало серьёзному увеличению численности забастовок и демонстраций за первую половину 2022 г., так в мае во Франции на улицы вышло более 120 тыс. граждан, недовольных снижением качества жизни в стране и экономическим курсом Макрона. В июне более 70 тыс. человек приняло участие в демонстрациях против повышения цен на топливо и газ в Бельгии и Британии⁹.

Среди европейских государств по количеству протестов выделяется Польша. Многие экспертные и правозащитные органи-

---

⁸ Europe and Central Asia – Civicus Monitor 2022 URL: <https://findings2021.monitor.civicus.org/europe-central-asia.html> (дата обращения: 09.06.2022).

⁹ Brussels at near-standstill as cost-of-living march draws 70,000 URL: <https://www.reuters.com/world/europe/belgium-hit-by-protests-over-cost-living-spike-2022-06-20/> (дата обращения: 09.08.2022).

зации (Carnegie Endowment for International Peace, Human Rights Watch) ещё в начале 2020 г. характеризовали её как повод для беспокойства, и в октябре опасения подтвердились, когда страну захлестнула волна протестов на фоне принятия спорного закона о запрете аборт. Больше 430 тыс. человек участвовало в демонстрациях в январе 2021 г. Тема коронакризиса также не осталась без внимания: медицинские профсоюзы организовали протест (30 тыс. человек), в сентябре 2021 г., ввиду острой необходимости реформы системы здравоохранения и повышения зарплат¹⁰.

В Евросоюзе, где проживает примерно 447 млн человек¹¹, менее 40 млн состоит в различных профсоюзах несмотря на то, что социальная политика ЕС и социальный диалог в Европе во многом полагаются на взаимодействие бизнеса, работодателей и объединений рабочих для регулирования рынка труда и защиты интересов трудящихся граждан¹². В течение многих десятилетий в ЕС показатели участия в них падали, хотя этот процесс затронул страны в разной степени: в Скандинавских странах, Италии и Бельгии они остаются на уровне 70%, а в Германии, во Франции, в Австрии они колеблются между 10 и 30%¹³. Некоторые исследователи считают, что мы наблюдаем процесс вымирания профсоюзов, хотя нельзя игнорировать тот факт, что за последние несколько лет профсоюзы показали себя одной из основных движущих сил протестов в Европе, так как именно у них, согласно закону, в большинстве стран есть право выводить рабочих на демонстрации. Однако не во всех странах ЕС они сохранили существенное влияние — в большинстве государств Восточной Европы рабочие организуют демонстрации самостоятельно, хотя в Албании, например, это незаконно. Так, последний протест работников единственного аэропорта страны в Тиране в апреле 2021 г. в связи со снижением заработной платы закончился введением военных в город. Основным требованием, с которым выступают рабочие, в независимости от сектора занятости, является повышение оплаты труда.

---

¹⁰ Polish Medical Workers stage largest Protest in Years URL: <https://balkaninsight.com/2021/09/13/polish-medical-workers-stage-largest-protest-in-years-as-covid-4th-wave-hits/> (дата обращения: 10.06.2022).

¹¹ Population and housing censuses in the EU — Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-catalogues/-/ks-09-21-344> (дата обращения: 10.06.2022).

¹² *Vandalae K.* Bleak prospects: mapping trade union membership in Europe since 2000. ETUI, 2019.

¹³ Trade unions in Europe, URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/trade-unions-europe> (дата обращения: 10.06.2022).

Профсоюзы обладают большим влиянием во Франции, где, например, 1 мая 2022 г. праздник рабочих был использован для того, чтобы продемонстрировать переизбранному президенту Макрону оппозицию, с которой ему придётся считаться в ближайшие несколько лет. С начала пандемии во Франции многочисленные протесты рабочих против предлагаемой пенсионной и полицейской реформы, а также ввиду экономических трудностей, вызванных коронакризисом, происходят практически каждый месяц¹⁴.

Вспомогательной движущей силой протестов во многих странах является молодёжь. Именно эта категория населения зачастую оказывается наиболее уязвимой к последствиям экономических, политических и иных кризисов. В общественном дискурсе сформировалось доминирующее мнение о том, что участие молодёжи в протестных движениях значительно снизилось в первые два десятилетия XXI в.¹⁵ И в самом деле таких ярких и масштабных общественных выступлений, как французские волнения 1968 г. или студенческие демонстрации 1956 г. в Венгрии, в европейских странах уже давно не было.

Однако, согласно статистике правозащитных организаций и органов внутренних дел различных стран ЕС, молодёжь продолжает активно участвовать в протестах, многие из которых имеют небольшие масштабы, поскольку связаны с локальными проблемами или интересами конкретных групп граждан (учителей, медицинских работников, защитников прав животных и т. д.). Так в Бельгии полицейская статистика показывает, что число демонстраций за последние 20 лет продолжает расти, а среднее число участников сокращается¹⁶. Протесты ограниченного масштаба не привлекают особого внимания общественности и поэтому мало освещаются в СМИ. Тем не менее глобальные проблемы (финансовый кризис 2008–2009 гг., миграционный кризис, коронакризис) не обошли юную часть населения стороной, а скорее даже очень сильно ударили именно по ним. Начиная с финансового кризиса безработица среди молодёжи в Испании, Италии, Греции

---

¹⁴ Global Protest Tracker, URL: <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker> (дата обращения: 04.06.2022).

¹⁵ *Della-Porta D.* Social movements in times of austerity: bringing capitalism back into protest analysis, Cambridge; Malden: Polity press, 2015. Pp. 205–234.

¹⁶ Tendensen 2020–2021 Politieële criminaliteitsstatistieken URL: https://www.stat.policefederale.be/assets/pdf/notas/tendensen_2020_2021_PCS.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

резко повысилась до 40%, что привело к появлению общеевропейского «Движения против жёсткой экономии»¹⁷. Непосредственно в Испании в демонстрациях участвовали почти 8 млн человек. Они протестовали против высокого уровня безработицы, сокращения социального обеспечения, политиков и двухпартийной системы в Испании, а также против политической системы капитализма, банков и коррупции в обществе. Подобного масштаба достигли выступления в Британии, Ирландии, Португалии¹⁸.

В Испании в феврале 2021 г. тысячи молодых людей (в основном до 25 лет) вышли на улицы Мадрида с требованием освободить музыканта Пабло Хаселя, арестованного по обвинениям в поддержке каталонского сепаратизма и терроризма. Представители испанской Социалистической рабочей партии заявили, что протест имел спонтанный характер (ни одна политическая партия не участвовала в его организации) и не был согласован с властями¹⁹. Многие проправительственные СМИ пытались сформировать удобный для них сепаратистский нарратив демонстраций²⁰, в то время как протестующие не скандировали лозунгов за независимость Каталонии, не использовали ассоциируемую с ней символику или флаги. Единственное их требование заключалось в защите свободы слова и самовыражения. Очевидно, что помимо оппозиции, с которой уже привыкли иметь дело проправительственные партии, всё больше сомнений в компетентности властей высказывает и ранее аполитичная молодёжь, которая с трудом справляется с последствиями экономической рецессии и пандемии (она сильно ударила по туристическому сектору и привела к падению экономики страны на 11%²¹). Ввиду высокого уровня безработицы среди

---

¹⁷ Youth unemployment figures, Eurostat. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Youth_unemployment_figures_2008-2018_\(%25\)_T1.png](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Youth_unemployment_figures_2008-2018_(%25)_T1.png) (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁸ Anti-austerity movements gaining momentum across Europe // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/apr/27/anti-austerity-movements-europe>, (дата обращения: 10.06.2022).

¹⁹ Protests mount against Socialist Party-Podemos persecution of Spanish rapper Pablo Hasél. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2021/02/20/hase-f20.html> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁰ Pablo Hasél: a year behind bars without forgiveness or rehabilitation // El País. URL: <https://elpais.com/espana/catalunya/2022-02-16/pablo-hasel-un-ano-entre-rejas-sin-perdon-ni-rehabilitacion.html> (дата обращения: 04.06.2022).

²¹ Spain Economy Shrank 11% in 2020 in the biggest Drop since Civil War. URL: https://english.elpais.com/economy_and_business/2021-01-29/spains-economy-shrank-11-in-2020-in-biggest-drop-since-civil-war.html (дата обращения: 15.06.2022).

граждан до 30 лет (30%)²² и отсутствия перспектив для существенных перемен в будущем, именно эта категория населения обладает самым серьёзным протестным потенциалом. Подобные проблемы молодёжь испытывает в большинстве экономически неблагополучных стран ЕС.

Основными движущими силами протестных движений в ЕС являются профсоюзы, которые имеют административные и информационные ресурсы для мобилизации рабочих, а также формальные права для организации демонстраций, а также молодёжь, чьё экономическое положение пострадало в первую очередь в результате череды кризисов, затронувших европейские страны. Наиболее активными и успешными показали себя профсоюзы фермеров и дальнобойщиков, чьи протестные действия в 2022 г. возымели должный эффект: они добились от властей Испании и Италии мер по сдерживанию роста цен на бензин. На практике эти социальные движения воплощают протест более широких, отличных друг от друга слоёв населения — рабочих, самозанятых, прекариата и др. Ресурсы для самоорганизации этих групп сильно ограничены, поэтому они присоединяются к основным движущим силам протестов.

Социальная солидарность как связующее звено протестов и доверие граждан ЕС институтам власти

Солидарность лежит в основе социальной модели ЕС и является одной из основополагающих ценностей европейского общества. ООН определяет солидарность как ключевой принцип защиты мира и прав человека. Европейское общество по опросам *Eurobarometer* всегда демонстрировало высокую степень солидарности, способности совместного решения проблем, способность терпеть лишения проявилась и в ходе пандемии²³. Казалось, что проявленная социальная ответственность и креативность незыблемы, но экономический кризис, последствия пандемийных мер, санкций, общий спад экономической активности привели к быстрой смене всеобщей солидарности на социальный протест.

---

²² Youth Unemployment Rate – Spain. URL: <https://tradingeconomics.com/spain/youth-unemployment-rate> (дата обращения: 11.06.2022).

²³ EP Spring 2022 Survey: Rallying around the European flag – Democracy as anchor point in times of crisis. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2792> (дата обращения: 10.06.2022).

Движущим силам протеста коронакризис способствовал ростом недоверия к институтам власти и ЕС²⁴. В период кризиса, порождённого пандемией, люди столкнулись с одной и той же угрозой и в целом оказались в схожих условиях изоляции, что в ряде случаев привело к появлению совокупной социальной идентичности. Например, в Испании за первые 99 дней локдауна, объявленного властями в середине марта 2020 г., можно было наблюдать, как жители подходили к окнам или выходили на балконы вечером, чтобы выразить поддержку медицинским работникам и всем, кто активно боролся с коронавирусом²⁵. Данное групповое, практически ритуальное, действие можно считать одним из проявлений единства и солидарности²⁶. Многие исследователи считают, что подобные феномены снижают индивидуальную эмоционально-психологическую нагрузку, позволяя распределить её среди всех членов группы²⁷. Однако прочность такой новообретённой социальной идентичности и солидарности не прошла проверку временем: новые традиции и ритуалы уже через несколько месяцев потеряли свою регулярность и актуальность, что позволяет говорить об эмоционально-заряженном характере новых социальных связей. Когда пандемийная реальность потеряла новизну и стала обыденностью, социальная идентичность, связанная с ней, растворилась в повседневных индивидуальных проблемах. Данные связи не имели достаточно твёрдой почвы, чтобы укорениться, но и не создали необходимого фундамента, чтобы продолжить развиваться, а коллективное действие, ассоциируемое с ними, перестало быть значимым²⁸.

Пандемийный кризис и меры, принятые европейскими государствами для борьбы с ним, вызвали у населения много вопросов и сомнений в компетентности властей. Испытанию подверглось доверие к общественным институтам в целом. Под ним подразумевается восприятие общественных институтов гражданами как

---

²⁴ Key challenges of our times – the EU in 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2694> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁵ 8 p.m. applause for Spain. URL: <https://www.storycenter.org/covid-stories-1//8-pm-applause-for-spain> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁶ Blumer H. *Collective Behavior*. In: R. E. Park (ed.). *An Outline of the Principles of Sociology*. New York: Barnes and Noble, 1994. Pp. 219–280.

²⁷ Canto J., Macarena V-M. The Effects of Social Identity and Emotional Connection on Subjective Well-Being in Times of the COVID-19 Pandemic in Spain // *Environmental Research and Public Health*. 2021. DOI: 10.3390/ijerph181910525

²⁸ Key challenges of our times – the EU in 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2694> (дата обращения: 01.06.2022).

стремящихся удовлетворить их интересы и действующих исходя из моральных соображений. Оно зависит от того, насколько достоверной и правдивой считают поступающую от них информацию граждане. В условиях COVID-19 доверие населения определяет то, насколько строго люди готовы следовать указаниям и рекомендациям властей, ставят ли они под сомнение необходимость введённых мер. Кроме того, высокий уровень доверия снижает такие универсально важные эмоциональные факторы как страх, беспокойство и стресс²⁹, а потому это является важной особенностью социальных настроений в странах Европы и в мире в контексте глобальной эпидемии.

Настроения европейцев удобно изучать на примере одной из ведущих стран ЕС — Германии. До начала пандемии примерно две трети немцев в большей степени были убеждены в эффективности системы здравоохранения ФРГ. Однако за последние годы можно проследить последовательное снижение этого показателя: исследование Фонда Бертельсмана показало, что лишь 50% населения Германии придерживаются указанного мнения. Однако следует заметить, что это лишь среднее значение, а уровни доверия различаются у групп населения в зависимости от наличия высшего образования или его отсутствия. Так, 72% граждан из первой группы убеждены в правильности действий властей, в то время как лишь 28% из второй не подвергает сомнению меры социального дистанцирования³⁰.

На примере федерального института Германии по изучению инфекционных заболеваний и непереносимых болезней — Институт Роберта Коха (RKI), и федерального центра санитарного просвещения Германии (BZgA) можно увидеть, как за время пандемии изменилось восприятие немцами государственной антикоронавирусной политики. В первой половине 2020 г. наблюдался чрезвычайно высокий уровень доверия к данным институтам, что было связано в первую очередь с представлениями граждан о скором окончании пандемии и убеждённостью в том, что строгие меры локдауна вскоре закончатся. Однако спустя полгода у населения начали появляться серьёзные сомнения как в достоверности информации, поступающей от BZgA и RKI, так и в эффективно-

²⁹ Dryhurst S. Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.R.J. Risk perceptions of COVID-19 around the world. *J Risk Res.* DOI: 10.1080/13669877.2020.1758193

³⁰ Bertelsmann: Vertrauen in Regierung. URL: <https://www.mmmnews.de/politik/144462-umfrage-vertrauen-in-regierung-steigt-auf-rekordwert2> (дата обращения: 03.06.2022).

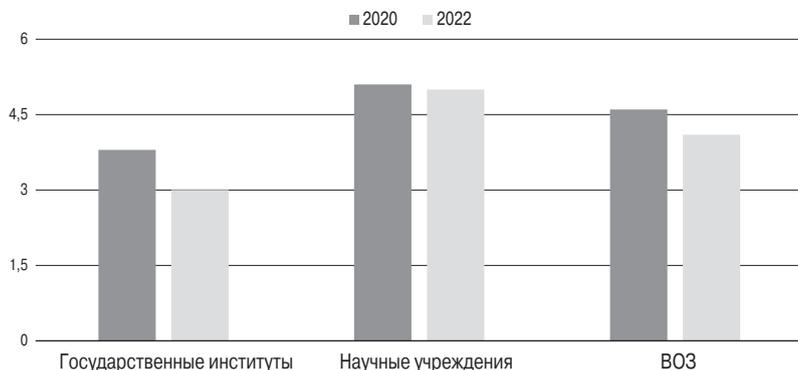

Рисунок 10.1. **Динамика изменения доверия граждан Германии к общественным институтам за период 2020–2022***

* Составлено по опросу населения со шкалой от 0 до 6, где 0 – совсем не доверяю, а 6 – полностью доверяю.

Источники: COVID-19 Snapshot Monitoring (COSMO). URL: corona-monitor.de

сти мер, предлагаемых федеральными правительствами³¹. Из графика ниже следует, что федеральные власти значительно утратили свои позиции за последние два года. Интересно, что данная тенденция не связана с восприятием науки у населения (хотя государственные институты разрабатывают стратегию по борьбе с пандемией совместно с научными и медицинскими учреждениями) и, скорее, указывает непосредственно на сомнения в том, как федеральные власти осуществляют политику. Кроме того, основанием для наблюдаемого различия может быть экономический фактор, а именно снижение уровня жизни граждан, которое связано не только с разрывом цепочек поставок ввиду глобальной пандемии, но и не в последнюю очередь с конкретными мерами бундестага по ограничению экономической деятельности в Германии (локдаун, санитарные ограничения на рабочих местах и т. д.).

Указанная корреляция доверия институтам и уровнем образования у граждан вновь проявляется в данном аспекте. Наиболее образованные слои населения являются также наиболее обеспеченными и защищёнными от самых негативных последствий пандемии. В то же время уровни дохода малообразованных граждан не позволили им с комфортом пережить локдаун, а особенности

³¹ COVID-19 Snapshot Monitoring (COSMO) URL: corona-monitor.de (дата обращения: 06.06.2022).

секторов, в которых они заняты (промышленное производство, общественное питание, туризм, транспортная отрасль и др.), исключили возможности дистанционной работы. В совокупности эти факторы обусловили негативное восприятие гражданами, оставшимися без работы, работниками физического труда и самозанятыми правительственных мер, которые ударили по их благосостоянию³².

По подсчётам Федерального статистического управления Германии, уровень инфляции в ФРГ по итогам 2022 г. станет одним из самых высоких и заметно превысит средний показатель для стран зоны евро. В ЕС на июль месяц он составлял 8,9%³³. Как ранее отмечало Федеральное статистическое управление страны, в мае 2022 г. потребительские цены в Германии выросли на 8,7% в годовом выражении, и данный показатель стал наивысшим за все время с момента начала проведения расчётов³⁴. «Инфляция в Германии будет расти быстрее, чем в какой-либо другой стране ЕС», — гласит прогноз компании Allianz SE³⁵.

Результат экономических трудностей Германии (и всего ЕС в целом, чьим экономическим и политическим лидером является ФРГ) выражается в значительном росте недовольства населения растущими ценами на продукты и бензин, которые становится всё труднее себе позволить немецким гражданам. Ввиду событий, происходящих на Украине, и реалий нового миграционного кризиса, уровень обеспокоенности текущим положением дел достигли пиковых значений после начала пандемии. Почти две трети опрошенных консалтинговой фирмой McKinsey констатируют необходимость существенного пересмотра своих моделей потребления³⁶. Схожие тенденции наблюдаются и в других странах

---

³² Germany 2020: Impact on German companies. URL: <https://www.statista.com/statistics/1106337/coronavirus-covid-19-impact-on-companies-business-germany/> (дата обращения: 03.06.2022).

³³ Europe Inflation rates. URL: <https://www.inflation.eu/en/inflation-rates/europe/inflation-europe.aspx> (дата обращения: 09.06.2022).

³⁴ DEStatis Consumer Price Index. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Economy/Prices/Consumer-Price-Index/_node.html (дата обращения: 09.06.2022).

³⁵ German Inflation Hits 60-Year-High. URL: <https://www.zerohedge.com/markets/german-inflation-hits-60-year-high-worse-come-says-allianz> (дата обращения: 09.06.2022).

³⁶ Consumer sentiment in Germany during the coronavirus crisis. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/growth-marketing-and-sales/our-insights/survey-german-consumer-sentiment-during-the-coronavirus-crisis> (дата обращения: 08.06.2022).

ЕС. Так, во Франции индекс потребительской уверенности в мае 2022 г. достиг самого низкого уровня с 2014 г. – 80, что существенно меньше среднего показателя 100. Потребители стали гораздо более пессимистичны в своих прогнозах относительно уровня жизни в ближайшие 12 месяцев³⁷. В Италии, несмотря на большие, чем во Франции значения данного индекса (102 против 86), неуверенность в будущем и стремительно растущие цены на электроэнергию вновь поставили население, которое едва начало справляться с проблемами пандемии, в сложное положение³⁸. В менее благополучных странах ЕС ситуация с потребительской уверенностью ещё хуже: в Болгарии, Польше, Румынии он находится на отметке ниже 40³⁹. В целом подавляющее большинство граждан (более 90%) убеждено в том, что экономические последствия чрезвычайно серьезны. Однако на этом фоне парадоксально широко распространено мнение (57% граждан ЕС), что персональные финансовые тяготы не так уж и велики⁴⁰.

Что касается восприятия европейцами мер, предложенных ЕС, то на февраль 2022 г. в среднем 42% населения разочаровано тем, как власти объединения справились с проблемой⁴¹. Треть всех граждан уверены, что введенные меры были неоправданны. Больше всего недовольных проживает в наименее экономически благополучных странах ЕС: Греции, Словении, Словакии и т.д. На их фоне выделяется Франция, где чрезвычайно много скептиков. Такая же тенденция характерна и для мнения об эффективности национальных стратегий по борьбе с последствиями эпидемии COVID-19.

Реальность глобальной пандемии с необходимостью введения локдаунов и мер социального дистанцирования шокировала европейцев (как, впрочем, и людей по всему миру), и теперь одним из доминирующих страхов в социальных настроениях стало повторение такой ситуации с другими болезнями. В связи с этим большинство граждан ЕС придерживается мнения, что разработ-

---

³⁷ Consumer Confidence France. May 2022 Data. URL: <https://tradingeconomics.com/france/consumer-confidence> (дата обращения: 09.06.2022).

³⁸ Consumer Confidence Italy. May 2022 Data. URL: <https://tradingeconomics.com/italy/consumer-confidence> (дата обращения: 09.06.2022).

³⁹ <https://www.investing.com/economic-calendar/consumer-confidence-49>

⁴⁰ The EU and the coronavirus pandemic – Standard Eurobarometer 96. – Winter 2021–2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553> (дата обращения: 07.06.2022).

⁴¹ Ibid.

ка общеевропейской стратегии для борьбы со схожим кризисом в будущем должна быть приоритетом объединения для того, чтобы существовала система, которая позволила бы обеспечить быстрый и эффективный доступ к вакцине для всех жителей ЕС. Однако экономически уязвимые группы считают, что в первую очередь странам-членам объединения необходимо сосредоточиться на планах помощи бизнесу и трудящимся наиболее пострадавшим от пандемии⁴². Значительная часть жителей ЕС также скептически относится к эффективности предложенного пакета мер по восстановлению экономики Европейского Союза (NextgenerationEU), особенно много сомневающийся (более 40%) в странах-экономических лидерах ЕС: Германии и Франции⁴³.

В период с начала пандемии весной 2020 г. и вплоть до событий февраля 2022 г. приоритеты и страхи европейского населения изменялись значительно и неравномерно. Если в первые месяцы коронакризиса основным поводом для беспокойства была эпидемиологическая угроза, то уже летом и осенью 2020 г. начали острее ощущаться экономические проблемы⁴⁴. Данная тенденция продолжала развиваться в наименее благополучных странах ЕС (Восточная и Южная Европа), что отражают высокие показатели скептицизма в отношении COVID-19 и вакцинации в них⁴⁵. В экономически стабильных государствах Европы (Германия, Норвегия, Дания) на начало февраля 2022 г. большинство по-прежнему считало, что физическое и ментальное здоровье — это главный приоритет. Данная особенность указывает на серьёзное отношение к угрозе пандемии и на доминирующее восприятие персональных экономических затруднений как незначительных (57%). Последняя особенность указывает на наличие существенных несоответствий в сопоставлении европейцами личных и государственных экономических проблем, которые более 90% населения считают серьёзными⁴⁶.

---

⁴² Future of Europe 2021 – Eurobarometer – October 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2554> (дата обращения: 05.06.2022).

⁴³ The EU and the coronavirus pandemic – Standard Eurobarometer 96 – Winter 2021-2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553> (дата обращения: 07.06.2022).

⁴⁴ Key challenges of our time – Eurobarometer 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2694> (дата обращения: 06.06.2022).

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

Вакцинация стала одной из основных линий разлома европейского общества. Самые большие группы сомневающихся в необходимости прививки от COVID-19 и откровенных противников проживают в странах Восточной Европы (33% в Болгарии, 32% в Словакии, 31% в Словении). Определённые различия в мнениях по поводу вакцины есть и в зависимости от занятости, так каждый десятый рабочий, занимающийся физическим трудом, выступает против вакцинации⁴⁷. А наличие или отсутствие высшего образования не оказывает существенного влияния на мнение по данному вопросу. Основными причинами для отказа являются сомнения в побочных эффектах вакцины и её эффективности⁴⁸. Наличие существенных групп населения, которые открыто выступают против вакцинации обусловлено тем, что жители бедных стран ЕС (Болгария, Румыния, Словения) и незащищённые категории населения благополучных стран (Германия, Франция, Финляндия) озабочены больше экономическими последствиями пандемии, а не эпидемиологической угрозой⁴⁹.

Тем не менее на данном фоне европейцы продолжают доверять научным и медицинским институтам. Ковид-скептицизм коррелирует в первую очередь с тенденцией снижения доверия к государственным институтам. Другими словами, граждане сомневаются в необходимости вакцинации главным образом потому, что её навязывают власти. Возможно объяснение следует искать и в том, что интересы, мнения и потребности широких слоёв населения в европейских странах получают недостаточно внимания со стороны политических партий, что подтверждается снижением явки на всех уровнях выборов во Франции, Нидерландах, Британии и т.д.⁵⁰ Группы населения, находящиеся в наиболее уязвимом с экономической точки зрения положении (самозанятые, прекариат, низший средний класс) и потерявшие веру в традиционные институты, в условиях политического и экономического кризиса, который усугубляется санкциями, обладают наибольшим протестным потенциалом.

---

⁴⁷ Attitudes on vaccination against COVID-19 - February 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2692>

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Key challenges of our times – the EU in 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2694> (дата обращения: 01.06.2022).

⁵⁰ Highest abstention rate since 1969 in presidential elections. URL: https://www.lemonde.fr/en/politics/article/2022/04/24/macron-wins-french-presidential-election_5981506_5.html (дата обращения: 13.08.2022).

Одним из побочных результатов исследуемых тенденций стал значительный рост популярности теорий заговоров, которые хотя и далеки от доминирующей позиции в европейском обществе, но представляют определённый симптом кризиса доверия к власти в Европе. Особенно ярко движения, сформированные на основе таких теорий, проявили себя в Германии в силу особенностей немецкого менталитета. Одним из наиболее активных в интернет-сфере является движение «рейхсбюргеров». Изначально участники националистического движения в Германии, не признающие легитимность существования Федеративной Республики Германии и называющие себя гражданами немецкого Рейха, существовавшего с 1871 г. Границами государства считают существовавшие на политической карте границы до 1937 г. Участники имеют собственные удостоверения личности граждан Рейха. Движение возникло в 1980-е гг., активную деятельность рейхсбюргеры начали вести в 2010-х гг. На сайте Федерального центра политического образования Германии (Bundeszentrale für politische Bildung) рейхсбюргеры описаны как «некоторые группы правых экстремистов и конспирологов, имеющие сектантскую направленность»⁵¹.

Тематика «Кью-Анон» (QAnon, теории заговора политических элит) всё ещё остаётся крайне популярным в Telegram-сетях. У шести телеграмм-каналов есть более 100 тыс. подписчиков, присоединившихся за последний год. Идентифицировано 115 немецких каналов с более 1 тыс. подписчиков. Найдено более 123 тыс. аккаунтов, состоящих в подобных группах, а 346 тыс. активно вовлечено в их деятельность — около 8,3 млн сообщений передано в этих группах только за 2021 г. Результаты указывают на то, что немецкоговорящие каналы — вторые по численности после США. Каждый десятый в Германии согласен с конспирологическими тезисами, а в Австрии их разделяет более 15% населения. Более половины всех невакцинированных граждан верит в конспирологические теории⁵².

Движение Querdenker 711 (в переводе «Нестандартное мышление»). Цифры в названии — телефонный код Штутгарта) появилось в Штутгарте в 2020 г. Его основателем стал бизнесмен Микаэль Баллвег. Участники движения выступают за восстановление своих прав,

⁵¹ “Reichsbürger” und Souveränismus. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/verschwoerungstheorien-2021/339286/reichsbuerger-und-souveraenismus/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁵² Q VADIS? The Spread of QAnon in the German-Speaking World, CEMAS Report. CeMAS_Q_Vadis_The_Spread_of_QAnon_in_the_German-Speaking_World.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

ограниченных на время пандемии. К ним относятся сторонники националистических идей, анархистов, радикальных экологов, членов ЛГБТ-движения и многих других. По оценке руководителя германской «Консультативной группы по борьбе с ультраправым экстремизмом» (Mobile Beratung gegen Rechtsextremismus) Кристофера Фогеля, члены движения Querdenker – это индивидуалисты, которым надоели локдауны и которые хотят вернуться к спокойной жизни, чтобы государство не вмешивалось в их дела⁵³. Согласно социологическому исследованию Базельского университета от декабря 2020 г., около 75% членов Querdenker верят в то, что в Германии больше никто не может выражать своё мнение свободно, не попадая в затруднительное положение. Они считают, что правительство и СМИ находятся в заговоре, чтобы скрыть правду о коронавирусе⁵⁴.

Ещё одно массовое протестное движение, которое проводило множество демонстраций во время пандемии, – Bewegung Leipzig (Лейпцигское движение). Его главным отличием от Querdenker является то, что оно функционирует больше как зонтичная организация, объединяющая несколько сообществ ковид-диссидентов, действующих в Саксонии. Freie Sachsen (Свободная Саксония) – телеграмм-канал с 17 тыс. подписчиков освещает последние новости, связанные с COVID-19 в Дрездене. Он привлёк внимание местных властей после ряда демонстраций, проведённых совместно с саксонской правоэкстремистской группой Heidenauer Wellenlänge («На волне Хайденау») в марте 2021 г. Особенностью этих выступлений стала особая эффективность в координации действий с помощью интернет-сети, результатом чего стало низкое число успешных задержаний протестующих полицией.

Движения ковид-диссидентов и противников вакцинации имеют немало последователей и в других странах Европы. Так, во Франции им удалось вывести на улицы более 100 тыс. человек 8 января 2022 г. в знак протеста против планов Макрона о дополнительных ограничениях в отношении невакцинированных граждан⁵⁵. Про-

---

⁵³ Querdenker COVID protest, Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/meet-germanys-querdenker-covid-protest-movement/a-57049985> (дата обращения: 15.05.2022).

⁵⁴ Querdenker gefragt. URL: <https://www.stellen-basel.ch/beruf-freizeit/berufsleben/querdenker> (дата обращения: 15.05.2022).

⁵⁵ Anti-vax protesters in France tell Macron: 'We'll piss you off'. URL: <https://www.france24.com/en/france/20220108-anti-vax-protesters-in-france-tell-macron-we-ll-piss-you-off> (дата обращения: 19.08.2022).

тестное движение объединило сторонников теорий заговора, бывших «желтых жилетов» и людей, убежденных в несправедливости существующей социально-политической системы. Подобные выступления имели место и в столице Австрии – Вене, где организаторами демонстраций была третья по популярности партия в стране – Австрийская партия свободы. Эти факты указывают на наличие запроса в европейском обществе на представительство подобных мнений в политическом спектре, но на данный момент лишь маргинальные группы и крайне-правые партии отвечают на него.

Рост внимания населения к подобным маргинальным движениям и их идеям в очередной раз подтверждает тот факт, что пандемия COVID-19 нанесла огромный ущерб доверию граждан к официальной власти, к информации, которая поступает от них и мерам, которые они осуществляют. Данный симптом утраты доверия нельзя сбрасывать со счетов в процессе анализа новых социальных настроений в Европе. Новый кризис на Украине и информационные войны, связанные с ним, только обостряют этот аспект.

Протесты в связи с экономическими последствиями санкционной политики

Новый виток украинского кризиса 2022 г. создал целый ряд неоднозначных социально-экономических последствий. С одной стороны, можно наблюдать существенный рост солидарности среди жителей стран ЕС по вопросам безопасности и помощи Украине и беженцам. С другой – экономические последствия санкций для стран ЕС уже дали о себе знать, и их масштаб только возрастёт в ближайшее время.

В первые недели спецоперации Российской Федерации на Украине по Европе прокатилась волна демонстраций и шествий в поддержку Украины и её граждан: 41 тыс. человек вышла на улицы Франции, 40 тыс. – Швейцарии, больше 10 тыс. в Англии⁵⁶. В мире до сих пор существует немало активных вооруженных конфликтов (Йемен, Эфиопия, Афганистан и в др.), однако они вызывают

---

⁵⁶ Tens of thousands join rallies around the world in support of Ukraine. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/06/tens-of-thousands-join-rallies-around-the-world-in-support-of-ukraine> (дата обращения: 10.06.2022).

существенно менее бурную и эмоциональную реакцию у европейской общественности, что, конечно, объясняется в первую очередь географической близостью происходящего на Украине. Однако в период с февраля 2022 г. прошли также демонстрации и в поддержку России в Сербии, Венгрии, Болгарии, что указывает на наличие альтернативного мнения об украинском кризисе и его причинах.

События на Украине в феврале 2022 г. и сопутствующие им экономические санкции по отношению к России со стороны ЕС привели к существенному росту цен на продукты, электроэнергию и топливо в странах объединения, что серьёзно ударило по уровню жизни людей. В результате во многих европейских странах весной можно было наблюдать протесты против повышения цен. Одна из самых масштабных и серьёзных забастовок охватила Испанию в марте текущего года, когда инфляция в стране достигла уровня 7,5% (в мае 8,7% — самые высокие за 14 лет)⁵⁷. Цены на бензин и дизельное топливо выросли настолько, что по заявлениям Платформы по защите сектора внутренних и международных перевозок грузов 90% малых и средних транспортных компаний оказались на грани банкротства⁵⁸. В ходе трёхдневных протестов (в которых участвовало около 100 тыс. человек) дальнобойщики заблокировали многие основные дороги Мадрида, Барселоны и других крупных городов Испании. Они выступили с требованием сокращения налогов на топливо, чтобы компенсировать рост цен на него. Протест вызвал серьёзные опасения по поводу его распространения и на другие группы населения у Испанской социалистической рабочей партии и партии «Подемос», составляющих правящую коалицию. Следующими могут стать учителя, рабочие заводов и государственные служащие, которых Организация экономического сотрудничества и развития выделяет как наиболее уязвимые группы населения в стране⁵⁹.

В связи с этим крупнейшие профсоюзы Испании (Всеобщий союз трудящихся и Рабочие комиссии) призвали к прекращению забастовок, так как, по их мнению, протесты только усложняют

---

⁵⁷ Spain Inflation. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/spain/inflation-cpi> (дата обращения: 09.06.2022).

⁵⁸ Spanish Truckers mount nationwide strike against rising fuel prices URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/03/15/truc-m15.html> (дата обращения: 08.06.2022).

⁵⁹ OECD Economic Surveys Spain. URL: <https://www.oecd.org/economy/surveys/Spain-2021-OECD-economic-survey-overview.pdf> (дата обращения: 07.06.2022).

сложившуюся ситуацию⁶⁰. Их поддержал Национальный комитет по дорожному транспорту (представляет крупный бизнес грузоперевозок). В результате забастовки власти пошли на уступки и в конце марта премьер-министр Педро Санчес анонсировал ряд мер, которые должны помочь справиться с экономической нестабильностью в ближайшие полгода (запрет на сокращения штата, снижение цен на бензин за счёт государственного и предпринимательского финансирования, повышение минимального базового дохода и т.д.)⁶¹. Положительный момент заключается в том, что власти услышали требования населения и пошли на уступки, однако все эти меры носят временный характер, а долговременного плана выхода из сложившегося кризиса у правительства пока нет. В то же время ситуация ярко продемонстрировала глубокий раскол между политическими элитами, открыто использующими профсоюзы для контроля социальных настроений, и рабочим классом. Хотя Испания существенно меньше зависит от импорта энергоносителей или иных товаров из России, чем многие другие страны ЕС, но в результате общего замедления развития экономики страны рост цен на газ и топливо может нанести существенный ущерб уровню жизни граждан, что ещё больше обострит существующие социально-политические противоречия.

Идентичная с Испанией сложилась ситуация в Италии в отношении резкого роста цен на топливо и электроэнергию, что вызвало резкую реакцию грузоперевозчиков и фермеров (повышение цен на бензин и дизель сильно ударило по сельскохозяйственной отрасли). В марте 2022 г. по всей стране прокатилась волна забастовок дальнбойщиков, организованная дорожно-транспортной ассоциацией *Fai-Conftrasporto*. Среди целей протестов помимо снижения цен на топливо было государственное страхование и увеличение финансирования транспортного сектора в целом. Итогом протестов стало соглашение итальянских властей с профсоюзом о выделении 500 миллионов евро из бюджета для поддержки малого и среднего бизнеса в отрасли грузоперевозок и снижение цен на бензин⁶². Тем не менее по другим вопросам договориться

---

⁶⁰ UGT calls for end of protests. <https://ugt.es/las-trabajadoras-y-trabajadores-reclaman-contener-los-precios-y-proteger-el-empleo>

⁶¹ Spain unveils €16bn plan for Ukraine war price-rises. URL: <https://euobserver.com/tickers/154597> (дата обращения: 07.06.2022).

⁶² Spanish government offers 500-million-euro package to hauliers to halt the strike and safeguard food supplies. URL: <https://www.surinenglish.com/spain/government-offers-million-20220322094001-nt.html> (дата обращения: 07.06.2022).

не удалось. Мнение об эффективности выбранных мер среди грузоперевозчиков разделилось, так как непонятно, когда закончится Украинский кризис, а предложенная помощь носит временный характер. Такие же протесты имели место и в других странах ЕС: Франция, Швеция, Хорватия, Польша и т.д., хотя и в значительно меньшем масштабе.

В связи с ростом цен на электроэнергию и другие товары первой необходимости набирает силу протестное движение в британском обществе, где летом 2022 г. прошли масштабные демонстрации. В июне более 100 тыс. людей вышли на улицы крупных городов Британии, протестуя против несправедливой и устаревшей системы социальной поддержки и низкого уровня оплаты труда, которые более не соответствует современным ценам и условиям жизни. Профсоюзы, общественные группы и политики в августе мобилизовали более 300 тыс. человек для демонстраций под лозунгом «Хватит значит хватит» (*Enough is enough*)⁶³. Основное недовольство связано с планируемым правительством осенним повышением потолка цен на электроэнергию. Независимая консультативная организация «Бюро гражданских консультаций» сообщила о значительном росте обращений британских граждан в связи со невозможностью позволить себе еду и электроэнергию (цены на неё выросли в три раза за последний год)⁶⁴. Недовольство населения приобретает систематический характер, так как растёт уверенность, что с начала финансового кризиса 2008–2009 гг. и до сих пор все правительственные меры, и стратегии были направлены на смягчение последствий различных кризисов, а не на поиск путей развития социально-политической системы таким образом, чтобы граждане чувствовали свою защищённость, а не находились в «одном шаге до бедности» постоянно⁶⁵.

Экономические последствия коронакризиса и санкционной политики ЕС не только стимулировали протестные движения, но и привели к серьёзным политическим изменениям в странах объединения. В июле подал в отставку премьер-министр Италии Марио

---

⁶³ Cost of living crisis: protests to launch across the UK. URL: <https://www.theguardian.com/business/2022/aug/12/cost-of-living-crisis-protests-enough-is-enough-launch-k> (дата обращения: 20.08.2022)

⁶⁴ Citizen's Advice: Debt and money. URL: <https://www.citizensadvice.org.uk/debt-and-money/> (дата обращения: 07.06.2022)

⁶⁵ Thousands march in London over cost of living crisis. URL: <https://www.theguardian.com/business/2022/jun/18/march-protest-london-tuc-cost-of-living-crisis> (дата обращения: 07.06.2022)

Драги, утративший поддержку трёх крупных партий правящей коалиции. Разногласия в правительстве были связаны с противоречивым законопроектом, предложенным Драги и направленным на сдерживание растущих цен на товары первой необходимости и электроэнергию. Движения «Пять звёзд», «Вперёд, Италия!» и «Лига» бойкотировали его, так как он включал в себя планы по сжиганию мусора в Риме. В результате в конце сентября прошли выборы в парламент, принесшие победу коалиции в составе левоцентристской «Демократической партии», ультраправой «Братья Италии», «Лиги Севера» и «Вперёд, Италия»⁶⁶. Партия «Братья Италии» выступала за налоговые послабления и против плана восстановления, разработанного правительством М. Драги. Ввиду того что Италия — это третья экономика ЕС, выборы существенным образом повлияют не только на финансовую политику страны, но и на все объединение.

Схожие тенденции можно наблюдать во Франции, где после победы на президентских выборах в марте Макрон отчасти потерял поддержку избирателей, и в июне на парламентских выборах у его коалиции впервые за 5 лет не получилось получить большинство (245 мест, а для большинства требуется 289)⁶⁷. В качестве причин можно выделить растущую инфляцию, которая существенно беспокоит избирателей, однако нельзя упустить из виду крайне низкую явку — 46%⁶⁸. Данный факт вновь подтверждает нарастание апатии и абсентеистских тенденций среди избирателей, которые свидетельствуют о том, что доверие к политическим институтам падает, а граждане чувствуют, что не только правящая коалиция, но и остальные партии недостаточно понимают их потребности и проблемы.

Экономические последствия, связанные с санкционной политикой ЕС ввиду спецоперации России на Украине, всё сильнее ощущаются гражданами европейских стран. Растущие цены на электроэнергию, топливо и иные товары первой необходимо-

---

⁶⁶ Italy: Elections amid a cost of living crisis URL: <https://economics.rabobank.com/publications/2022/augustus/italy-elections-amid-a-cost-of-living-crisis/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁶⁷ Macron Loses Assembly Majority in Setback to Reform Agenda URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-20/macron-s-historic-ballot-setback-risks-undermining-reform-agenda> (дата обращения: 20.08.2022).

⁶⁸ Macron faces 5 years of gridlock after stunning parliamentary defeat URL: <https://www.politico.eu/article/macron-to-lose-parliamentary-majority-in-stunning-upset/> (дата обращения: 20.08.2022).

сти беспокоят электорат, который традиционно высказывает своё мнение на выборах, однако на данный момент эти факторы скорее стимулируют активность и мобилизацию протестного движения. При этом лишь немногие политики и политические партии активно вовлечены в этот процесс. Движущими силами в основном выступают профсоюзы и молодёжь. Вместе с высокими показателями абсентеизма в ведущих странах ЕС данные тенденции демонстрируют утрату доверия граждан к традиционным политическим институтам и политическим элитам потребуются много усилий, чтобы его вернуть.

Заключение

Ряд кризисов последних лет серьёзно пошатнул социально-экономическое равновесие и обострил конфликтные точки в ЕС. Один из наиболее очевидных индикаторов развития социального неравенства — распределение доходов среди населения. С 2017 по 2022 г. он показал значительное снижение доходов среднего и нижнего классов даже по всей Европе. За последние несколько лет рабочий класс и молодёжь стали основными двигателями протестных движений в борьбе за социально-экономические блага в целом. Тем не менее пандемия и события на Украине имеют свою специфику в отношении тех вопросов, которые они поставили.

Пандемия COVID-19 обострила уже существующие социально-экономические противоречия в ЕС и подчеркнула скрытые: неподготовленность отдельных европейских стран к эпидемии и отсутствие общеевропейской стратегии по борьбе с вирусом, рост сомнения населения в действиях властей. Последний аспект ярко проявился в отсутствии единого мнения среди европейцев по вопросу вакцинации. Так, в некоторых странах (особенно характерно для стран Восточной Европы) процент скептиков и ковид-диссидентов доходит до 30–40%⁶⁹. Однако доверие граждан ЕС к медицинским и научным институтам остаётся на доковидном уровне, из чего следует вывод: люди испытывают значительные сомнения в необходимости вакцинации преимущественно из-за роли государства в этом процессе, а также по причине того, что

---

⁶⁹ The EU and the coronavirus pandemic – Standard Eurobarometer 96 – Winter 2021-2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553> (дата обращения: 07.06.2022).

экономические последствия оказались серьёзными. Помимо очевидного подтверждения данной тенденции ввиду падения доверия к государственным институтам имеются и дополнительные симптомы глубокого кризиса. Например, значительный рост популярности сообществ, предлагающих альтернативное объяснение пандемийным событиям, и иных конспиративных теорий.

Роль профсоюзов в процессе борьбы европейцев за социально-экономические блага отнюдь неоднозначна. В ряде стран они традиционно находятся в авангарде протестов, являются их мозговыми и организационными центрами (Франция, Италия, Германия), в то время как в странах Восточной Европы они бездействуют или утратили свою представительскую функцию (Болгария, Румыния, Албания. Можно найти и эпизоды, где профсоюзы защищают больше государственные интересы, чем рабочего класса (Испания). Тем не менее практически во всех государствах ЕС, согласно законодательству, только эти организации могут выводить людей на улицы и организовывать демонстрации. В ряде стран такое положение дел препятствует выстраиванию диалога рабочего класса с государственными институтами, а на общеевропейском уровне — коммуникации трудящихся друг с другом в различных странах в силу раздробленности профсоюзного движения.

События на Украине и решение европейских стран о введении санкций против России имеют глубочайшие и долговременные социально-экономические последствия для простых граждан ЕС. С одной стороны, солидарность европейцев по вопросам безопасности, поддержки Украины и приёме беженцев велика, но с другой — эта солидарность основана на эмоциональности и остроте происходящего, что со временем теряет своё значение. На первый план выступают экономические проблемы индивидуального характера. Миграционный кризис 2014—2015 гг. начинался на похожей высокой ноте, но вскоре европейское гостеприимство перешло в скептицизм, а у некоторых категорий населения в ксенофобию. Только в этот раз основным фактором изменения отношения к беженцам может стать экономическая рецессия, долгосрочного плана выхода из которой у отдельных стран ЕС пока нет.

Общеевропейский план по экономическому восстановлению вызывает у граждан и их политического руководства не только надежды на получение больших средств, но и много сомнений и вопросов по поводу возможного распределения средств и их урезания вследствие помощи Украине. В связи с этим экономическая и политическая нестабильность в странах ЕС может приводить

ко новым социальным протестам, росту расслоения в обществе, обеднению малозащищённых категорий населения, в частности, представителей рабочего класса, самозанятых, служащих, увеличения категории молодёжи NEET. Социально-политическая турбулентность на фоне общего экономического спада и санкционной политики, несомненно, отрицательно скажется на достижении целей и задач Европейской опоры социальных прав.

ЧАСТЬ IV

БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ

Глава 11. Кризис европейской безопасности: эволюция евроатлантической политики

Д.А. Данилов

Перманентные острые конфликты в российско-западных отношениях, которые удавалось преодолевать в политико-дипломатическом поле с конца 1990-х до середины 2010-х гг., набрали кумулятивный заряд, и европейская система безопасности оказалась в ситуации не только системного кризиса, но и деградировала до системной военно-политической эскалации. Признание Россией независимости ДНР и ЛНР и начало специальной военной операции (СВО) рассматривается Евроатлантическим альянсом не в парадигме поиска путей урегулирования кризиса, а как «новая норма» системы европейской безопасности (ЕСБ), определяющая стратегическую перспективу.

Прежние многосторонние политические механизмы, договорные и консультативные форматы, в том числе по урегулированию украинского конфликта и выработке Нормандской четвёркой Дорожных карт по выполнению Минских соглашений, по существу, не были использованы для деэскалации и выработки совместной антикризисной стратегии, вывода европейской системы безопасности и российско-западных отношений из украинского тупика и усиливающейся конфронтационной парадигмы. Тактическое манёврирование вокруг (не)выполнения Минских соглашений на фоне консолидации Евроатлантического альянса на платформе сдерживания «агрессивной» России усиливали фундаментальный конфликт интересов. Европейская система безопасности, её коллективные организации (прежде всего ОБСЕ) и институты российско-западного взаимодействия и диалога оказались театральной площадкой, где ведущие актеры репетировали сценарий будущей драмы, в их собственной интерпретации и с разной режиссурой. На Западе недооценили готовность Москвы

к отказу от тактической игры в перетягивание каната в Донбассе в пользу стратегического выбора, который обнуляет возможности тактического манёврирования и временных или отложенных договоренностей¹. Именно перед дилеммами отношений с такой Россией и её стратегическим выбором оказалось евроатлантическое «сообщество ценностей» с противостоящими ему «авторитарными и ревизионистскими державами» — прежде всего Россией и КНР, но также Ираном, Северной Кореей и другими.

В логике этой «новой нормы безопасности»² Евроатлантический альянс столкнулся не только с необходимостью сохранения внутреннего политического консенсуса относительно стратегического сдерживания России при сохранении способности коллективной обороны «на 360°», но и с дилеммами переформатирования и ресурсного обеспечения общего военного потенциала в ответ на российский «стратегический вызов». Обновлённые долгосрочные планы и доктринальные установки (в том числе принятые на мадридском саммите НАТО в июне 2022 г., включая новую стратегическую концепцию альянса³, «Стратегический компас» Евросоюза — «амбициозный план действий по укреплению политики безопасности и обороны ЕС к 2030 году»⁴) и связанные с этим политические и оперативные целеустановки по укреплению трансатлантической связки в конфигурации США-НАТО-ЕС выработаны исходя из сценария длительной контролируемой конфронтации.

Но эта перспектива, очевидно, уже подорвана нынешней военно-политической реальностью — нарастающей эскалацией конфликта, который, по существу, перерос формат СВО, первоначально ограниченной задачей защиты Донбасса, и обрёл характер прокси-войны между Западом (США-НАТО-ЕС) с Россией. Поэтому реакция Запада становится всё более ситуативной, хотя и выстроена в прежней логике сдерживания России, поддержки

---

¹ См. *Данилов Д.А.* НАТО / Этап специальной военной операции на Украине. Анатомия антироссийской политики в Европе / Под ред. Громыко А. Глава 3. (Доклады ИЕ РАН, № 390). М.: Институт Европы РАН, 2022. С. 80.

² *Громыко Ал.А.* От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 15–21.

³ NATO 2022 Strategic Concept. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения 12.08.2022).

⁴ A Strategic Compass for Security and Defence. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (дата обращения: 12.08.2022).

Украины и других евроатлантических аспирантов, собственной «стрессоустойчивости». Эти нарративы подразумевают стратегическое «поражение Путина», что изначально снижает способность российских оппонентов к альтернативному сценарному видению реальной стратегической перспективы. По существу, у Евро-Атлантики нет плана «В», который подразумевал бы выход из кризиса на основе комплекса взаимных договорённостей по вопросам фундаментальных, субстантивных противоречий. Коллективная евроатлантическая ответственность, напротив, заключалась в поиске консолидированных платформ и решений по системному сдерживанию России, которое, начиная с середины 2010-х гг., обрело характер ее всесторонней изоляции. Попытки России возобновить стратегические коммуникации с Западом и евроатлантическими институтами (НАТО, ЕС, руководством их ведущих стран) воспринимались не как возможность совместного выхода на антикризисную стратегию, а как свидетельство неготовности России к масштабной политической эскалации. Российские предложения о гарантиях безопасности в декабре 2021 г. были восприняты на Западе как неприемлемый ультиматум и провокация, но не как последовательная и настойчивая формулировка российских интересов, которые имеют для Москвы субстантивное значение и которые она готова принципиально и жёстко отстаивать.

Европейская система безопасности: к определению «момента истины»

Момент истины в российско-евроатлантических отношениях, которые формируют характер и главные векторы эволюции европейской системы безопасности, вряд ли можно определить хронологически. Динамика отношений всегда описывалась маятниковым ходом, чередой сменяющих друг друга взлетов и падений. Развитие российско-евроатлантических отношений в какой-то мере напоминает классическую теорию экономических циклов: кризис – подъем (рост) – застой – падение – кризис – восстановление. Однако ключевой вопрос для международных отношений в этой логике состоит в том, насколько возможно преодолеть очередной кризис с добавленной стоимостью при выходе из него, можно ли увеличить качественную планку «подъёма», которая, с одной стороны, снижала бы риски и уменьшала глубину следующего возможного падения, с другой стороны – открывала бы

новые горизонты позитивного развития (роста) и многостороннего сотрудничества. Другими словами, общий вектор развития имеет принципиальное значение, и, учитывая нарастающую амплитуду колебаний российско-западного маятника, сценарии углубления кризиса европейской системы безопасности рассматривались как всё более вероятные и в экспертном сообществе, даже той его преобладающей части, которая ориентировалась на кооперативные модели, и в поле политического планирования.

Взгляды российских исследователей различались в вопросах о том, насколько возможно противостоять складывающейся траектории падения. Большинство ученых вполне аргументировано делали акцент на реально существующих перспективах преодоления кризисных явлений, на поиске мотиваций к сближению позиций, на необходимости поддержания приемлемого и потому относительно устойчивого стратегического баланса — не только военно-политического, но и в самом широком смысле состояния стратегической стабильности⁵. Но и они признавали наличие всё более глубоких линий раскола в российско-западных отношениях, а ряд известных исследователей, особенно американистов, делали вывод о перманентном кризисе⁶, развивающемся в постбиполярную эпоху в связи с преемственной стратегией глобального доминирования США в условиях «поражения» СССР в холодной войне, с одной стороны, и процессом «осознания ограниченности возможностей сверхдержавы, несмотря на стремление Америки сохранить преобладающее влияние в порядкоформирующем процессе, при одновременном возвышении и укреплении иных центров силы»⁷.

До 2014 г. западные партнёры России и в НАТО, и в ЕС стремились уходить, насколько возможно, от предметного обсуждения вопросов фундаментальных разногласий по вопросам европейской и международной безопасности. Проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ), представленный Россией всем участни-

---

⁵ См., например: Евроатлантическое пространство безопасности / Под ред. А.А. Дынкина, И.С. Иванова. М.: ЛЕНАНД, 2011; Европа между трёх океанов: монография / Под общей ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2019.

⁶ Россия и США в XXI веке. Особенности отношений / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2020.

⁷ Татьяна Шаклеина. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. Результаты действий США и формирование «Евразийского центра» // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 37. DOI 10.17994/IT.2019.17.4.59

кам ЕСБ (странам-участницам ОБСЕ и основным организациям, включая ЕС и НАТО) 29 ноября 2009 г., был попыткой инициировать широкий диалог по ключевым военно-политическим проблемам, ставшими ещё более очевидными в контексте грузинского конфликта в августе 2008 г., и позволял открыть новые возможности для развития взаимодействия по всем институциональным каналам. Но он так и не стал основой для качественных изменений в системе европейской безопасности.

Сгладить амплитудные колебания в отношениях России с Евро-Атлантикой, с НАТО, США и ЕС удавалось на основе понимания, с одной стороны, необходимости удержаться от падения на очередное «дно» отношений, с другой — наличия императивов российско-европейского сотрудничества, стержнем которого долгое время оставался политический прагматизм. И то и другое в совокупности давало возможность не заикливаться на застойных явлениях и проблемных темах (разногласиях), снижать взаимные ущербы и риски конфронтации и в то же время адаптировать взаимоотношения к новым реалиям, поддерживая приемлемый баланс по шкале сдерживание—сотрудничество. Однако политический прагматизм сторон в 2000-е гг. был ориентирован, по существу, на различающиеся политические стратегии.

Запад стремился встроить сотрудничество с Москвой в русло своей модели построения НАТО-центричной системы безопасности и расширения интегрированного западного пространства «мира, демократии и стабильности». Но для этого Россию, которая очевидно не могла стать частью Запада и западноцентричной институциональной архитектуры, надо было удерживать от жёстких реакций. Именно в этом заключался западный прагматизм, ориентированный на следование собственным моделям построения европейского порядка и международных отношений, которые подразумевали постепенное выдавливание России за пределы конструируемого Западом пространства «мира, стабильности и безопасности», основанного на собственных нормах и правилах.

Российский прагматизм, напротив, выстраивался исходя из концепции единого и неделимого пространства безопасности и возможностей формирования и развития институтов, переговорно-консультативных площадок и механизмов равноправного взаимодействия с Западом. Конечно, Москва не могла не видеть в периодических западных заявлениях об «исторических прорывах» в направлении Большой Европы и в отношениях с Россией дипломатической игры, направленной на сдерживание российско-

го «ревизионизма». При этом само понятие «ревизионизм» имело противоположные интерпретации. Российские эксперты, а тем более политики, его вовсе не употребляли, предпочитая говорить о трансформационных процессах и необходимости существенной адаптации европейской системы безопасности. На Западе, напротив, не видели возможности отказа от НАТО-центризма (американской гегемонии, в российском понимании) и противодействия российскому «империализму» и «экспансии», которые теперь интерпретируются в терминах «реваншизма» и «агрессии».

Стратегии безопасности Запада и России становились всё более разнонаправленными и конфликтующими. Взаимный прагматизм сотрудничества, который даже описывался в период «перегрузки» на рубеже 2010-х гг. как стратегическое партнёрство, и не только по линии Россия—ЕС, но и Россия—НАТО, испытывал нарастающее давление фундаментального конфликта интересов. Запад рассчитывал и дальше продвигать собственную евроатлантическую модель нормативной и геополитической экспансии, поддерживая для этого в политико-дипломатической среде общеевропейский нарратив Парижской хартии для Новой Европы 1990 г. Но уже не в формате гармонизации европейских пространств от Ванкувера до Владивостока путём развития заинтересованного стратегического партнёрства Восток—Запад, а как довольно неопределённое евроатлантическое сообщество безопасности, к которому, как предполагалось, могла бы подключиться Россия — на основе принятия демократических ценностей и стандартов в их западном понимании.

Прагматические интересы России и Запада неизбежно наталкивались на всё более существенные препятствия для реализации «партнёрами» их не совпадающих долгосрочных целей и моделей развития. Столкновение двух европейских пространств безопасности — западного и восточного — не только не удалось перевести в русло гармонизации, но, наоборот, оно постоянно усиливалось. На Западе после окончания холодной войны при доминирующем влиянии США ставка была сделана на консолидацию собственного пространства, при этом включая курс на его стратегическое расширение. Восточное пространство, по контрасту с западными объединительными импульсами «Берлинской стены», столкнулось с беспрецедентными вызовами дезинтеграции — структурной, институциональной, этнополитической — и угрозами внутренней дестабилизации и обеспечения суверенитета. Россия стремилась не допустить фрагментации постсоветского пространства и «юго-

славизации» самого Российского государства, сформировать институты и механизмы постсоветского интеграционного взаимодействия, в котором она играла бы структурообразующую роль. Однако само наличие особых интересов России на постсоветском пространстве Западом не признавалось, и они трактовались как проявление имперского ревизионизма и попытки восстановления сфер влияния.

Ограниченные возможности России и её партнёров в СНГ и ОДКБ, с одной стороны, и линия Запада на обеспечение и удержание контроля на восточном (евразийском) пространстве — с другой, формировали изначально обширную среду конфликта интересов и, следовательно, требовали от «партнёров» постоянного лавирования между «сциллой» постбиполярного сотрудничества и «харибдой» сдерживания. Наметить общий курс не получилось, как не удалось и извлечь общие уроки и выработать ответы на Крымский кризис европейской безопасности 2014 г.

После признания Россией в марте 2014 г. крымской автономии и вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации «коллективный Запад» определил это, по существу, как основополагающий момент истины в европейских отношениях и европейской системы безопасности в целом. Североатлантический союз чётко обозначил перелом в отношениях с Россией как невозможность «вести дела как прежде» (*business as usual*), а Евросоюз заблокировал системный политический диалог с Россией, фактически прервав все стратегические коммуникации, в том числе по принципиально важным, ключевым аспектам европейской безопасности.

Все попытки перейти от первоначального понимания, что европейская политика отныне не может строиться на прежних опорах, к постепенному восстановлению стратегических коммуникаций и институционального диалога (т.е. ответить на вопрос, какой «бизнес» возможен, приемлем и необходим в условиях нарастающего кризиса?), оказались, по существу, безрезультатными. Переход Запада к стратегическому сдерживанию России, санкционная логика наказания «путинского режима», всесторонняя поддержка Киева, его жёсткой и провоцирующей линии в отношении конфликта на Донбассе и противодействия «российской агрессии» предопределили точку невозврата в российско-западных отношениях.

Евроатлантический альянс открыто взял курс на массивное сдерживание России по всем направлениям и всеми средствами — военно-политическими, экономическими, инфор-

мационными. Это стало питательной средой для возрождения идеологического противостояния. Биполярное противостояние двух блоковых систем времён холодной войны — капиталистической и социалистической — сменилось в новых условиях идеологией борьбы западного мира «демократических ценностей» с другим миром, который несёт в себе угрозы этим ценностям и евроатлантическому сообществу. Россия стала для него главным носителем таких угроз, что переросло в открытую антироссийскую идеологию как имманентной характеристики «новой нормы европейской безопасности» и фундамента глобальной западной стратегии.

«Момент истины» в развитии европейской системы безопасности не может быть определён однозначно. Несомненно, исторический перелом связан с крушением биполярного противостояния Россия—Запад («падение Берлинской стены»). Однако «новая эра» общеевропейского сотрудничества потребовала от всех участников европейской системы определения балансов на очень чувствительных, стратегических весах безопасности и обороны. Дихотомия «сотрудничество—сдерживание» в Европе усиливалась, разогревая температуру нового миропорядка. Общеевропейский вектор и идеи создания единого и неделимого пространства безопасности заметно ослабевали под воздействием фантомных болей и рефлексов холодной войны, связанных с этим конфликтующими оценками и восприятиями исторического прошлого, носителями которых являлись, к тому же, политические преемники противостоящих элит биполярного противостояния, включая военно-силовые структуры.

Попытки России развернуть ситуацию в русло урегулирования системных проблем европейской безопасности, восстановления стратегического диалога по линии отношений с НАТО, США и ЕС оказались безрезультативными. Запад, следуя курсом укрепления опор НАТО-центричной модели безопасности и европейского порядка, сделал упор на укрепление стратегического суверенитета и собственных военно-политических институтов. Именно на этой базовой платформе осуществлялась стратегическая перестройка, особенно после 2014 г., принимались концептуальные коллективные решения, определяющие долгосрочное военно-политическое планирование. Они оформлены в главных политических документах НАТО и ЕС, в которых Россия определена как стратегический вызов, а теперь названа прямой угрозой евроатлантической безопасности.

Евроатлантический ответ на «стратегический вызов» России

Концептуальные основы солидарного западного ответа на стратегический вызов сформулированы в документах Кардиффского (2014) и Стамбульского (2015) саммитов НАТО. Варшавский саммит в июле 2016 г. перевёл принятые решения в практическое русло планирования перестройки Евроатлантического альянса в направлении системного сдерживания России, включая формирование оперативного потенциала и передового присутствия на восточном фланге. Утверждённые программы и планы не только имели комплексный характер в ответ на российский «вызов» и «наступательность», но и определили долгосрочный стратегический вектор. Начавшаяся масштабная трансформация системы военного планирования, выполнение соответствующих планов и программ, включая развитие сил быстрого реагирования и другой военной инфраструктуры, направленной против России, не только следовали логике сдерживания, но и определяли неизбежную долгосрочную перспективу, когда любая политическая гибкость могла рассматриваться лишь в рамках принятых стратегических ориентиров.

Ведущие российские эксперты Института Европы РАН и ИМЭМО РАН уже в то время сделали вывод, что «речь идёт о долговременной политике НАТО, закладывающей сильный конфронтационный элемент в отношениях с Россией», и в этом смысле «Варшавская встреча представляется рубежной»⁸. Оправдался также прогноз участников экспертной встречи о том, что высокая вероятность, что в случае прихода к власти в США Д. Трампа в сфере внешней политики и политики безопасности возобладает жёсткая позиция по основным вопросам трансатлантической повестки, с акцентом на углубление военного сотрудничества с союзниками и активизацию их вклада в «совместную оборону». Для США рост напряжённости в военно-политической сфере на трансатлантическом направлении является важным средством активизации союзников, в том числе стимулирующим рост их оборонных расходов.

Д. Трамп после победы на президентских выборах в январе 2017 г. действительно сделал ставку на обеспечение безальтер-

---

⁸ Варшавский саммит НАТО: выводы для России. По итогам экспертного круглого стола, 27 июля 2016 г. (Участники: В.Г. Барановский, В.Б. Белов, Е.П. Бужинский, Ф.Г. Войтоловский, В.Н. Гарбузов, Ал.А. Громыко, В.М. Давыдов, Д.А. Данилов, А.А. Дынкин, В.В. Журкин, В.А. Кременько, М.Г. Носов, С.К. Ознобищев, С.М. Рогов, Д.В. Тренин, В.И. Трубников, С.В. Уткин, В.П. Фёдоров).

нативной поддержки Европой глобальной стратегии США в её интерпретации новой республиканской администрацией. Использование Вашингтоном механизмов лидерства в НАТО закрепило антироссийский вектор трансформации альянса, а потенциал прагматической линии Европы в отношениях с Россией был фактически исчерпан. Европейские союзники Соединённых Штатов, несмотря на попытки сопротивляться доктрине Д. Трампа *“America first”*, поддержали все его ключевые установки в рамках НАТО.

Президент Трамп установил три опоры перестройки отношений с союзниками: 1) справедливое распределение бремени, что подразумевает существенно бóльший европейский вклад; 2) в обмен на это подтверждаются «американские гарантии», и 3) только в этом случае возможно консолидировать курс НАТО и Атлантического альянса в целом на сдерживание России.

Такая повестка спровоцировала ещё большую европейскую фрагментацию и разобщённость, ослабила способность европейского «центра силы» вырабатывать консолидированные ответы на «вызов Трампа» и обеспечивать «стратегическую автономию» и «европейскую оборону». В Евросоюзе обострилась дилемма лидерства как вследствие разнонаправленных интересов стран-участниц на американском и трансатлантическом направлениях, так и в связи с предстоящим брекзитом, который существенно изменял расстановку сил и внутренние балансы в Евро-Атлантике. Подтверждение Германией её лидерства в ЕС, фактически безальтернативного с учетом амбициозных планов европейской обороны и обеспечения стрессоустойчивости, представлялось проблематичным, учитывая относительную ограниченность ее вклада в НАТО и возросшие разногласия с США⁹. Острые противоречия между канцлером А. Меркель и президентом Д. Трампом касались не только проблемы военных расходов Германии (1,2% в ВВП при минимально принятой в НАТО планке в 2%), но также по важнейшим для Берлина и для конкурентоспособности Европы в целом вопросам энергетической политики (Северный поток – 2), цифровизации («дело Хуавэй»¹⁰) и т.д. Позиция Меркель воспринималась Трампом как попытка давления и подрыв его европей-

---

⁹ Комментарий: визит Меркель в США – встреча терапевта с провокатором // Deutsche Welle, 16.03.2017. URL: <http://www.dw.com/ru/комментарий-визит-меркель-в-сша-встреча-терапевта-с-провокатором/a-37918162> (дата обращения: 20.05.2017).

¹⁰ Борьба Германии за суверенитет и дело Huawei. Выстоит ли Меркель? // РИА Новости. 17.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191217/1562449298.html>

ской и трансатлантической программы и разогрела конфликт¹¹. Вашингтону было важно обеспечить надёжные каналы влияния на Евросоюз в условиях ухода Британии. Для этого было необходимо лидерство Германии, но как ведомого в связке с США, а не как самостоятельного «штурмана» автономной еврообороны. Париж, со своей стороны, по-прежнему делал ставку на укрепление франко-германского тандема, но президент Э. Макрон стремился играть в нём более активную роль и компенсировать относительное ослабление позиций Германии в трансатлантическом балансе. Британия вследствие брекзита столкнулась не только с ослаблением возможностей и инструментов своего европейского влияния, но также с проблемой подтверждения своей «европейской» роли в отношениях с США. С другой стороны, успешное решение Лондоном этой задачи могло ухудшить позиции ЕС, лидерство Германии и франко-германский тандем.

Европейцы не могли напрямую оспаривать послание Трампа о «справедливом перераспределении бремени», но многие понимали, что для Вашингтона главной мотивацией является не повышение совокупного европейского потенциала и вклада в НАТО, а укрепление безальтернативного американского лидерства в Евро-атлантическом альянсе на условиях *“America first”*.

Принимая во внимание значимость военно-технологического развития и структурно-экономической роли ВПК, Европа, увеличивая оборонные расходы, попадала в ещё большую зависимость от США, а её конкурентный потенциал лишь ослабевал. Военно-технологическое отставание Евросоюза от Соединённых Штатов открывало возможность капитализации дополнительных европейских ресурсов в интересах американского ВПК, встраивания «еврообороны» в оборонную стратегию США. Различающиеся политические и экономические ожидания европейских стран от их оборонных вложений, в том числе в контексте развития отношений с США, провоцировали центробежные векторы внутри Общей внешней политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО) и снижали порог европейского политического знаменателя внутри НАТО¹².

¹¹ Euan McKirdy. Germany's defense minister to Trump: No, we don't owe NATO money, March 20, 2017 URL: <http://edition.cnn.com/2017/03/20/politics/nato-commitment-germany-reacts-trump/> (дата обращения: 19.07.2022).

¹² Подробнее см.: Данилов Д.А. Трамп: перезагрузка НАТО / Мировая политика в фокусе современности: монография / Предисл. Е.П. Бажанова; Отв. ред. М.А. Неймарк; Дипломатическая академия МИД России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018. С. 147–173.

С другой стороны, такой очередной внутренний раскол «европейской опоры НАТО», спровоцированный Вашингтоном, усиливал потенциальные риски для поддержания атлантического баланса, подверженному серьёзным негативным эффектам политики Трампа. В таком трансатлантическом раскладе для Европы фактически не оставалось места равного партнёра США, и для самостоятельной игры с Москвой. И это в среднесрочной перспективе угрожало размыванием европейских основ американского лидерства и глобальной роли. Поэтому потенциал атлантического ревизионизма Трампа также был относительно ограничен. Трамп не обладал реальными возможностями бросить НАТО, которая по-прежнему оставалась важнейшим инструментом американского влияния на европейских союзников и достижения геополитических целей. Тем не менее, потребовав «справедливой оплаты» американских гарантий безопасности и фактически обвинив европейцев в иждивенчестве за счёт США, Д. Трамп предельно повысил ставки в трансатлантической партии, впервые поставив под вопрос центральную аксиому Евро-Атлантики — самоценность и неприкосновенность НАТО. Фактически Вашингтон применил к своим европейским союзникам тот самый принцип кондициональности («большее за большее»), который применяется ЕС в отношениях с партнёрами и евроаспирантами, но в гораздо более жёсткой и даже ультимативной форме, изменив полярность этой конструкции — на «меньшее за меньшее».

Брюссельский саммит НАТО 25 мая 2017 г. в рамках первого европейского визита Д. Трампа изначально рассматривался как ключевое событие и политическая площадка, на которой предстояло определить новые условия трансатлантического соглашения и в рамках самого альянса, и в более широком контексте американско-европейских отношений. Итоги встречи, действительно, во многом стали определяющими для реформативного Евро-атлантического альянса. Европейские участники НАТО получили ясное подтверждение того, что Вашингтон демонстративно воспринимает их как «младших партнёров», как ведомых в трансатлантической связке. По существу, Д. Трамп прибыл в Брюссель не слушать их, а выслушать ответ на его предложение, от которого нельзя отказаться. И ответ должен быть дан именно на этой встрече, а договорённости должны носить конкретный характер. Демонстрация генеральным секретарем альянса Й. Столтенбергом готовности европейских союзников США в целом дви-

гаться в русле американской повестки¹³, чтобы на этой платформе открыть новый этап определения взаимоприемлемых договоренностей и балансов, была воспринята Д. Трампом, напротив, как подтверждение европейской слабости и сигнал к продолжению его европейской кампании на собственных условиях.

Повестка саммита была предопределена позицией Вашингтона и отражала две центральные установки американской администрации в отношении НАТО — увеличение вклада Европы в коллективную оборону и борьба с международным терроризмом/ИГИЛ. По первому вопросу Трампу удалось добиться от европейцев принятия обязательства предоставлять в штаб-квартиру НАТО национальные планы повышения военных расходов. Планы предусматривают не только ежегодное увеличение объемов финансирования, но и выстраивание в рамках основных целей и задач военного строительства альянса. На вопрос СМИ о том, что будет предприниматься в случае невыполнения планов, т.е. о механизмах реализации и контроля, Вашингтон дал категоричный ответ: такой вариант даже не рассматривается, поскольку он означал бы нарушение союзниками их обязательств. Борьба с терроризмом, казалось бы, объединительная тема в альянсе, в интерпретации Д. Трампа стала проблемной для союзников. Объявленный Вашингтоном курс на выход из Афганистана значимо сужал пространство, где Европа могла бы подтвердить свою солидарную полезность. При этом Трамп заявил о необходимости подключения НАТО как организации к антитеррористической коалиции под руководством США в Сирии, и это решение, весьма проблематичное для европейских союзников, также было принято¹⁴.

Российская тема в официальной программе саммита специально обозначена не была, но, конечно, обсуждалась. Заместитель генсека альянса Р. Готтемуллер подчеркнула: «Более агрессивная Россия, рост насильственного экстремизма, рост ИГИЛ» — именно эти вызовы определили решения по двум центральным вопросам саммита. 2014 год, по ее мнению, стал для НАТО переломным — после «вторжения» России в Украину, «захвата» Крыма и захвата Мосула ИГИЛ. При этом корни событий она видит в 2008 г.,

¹³ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of NATO Heads of State and/or Government in Brussels on 25 May, 25 May. 2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144098.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

¹⁴ Подробнее: *Данилов Д.А.* НАТО: неформальный саммит или новый формат? // *Международная жизнь.* № 8, август 2017. С. 50–67.

когда «на пороге финансового кризиса» произошло «российское вторжение в Грузию»¹⁵. Такие оценки, особенно с учетом американского гражданства Р. Готтемюллер и её связей с американским истеблишментом, говорят о том, что в целом с приходом Д. Трампа в альянсе была консолидирована жёсткая линия на сдерживание РФ и общая позиция по Крыму и украинскому конфликту. На фоне принятия в НАТО Черногории также была подтверждена политика «открытых дверей» для стран-претендентов на членство, включая Грузию и Украину.

Такое давление на Россию в совокупности с другими неблагоприятными для Москвы сигналами брюссельской встречи и негативной динамикой российско-американских отношений увеличивало опасность дрейфа Европы к выстраиванию новых, управляемых отношений конфронтационного типа с РФ и дальнейшей консолидации Евро-Атлантики в рамках НАТО, а Москвы – на платформе «Крепость Россия». Европа/Евросоюз оказались не способны признать необходимость поиска проактивной стратегии выхода из кризиса российско-западных отношений, любые попытки вернуться к здравому смыслу в сфере европейской безопасности торпедировались лагерем сдерживания России на передовых рубежах, и именно этот лагерь стал базовым для Вашингтона в маршрутизации его европейской политики.

«Новая стратегия национальной безопасности – для новой эры», утверждённая администрацией Трампа в декабре 2017 г., фиксировала базовые односторонние протекционистские установки администрации Трампа во внешней политике, в отношениях с союзниками и международными партнёрами. В ответ на заявленный в Глобальной стратегии ЕС политический метод «прагматизма, основанного на принципах» (*principled pragmatism*), американская стратегия ориентирована на «принципиальный реализм» (*principled realism*) на основе опыта и практических национальных интересов. «Кто не с нами – тот против нас» – именно такую формулу перестройки международных отношений предложил Д. Трамп «для новой эры». В качестве носителей главных угроз безопасности, наряду с «региональными диктаторами» и «террористами из джихадистских организаций» в Стратегии определены «ревизионистские державы, такие как Китай и Рос-

---

¹⁵ Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session, 29. May 2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

сия, которые используют технологии, пропаганду и принуждение в целях формирования мира, несовместимого с нашими интересами и ценностями»¹⁶.

Основные параметры трансатлантических отношений и балансов, таким образом, уже были чётко обозначены, и очередной саммит НАТО 2018 г. был нацелен на стратегический анализ. Его итоги отражают ранее принятые политические установки и оперативные планы, включая новую формулу оперативной готовности — «Четыре тридцатки»¹⁷. «Российский вопрос» при этом стал стержневым для обеспечения единства альянса, тезисы об агрессивной и наступательной России открывают Декларацию саммита. Стало очевидно, что преобладающий вес уже имеет та группа стран, которая после Украинского кризиса 2014 г. сделала ставку на безальтернативное стратегическое сдерживание России¹⁸.

Евроатлантический альянс: «возвращение Америки» и стратегическое обновление

НАТО подошла к семидесятилетнему юбилею с возросшим грузом внутренних проблем, связанных с кризисом трансатлантического единства, спровоцированного «бескомпромиссным прагматизмом» Трампа не только в борьбе с внешними угрозами, но в отношениях с союзниками. Трамп спровоцировал европейскую междоусобицу, когда в ответ страны альянса вынуждены были более определённо и жёстко формулировать и отстаивать свои национальные интересы, особенно в ожидании новых президентских выборов в США. В очередной раз усилился раскол по линии «старая» — «новая» Европа (внутри ЕС и НАТО), по-разному рассматривавших риски и дивиденды инвестирования в «доктрину Трампа». Более остро обозначился «вызов Эрдогана» как в евро-

¹⁶ *Искандеров П.* «Бизнес-Стратегия» Дональда Трампа // Международная жизнь, 20.12.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19014> (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁷ К 2020 г. запланировано создать потенциал в составе 30 механизированных батальонов, 30 боевых кораблей и 30 воздушных эскадрилий, готовых вернуться в срок до 30 дней.

¹⁸ *Данилов Д.А.* Саммит НАТО в июле 2018 года: «технические» решения и стратегическая неопределённость // Международная жизнь, сентябрь 2018. С. 180–191. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/92018/files/assets/downloads/publication.pdf; <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2084> (дата обращения: 12.08.2022).

пейско-турецких отношениях, так и внутри разбалансированного Атлантического альянса. Анкара потребовала от альянса в полной мере обеспечить основополагающие интересы безопасности как непереносимое условие поддержки коллективной политики сдерживания, включая обязательства по укреплению восточного фланга и оперативных программ передового присутствия. Президент Франции Э. Макрон констатировал «смерть мозга НАТО» в преддверии юбилейного саммита в декабре 2019 г., что, по существу, было попыткой применения способа шоковой терапии в ответ на разрушительную для альянса политику Д. Трампа и попыткой восстановить утерянные европейцами и франко-германским tandemом позиции.

Администрация Байдена, с большим трудом одержавшего победу над Трампом в ноябре 2020 г., ожидаемо сделала акцент на альтернативе трампизму, на разворот США в сторону многосторонности в отношениях с атлантическими партнёрами и исправления дисбалансов «эры Трампа». Свой первый зарубежный визит, в отличие от Трампа, новый президент совершил в Европу, обозначив принципиальную установку перед саммитами «Большой семерки» 11–13 июня 2021 г. и НАТО 14 июня: «Америка возвращается».

Но европейские союзники США, вырвавшись из «капканов» Д. Трампа, вновь столкнулись с дилеммами “*Pax Americana*”, дополненными новыми амбициями британского лидерства (“*Global Britain*”¹⁹). Для Вашингтона открылись возможности проводить более гибкую политику в Европе в кардинально изменившейся политической ситуации в контексте брекзита, варьировать адресатов европейской политики (ЕС/Германия/Франция/Польша/Британия и т.д.) в зависимости от поставленных целей. Джо Байден подтвердил на встрече G7 в британском Корнуолле значимость особых отношений США и Британии, поставленных под вопрос Трампом. Именно тогда, без обсуждения с союзниками по НАТО и другими участниками G7, Вашингтоном и Лондоном были одобрены договорённости об учреждении нового оборонительного союза AUKUS (Австралия+Британия+США). Концептуальной основой решения стала новая Атлантическая хартия, принятая

---

¹⁹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Published 16 March 2021 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 10.04.2021).

США и Британией 10 июня 2021 г., в которой стороны подтверждают свою «неизменную приверженность поддержанию наших непреходящих ценностей и защите их от новых и старых вызовов» и обязуются «тесно сотрудничать со всеми партнёрами, которые разделяют наши демократические ценности, и противостоять усилиям тех, кто стремится подорвать наши союзы и институты»²⁰.

Для континентальной Европы это стало своеобразной кодификацией новой расстановки сил внутри Атлантического альянса, когда базовые атлантические установки формулируются Соединёнными Штатами с опорой на новый союз с Британией, и к которым они предлагают присоединиться европейским союзникам фактически путем процедуры «голосования по умолчанию». При этом как альтернативу трампизму, разрушающему атлантическое единство, Джо Байден предложил «доверительное лидерство» США (*trusted leadership*). Его администрация фактически использовала прежний манёвр президента Обамы, который, на фоне провального ухода Дж. Буша-мл., предложил Европе «ответственное лидерство» Соединённых Штатов. Однако стратегия американского доминирования осталась, по сути, неизменной, и «возвращение Байдена» не меняет ни ориентацию США на глобальное лидерство, ни ограниченность европейского потенциала политической автономии, особенно в том, что касается возможности влияния на Вашингтон.

Многосторонность в такой англосаксонской трактовке дает США возможность усилить позиции в отношениях с каждым из европейских партнёров, заинтересованных в продвижении своих интересов на американском направлении, а Британии – выстраивать свою глобальную стратегию и усиливать соответствующие инструменты влияния на региональных партнёров в Европе после брекзита. Конкуренция за «американский интерес» позволяет Вашингтону обновить инструменты влияния в конкурентной борьбе с ЕС, в том числе за счёт относительного размывания лидерства ведущих европейских стран, обеспечить поддержку американских установок на противодействие другим «ревизионистским» центрам силы, прежде всего Китаю, но и России, мобилизовать европейцев на поддержку американской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском

---

²⁰ The New Atlantic Charter, Published 10 June 2021 // GOV.UK. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/992569/The_New_Atlantic_Charter_2021.pdf (дата обращения: 15.06.2021)

регионе²¹ и при этом удерживать важные рычаги влияния на российскую политику Европы.

Европейские союзники США, генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг и его аппарат стремились зафиксировать на брюссельском саммите 2021 г. прежде всего восстановление трансатлантического единства, выводя за скобки проблемные вопросы²². Аппаратно-бюрократический успех брюссельского саммита альянса в июне 2021 г. демонстрирует устойчивость в эпоху политической турбулентности. Но аппаратно-бюрократическая демонстрация штаб-квартирой НАТО успешного обновления коллективной стратегической платформы в действительности базируется на официально зафиксированных в период трампизма векторах трансформации — не только европейских обязательств по росту военных расходов, но и решений по расширению оперативной активности на киберсферу и космическое пространство, участия в качестве организации в операциях под руководством США (в Сирии), включения в повестку «вызова Китая» и т.д. Это в полной мере отражено в Совместном коммюнике по итогам саммита одобренная «Повестке НАТО-2030»²³, в которой довольно детально представлены все основные решения, оперативные установки и планы по их реализации, которые фактически легли в основу принятой в Мадриде новой стратегической концепции. Таким образом, «наследие Трампа» заложено в будущую концептуально-доктринальную трансформацию альянса, на которой будут строиться трансатлантические отношения.

«Возвращение» Байдена вернуло НАТО к идеям о глобальной роли альянса²⁴. На саммите четко зафиксирован расширительный подход к обеспечению безопасности: НАТО необходимо укрепить как «трансатлантический форум для консультаций и совместных действий по всем вопросам, касающимся нашей индивидуальной

---

²¹ Губин А. Расширение Востока в НАТО: новые подходы Японии и Республики Корея к обеспечению безопасности // РСМД. 9 августа 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rasshirenje-vostoka-v-nato-novye-podkhody-yaponii-i-respubliki-koreya-k-obespecheniyu-bezopasnosti/>

²² О геополитической и функциональной трансформации НАТО см.: Данилов Д.А. Саммит НАТО-2021: основные итоги // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 3. С. 7–14.

²³ НАТО 2030: Making a strong alliance even stronger // <https://www.nato.int/nato2030/> (дата обращения: 15.06.2021).

²⁴ Подробнее: Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31.

и коллективной безопасности»²⁵. В соответствии с этим положением союзники планируют расширить оперативную активность фактически на весь спектр угроз и вызовов безопасности и, исходя из их оценки и интерпретации, формировать механизмы и инструментарий противодействия. Вызовы безопасности по-прежнему строятся на основе концепции «кругового обзора» («на 360°»), но она выстраивается в обновленной идеологической парадигме «защиты наших [выделено авт.] ценностей и интересов»²⁶. Стратегическая концепция НАТО—2022 подчёркивает: «Авторитарные субъекты бросают вызов нашим интересам, ценностям и демократическому образу жизни. Они инвестируют в современные обычные, ядерные и ракетные потенциалы, почти при полном отсутствии транспарентности и без учёта международных норм и обязательств». При этом основной угрозой является Россия: «Российская Федерация является наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств-членов НАТО, а также миру и стабильности в Евроатлантическом регионе»²⁷.

*   *
*   *

В ситуации военной эскалации конфликта на Украине и усиливающейся российско-западной конфронтации Европа/ЕС сталкивается с гораздо более субстантивными проблемами стратегического планирования и обеспечения балансов в отношениях с США, чем в период атлантического ревизионизма Трампа. Байден не только не высвободил Европу из расставленных Трампом «капканов» на маршрутах её продвижения к горизонтам политической автономии, но даже усилил инструменты американского влияния, в том числе через НАТО. Украинский конфликт не имеет для Вашингтона таких стратегических последствий, как для других участников европейской системы безопасности и, напротив, рассматривается им как площадка для выстраивания собственной глобальной стратегии, которая нацелена не на европейское урегу-

²⁵ Там же.

²⁶ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of NATO Heads of State and Government, 14 Jun. 2021 // NATO, 14 June 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184959.htm (дата обращения: 15.06.2021).

²⁷ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств 29 июня 2022 г. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf. С. 3, 4.

лирование, а, как и при Трампе, на капитализацию европейских активов в интересах США. «Складывается впечатление, что США решили наложить шаблон послевоенного мира на XXI в. и посмотреть, не сработает ли он вновь в их пользу»²⁸.

Европейские союзники последовательно повышали ставки в борьбе за американские гарантии безопасности в ответ на российский «стратегический вызов», но, «оплатив страховку», оказались в ещё большей зависимости от «страховой» монополии Вашингтона. Украинский конфликт и глубокий кризис европейской безопасности фактически обеспечил США доминирующие позиции в формулировке основных направлений атлантической стратегии, а Евросоюз, напротив, лишился самостоятельной роли в контексте управления острым и масштабным военным кризисом, как и перспектив обеспечения стратегической стабильности и автономии. «Глобальная стратегия» Евросоюза 2016 г. и принятый в 2022 г. для её обеспечения «Стратегический компас»²⁹ создают некую виртуальную реальность, в которой за «программное обеспечение» игры в атлантическую солидарность, европейскую автономию и «Союз обороны» отвечает Вашингтон, выполняющий функции игрового модератора.

Таким образом, Украинский кризис стал для США ключевым инструментом для продвижения всех основных линий укрепления их мирового влияния (в отношениях с Европой, с Россией, обеспечения позиций в ключевых сферах технологической конкуренции, в военно-стратегической сфере и т.д.). Европейские партнёры США сохраняют возможности ограниченного влияния на конкретные «сделки», но не на стратегию в отношении Россия – Евро-Атлантика. В новой Стратегической концепции НАТО фактически исключается возможность возвращения европейской системы безопасности в русло нормализации, поскольку она предполагала бы абсолютно нереалистичные условия в их евроатлантической интерпретации: «Любое изменение в наших отношениях зависит от того, прекратит ли Российская Федерация свое агрессивное поведение и будет ли она в полной мере соблюдать международное право»³⁰.

---

²⁸ Громыко Ал.А. От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 20.

²⁹ A Strategic Compass for Security and Defence. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en (дата обращения 12.08.2022).

³⁰ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. С. 4.

Эскалация Россия–Запад перешла в новую идеологическую плоскость. Борьба Евroatлантического альянса, опирающегося на широкую сеть партнёрств (в том числе с использованием военно-политического инструментария НАТО), с «авторитарными режимами» и «ревизионистскими силами», угрожающими «демократическим ценностям», предполагает углубление разлома между противостоящими центрами силы и снижение до минимума способности договориться. Эта ситуация кардинально отличается от послевоенной биполярной конфронтации, выход из которой рассматривался как возможность компенсации взаимного сдерживания постепенным развитием диалога и сотрудничества по всем линиям, включая военную деэскалацию. Нынешняя парадигма не связана с постулированием и реализацией совместной заинтересованности сторон к построению совместного пространства безопасности. Прежняя общая отправная точка – понимание необходимости снижения военных рисков в Европе для постепенного сближения и создания среды общеевропейского сотрудничества – теперь становится пунктом попятного движения, поиском путей сдерживания катастрофической военно-политической деградации.

Глава 12. Кибербезопасность в европейском регионе: национальные стратегии и коллективные подходы

П.А Шариков

Активное распространение потребительской информационной электроники происходило с начала 1990-х гг. В начале нового столетия население стран США и Западной Европы уже было обеспечено практически повсеместным доступом к интернету. Буквально за десятилетие общество «западных демократий» оказалось в зависимости от использования информационных технологий (ИТ), которые применяются для решения самых разных задач, в том числе бытовых, социально-политических, военных и проч. Проблематика защиты информации, информационно-технологической инфраструктуры стала приоритетом национальной безопасности, и различные аспекты безопасности экономического, политического, военного использования информационных технологий (ИТ) были объединены под общим понятием «кибербезопасность».

За последние три десятилетия эволюционировало и восприятие угроз кибербезопасности. В 1990-е – начале 2000-х гг. в качестве основной угрозы кибербезопасности воспринимали выведение из строя информационной инфраструктуры – физической или программной, нарушение её устойчивости. Позднее кибербезопасность стала также рассматриваться в контексте проблемы возможного принятия решений, в том числе оперативного и даже стратегического характера, на основе искажённой информации. В условиях многократно увеличившегося количества и качества передаваемой информации в глобальной информационной сети существенно возросли угрозы намеренного информационного воздействия на экономических конкурентов или политических противников. Особую опасность для национальной безопасности такая угроза имеет в странах, где уровень использования интернета населением достигает 80–90%.

В мировой научной литературе и в международном праве отсутствует консенсус относительно содержания самого понятия

кибербезопасность. Заметное влияние на международный дискурс по проблемам кибербезопасности оказывает американская политическая наука, где общественно-политические дискуссии относительно наиболее эффективной государственной политики в области кибербезопасности начались раньше, чем в Европе. В политической науке выделяют, прежде всего, такие угрозы кибербезопасности, как киберпреступность, нарушение конфиденциальности, секретности и получение неправомерного доступа к информации, военные угрозы. Аналогичные угрозы рассматриваются и в политическом планировании.

Основные решения в области кибербезопасности принимаются на национальном уровне; институты, обеспечивающие защиту информации, подчиняются органам государственной власти. Очевидно, что проблема кибербезопасности имеет глобальное измерение. Евроатлантические союзники и партнёры Соединённых Штатов разделяют американский концепт «открытого интернета», который принципиально отличается от подходов России и ряда других государств. При этом именно в Европейском союзе, в отличие от американской позиции, существует ещё один уровень принятия решений в области кибербезопасности — региональный. Происходит формирование региональной системы кибербезопасности, участниками которой являются не только национальные институты стран-членов ЕС и других стран европейского региона, но также включающей такие структуры, как НАТО и ОБСЕ.

Развитие киберпотенциала — аспект государственной политики

По мере развития информационных технологий стало очевидно, что эта сфера имеет стратегическое значение и требует соответствующих мер государственного регулирования. При этом возникает дилемма, связанная с тем, что усиление государственного контроля над ИТ-сферой входит в противоречие с целями и задачами социально-экономического развития, учитывая, что информационный сектор в значительной степени является гражданским и развивается, в первую очередь, за счёт потребительского спроса и трудно совместим с государственным планированием. Кроме того, информационные технологии в развитых странах проникли во все сферы жизнедеятельности человека, в связи с чем сложно выделить ИТ-сферу как отдельную.

Несмотря на то, что информационное пространство является глобальным, распределение информационных ресурсов в мире происходит крайне неравномерно. Сравнение национальных потенциалов осложняется многообразием подходов к определению информационных ресурсов. *Во-первых*, информационное пространство представляет собой среду взаимодействия. *Во-вторых*, — инструмент воздействия, и *в-третьих*, — ресурс, который необходимо защищать от различных угроз, в создании и развитии которого участвуют государство, бизнес и гражданское общество (а также теневые и преступные группировки).

Информационно-технологическая инфраструктура состоит из элементов, производство которых предполагает крайне сложную глобальную цепочку поставок, в результате чего они оказываются недоступными для многих стран. Кроме того, на национальном уровне регулирование информационных ресурсов реализуется в соответствии с особенностями национальной законодательной базы и правоприменительной практики. Учитывая, что планирование информационно-технологического потенциала происходит в значительной степени на внутригосударственном уровне, большой интерес представляют исследовательские попытки сравнить национальные киберпотенциалы. Маркус Уиллет, сотрудник Международного Института стратегических исследований (IISS) и один из разработчиков британской государственной программы обеспечения кибербезопасности, предпринял попытку объяснить и интерпретировать понятие «кибермощь» (*cyber power*). Измерить кибермощь, по его мнению, возможно при сочетании следующих «пересекающихся друг с другом элементов: человеческого капитала, технических ресурсов и организационных мер государственной политики»¹. Более предметно эксперт предлагает рассмотреть также «технические возможности, показатели НИОКР, стратегии и доктрину, учения и тестирование вооружений на поле боя, накопленный опыт, политическую волю и юридические рамки». В 2021 г. в IISS с участием М. Уиллета был подготовлен доклад «Киберпотенциал и национальная мощь: новая оценка»². В нём авторы предлагают семь категорий для оценки национального киберпотенциала: стратегия и доктрина, управление и системы

---

¹ *Marcus Willett. Assessing Cyber Power// Survival. Global Politics and Strategy. Vol. 61. 2019/ No. 1. Pp. 85–90. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1569895>*

² *Cyber Capabilities and National Power: A Net Assessment / International Institute for Strategic Studies, June 28, 2021. <https://www.iiss.org/blogs/research-paper/2021/06/cyber-capabilities-national-power>*

боевого управления, возможности киберразведки, зависимость от кибертехнологий, устойчивость и кибербезопасность, глобальное лидерство в вопросах кибербезопасности, наступательный киберпотенциал. Согласно этой методологии, все страны распределены по трём категориям: США лидируют по всем показателям; Австралия, Канада, Китай, Франция, Израиль, Россия и Британия лидируют по большинству показателей; остальные страны заметно отстают по каждому из показателей.

К началу 2020-х гг. каждая из стран европейского региона имеет весьма развитый киберпотенциал, включающий организационные и правовые меры государственного регулирования, защиты информационной инфраструктуры, особенно критически важной для национальной безопасности, а также военные структуры, включающие оборонительные и наступательные элементы. Кроме того, в большинстве стран европейского региона киберпотенциал означает не только национальные, но и региональные элементы на уровне Европейского союза и/или НАТО. Киберпотенциал каждой из стран европейского региона прошёл сложный путь эволюционного развития. Наиболее показательными являются модели государственного регулирования в Британии, Германии, Эстонии и Франции. Германия и Франция обладают, возможно, самым мощным киберпотенциалом; при этом они принимают активное участие в выработке общей политики кибербезопасности ЕС. Лондон остаётся важным региональным актором, а после выхода из ЕС играет особую роль в трансатлантических отношениях. Пример Эстонии уникален, так как по многим показателям эта страна стала пионером в области политического использования информационных технологий, а также разработки политики кибербезопасности.

В Британии вопросы развития информационных ресурсов стали приоритетными в конце 1990-х гг., когда основной задачей была объявлена цифровизация государственных функций. В 2009 г. вышла стратегия кибербезопасности³, в которой констатировалось, что основные угрозы исходят от «преступных группировок, государственных разведывательных ведомств, а также террористических организаций». Для противодействия этим угрозам в правительстве была учреждена специальная структура — Управ-

---

³ Cyber Security Strategy of the United Kingdom safety, security and resilience in cyber space, June 2009. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228841/7642.pdf

ление кибербезопасности (Office of Cyber Security, OCS). В 2016 г. в ходе реформы функции обеспечения кибербезопасности были переданы Центру правительственной связи (GCHQ Government communications Headquarters)⁴ – разведывательному агентству, включающему в себя Национальный центр кибербезопасности (National Cyber Security Centre), который занимается защитой критически важной национальной инфраструктуры, а также координацией вопросов режимного обеспечения безопасности между государственными органами. В 2021 г. было объявлено о масштабной реформе в области военной кибербезопасности⁵, в ходе которой особое внимание уделялось вопросам развития национального наступательного киберпотенциала, укреплению сотрудничества с союзниками (США и НАТО) в области защиты киберпространства. В частности, в структуре вооружённых сил учреждались Национальные киберсилы, НКС (National Cyber Force, NCF), в функции которых входило проведение наступательных киберопераций⁶.

В основе немецкой модели – механизмы государственного стимулирования экономического развития. Ключевые функции в области государственного регулирования выполняет Федеральное министерство транспорта и цифровой инфраструктуры. Причём функции, связанные с цифровой инфраструктурой, возложены на министерство с 2013 г.⁷ Экономические приоритеты в области цифровизации подтверждаются и тем, что ключевые функции в области обеспечения кибербезопасности возложены на Министерство внутренних дел (Bundesministerium des Inneren, BMI). В 2021 г. вышла очередная редакция Стратегии кибербезопасности. Координация вопросов кибербезопасности обеспечивается на межгосударственной платформе – в Совете по кибербезопасности

---

⁴ Government Communications Headquarters overview. <https://www.gchq.gov.uk/section/mission/overview>

⁵ Оборона в эпоху соперничества. Представлено в парламент государственным секретарём по вопросам обороны по приказу Её Величества, март 2021 г. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1007598/Defence_In_a_Competitive_Age_CP_411_Mar_21_-_RUSSIAN.pdf

⁶ *Cimpanu C.* UK alludes to retaliatory cyber-attacks on Russia // The Record. February 22, 2022 <https://therecord.media/uk-alludes-to-retaliatory-cyber-attacks-on-russia/>

⁷ *Cymutta S.* National Cybersecurity Organisation: Germany / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. CCDCOE National Cybersecurity Governance Series, 2020 https://ccdcoe.org/uploads/2020/12/Country_Report_DEU.pdf

(Cyber-Sicherheitsrat), учреждённом в соответствии с первой стратегией кибербезопасности в 2011 г. Большое влияние на усиление немецкой (и европейской в целом) политики кибербезопасности сыграли утечки, организованные Эдвардом Сноуденом⁸. Согласно последней редакции стратегии 2021 г., основными угрозами Германии в области кибербезопасности являются: «киберпреступления, кибератаки, организованные государствами и гибридные формы агрессии»⁹. Особое значение в стратегии Германии имеет совершенствование региональной системы кибербезопасности Европейского союза. С 2016 г. в структуре германских вооружённых сил действует киберкомандование¹⁰. Эксперты отмечали, что его создание было якобы вызвано необходимостью защиты от кибератак со стороны России, но позднее у киберкомандования помимо оборонительных стали появляться и наступательные функции¹¹.

Эстонская политика в области кибербезопасности представляет особый интерес. Это небольшое государство является одним из наиболее развитых в контексте информационных технологий государств, прежде всего в области услуг электронного правительства. Эстония оказалась одной из первых стран в мире, принявших Стратегию кибербезопасности (2008)¹². Тогда приоритетом стало развитие оборонительного военного потенциала, а сам документ был подготовлен в Министерстве обороны. Вторая редакция стратегии кибербезопасности опубликована Министерством экономического развития в 2014 г.¹³ Как и в большинстве других стран

⁸ Renard T. EU cyber partnerships: assessing the EU strategic partnerships with third countries in the cyber domain // European Politics and Society. Vol. 19. 2018. No. 3. Pp. 321–337, <https://doi.org/10.1080/23745118.2018.1430720>

⁹ Cyber Security Strategy for Germany 2021. P. 14 <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/EN/themen/it-digital-policy/cyber-security-strategy-for-germany2021.pdf>

¹⁰ Ein Wappen Kommando Cyber- und Informationsraum, Auftrag <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/kommando-und-organisation-cir/kommando-cyber-und-informationsraum>

¹¹ Shulze M., Herpig S. Germany Develops Offensive Cyber Capabilities Without A Coherent Strategy of What to Do With Them / Council on Foreign Relations, December 3, 2018. <https://www.cfr.org/blog/germany-develops-offensive-cyber-capabilities-without-coherent-strategy-what-do-them>

¹² Cyber Security Strategy, Cyber Security Strategy Committee, Ministry of Defence, Estonia, Tallinn 2008 https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-security-strategies/ncss-map/strategies/cyber-security-strategy/@@download_version/993354831bfc4d689c20492459f8a086/file_en

¹³ The Cyber Security Strategy 2014-2017, Ministry of Economic Affairs and Communications, 2014. <https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-se>

Европы, в Эстонии действует межправительственная координационная структура – Cyber Security Council of the Security Committee of the Government¹⁴, а также военное киберкомандование¹⁵. С 2008 г. также запущена работа натовского Центра превосходства в области кибербезопасности (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, CCDCOE).

Во Франции вопросами кибербезопасности занимается Национальное агентство по безопасности информационных систем (Agence nationale de la sécurité des systèmes d'information (ANSSI), основанное в 2009 г. в структуре Генерального секретариата по обороне и национальной безопасности (Secrétariat général de la Défense et de la Sécurité nationale). Агентство обеспечивает безопасность государственных информационных систем. При этом особое внимание уделяется роли Франции в координации европейского регионального информационного пространства. С началом президентства Франции в Совете ЕС в первой половине 2022 г. Агентство уделяет особое внимание координации усилий в области обеспечения кибербезопасности в Европейском союзе¹⁶. В 2019 г. Франция объявила о создании киберкомандования в структуре вооружённых сил¹⁷, выполняющего как оборонительные функции, так и наступательные операции.

Кроме того, в 2004 г. в ЕС создано Агентство по кибербезопасности (European Union Agency for Cybersecurity – ENISA)¹⁸, в функции которого входит координация вопросов кибербезопасности на уровне объединения.

---

curity-strategies/ncss-map/Estonia_Cyber_security_Strategy.pdf

¹⁴ *Osula A.-M.* National Cyber Security Organization: Estonia / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. *CCDCOE National Cybersecurity Governance Series*, 2015 https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/CS_organisation_ESTONIA_032015_1.pdf

¹⁵ Republic of Estonia Defence Forces, Cyber Command. <https://mil.ee/en/landforces/cyber-command/>

¹⁶ ANSSI committed to promoting EU sovereignty during the presidency of the EU. <https://www.ssi.gouv.fr/en/actualite/anssi-committed-to-promoting-eu-sovereignty-during-the-presidency-of-the-eu/>

¹⁷ *Delerue F., Desforges A., Géry A.* A close look at France's new military cyber strategy // War on the Rocks. April 23, 2019. <https://warontherocks.com/2019/04/a-close-look-at-frances-new-military-cyber-strategy/>

¹⁸ About ENISA – The European Union Agency for Cybersecurity. <https://www.enisa.europa.eu/about-enisa>

Кибербезопасность в европейском регионе: политический аспект

Распространение потребительских информационных технологий открыло большие возможности использования информационных ресурсов в политических целях. Информационные технологии активно применяются для формирования общественного мнения, обеспечения общественной поддержки политическим сил, агитации на выборах и др. По мере внедрения информационных технологий в политические процессы возростала зависимость государства и общества от бесперебойной работы технологической инфраструктуры. Связанные с этим уязвимости стали причиной активизации усилий в сфере кибербезопасности. Наиболее распространённая область применения технологий в политике – электронное правительство: выполнение государством своих функций, минуя бюрократию, посредством программных алгоритмов. Прежде всего – в области отчётности государства о своей деятельности, контроле доходных и расходных статей бюджета, привлечения общественности к обсуждению государственных приоритетов и важнейших государственных инициатив и т.д.

Эксперты ООН предложили «индекс готовности к электронному правительству», обобщив опыт разных стран¹⁹. Индекс состоит как из показателей развития информационных технологий в стране, распространения среди населения, так и наукометрических показателей, отражающих спрос на информационные услуги, политическую вовлеченность и пр. За всю историю наблюдений с 2003 г. сложилась весьма устойчивая картина: с большим отрывом лидирующие позиции занимают страны Западной Европы и Северной Америки. Наряду с такими странами, как США, Канада, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур и Япония, все остальные государства в начальной части списка – страны Европы. Большинство из них можно отнести к категории «западных демократий».

Таким образом, следует констатировать, что современный этап развития политических процессов в странах Запада характеризуется высокой интенсивностью коммуникации и информационного взаимодействия. С политической точки зрения важнейшим элементом в этом является само взаимодействие общества и государ-

---

¹⁹ UN E-government Knowledgebase. <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/data-center>

ства, которое для государства обеспечивает отчётность и прозрачность, а обществу даёт инструмент влияния на власть.

Внешние угрозы внутривнутриполитической стабильности можно обобщить понятием «гибридные». В 2016 г. девятью странами-членами ЕС и НАТО (Финляндия, Швеция, Великобритания, Латвия, Литва, Польша, Франция, Германия и США) было принято решение об учреждении Европейского центра передового опыта противодействия гибридным угрозам (European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats). Термин «гибридная угроза относится к действиям, предпринимаемым государством или негосударственным актором, направленным на подрыв или нанесение вреда, совмещающая открытые и военные и невоенные инструменты влияния»²⁰. Вместе с девятью учредителями в общей сложности в работе Центра участвуют 32 страны. Центр поддерживает тесные связи с НАТО и ЕС, проводит тренинги для повышения способности реагировать на гибридные угрозы. Примечательно, что он был создан в тот же год, когда США впервые открыто заявили о российской операции по вмешательству в американские выборы, обвиняя как государственные органы власти, так и военные и специальные службы. В связи с грядущим вступлением Финляндии в НАТО взаимодействие между европейскими и американскими партнёрами в рамках Центра активизируется.

Особую озабоченность в западных странах вызывают угрозы, связанные с нарушением объективности или целостности информации в ходе взаимодействия между обществом и государством. В этой связи особое внимание уделяется выборам и предвыборным кампаниям, когда стабильность политических систем в демократических странах подвергается испытанию на прочность. Именно в период предвыборных кампаний особенно важно обеспечить безопасное информационное взаимодействие между обществом и политическими институтами. В случае, если государство получит искажённую информацию о проблемах в обществе, а кандидаты не смогут донести свои политические приоритеты до избирателей, результаты выборов не будут отражать реальные общественные настроения и в перспективе усилят внутривнутриполитическую нестабильность.

Европейские страны неоднократно обвиняли Москву в применении гибридных форм влияния на избирателей. На Западе стара-

---

²⁰ Hybrid threats as a concept. Hybrid Center of Excellence. Helsinki. <https://www.hybridcoe.fi/hybrid-threats/>

тельно и целеустремленно формировали образ России как страны, использующий формы информационной агрессии, чтобы посеять хаос и дестабилизировать внутривнутриполитические балансы сил в странах Европы и Запада. В 2018 г. Высоким представителем по иностранным делам и политике безопасности совместно с Европейской комиссией был предложен к обсуждению план действий в области противодействия дезинформации²¹. В нём подчеркивалось, что дезинформация – угроза безопасности, носителями которой могут быть как внутренние акторы (в странах-участницах ЕС), так и внешние – государственные (или с поддержкой государства) и негосударственные. Внешнему информационному влиянию подвержены практически все слои общества, и поэтому для противодействия дезинформации требуются совместные усилия гражданского общества, частного сектора, национальных правительств и институтов ЕС, разработка требований к работе социальных сетей и интернет-платформ. В Сообщении отмечалась особая уязвимость европейского общества в период проведения предвыборных кампаний. Предлагаемые действия включали усиленный мониторинг информационной активности в европейском регионе, привлечение высококвалифицированных специалистов в сфере информационного противоборства, консолидацию усилий европейских стран в области противодействия дезинформации. Одним из заметных результатов принятого «плана действий» стало принятие «Практического кода»²² ведущими американскими интернет-платформами. Примечательно, что код был добровольно разработан и принят самими компаниями без административного влияния национальных правительств или институтов ЕС.

Ряд мер, предпринятых для противодействия иностранным гибридным формам влияния, связаны с обеспечением безопасности на выборах в Европейский парламент в 2019 г.²³ В то время страны Европы и Северной Америки широко обсуждали попытки

---

²¹ Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Action Plan against Disinformation Brussels, December 5, 2018 JOIN(2018) 36 final. https://eeas.europa.eu/sites/default/files/action_plan_against_disinformation.pdf

²² Shaping Europe's digital future, Code of Practice on Disinformation, September 26, 2018 <https://wayback.archive-it.org/12090/20201229114620/https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/code-practice-disinformation>

²³ Brattberg E. The EU's Looming Test on Election Interference, April 18, 2019 <https://carnegieendowment.org/2019/04/18/eu-s-looming-test-on-election-interference-pub-78938>

вмешательства в различные выборы (США в 2016-м, голосование по брекзиту, события вокруг референдума о независимости Каталонии, выборы во Франции, в Германии, Австрии и пр.). При этом именно деятельность политических партий называлась наиболее уязвимым звеном в безопасности выборов²⁴. Распространялось мнение, что Россия стремится поддерживать правоконсервативные партии в Европе, так как с их лидерами были налажены близкие идеологические связи²⁵.

Считается, что политические партии также являются объектом атак, в связи с чем возникают риски иностранного влияния. В большинстве стран действуют законы, запрещающие иностранное финансирование, однако не во всех. Например, в Италии кандидатам и партиям получать иностранную финансовую поддержку во время предвыборных кампаний не запрещается, что дало основания обвинять заместителя премьер-министра и министра внутренних дел Маттео Сальвини в получении финансирования из России. Французское законодательство не запрещает брать займы в иностранных банках, что было использовано для финансирования предвыборной кампании Марин Ле Пен²⁶. Кроме того, в ряде государств ограничения на иностранное финансирование политических кампаний допускают исключения. Именно для противодействия подобным вызовам принималось решение усилить безопасность выборов и обеспечить на региональном уровне противодействие гибридным угрозам.

Коллективные усилия в области противостояния гибриднему и в первую очередь информационному влиянию во время предвыборных кампаний предпринимаются в рамках ОБСЕ. В 2018 г. Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ) опубликовало Рекомендации для служб, обеспечивающих общественную безопасность во время выборов²⁷.

---

²⁴ *Staak S.V.D.* The weak link in election security: Europe's political parties // *Politico*, 2021. June 8. <https://www.politico.eu/article/european-election-security-political-parties-cybersecurity/>

²⁵ *Beatrix Futák-Campbell.* Political Synergy: How the European Far-Right and Russia Have Joined Forces Against Brussels // *Atlantisch Perspectief*. 2020. Vol. 44, No. 1, Special Edition: Putin's Russia.

²⁶ *Soula E.* The Many Faces of Foreign Interference in European Elections / German Marshall Fund. <https://www.gmfus.org/news/many-faces-foreign-interference-european-elections>

²⁷ Рекомендации для служб, обеспечивающих общественную безопасность во время выборов / БДИПЧ, ОБСЕ 2018. <https://www.osce.org/files/f/documents/d/b/376354.pdf>

В них уделялось особое внимание коммуникационным системам и информации. К таковым относились: «базы данных, содержащие информацию об избирателях, кандидатах или партиях; соответствующие веб-сайты и коммуникационные системы, в том числе технологии (аппаратное и программное обеспечение, сети), используемые для голосования, а также для подсчёта голосов и сведения, и передачи результатов».

Военные аспекты кибербезопасности в европейском регионе

К началу 2010-х гг. в структурах вооружённых сил почти всех стран европейского региона были созданы подразделения, отвечающие за кибербезопасность. Их функции связаны с защитой военной информационной инфраструктуры, национального киберпространства, нередко с проведением наступательных киберопераций. Большое влияние на развитие военного киберпотенциала европейских государств оказывали Соединённые Штаты Америки. Вашингтон учредил двусторонние треки сотрудничества в этой сфере с каждым из европейских союзников (Германией²⁸, Францией²⁹ и др.). С Британией действует соглашение о сотрудничестве в области кибербезопасности³⁰. Американское киберкомандование проводит регулярные международные учения³¹ по защите киберпространства, привлекая другие страны.

Особое внимание Вашингтон уделяет институциональному сотрудничеству в сфере кибербезопасности в рамках НАТО. В определённом смысле, развитие этой политики повторяет эволюцию политики кибербезопасности самих США и их союзников. В 2012 г. учреждено Агентство по коммуникациям и информационным технологиям (NATO Communication and Information Agency – NCIA), в функции которого входят координация и управление

---

²⁸ Joint Statement on U.S.-Germany Cyber Bilateral Meeting U.S.-Germany Cyber Bilateral Meeting, 24.03.2016. <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/160323-cyber-konsultationen-usa/279470>

²⁹ Fourth U.S.-France Cyber Dialogue. January 14, 2022. <https://www.state.gov/fourth-u-s-france-cyber-dialogue/>

³⁰ U.S.-U.K. Cyber Agreement Opens Doors for Both Nations. September 8, 2016. <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/937878/us-uk-cyber-agreement-opens-doors-for-both-nations/>

³¹ DOD's Largest Multinational Cyber Exercise Focuses on Collective Defense. December 6, 2021 <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2863303/dods-largest-multinational-cyber-exercise-focuses-on-collective-defense/>

информационно-технологическими ресурсами стран НАТО, а также обеспечение коммуникаций³². Кибербезопасность стала одним из приоритетов Североатлантического альянса. В 2014 г. впервые лидеры государств-членов НАТО согласились, что кибератака может стать основанием для применения статьи 5 Североатлантического договора. В 2016 г. принято решение отнести киберпространство к физическим пространствам – воздушному, наземному и морскому. На саммите в Варшаве принято обязательство по киберобороне (NATO cyber pledge)³³, согласно которому страны соглашались принять схожие меры в области развития национальных киберпотенциалов.

Учитывая, что разные государства имеют различный киберпотенциал, возникали определённые разногласия относительно того, насколько применимо международное право, в особенности военное право, к кибератакам. Проработкой этого вопроса занимался учреждённый в Эстонии Центр превосходства по кибербезопасности. Одним из их наиболее заметных достижений является т.н. «Таллинский учебник» (Tallin Manual)³⁴, впервые опубликованный в 2012 г. В первой его редакции представлены наиболее общие аргументы, объясняющие юридическую сторону конфликтов в киберпространстве. Вторая редакция, вышедшая в свет в 2017 г., посвящена исследованию ежедневных вызовов в киберпространстве, с которыми сталкиваются государства, и юридических-правовых рамок реагирования на них. В настоящее время готовится третья редакция. Кроме того, с 2010 г. Центр проводит ежегодные учения для экспертов в области кибербезопасности НАТО. В частности, большую роль играют учения «Сомкнутые щиты» (Locked Shields)³⁵, крупнейшие киберучения в мире. Сценарий их учений в 2022 г. был посвящён межгосударственному конфликту, в котором стороной конфликта была крупная диаспора жителей одной страны на территории другой. Сценарий включал в себя возмож-

---

³² NCIA Who we are. <https://www.ncia.nato.int/about-us/who-we-are.html>

³³ Warsaw Summit Communiqué, Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016 https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en

³⁴ *Schmitt M.N.* (ed.) Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. Cambridge University Press, 2013.

³⁵ Locked Shields is a unique international cyber defence exercise offering the most complex technical live-fire challenge in the world. <https://ccdcoe.org/exercises/locked-shields/>

ное вмешательство НАТО в конфликт. При этом специалисты³⁶ отмечали, что сценарий имеет ряд общих характеристик с ситуацией на территории Украины.

В 2018 г. было объявлено, что в НАТО планируется открытие центра проведения киберопераций – аналога национальных военных киберкомандований (Cyber Operations Center, CYOC). Пресса, со ссылкой на высокопоставленных натовских военных руководителей, сообщала, что новый центр начнёт полноценную работу в 2023 г.³⁷

В 2020 г. Министерство обороны Великобритании опубликовало первую редакцию «Доктрины операций в киберпространстве Объединённого командования НАТО»³⁸. Центральное понятие, вокруг которого выстроена доктрина кибербезопасности альянса, – суверенитет в информационном пространстве. Утверждается, что наступательные кибероперации будут производиться посредством механизма добровольного определения влияния киберэффектов на суверенитет (Sovereign Cyber Effects Provided Voluntarily by Allies, SCEPVA). Исходя из этих оценок, вооружёнными силами каждого государства будут приниматься решения о дальнейшей эскалации. Судя по всему, в настоящее время в НАТО не существует консенсуса относительно планирования оборонительных и наступательных киберопераций.

Доктринально политика НАТО в области кибербезопасности имеет много общего с американской. Подобно американским документам, в НАТО считают, что агрессия в киберпространстве – угроза, требующая пристального внимания и оборонительных мероприятий, однако, в соответствии с Доктриной объединённых вооружённых сил (Allied Joint Doctrine³⁹), она не предполагает наступательных действий. Вместо этого кибероборона НАТО направлена

³⁶ 2022. 14th International Conference on Cyber Conflict: Keep Moving. T. Jančárková, G. Visky, I. Winther (Eds.) https://ccdcoe.org/uploads/2022/06/CyCon_2022_book.pdf

³⁷ *Black J., Lynch A.* Cyber Threats to NATO from a Multi-Domain Perspective // *Cyber Threats and NATO 2030: Horizon Scanning and Analysis* / Stevens Tim (Editor); *Ertan Amy* (Editor); *Floyd Kathryn* (Editor) et al. Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, 2021. P. 128.

³⁸ NATO Standard AJP-3.20. Allied Joint Doctrine for Cyberspace operations. Edition A Version January 1, 2020. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/899678/doctrine_nato_cyberspace_operations_ajp_3_20_1_.pdf

³⁹ NATO STANDARD AJP-01 ALLIED JOINT DOCTRINE. Edition E Version 1. FEBRUARY 2017. <https://assets.publishing.service.gov.uk/government/>

на предотвращение, обнаружение, защиту, оборону и способность восстановиться после атак в киберпространстве. Этот тезис подтверждается развитием событий вокруг военного конфликта между Россией и Украиной в 2022 г. В декабре прошлого года, когда западные лидеры уже выражали обеспокоенность в отношении наращивания российских войск на границе с Украиной, в Киев были направлены американские и британские специалисты по кибербезопасности для того, чтобы консультировать местные власти по противодействию возможным российским кибератакам⁴⁰.

В начале февраля 2022 г. Энн Нойбергер, советник президента США по вопросам кибербезопасности, провела встречи с руководителями НАТО, ЕС, Болгарии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Германии и Франции⁴¹. В ходе её европейского визита обсуждались коллективные инструменты реагирования на кибератаки со стороны России, а также поддержка Украине в этой сфере. Звучали утверждения, что Россия уже совершала кибератаку против энергетических объектов на территории Украины, и что подобные атаки могут повториться. Microsoft также заявляла, что располагает информацией о том, что Россия ведёт «не только полномасштабные кинетические, но также и информационно-военные действия»⁴².

24 февраля 2022 г., в первый день СВО, впервые была введена в действие Группа быстрого реагирования на кибератаки (Cyber Rapid Response Teams And Mutual Assistance In Cyber Security, CRRT) в рамках Постоянного структурного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO). По просьбе Украины в Киев отправилась группа, состоящая из экспертов из Хорватии, Эстонии, Литвы, Нидерландов, Польши и Румынии для консультаций и оказания помощи против киберугроз⁴³. Спустя три недели Рос-

---

uploads/system/uploads/attachment_data/file/905877/20200728-dctrine_nato_allied_joint_doctrine_ajp_01.pdf

⁴⁰ *Sanger D., Barnes J.E.*, U.S. and Britain Help Ukraine Prepare for Potential Russian Cyberassault // New York Times. December 20, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/12/20/us/politics/russia-ukraine-cyberattacks.html>

⁴¹ *Chalfant M.*, Top White House cyber official to meet with Europeans amid Russia tensions // The Hill, February 1, 2022. <https://thehill.com/homenews/administration/592198-top-white-house-cyber-official-to-meet-with-europeans-amid-russia>

⁴² *Smith B.* Digital technology and the war in Ukraine. February 28, 2022. <https://blogs.microsoft.com/on-the-issues/2022/02/28/ukraine-russia-digital-war-cyberattacks/>

⁴³ Украина не является членом ЕС, но 15 апреля 2021 г. установила сотрудничество со странами ЕС в рамках PESCO. Ukraine-EU cooperation in the military-

сия столкнулась с беспрецедентным давлением в киберпространстве. Ответственность за проведение многочисленных атак на российские государственные сайты взяла на себя хакерская группировка Anonimous. Оснований обвинять в атаках вооружённые силы других государств не было, учитывая, что атаки, скорее, можно квалифицировать как киберпреступление, а не государственную агрессию. Согласно официальным заявлениям МИД РФ, «помимо подготовленных США и другими натовцами украинских спецподразделений информационно-технического воздействия, в ведение этой кибервойны против нас всё шире вовлекаются анонимные взломщики и провокаторы»⁴⁴.

В ходе встречи министров иностранных дел стран НАТО 7 апреля 2022 г. генеральный секретарь Йенс Столтенберг отметил, что «Украине оказывается масштабная помощь в сфере кибербезопасности»⁴⁵. Судя по всему, основную поддержку оказывают Соединённые Штаты. На слушаниях в комитете по вооружённым силам Палаты представителей США командующий киберкомандованием Пол Накасоне заявил⁴⁶, что с момента начала спецоперации тактические группы передовых поисковых операций (hunt forward teams) американского Киберкомандования активно сотрудничали с союзниками по НАТО и Украиной в обнаружении уязвимостей в сетях, обеспечения безопасности критических инфраструктур.

Эксперты утверждают⁴⁷, что противоречия, связанные с отсутствием среди стран-членов НАТО единого определения понятия киберсуверенитет, объясняют отсутствие консолидированной

---

political, military and military-technical spheres, April 15, 2021. <https://ukraine-eu.mfa.gov.ua/en/2633-relations/spivpracya-ukrayina-yes-u-sferi-zovnishnoyi-politiki-i-bezpeki/spivpracya-ukrayina-yes-u-ramkah-spilnoyi-politiki-bezpeki-i-oboroni>

⁴⁴ Заявление МИД России в связи с продолжающейся киберагрессией со стороны «коллективного Запада». 29 марта 2022 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806906/

⁴⁵ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meetings of NATO Ministers of Foreign Affairs, April 7, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_194330.htm

⁴⁶ Posture statement of Gen. Paul M. Nakasone, commander, U.S. Cyber Command before the 117th Congress. URL: <https://www.cybercom.mil/Media/News/Article/2989087/posture-statement-of-gen-paul-m-nakasone-commander-us-cyber-command-before-the/>

⁴⁷ *Shmitt M.* Expert Backgrounder: NATO Response Options to Potential Russia Cyber Attacks Understanding the legal framework // Just Security, February 24, 2022. <https://www.justsecurity.org/80347/expert-backgrounder-nato-response-options-to-potential-russia-cyber-attacks/>

позиции НАТО относительно предполагаемых российских кибератак против Украины и стран-членов. С точки зрения международного права, проблема кибератак в меньшей степени относится к военной сфере, чем к публично-политической. Ни одна из противоборствующих сторон не может убедительно доказать, что атака организована государственными органами, специальными службами или вооружёнными силами другой страны. Любые декларации вряд ли повлекут за собой судебные разбирательства или компенсации. Даже действия группировки Anonymous нельзя однозначно трактовать как натовские атаки. Судя по характеру нанесённого ущерба, речь не идёт об акте государственной агрессии, а иных аргументов квалифицировать подобные атаки в категориях международного права нет. Перспективы выработки через международные институты совместных широких правовых рамок для квалификации таких действий и хакерских атак в настоящее время фактически закрыты в связи с глубоким кризисом европейской системы безопасности.

Очевидно, что как в отдельных странах Европы и Северной Америки, так и в структуре Североатлантического альянса ведутся разработки наступательных и оборонительных киберопераций. При этом вряд ли натовская доктрина кибербезопасности будет содержать декларации о применении кибернападения, так как любая атака может быть расценена как акт государственной военной агрессии и неизбежно привести к настоящей военной эскалации. Можно констатировать, что институционализация киберобороны альянса в настоящее время не завершена.

Украина, не являясь ни членом НАТО, ни ЕС, тем не менее получила весьма масштабную поддержку против предполагаемых кибератак со стороны России. Поддержка оказывалась как на институциональном уровне (PESCO), так и в двусторонних форматах — прежде всего с США, Британией и рядом соседних государств Европы. 4 марта 2022 г. стало известно, что Украину примут в качестве «вносящего вклад участника»⁴⁸ (contributing participant) в натовский Центр киберпревосходства в Эстонии. Обращает на себя внимание масштабная помощь со стороны коммерческого ИТ-сектора, что отражает растущую значимость государственно-частного партнёрства.

---

⁴⁸ Ukraine to be accepted as a Contributing Participant to NATO CCDCOE. March 4, 2022. <https://ccdcoe.org/news/2022/ukraine-to-be-accepted-as-a-contributing-participant-to-nato-ccdcoe/>

Судя по всему, в среднесрочной перспективе отношение к кибератакам как гибридным формам агрессии сохранится такое же, как к угрозе, не переходящей порог войны. Такая агрессия требует принятия мер обороны и безопасности, но не предполагает активной разработки ответных действий, которые могут включать не только кибероружие, но и другие средства обороны, предусмотренные статьёй 5 Североатлантического договора. Важным аспектом является сдерживание, которое обеспечивается высокой степенью секретности доктринальных положений. Большое влияние окажут ограничительные меры в области экспортного контроля высоких технологий, принятые в различных санкционных пакетах США и ЕС после начала российской спецоперации.

Выводы

Проблематика кибербезопасности в европейском регионе является одним из приоритетов национальной и региональной политики. Эволюция развития национальных стратегий кибербезопасности началась в 1990-е с разработки мер противодействия криминальным угрозам и обеспечения экономической безопасности, а также общей координации государственной политики в области развития информационных потенциалов. По мере развития и внедрения более сложных информационных технологий в экономическую и военную сферы приоритеты кибербезопасности менялись. Начиная с 2010-х гг. в вооруженных силах практически всех стран Европы появились структуры, в функции которых входило обеспечение кибербезопасности военной инфраструктуры и систем управления. Соответствующие национальные стратегии многих из них включают проведение наступательных информационных операций.

Страны европейского региона занимают лидирующие позиции в мире в области развития информационных технологий, их внедрения в экономическое производство и политические процессы. Кроме того, повсеместное распространение потребительской электроники открывает широкие возможности публично-политической деятельности, что порождает и новые вызовы. В этой связи примечательно, что проблема вмешательства во внутренние политические процессы, в частности, в выборы, стала существенным аспектом политики кибербезопасности к концу 2010-х гг. Позднее эти вопросы стали приоритетом и региональных военно-политических институтов и организаций, прежде всего НАТО, ОБСЕ

и ЕС. Страны альянса сходятся в том, что в геополитическом отношении основные угрозы кибербезопасности исходят прежде всего от России, Китая, а также Ирана.

Меры, направленные на противодействие киберугрозам, включают в себя интенсивное взаимодействие с частным сектором, а также гражданским обществом, однако государственные национальные институты играют лидирующую роль. Вместе с тем заметна тенденция по формированию регионального европейского киберпотенциала (в рамках развития ЕС «европейской оборонной автономии»), включающего в себя политические и военные элементы.

Часть V

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ БЫВШЕГО СССР

Глава 13. ЕАЭС: стратегия позитивной интеграции

Н.Б. Кондратьева

Оценка выгод и издержек — главная задача исследований региональной интеграции¹. Одна из базовых интеграционных теорий — теория Яна Тинбергена о негативной и позитивной интеграции — подсказывает способ наращивания интеграционных эффектов и их оценки. Она исходит из идеи, что начальные выгоды возникают от упразднения препятствий (негатива по Тинбергену) во взаимной торговле товарами и услугами государств-членов интеграционного союза, затем выгоды нарастают по мере гармонизации национальных экономических политик и установления общих норм в гуманитарных сферах (позитива)². Поскольку потенциал как негативной, так и позитивной интеграции ЕАЭС во многом не реализован, то положительные эффекты будут проявляться и аккумулироваться по мере устранения остаточных торговых барьеров и проникновения норм ЕАЭС в сферы конкуренции, госзакуп, цифровизации, низкоуглеродной и безотходной экономики, а также в такие системы, как образовательная и пенсионная.

Описание с помощью аддитивной модели, суммирующей доступные для анализа динамические эффекты торгово-инвестиционном сотрудничестве государств-членов Союза в период его деятельности, позволяет оценить синтетическое влияние ЕАЭС

---

¹ *Буторина О.В., Борко Ю.А.* Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1. С. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016; *Буторина О.* Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 5–14.

² *Tinbergen J.* International Economic Integration. Amsterdam: Elsevier, 1965. P. 122.

на каждое государство-член. Тенденции с момента образования ЕАЭС условно можно отнести к эффектам интеграции.

В главе изучена статистика взаимных торговых и инвестиционных потоков государств ЕАЭС, рассчитаны эффекты за период деятельности Союза, затем дан обзор экономических перспектив с опорой на интеграционную теорию, официальные источники и экспертные интерпретации.

Выгоды торгово-экономического сотрудничества

Базовыми параметрами для изучения трансграничных передвижений факторов и результатов экономической деятельности внутри интеграционного союза являются: сальдо в торговле товарами и услугами государства-члена союза с другими государствами-членами, доход от внешнеторговой деятельности с третьими странами (перераспределяемый согласно установленным союзом правилам), приток прямых иностранных инвестиций из государств союза и активы, размещённые в государствах-членах, наконец, сальдо личных денежных переводов трудящихся между государствами-членами. Эти показатели торгово-экономического взаимодействия пятерки ЕАЭС на начальном этапе деятельности Союза с 2015 по 2018 г. использовал, в частности, Юрий Кофнер, назвав выявленные эффекты выигрышем и проигрышем стран³. Взяв за основу его метод, возможно проследить динамику регионализации на более длительном семилетнем промежутке, с включением провального в смысле экономической активности пандемийного 2020 г. и последующего 2021 г., в ходе которого произошла положительная корректировка. Интерес для оценки представляют такие расчётные показатели, как средние за период и в том числе по отношению к среднему ВВП, а также изменения на конец периода и в том числе выраженные в процентах.

Положительное сальдо во внутрисоюзной торговле товарами имеет только Россия (табл. 13.1). Причем за период существования ЕАЭС страна нарастила свою выгоду почти вдвое. С 2015 г. дефицит торгового баланса Армении и Казахстана существенно увеличился (соответственно на 62 и 77%), дефицит Кыргызстана незначительно

---

³ *Kofner Y. Who wins and who loses from the Eurasian Economic Union? / MIWI – Institute for Market Integration and Economic Policy. Munich. 9 September 2020. URL: <https://miwi-institut.de/archives/534> (дата обращения: 15.06.2022).*

уменьшился (на 10%). В сравнении с национальным ВВП выгода России невелика, эквивалентна 1%; дефицит союзников выглядит очевидным, так как измеряется 5–19% их ВВП.

За рассматриваемый семилетний период ежегодная общая сумма импортных таможенных поступлений на единую таможенную территорию ЕАЭС составила в среднем 11 млрд долл. США (в табл. 13.2 представлены ввозные пошлины – обязательные платежи, взимаемые таможенными органами в связи с ввозом товаров на таможенную территорию ЕАЭС через границу государства-члена; вывозные пошлины в расчет не входят, так как не имеют значения для исследования влияния ЕАЭС). С 2015 г. общие сборы увеличились более чем на четверть; поступления, собранные на киргизском участке внешней границы, выросли вдвое.

За годы деятельности ЕАЭС фактический вклад России в формирование таможенных доходов Союза составил 90,3%, Армении – 1,4%, Беларуси – 5,6%, Казахстана – 0,6%, Кыргызстана – 2,1% (табл. 13.2). Стоит отметить, однако, что согласно п. 12 Порядка зачисления и распределения между государствами-членами ЕАЭС (в ред. Протокола от 01.10.2019) сумм ввозных таможенных пошлин, поступивших на общую таможенную территорию, установлены нормативы перераспределения общей суммы поступлений между государствами-членами в следующих размерах: Россия – 85,065%, Армения – 1,22%, Беларусь – 4,86%, Казахстан – 6,955%, Кыргызстан – 1,9%. Россия, имеющая наибольшие выгоды, отдает около 5% поступлений, причитающихся её бюджету, другим государствам-членам. Эти отчисления можно считать донорским вкладом России в поддержание доходов бюджетов других государств-членов. Соответственно государства-союзники за счет России имеют больше выгод от членства в Таможенном союзе, нежели без этой договоренности. В первые годы Россия была донором для всех членов Союза. При расчетах в среднем за семилетний период оказывается, что перераспределение осуществляется главным образом в пользу Казахстана. И эти дополнительные поступления – не капля в море, а прибавка, эквивалентная 0,5% ВВП республики.

Положительное сальдо во взаимной торговле услугами за период существования ЕАЭС имеют Россия и особенно Беларусь (почти 1% ВВП страны). Тем не менее, два последних года для них были, в общем, провальными. Армения и Кыргызстан, обладающие значительным потенциалом роста туристических услуг, за годы деятельности ЕАЭС лишь нарастили отрицательное сальдо (табл. 13. 3).

Таблица 13.1
Сальдо торгового баланса, товары, млн долл. США

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Сред. знач. (2015–2021)	Сред. знач. к ВВП (2015–2021) %	Изменение (2015–2021)	Изменение (2015–2021), %
Армения	-732,6	-668,7	-743,2	-752,2	-938	-1012	-1184,1	-861,5	-7,1	-451,5	-61,6
Беларусь	-6199,8	-3996,4	-6064,8	-8828,3	-7636,2	-2640,2	-6423,3	-5969,9	-9,8	-223,5	-3,6
Казахстан	-6091,3	-5933,3	-7255,6	-8050,6	-8891,2	-9036,6	-10793,9	-8007,5	-4,5	-4702,6	-77,2
Киргизия	-1654,9	-1178,9	-1322,2	-1520,7	-1459,1	-1330,9	-1821,7	-1469,8	-18,9	-166,8	10,1
Россия	14 640,1	12 310,4	16 284,9	19 680,9	18 697,2	14 910,5	21 394,8	16 845,5	1,0	6754,7	46,1

Рассчитано по: Статистика ЕАЭС - Электронный ресурс. Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза. Департамент статистики ЕЭК URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx, исходные данные по ВВП: Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022. С. 38. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2022.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

Таблица 13.2

Ввозные таможенные сборы (2015–2021 гг., млн долл. США)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Сред. знач. (2015– 2021),	Сред. знач. к ВВП (2015– 2021), %	Изменение (2015–2021)	Изменение 2015–2021, %
Армения	128,7	115,5	150,3	166,1	198	139,6	168,4	152,4	1,3	39,7	30,8
Беларусь	543,6	484,8	584,6	624,6	668,1	640	793,3	619,9	1,0	249,7	45,9
Казахстан	63	52,5	50,3	113,7	51,9	43,1	51,6	60,9	0,0	-11,4	-18,1
Киргизия	138	191,4	239,2	265,8	314,7	223,6	270,5	234,7	3,0	132,5	96,0
Россия	9149,7	8205,9	9904,5	10548,2	10843,7	9610,7	11486	9964,1	0,6	2336,3	25,5
ЕАЭС	10 023	9050,1	10 928,9	11 718,4	12 076,4	10 657	12 769,8	11 031,9			27,4

Рассчитано по: исходные данные за 2017–2021 гг.: Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2021 год. Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия, М.: 2022. С. 37. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_macroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat/finstat_2021.pdf; исходные данные за 2015 и 2016 гг.: Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2019 год. Статистический сборник. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. С. 37. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_macroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat/finstat_2019.pdf

Таблица 13.3

Сальдо взаимных услуг (2015–2021 гг., млн долл. США)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Сред. знач. (2015–2021)	Сред. знач. к ВВП (2015– 2021), %	Изменение (2015– 2021),	Изменение (2015– 2021), %
Армения	-23,1	-72	-87,2	-39,9	-48,7	-44,6	0	-45,1	-0,4	23,1	-100,0
Беларусь	505,8	516,7	685,8	550,9	529,2	194,6	404,7	484,0	0,8	-101,1	-20,0
Казахстан	50,4	-271,7	-530,4	-141,2	-294,9	-82,1	-266,4	-219,5	-0,1	-316,8	-628,6
Киргизия	9,1	-6,2	42,2	-113,7	-12,4	-61	-152,2	-42,0	-0,5	-161,3	-1772,5
Россия	961,8	546,6	630,9	782,1	1546	1300,1	552,9	902,9	0,1	-408,9	-42,5

Расчитано по: Исходные данные за 2016–2020 гг.: Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе, 2020 год (по оперативным данным). Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. С. 9–30. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroes/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_6/finstat_6_2020.pdf; исходные данные за 2021 г.: Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе, 2021 год (по оперативным данным). Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022. С. 9–30. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroes/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_6/finstat_6_2021.pdf (дата обращения: 31.08.2022); исходные данные за 2015 г.: Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе, 2019 год (по оперативным данным). Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. С. 8–31. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroes/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_6_2020.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

Таблица 13.4

Суммарный приток ПИИ из стран ЕАЭС и активы, размещённые в странах ЕАЭС (2015–2020 гг., млн долл. США)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Сред. знач. (2015–2021)	Сред. знач. к ВВП (2015–2021, %)	Изменение (2015– 2021)	Изменение (2015–2021), %
Армения	130,4	-90,9	-0,9	161,6	16,7	-92,3	83,1	29,7	0,2	-47,3	-36,3
Беларусь	767,6	590,1	514,7	612,9	400,6	488,3	410,6	540,7	0,9	-357,0	-46,5
Казахстан	422,9	779,3	802,8	861,1	751,8	359,6	1362,9	762,9	0,4	940,0	222,3
Киргизия	512,6	279,5	78,1	-11,7	-2,4	-59,3	93,3	127,2	1,6	-419,3	-81,8
Россия	2207,4	1587,3	1497,5	1341,9	1030,2	629,6	1631,0	1417,8	0,1	-576,4	-26,1

Рассчитано по: исходные данные за 2021 г.: Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2020 г. Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022. С. 7–11. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_macroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_5_2021r.pdf (дата обращения: 31.08.2022); исходные данные за 2017–2020 гг.: Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2020 г. Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. С. 7–9. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_macroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_5_2020r.pdf; исходные данные за 2015–2016 гг.: Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2018 г. Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. С. 6–9. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_macroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_5_2018r.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

Таблица 13.5
Трансграничные денежные переводы физических лиц и личные переводы внутри ЕАЭС (2015–2021 гг., млн долл. США)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Сред. знач. (2015–2021)	Сред. знач. к ВВП (2015–2021, %)	Изменение (2015–2021)	Изменение (2015–2021), %
Армения	760,4	577,2	735,0	605,9	655,5	381,2	0,0	530,7	4,4	-760,4	-100,0
Беларусь	607,7	651,4	836,3	766,0	631,3	413,2	519,9	632,2	1,0	-87,8	-14,5
Казахстан	-2613,9	-1554,9	-2057,3	-1545,6	-1927,1	-2591,2	-3612,7	-2271,8	-1,3	-998,8	-38,2
Киргизия	1303,9	1587,7	1988,5	2099,9	1809,7	1850,9	2146,7	1826,8	23,5	842,9	64,6
Россия	-3033,0	-3860,2	-4678,8	-5284,6	-4528,2	-2997,8	-3562,7	-3992,2	-0,2	-529,7	-17,5

Расчитано по: Статистика ЕАЭС – электронный ресурс. Финансовая статистика, динамические ряды. Трансграничные денежные переводы физических лиц и личные переводы. Департамент статистики ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/transfers.aspx (дата обращения: 15.06.2022).

Экспорт (зарубежные активы) и импорт капиталов (приток ПИИ) положительно влияют на национальную экономику, соответственно, они суммированы при подсчете страновых выгод. Потоки капиталовложений внутри Союза имеют наибольшее значение для Кыргызстана и Беларуси, формируя, соответственно, 1,7 и 1% национального ВВП. В целом же можно отметить, что в рассматриваемый интеграционный период в динамике движений капиталов между странами Союза не наблюдалось однозначных тенденций.

Выгоды и издержки общего рынка труда ЕАЭС представлены в таблице 13.5. Союз условно разделен на две группы: доноров (Кыргызстан, Армения и Беларусь) и получателей (Россия и Казахстан) трудовых ресурсов. Соответственно для первой группы характерен профицит денежных переводов рабочей силы и личных денежных переводов, а для второй группы – дефицит. Денежные переводы мобильных граждан, работающих в основном в России и Казахстане, имеют огромное значение для экономики Кыргызстана, а также весьма важны для Армении, составляя 23,5% и 4,4% их ВВП соответственно.

Эффекты интеграции

Суммарный эффект от торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран ЕАЭС положителен для России и Киргизии и отрицателен для Армении, Казахстана и Беларуси (в расчет взяты средние за период значения рассмотренных параметров; табл. 13.6). Сравнение с национальным ВВП позволяет оценить, насколько велик эффект. Так, сотрудничество на пространстве ЕАЭС выражено для Киргизии ежегодной прибавкой в 9% к национальному благосостоянию, для России – 1,6% (табл. 13.7).

Графическая визуализация расчетов позволяет увидеть нюансы. Так, выигрыш складывается для России главным образом из положительного сальдо торговли с партнёрами, а также таможенных поступлений (рис. 13.1–2). Формальный проигрыш Армении, Беларуси и Казахстана на экономическом пространстве ЕАЭС тоже обусловлен главным образом потребностями в импорте из России. Однако Киргизия денежными переводами мобильных граждан с лихвой компенсирует отрицательное торговое сальдо.

Таблица 13.6

Эффекты ЕАЭС (средние значения за 2015–2021 гг., млн долл. США)

	Торговля товарами	Таможенные сборы	Торговля услугами	Потоки ПИИ	Трансграничные денежные переводы физических лиц и личные переводы	Суммарный эффект
Армения	-861,5	152,4	-45,1	29,7	530,7	-193,8
Беларусь	-5969,9	619,9	484,0	540,7	632,2	-3693,1
Казахстан	-8007,5	60,9	-219,5	762,9	-2271,8	-9675,0
Киргизия	-1469,8	234,7	-42,0	127,2	1826,8	676,9
Россия	16 845,5	9964,1	902,9	1417,8	-3992,2	25 138,2

Таблица 13.7

Эффекты ЕАЭС (средние значения за 2015–2021 гг.), % к ВВП

	Торговля товарами	Таможенные сборы	Торговля услугами	Потоки ПИИ	Трансграничные денежные переводы физических лиц и личные переводы	Суммарный эффект
Армения	-7,1	1,3	-1,3	0,3	4,4	-1,60
Беларусь	-9,8	1,0	-1,5	0,2	1,0	-6,04
Казахстан	-4,5	0,0	0,2	0,0	-1,3	-5,40
Киргизия	-18,9	3,0	-1,0	0,2	23,5	8,72
Россия	1,0	0,6	0,0	0,0	-0,2	1,56

На конец рассматриваемого периода все описанные положительные и отрицательные тенденции укрепились; Россия и Киргизия, в частности, нарастили положительные эффекты (рис. 13.3).

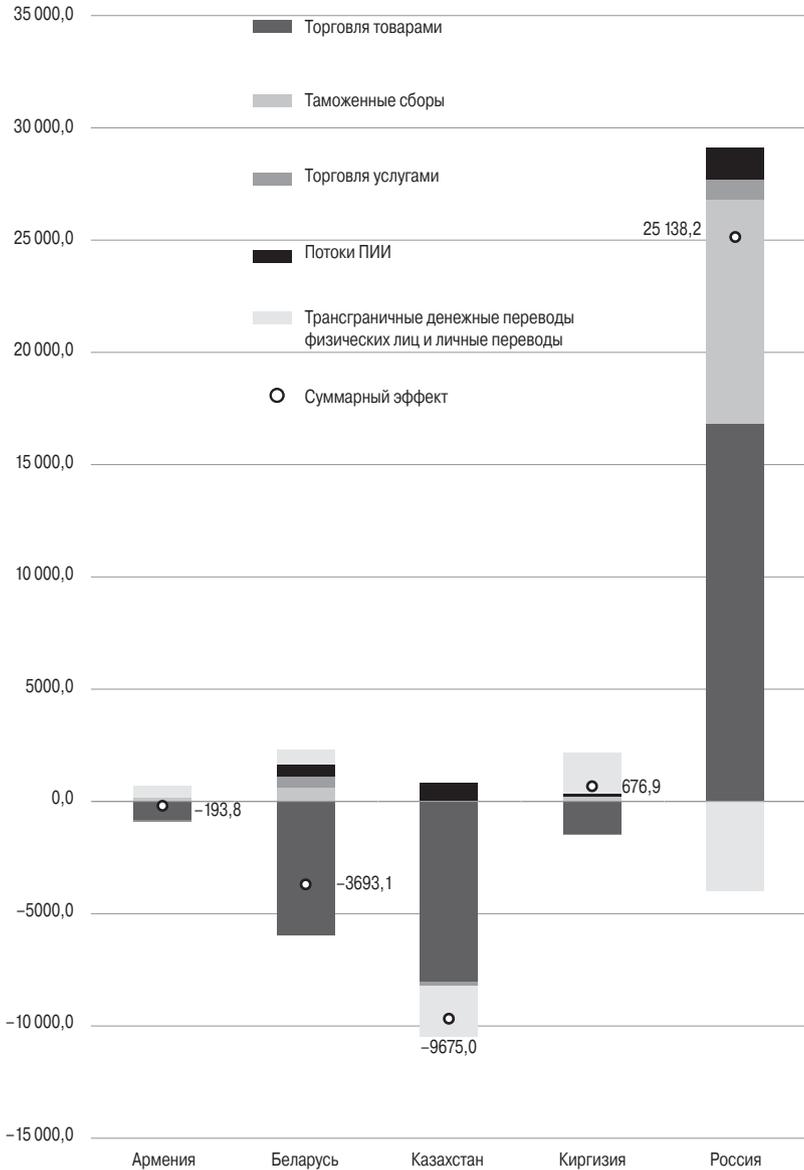

Рисунок 13.1. Суммарный экономический эффект ЕАЭС (2015–2021), млн долл. США

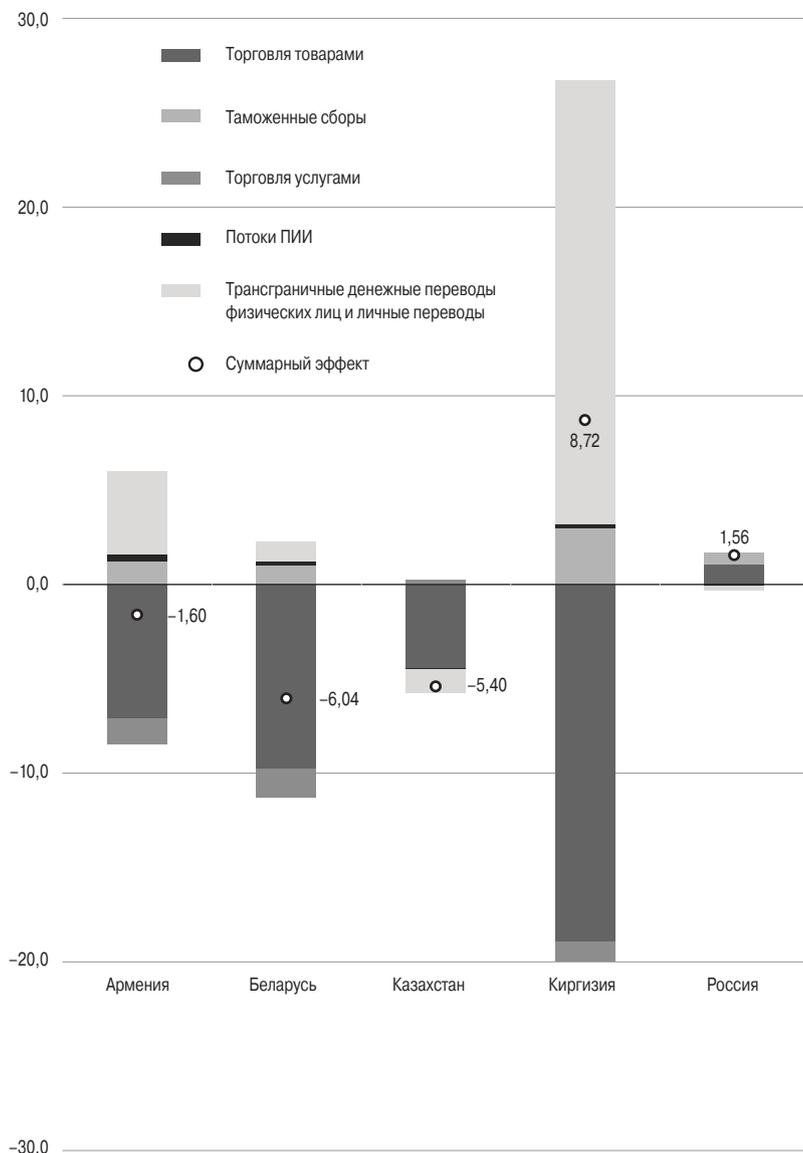

Рисунок 13.2. **Эффект от членства в ЕАЭС по отношению к ВВП (2015–2021), в %**

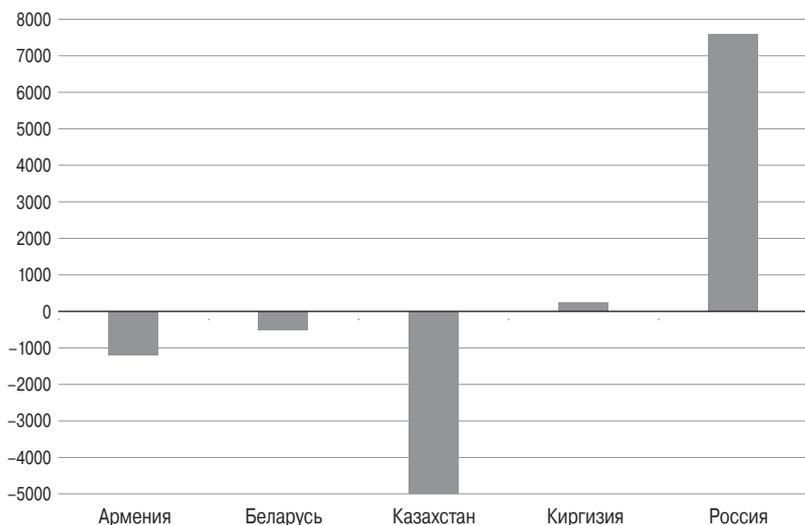

Рисунок 13.3. **Суммарные изменения на конец периода 2015–2021 гг., млн долл. США**

Важно отметить, что эффект, статистически выраженный знаком «минус», вряд ли верно считать «проигрышем». Например, отрицательное сальдо торгового обмена большинства стран в Союзе нельзя однозначно отнести к издержкам членства. Ведь увеличение показателя товарооборота (суммы экспорта и импорта), пусть даже и с отрицательным сальдо, ведёт к сокращению дефицита факторов и результатов экономической деятельности, который может присутствовать на национальных рынках. Проще говоря, необходимость может быть как в экспорте, так и в импорте товаров и услуг (импорт ресурсов, к примеру, повышает общую производительность экономики, а импорт товаров и услуг надлежащего качества по разумной цене повышает уровень общественного благополучия). Таким образом, выигрыш страны от участия в Союзе не эквивалентен положительному торговому сальдо; он может быть измерен ростом «обращений» производителей и потребителей к региональному рынку. В такой логике целесообразно использовать не показатель торгового сальдо (отрицательный у четырёх из пяти рассматриваемых стран и занижающий эффект интеграции), а неуклонно растущий показатель торгового оборота. Ровно по этой же причине были суммированы потоки инвестиций в страну и из страны.

Таможенные поступления можно было бы не включать в оценку интеграционного эффекта, так как они, скорее, – результат внешнеэкономической деятельности за пределами Союза. Тем не менее чистым результатом интеграции являются перераспределительные трансферты. Они особенно важны для Казахстана, «издержки» членства которого за счет этого трансферта сокращаются на 0,5% ВВП.

Целый ряд эффектов от интеграции носит качественный характер; их не принято измерять количественно. К ним относятся: 1) новые возможности, которые экономические акторы потенциально могут реализовать на широком пространстве единого рынка; 2) выгоды, которые извлекают потребители от унификации технических стандартов и общего повышения уровня требований к качеству и безопасности трансграничных обменов факторами и результатами экономической деятельности; 3) общее оздоровление рынка, вызванное усилением конкуренции и перемещением рабочей силы и капитала из менее эффективных в более эффективные юрисдикции. В ЕАЭС качественные и количественные эффекты будут нарастать помимо внедрения мер позитивной интеграции.

Однозначно положительным эффектом можно назвать укрепление за семь лет деятельности ЕАЭС выявленных тенденций к увеличению потоков товаров, услуг, капиталов и труда.

Экономические перспективы

Основной документ, определяющий повестку ЕАЭС на ближайшую перспективу, – Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. (Стратегия 2025)⁴ – утверждён Высшим евразийским экономическим советом в декабре 2020 г. Это более чем шестидесятистраничный перечень мер позитивной интеграции, соответствующий экономическим интересам государств-членов, позволяющий завершить образование единого экономического пространства, координировать отраслевые политики. В Стратегии определены 11 векторов развития и намечено 332 конкретные задачи, в том числе заключение

---

⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11 декабря 2020 года «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/ert_12012021_12

13 международных договоров, 60 норм и 25 поправок в Договор о ЕАЭС.

Документ разработан в русле 17 целей устойчивого развития, принятых в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН на период до 2030 года, в том числе связанных с переходом на цифровые и «зелёные» технологии.

Вместе с тем в нем учтены вызовы последнего десятилетия, а именно, остановка глобальных партнёрств, настойчивое стремление других экономических центров силы задавать тон прогрессивным изменениям и сохранять лидерские позиции. Европейский союз, в частности, проведя многостороннюю оценку своего места в мировой экономике на фоне опережающего роста главных конкурентов Китая и США и стремительного подтягивания ряда конкурентов из развивающихся стран пришёл к необходимости укрепления стратегической автономии, предусматривающей освобождение от ресурсной и технологической зависимости с переходом на возобновляемые источники энергии и собственные прорывные ИТ-технологии. Для государств ЕАЭС обострение конкуренции моделей развития становится триггером выстраивания собственной коллективной стратегии импортозамещения и повышения устойчивости в нестабильной мировой экономике.

Стратегия–2025 совершенствует традиционную сферу заботы евразийских институтов – регулирование внутренних рынков. На достижение баланса интересов потребителей и бизнеса направлены создание следующих функциональных систем: евразийской системы обеспечения качества и безопасности продукции, единого стандарта таможенных операций, системы фискального мониторинга товарооборота, наднационального органа по регулированию финансового рынка. Запланированы дальнейшие действия по устранению барьеров и изъятий во внутрирегиональной торговле, коллективные меры на экспортных рынках и меры, обеспечивающие реализацию совместных импортозамещающих проектов, кооперация в сфере АПК и разработка общих принципов и подходов к продовольственной безопасности, инфраструктурные проекты, имеющие интеграционный потенциал, общая энергетическая политика, создание механизма обеспечения решений Суда ЕАЭС, гарантирующего выполнение законодательства ЕАЭС.

В Стратегии просматриваются новые направления союзной повестки. Первое – углубление свободы передвижения граждан – предусматривает содействие занятости мобильных граждан и создание благоприятных условий для пребывания трудящихся

и членов их семей в стране трудоустройства, координация систем образования и профессиональной подготовки. Второе – формирование механизма целевого содействия, в том числе с использованием различных льгот, правовых норм и финансовых инструментов (ЕАБР и ЕФСР). Перспективными направлениями названы такие сферы, как НИОКР, спорт и туризм. Впервые в качестве элемента стратегического планирования появляется совместная международная повестка, включающая три задачи: реализация меморандумов о сотрудничестве (с 14 государствами), сопряжение интеграционных процессов на евразийском пространстве и обеспечение представленности Союза в международных организациях.

Несмотря на очень высокую долю государственных предприятий в экономике стран ЕАЭС, создание конкурентной среды перестало быть второстепенной деятельностью ЕЭК. В 2021 г. вышел официальный электронный журнал, посвященный общей конкурентной политике. Состоялись первые антиконкурентные расследования в Суде ЕАЭС. Вынесены решения по установленным фактам нарушений на цифровом рынке: а) дискриминации в поисковых системах, а именно, искусственного повышения рейтинга выборочных товаров и услуг, б) неоправданной геоблокировки, то есть невозможность покупки товара по более выгодной цене в другом государстве-члене (геоблокировка в ЕАЭС оправдана в четырёх случаях: торговля алкогольной, табачной продукцией, ювелирными изделиями и лекарственными препаратами).

Обсуждение задач в сфере регулирования цифровых трансформаций ведется с самого начала существования ЕАЭС. Идеи действующей цифровой повестки ЕАЭС и лозунги ответственных лиц аналогичны тем, что выдвигают в Европейском союзе, хотя у каждого союза свои темпы и методы.

Ещё в ноябре 2015 г. в Минске Президиум Делового совета ЕАЭС предложил наделить Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК) полномочиями по созданию единого цифрового пространства ЕАЭС. В 2016 г. соответствующая Концепция разрабатывалась департаментами информационных технологий и функционирования внутренних рынков ЕЭК. Были приняты решения о внедрении технологий цифровизации в таможенной сфере, дальнейшей прослеживаемости и логистики торговых потоков, госзакупках. В анализе возможностей цифрового пространства рабочая группа не ограничилась аспектами функционирования внутренних рынков, а предложила максимально широкий подход: охватить большинство сфер экономики и общественной жизни с целью получить

дополнительные способы снижения экономических издержек, факторы роста, новые возможности повышения социального благополучия. К суверенитету в цифровом пространстве, созданию евразийских цифровых платформ и среды, которая позволит предприятиям стать стратегическими совладельцами цифровых активов, генерировать добавленную стоимость в глобальной цифровой кооперации, призвала член Коллегии (министр) по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям ЕЭК К.А. Минасян в выступлении на форуме «Евразийская неделя 2016»⁵. О необходимости перехода к новому технологическому укладу и формированию среды для развития инноваций, в том числе через цифровизацию отраслей экономики многократно говорил и писал акад. С.Ю. Глазьев⁶, с 2019 г. член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК. Итогом обсуждений стало принятие главами государств в декабре 2016 г. Цифровой повестки ЕАЭС. В ноябре 2017 г. в Сочи Высший Евразийский экономический совет утвердил Направления её реализации на период до 2025 г.⁷ В документе предложено множество мер на всех векторах цифровой трансформации: отраслей/производств, рынков (в том числе рынка труда, с учётом необходимости развития цифровых навыков у населения), управления (в том числе формирование систем национальных и союзных электронных правительств), инфраструктура, включая обеспечение безопасности экономики данных.

Текущие меры регулирования цифровой трансформации изложены в Стратегии–2025. В частности, запланировано принятие соглашения об обороте данных (проработка текста ведётся с 2021 г.), развитие трансграничной электронной торговли за счёт формирования соответствующих норм права Союза, создание онлайн-поисковых сервисов в сферах занятости, образования, туризма, фармацевтике, медицине, создание цифровых реестров производителей семян сельскохозяйственных культур, а также

---

⁵ Цифровая повестка ЕАЭС 2016–2019–2025. Сборник. 2019. М.: Евразийская экономическая комиссия. С. 9. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/digital_agenda_eaeu.pdf

⁶ Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мировом хозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.

⁷ Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Основные%20документы/Решение%20ВЕЭС%20№12_Основные%20направления%20реализации%20цифровой%20повестки%20ЕАЭС.pdf

внедрение цифровых технологий для идентификации налогоплательщиков, взимания косвенных налогов во взаимной торговле и трансграничного информационного взаимодействия налоговых органов.

В 2016–2017 гг. началось организационное оформление Евразийских технологических цифровых платформ. Их назначение состоит в повышении эффективности коммуникации и мобилизации заинтересованных сторон. Создано около двух десятков платформ: «Космические и геоинформационные технологии», «Биомедицина», «Суперкомпьютеры», «Фотоника», «Светодиоды», «Технологии добычи твердых полезных ископаемых», «Энергетика и электрификация», «Технологии экологического развития», «ЕвразияБио», «Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК», «Сельское хозяйство», «Лёгкая промышленность», «Технологии металлургии и новые материалы», «Промышленные технологии обеспечения строительной индустрии» и др. С 2019 г. они начали реализовывать конкретные проекты. В частности, действует цифровая платформа «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий», куда вносятся информация о хозяйствующих субъектах с целью налаживания кооперационных связей и продвижения продукции и услуг с помощью специальных сервисов построения кооперационных цепочек, банковского, транспортно-логистического и прочего сопровождения. Среди созданных евразийских технологических платформ наиболее успешной, по оценке ЕЭК, является авиакосмическая. В её рамках страны ЕАЭС создают общую группировку спутников дистанционного зондирования Земли.

Достигнуты необходимые договорённости для отмены в 2025 г. платы за внутрисоюзный роуминг.

Пандемия и риски, связанные с цифровой и технологической зависимостью, стали катализатором союзной кооперации с целью формирования коллективного цифрового суверенитета. О необходимости наращивания собственных цифровых разработок высказался член Коллегии (министр) по торговле ЕЭК А.А. Слепнев, выступая на сессии «Пандемия и интеграция: угроза или стимул к развитию?» в ходе Гайдаровского форума в январе 2021 г.⁸ Проблема была достаточно полно сформулирована в статье Т.С. Сар-

---

⁸ *Слепнев А.* Заложённая в Стратегии развития ЕАЭС цифровизация обеспечит сопряжённость на технологическом уровне ЕЭК 15.01.2021. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-01-2021-1.aspx> (дата обращения 15.06.2022)

кисяна, зам. председателя правления Евразийского банка развития, председателя коллегии ЕЭК (2016–2020), в журнале «Россия в глобальной политике»⁹. Создание автономных систем хранения данных и суверенный переход в новый технологический уклад, предполагающий собственные цифровые технологии стран ЕАЭС, сформулированы как задачи на ближайшую перспективу.

Ещё один драйвер продвижения государств-членов к достижению ЦУР — *Зелёная экономика*. В числе мер Стратегии–2025 — внедрение моделей циркулярной экономики в техническое регулирование.

В 2023 г. намечен выход Концепции внедрения в ЕАЭС принципов зелёной экономики. В ходе крупных форумов сформулированы задачи наднационального регулирования: обеспечить включённость стран ЕАЭС в процессы, происходящие в мировой климатической повестке, отслеживать выполнение принятых на национальном уровне обязательств по выбросам парниковых газов в рамках движения к углеродной нейтральности, контролировать своевременность адаптации экспортных производств, попадающих под действие трансграничного углеродного регулирования, к выполнению экологических требований (реализация этих требований позволит России, в частности, избежать чрезмерного роста выплат соответствующего налога, измеряемого на уровне 0,2–0,5% ВВП страны), подстегнуть «зелёную» трансформацию большинства отраслей. Для этого ЕЭК рекомендует различные экономические стимулы с учётом мировой практики, координирует процесс сближения позиций национальных климатических повесток государств-членов. Например, ЕЭК изучает возможность введения общего поэтапного запрета на производство одноразового пластика, формирования общего рынка органической сельскохозяйственной продукции с обеспечением свободы её передвижения и унификацией соответствующего законодательства. Внимание обращено также на транспорт и энергетику, где с помощью финансовых льгот ожидается внедрение безотходных технологий. ЕАЭС является «одним из крупных рынков, который до сих пор не выразил мнение насчёт автомобилей с традиционными двигателями внутреннего сгорания. Вокруг нас практически все определились, по крайней мере, по легковым автомобилям.

---

⁹ Саркисян Т. Интеграционный план ГОЭЛРО для XXI века. Цифровой суверенитет и цифровая повестка ЕАЭС // Россия в глобальной политике. № 3. 2021. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-3-136-149

Мы пока сохраняем молчание, но это серьёзное [решение] для нашей индустрии, производящей автомобили, которая ещё будет перегружаться, и какие-то сигналы надо выработать», — отметил министр А.А. Слепнев на Петербургском экономическом форуме 2022 г.¹⁰ Принята рекомендация «О стимулировании производства и использования колёсных транспортных средств с электрическими, гибридными двигателями и двигателями, работающими на природном газе, в государствах-членах на 2021–2025 годы». Для покупателей экологически чистого транспорта по предложению ЕЭК на начальном этапе были введены существенные льготы¹¹. Более активное производство электромобилей в России, то есть каждое десятое транспортное средство, в частности, по планам национальной Концепции (обнародована в августе 2021 г.), должно произойти в 2024 г. Во всех государствах-членах в предшествующее десятилетие внедрено множество мер поддержки возобновляемой энергетики; с 2021 г. ЕЭК начала разработку наднациональной водородной политики. Нормы по развитию рынка зелёного финансирования и таксономии (внедрение принципов устойчивого развития в производственные процессы и их отнесение к зелёной экономике) уже приняты в России и Казахстане.

Основным методом реализации стратегий и направлений развития ЕАЭС на ближайшее будущее останется *метод координации*. Метод основан на мониторинге ситуации в сферах, на которые распространено внимание институтов ЕАЭС. Подобный мониторинг себя всё больше оправдывает, так как выявляет узкие места и настраивает на конкретные достижения. Для повышения эффективности метода Советом ЕЭК разработана Программа развития интеграции в сфере статистики на 2021–2025 гг.¹² Цель программы — снабдить государственные органы, бизнес, науку

---

¹⁰ Петербургский международный экономический форум — 2022. 16.06.2022 URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-aktualnost-klimaticheskoy-povestki-v-klyuchevykh-ekonomikakh-evrazii/discussion/> (дата обращения: 15.07.2022)

¹¹ О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики. ЕЭК, 2022. С. 23. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b34/Doklad-zelenaya-ekonomika-06.2022.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).

¹² Программа развития интеграции в сфере статистики Евразийского экономического союза на 2021–2025 годы. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/integration_development_programs/Documents/Programm_2021-2025/Programm_2021-2025.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

и граждан объективной и беспристрастной информацией для принятия обоснованных решений и сотрудничества. Уже обеспечено формирование статистики Союза для анализа развития пространства «четырёх свобод», проводится мониторинг показателей достижения Целей в области устойчивого развития. Среди новых задач, которые поручены ЕЭК в рамках мониторинга – выявление потребностей пользователей статистики Союза, формирование системы показателей, характеризующих ведение предпринимательской деятельности в Союзе, совершенствование методики оценки влияния интеграционных процессов на развитие экономик государств-членов, расширение перечня показателей и форматов предоставления в Комиссию официальной статистической информации, мониторинг развития цифровых навыков у населения, использования цифровых технологий компаниями, покрытия территории критически важной инфраструктурой и другие показатели цифровой экономики, характеризующие реализацию цифровой повестки Союза, показатели «зелёной» экономики и охраны окружающей среды.

Заключение

Презентуя Стратегию–2025, ЕЭК назвала следующие количественные ориентиры развития ЕАЭС: ежегодный прирост совокупного ВВП на 4,5%, промышленного производства – на 8%. Ориентиры амбициозные, но достижимые. В постпандемийный 2021 г. ЕАЭС показал возможность выполнения целевого показателя роста ВВП; причём темп в 4,5% (самый высокий с 2015 г.) удерживал в течение всего года. В 2021 г. ЕАЭС показал рост промышленного производства в 5,3%, и это максимум за весь период с 2015 г.¹³

На наш взгляд, сложным для достижения (но тем почетнее) станет усиление позиций ЕАЭС в мировом ВВП и торговом обороте, соответственно, до 4 % и 3,3%. Достичь этой цели Союз также запланировал к 2030 г. К сведению, в предпандемийном 2019 г. доля ЕАЭС в мировом ВВП составляла 3,7%, в торговле – 2,4%.

В случае воплощения Стратегии–2025 целевые параметры роста могут быть достигнуты. Даже если учесть только расчётный

---

¹³ Экономические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Москва: ЕЭК, 2022. С. 11, 21. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_macroec/dep_stat/econstat/Documents/1-IV_quarter_2021.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

экономический эффект от реализации цифровой повестки, то его влияние на совокупный рост ВВП и промышленного производства ЕАЭС к 2025 г. может быть вдвое больше, чем цифровое развитие государств-членов ЕАЭС без общей цифровой повестки; прогнозируется рост занятости в ИКТ на 66,4% и дополнительный рост общей занятости на 2,46%, дополнительный прирост объема экспорта ИКТ услуг до 74%.

Анализ торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран ЕАЭС выявляет тенденцию к укреплению связей. Позитив во взаимной торговле, потоках инвестиций и потоков денежных переводов мобильных работников за период деятельности Союза позволяет дать положительную оценку интеграции.

Понятно, что торговля, инвестиции, деятельность мобильных работников – одновременно является как выражением потребностей экономики и потребителей, так и заслугой интеграции. Фиксация наращивания абсолютных значений, а также в % к ВВП, говорит о том, что в период деятельности интеграционного союза были созданы дополнительные возможности для удовлетворения таких запросов. Реализация мер, предусмотренных Стратегическими направлениями развития ЕАЭС до 2025, логично будет способствовать дальнейшему усилению взаимной ориентации.

Обзор официальных источников позволяет увидеть широкий набор инструментов позитивной интеграции, создающий для стран возможность нарастить персональные выгоды от участия в ЕАЭС. Интенсивная выработка норм ведётся как в традиционной для ЕАЭС сфере регулирования рынков, так и в относительно новых сферах – цифровизации, зелёной экономики, конкуренции, что позволяет прогнозировать рост интеграционных эффектов.

Глава 14. Проблемы Союзного государства в условиях неопределённости

Н.М. Межевич

В течение длительного времени существовала уверенность в том, что «отдельные нарушения существующей системы, которые государства допускают в порядке исключения, не обязательно следует воспринимать как движение в сторону демонтажа системы международного права как таковой»¹. В соответствии с традициями реализма Россия и Беларусь доказывали необходимость сохранения если не самой Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, то хотя бы каких-то её основ. Эти призывы не были услышаны, и в результате «мир в начале XXI в. во многом превратился из вместилища надежд и ожиданий в среду, наполненную возросшими рисками и угрозами»².

Ссылки на политический, экономический, идеологический кризис не могут считаться чем-то принципиально новым. Отметим, тем не менее, несколько моментов, имеющих принципиальное значение для проблематики Союзного государства. *Во-первых*, перед нами не аналог экономического кризиса 2007–2009 гг., а многоуровневый комплекс проблем. *Во-вторых*, после начала специальной военной операции (СВО) и выхода китайско-американских противоречий на новый уровень ощущение неопределённости захватывает уже весь мир.

Глобальная неопределённость имеет множество объяснений. Ограничимся выводом: «До 2010-х гг. Европа жила в этом глобальном мире — апогее неолиберальной модели глобализации, которая к настоящему времени во многом канула в Лету»³. Этот программный тезис, многократно подтверждённый событиями, можно признать аксиомой. Понимание этого сложилось в Москве и Минске практически одновременно, что стимулировало интеграцию

---

¹ Бест Дж. Война и право после 1945 г. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. С. 24.

² Громыко Ал.А. О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 12.

³ Громыко Ал.А. Европейская культура — силы притяжения и отталкивания // Общественные науки и современность. 2022. № 3. С. 10. DOI: 10.31857/S0869049922030017, EDN: EWIMOU

не столько через её внутренний потенциал, сколько через внешнее воздействие⁴.

*   *
*   *

Рассматривая вопросы европейской интеграции, следует отталкиваться не от собственно экономического, а от исторического контекста. Важное противоречие современной практики международных отношений — категорическое неприятие любых форм интеграции на постсоветском пространстве за исключением продвигаемых из Брюсселя и Вашингтона. Этот тезис полностью относится к евроатлантической политике в отношении интеграции России и Беларуси. При этом «региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессах стратификации мира, обусловленных глобализацией»⁵.

Укажем на то, что Европейское экономическое сообщество пополнялось совсем не так, как проходило уже в бытность Европейского союза, например, в 2004 г. До этого времени интеграционные подходы были достаточно гибкими. «Следует считать нормой ситуацию, когда в пределах одного образования скорость, глубина и формы интеграции между его членами в разных областях (экономика, социальная сфера, образование, иммиграция, внешняя политика, оборона) могут сильно отличаться, меняясь с течением времени не синхронно, а в значительной степени независимо друг от друга»⁶. Однако применительно к расширению 2004 г. эта логика оказалась утраченной.

При постоянно растущих амбициях у ЕС уже нет средств на масштабные геополитические проекты, и совсем очевиден дефицит стратегического анализа. Перед нами не кризис европейской идеи, а развёртывание кризиса конкретной практики её реализации в политической сфере. При этом в США, традиционно вос-

---

⁴ Российско-белорусские отношения в 2022 году: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции / Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко. Москва – Минск. 2022. https://gromyko.ru/upload/analiticheskiy_doklad_2022.pdf (дата обращения: 18.06.2022).

⁵ *Буторина О.В.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3 (13) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2006/04/10/butorina.html>

⁶ *Бусыгина И.М.* Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. Т. 11. № 1 (32). Январь–апрель. 2013. <http://www.intertrends.ru/fifteen/002.htm>

принимающих Европу как исключительно младшего партнёра, нет иллюзий по поводу реального положения дел в ЕС. В качестве примера сошлёмся на одну из публикаций в авторитетном американском издании *Foreign policy*. В ней убедительно показаны пять проблем Европейского союза: чрезмерное расширение, последствия развала СССР, кризис евро, в целом ухудшение ситуации в регионе, устойчивый национализм⁷.

Европейский интеграционный проект в своём классическом варианте прекратил существование. В формальной неприкосновенности осталось его оформление, но содержание изменилось. Процесс евроинтеграции породил бюрократический наднациональный механизм, который взял под контроль не только деятельность национальных правительств, но и саму идею интеграции. ЕС больше нет в том виде, в каком его замыслили Р. Шуман и Ж. Монне. Однако это не означает краха великой европейской идеи и вовсе не обязательно приведет к краху ЕС в целом. Положение дел на сегодня не отрицает того, что к рубежу 1980–1990-х гг. европейская интеграция пришла с убедительными победами как в экономической, так в политической и идеологической сферах.

Европейский вектор интеграции изначально рассматривался в России и Беларуси как возможный и привлекательный, но не единственный. В этом, вероятно, уникальность российско-белорусской интеграции. С другой стороны, «СССР изначально создавался и десятилетиями позиционировался как интеграционный проект, его прекращение, независимо от причин, бросало тень на любой проект постсоветской интеграции»⁸. С указанного рубежа прошло более тридцати лет, и ситуация закономерно изменилась. Сработал закон сообщающихся сосудов географии, и потенциал интеграционных процессов в Европе возрос за счёт деструкции интеграции в Восточной Европе и СССР.

На постсоветском пространстве после 1991 г. действовали многочисленные факторы негативного характера. Прежде всего речь шла о стремлении правящих кругов бывших советских республик, выйдя из СССР, упрочить полученный суверенитет и развивать европейский вектор сотрудничества. В Прибалтике при этом сооб-

---

⁷ *Stephen M. Walt*. Does Europe Have a Future? // *Foreign Policy*. July 16, 2015. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/07/16/does-europe-have-a-future-stephen-walt-testimony-house-foreign-affairs-committee/>

⁸ *Межевич Н.М., Шамахов В.А.* После 30 лет постсоветской интеграции. Почему потери заметны, а приобретения не так очевидны? // *Международная жизнь*. Декабрь. 2021. С. 27.

ражения экономической целесообразности полностью отступили на задний план. Классический пример – закрытие Игналинской АЭС в Литве, событие особо чувствительное. Европейская интеграция уже не воспринималась как ограничение суверенитета. Прибалтика не только была готова делегировать часть своего суверенитета, но фактически отдать его полностью. Ситуация с российско-белорусской интеграцией оказалась иной.

Восприятие на Западе экономической и политической интеграции на постсоветском пространстве и особенно применительно к Беларуси и Украине можно в самом общем виде охарактеризовать следующим образом: «Свой интеграционный проект Запад воспринимает как приоритетный, стыковка с иными интеграционными механизмами ему не интересна (она возможна лишь в том случае, если будет соответствовать цели расширения собственного же “жизненного пространства” – получения новых ресурсов для поддержания жизнеспособности западной экономики)»⁹. Очевидно, что попытки Белоруссии (да и России) предложить Западу идею «интеграции интеграций» были обречены на провал уже в 2014 г.

Предложенная рядом экспертов идея превращения Минска в диалоговую площадку¹⁰ Востока и Запада, возможно, и выглядела привлекательно, но геополитические «овраги» не позволили ей реализоваться. Умозрительно можно согласиться со следующим тезисом: «На протяжении последнего десятилетия Республика Беларусь последовательно выступает за сближение ЕС и ЕАЭС/ЭПШП, а также ратует за создание и функционирование постоянного формата диалога между всеми интеграционными объединениями в интересах мира и благополучия народов всего континента Евразия»¹¹. Однако его практическая реализация невозможна. На определённом этапе и на короткий срок Запад поддержал превращение Минска в диалоговую площадку, однако Минск сам по себе не интересует глобальных игроков. Он мог бы стать интересен в том случае, если бы ЕС принял бы решение о пусть медленном, но восстановлении отношений с Россией.

---

⁹ *Межевич Н.М.* «Интеграция интеграций»: стоит ли искать чёрную кошку в тёмной комнате? <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-integratsiy-stoit-li-iskat-chyernuyu-koshku-v-t/> 18.09.15

¹⁰ Минский диалог. Либеральный клуб. 11.04.2015. URL: <http://liberalclub.biz/?p=15837>

¹¹ *Косов А.П.* Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве: монография / А.П. Косов, Д.В. Юрчак; под общ. ред. А.П. Косова. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. С. 328.

Но рассчитывать на серьёзные конкурентные преимущества Беларуси без качественной перестройки мировой политики и экономики нельзя. В отсутствие такой перестройки встраивание страны в контролируемую Западом региональную и мировую экономику привело бы только к негативному эффекту. «Следует признать, — писал А.Е. Дайнеко ещё в 2011 г., — что Беларусь на современном этапе развития не готова к глобальной конкуренции и интеграции. Одновременное включение Беларуси в глобальные и региональные процессы связано с существенными рисками и угрозами. Вместе с тем суверенное государство такого геоэкономического положения не может оставаться в самоизоляции, поскольку это означало бы консервацию низкой международной конкурентоспособности и поддержание малоэффективной внешнеэкономической деятельности»¹².

Минск потратил много сил и времени в рамках западного вектора интеграции, но ничего, кроме высокомерного «Белоруссия — это страна, которая сидит на шпагате на перекрёстке»¹³, не услышал. Любые обращения европейских экспертов к проблематике белорусской интеграции сводились к тому, что «сдача суверенитета» на Запад — это хорошо, а на Восток — плохо¹⁴. В том числе поэтому поиск интеграционной модели был таким долгим и сложным. Лишь к 2021 г. наметилось явное продвижение, и «сейчас Беларусь и Россия отработывают те формы и принципы союзничества, которые необходимо масштабировать на все остальные интеграционные объединения. Союзная интеграция России и Беларуси в практической плоскости должна быть представлена и для других участников ЕАЭС, ОДКБ и СНГ как желательный вариант развития интеграционных процессов».¹⁵ Подчеркнём, что для этого вывода потребовались долгие годы, когда немало специалистов в Беларуси утверждали и обратное о перспективности Союзного

---

¹² Дайнеко А.Е. Геоэкономические приоритеты Беларуси. Минск, 2011. С. 4.

¹³ Рудольф Ришар: сидеть на шпагате долго — не очень удобно / Конференция «Минск после Риги». 28.05.2015. euoradio.fm/ru/rudolf-rishar-sidet-na-shpagate-dolgo-ne-ochen-udobno

¹⁴ Тиммерманн Х. Отношения Белоруссии и России в общеевропейском контексте. Взгляд из Германии. М.: Комитет «Россия в объединенной Европе», 2003. С. 8.

¹⁵ Союзное государство в условиях современного кризиса. Доклад. Александр Гушин, Алексей Дзермант, Сергей Пантелеев, Пётр Петровский. Москва-Минск, Март 2022. С. 6.

государства и ЕАЭС. Эта проблема неоднократно рассматривалась в трудах Института Европы РАН¹⁶.

Исторически оправданным стало решение о последовательной интеграции: «в своей интеграции РФ и РБ ранее сделали ставку не на скорость, а на вызревание предпосылок для реального объединения»¹⁷. Это произошло в том числе потому, что в рамках Союзного государства было решено, что «условия интеграции надо оговаривать на равноправной основе между равными партнёрами, а не навязывать по принципу “бери, что дают”»¹⁸. Постепенно такой подход стал очевиден даже тем элитным группам, которые длительное время весьма скептически относились к восточному вектору интеграции, предпочитая и идеологически, и практически вектор западный.

Россия и ещё в большей степени Беларусь — европейские страны. Означает ли это априори принятие «европейской модели», теории и, главное, практики европейской интеграции? Очевидно, что нет. При этом отношения с Европой в формате добровольного соподчинения на определённом этапе имели место как в Беларуси, так и России. Формула «европейская традиция в истории Беларуси была прервана лишь после аннексии её территории Российской империей в конце XVIII века»¹⁹ и предполагает согласие с любой европейской интеграцией и на любых условиях. Подобная постановка вопроса показательна. Конечно, очевидно, что такой подход предполагает, что Беларусь якобы не существовала в конце XVIII века. Представлять же разделы Польши как аннексию, значит демонстрировать непрофессионализм в международном праве и истории. Но такая точка зрения не редкая и сейчас. Следу-

---

¹⁶ Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений / Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко. Москва, 2021. <https://www.instituteofeurope.ru/images/news/092021/gromyko2021-2.pdf> (дата обращения: 18.03.2022); Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы / Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко Москва — Минск, 2021. https://gromyko.ru/upload/analiticheskij_doklad_2021.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁷ Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: Аналитический доклад. М.: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко, Институт Европы РАН, 2022. С. 4.

¹⁸ *Мюллерсон Р.* Европа: американцев — в дом, русских — вон, <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropa-amerikantsev-v-dom-russkikh-von/> 17.05.2016

¹⁹ Беларусь и Европейский Союз: от изоляции к сотрудничеству / Под ред. Х.-Г. Вика, Ш. Малериуса. Вильнюс: Фонд Конрада Аденауэра, 2011. С. 16.

ет согласиться с О.Б. Неменским: «В деле поиска национального взгляда на отечественную историю белорусское общество остаётся расколотым»²⁰. Добавим, российское общество по этому вопросу расколото в не меньшей степени, что также влияет на оценку перспектив интеграции.

Ситуация в сфере российско-белорусской интеграции на протяжении тридцати лет во многом определялась тем, что Москва и Минск общались друг с другом, используя риторику братских стран. Этот подход оказался уникальным. Категория «братские отношения» не могла сложиться, например, в отношениях с украинцами. Старомосковское ядро России географически, исторически, культурно ближе к Беларуси. Украина же — «украина», т.е. край московской цивилизации до Екатерины II включительно. Культурная граница, как и государственная, с Беларусью не прочерчена чётко, причём это относится не только к восточной, но и к западной границе Беларуси. Русские и белорусы — братья, но и украинцы для белорусов такие же братья. Что касается поляков, то это братья «двоюродные», с которыми белорусы вместе прошли века развития.

Общая историческая память России и Беларуси не омрачена масштабными военными или ассимиляционными конфликтами. Русский, переезжая в Брест или Могилёв, начинает использовать в своём языке «а» вместо «о». Белорус в Москве приходит к «московскому» языку. Отметим, что русскому из Астрахани понять русского из Архангельска не проще, чем белорусу понять русского из Владивостока. Общая история — важная предпосылка интеграции, разумеется, если есть желание искать общие позиции. Выступление Президента Беларуси 1 сентября 2022 г. ещё раз показало, что такое желание есть²¹.

Литва, Латвия, Эстония на наших глазах погружаются в националистическую архаику, пытаясь нивелировать внутренние различия и очевидные проблемы. Различия в летто-литовской группе фундаментальны. Литовец не понимает язык латыша, он католик; латыш же вне вероисповедания или протестант.

У эстонцев «братья» есть, но только через залив, на севере. Причём для финнов эстонцы — это младшие братья. У армян

---

²⁰ Неменский О.Б. «История белорусской государственности» между Востоком и Западом // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3. С. 172.

²¹ Открытый урок «Историческая память — дорога в будущее». <https://president.gov.by/ru/events/otkrytyy-urok-istoricheskaya-pamyat-doroga-v-budushchee> (1.09.22)

и грузин братьев в принципе нет. Иными словами, в Белоруссии ситуация уникальная. Здесь нет своих Латгалии, северо-востока Эстонии, Приднестровья, Гагаузии, Карабаха, нет таких этнокультурных различий, которые нам знакомы по Азербайджану, Грузии, Украине.

Белорусский исследователь Ю.В. Шевцов в книге «Объединённая нация. Феномен Беларуси» в качестве одной из причин нетипичного для региона вектора развития Беларуси называет особенности белорусской элиты. По его мнению, правящий класс, сформировавшийся в БССР в послевоенный период, был ориентирован в первую очередь на интересы белорусского промышленного комплекса. Именно нужды белорусской промышленности, сосредоточенной на кооперативных связях с Россией, обусловили то, что Беларусь единственная среди своих соседей пошла по пути сохранения и развития тесных интеграционных связей с Россией. Ю.В. Шевцов отмечает, что концентрация промышленных производств в Беларуси делала возможную деиндустриализацию из-за разрыва связей с Россией гораздо более болезненной и тяжёлой по последствиям в сравнении с Прибалтикой или Украиной²².

Именно эти обстоятельства не столько экономического, сколько исторического, географического характера повлияли в конечном счёте на выбор вектора интеграции Республики Беларусь, на создание и развитие Союзного государства. Обсуждение вопросов интеграции на постсоветском пространстве началось в 1992 г., фактически сразу после распада СССР. Достаточно быстро стало очевидно, что создание СНГ оказалось крайне важным, но неудачным опытом.

Российская Федерация и Республика Беларусь первыми начали реальное интеграционное взаимодействие, организовав Союзное государство России и Белоруссии. Прообразом данного объединения является Сообщество Белоруссии и России, оформленное в 1996 г., которое предполагало политическую и экономическую интеграцию с целью объединения материального и интеллектуального потенциалов двух государств. В том же году появилось решение о формировании общего Парламентского собрания. В 1997 г. Сообщество преобразовали в Союз России и Белоруссии, были сформированы Высший совет и Исполнительный комитет Союза. Парламентское собрание Сообщества трансформировалось в Парламентское собрание Союза. До 2000 г. появился ряд комите-

---

²² *Шевцов Ю.В.* Объединённая нация. Феномен Беларуси. М.: Изд-во «Европа», 2005. С. 228–232.

тов и были подписаны договоры о равных правах граждан Российской Федерации и Республики Беларусь.

Тем не менее долгое время белорусская модель в экономике и политике, практика белорусской интеграции в европейской и мировой экономике опиралась на концепцию многовекторности, и для этого были определённые предпосылки. В международных отношениях подобный подход известен, но он предполагает определённую стабильность, равенство силы векторов притяжения и, наконец, желание не одной, а всех сторон выстраивать дружественные страны.

В Минске на определённом этапе многовекторность опиралась не только на амбиции тех или иных политических лидеров Беларуси, но на объективное состояние международных отношений в регионе. Сегодня от него не осталось практически ничего. В Минске о модели многовекторности продолжают говорить те, кто в своё время её сформулировал и ввёл в политическую и экономическую практику. Многовекторная модель выглядела логичной в 2011 г., как и её полная неуместность — в 2022 г.²³ Обращает на себя внимание то, что позиция белорусской оппозиции по вопросу многовекторности и нейтралитета в ряде случаев не сильно отличается от государственной: «Вопрос нейтралитета в белорусском обществе никогда не отличался остротой, и у белорусов нет сформированной позиции по этому поводу», и далее: «Хотя белорусские элиты и выступали в поддержку нейтральности, однако все эти действия были ситуативными»²⁴.

Оппозиция, разумеется, работала на укрепление западного вектора интеграции. Но её реальный авторитет был невелик. В чём-то прав оппозиционный политолог А. Шрайбман, который писал о том, что имеется «такая белорусская особенность, что не лидеры управляли протестами, не лидеры им давали какой-то вес, а, наоборот, протесты своим весом определяли значимость лидера»²⁵. Верно и следующее в контексте пандемии: «В сегод-

---

²³ *Межевич Н.М.* Большая Белоруссия в маленьком мире: когда «власть не хочет, а оппозиция не может». http://ross-bel.ru/about/news_post/bolshaya-belorussiya-v-malenkom-mire-kogda-vlast-ne-hochet-a-oppozitsiya-ne-mozhet. 22.04.2021

²⁴ *Мацукевич П., Астапеня Р.* Возможен ли нейтралитет Беларуси? // Центр новых идей. Ноябрь. 2021. С. 3–4.

²⁵ «Любые попытки сломать сценарий власти её злят». Как отреагирует Лукашенко на ультиматум Тихановской. <https://www.currenttime.tv/a/belarus-ultimatum-tsikhankouskaya-lukashenko/30905727.html>. 22.10.2020

няшной обстановке, когда все государства ЕС озабочены глубоким падением своих экономик вследствие пандемии коронавируса, создание солидного фонда для будущих белорусских реформ также представляется нереальным»²⁶.

Разумеется, дискуссия о многовекторности не осталась без внимания Запада и вызвала масштабные и разноплановые попытки ослабить союзные отношения между Россией и Беларусью. Были задействованы все ресурсы, активизирована российская и белорусская оппозиции. Ключевой целью стала дискредитация внешнеполитических концепций в каждой из стран. Спекуляции на таких вопросах, как суверенитет, нейтралитет, многовекторность, должны были создать тот уровень взаимного непонимания, отталкиваясь от которого можно было бы не только остановить российско-белорусскую интеграцию, но разрушить все формы сотрудничества и в ЕАЭС. Одно время казалось, что наши оппоненты близки к реализации своих планов. Тем не менее к концу 2021 г. стало очевидным, что им не суждено сбыться.

Следует признать факт некоторых противоречий между белорусским и российским руководством по поводу политической составляющей интеграции, которые время от времени прорывались в публичное пространство. В начале 2000-х гг., когда тупик в строительстве Союзного государства стал очевиден, В.В. Путин предложил определиться с дальнейшим форматом белорусско-российских отношений и отделить «мухи от котлет»²⁷. По мнению российского президента, это означало либо полный отказ от каких-то наднациональных структур, либо, напротив, окончательное слияние России и Беларуси в единое государство. Эти предложения вызвали крайне болезненную реакцию белорусской стороны, после чего политическая интеграция двух государств оказалась фактически замороженной.

К теме политической интеграции вновь вернулись в 2019–2021 гг. в связи с подготовкой интеграционных программ («дорожных карт»), призванных придать белорусско-российской интеграции новый импульс и определить дальнейшие направления её развития. В связи с этим активно обсуждалось существование 31-й дорожной карты, затрагивавшей вопросы политической инте-

---

²⁶ Наше мнение. Экспертное сообщество Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://nmnby.eu/news/express/7217.html>

²⁷ «Мухи и котлеты»: шесть скандальных случаев в отношениях Путина и Лукашенко // Хартия'97. 13.10.2019. URL: <https://charter97.org/ru/news/2019/10/13/351729/> (дата обращения: 08.06.2022).

грации и наднациональных органов. Её существование в декабре 2019 г. подтвердил Д.А. Медведев, возглавлявший тогда российское правительство. Однако через несколько дней его заявление дезавуировал А.Г. Лукашенко: «Мы два суверенных государства. Да, мы продвигаем интеграцию, но ту, которая не ущемляет суверенитет. Эта 31-я “дорожная карта” или... план строительства наднациональных органов. Мы с Путиным вообще исключили разговоры об этом»²⁸.

Осенью 2021 г. пакет интеграционных программ был подписан. Он действительно не содержал политической составляющей и касался исключительно социально-экономических вопросов. Отказ от политической интеграции может свидетельствовать о том, что у России и Беларуси по-прежнему нет общего видения Союзного государства нового качества.

Однако на имеющейся базе интеграционные процессы шли вперёд. В начале 2022 г. произошел обмен мнениями между Москвой и Минском по ключевым вопросам. «Россия не просто союзник Белоруссии, это одно целое в экономике и военной сфере», — заявил А.Г. Лукашенко²⁹. Практически одновременно министр иностранных дел Республики Беларусь В. Макей и чрезвычайный и полномочный посол России Б. Грызлов провели консультации и отметили то, что, «выступая единым фронтом на международной арене, Москва и Минск являются последовательными сторонниками дальнейшего развития евразийской интеграции, формирования архитектуры равной и неделимой безопасности в Европе»³⁰.

* *
*

Взаимное позиционирование России и Беларуси в системе мировой и европейской политики — вопрос не регионального, а мирового масштаба. На наших глазах развёртывается экспери-

---

²⁸ Было 33 карты — стало 28 программ. Как развивались переговоры по белорусско-российской интеграции // Зеркало. 10.09.2021. URL: <https://news.zerkalo.io/economics/2769.html> (дата обращения: 08.07.2022).

²⁹ Лукашенко: Россия не просто союзник Беларуси, мы — народы от одного корня. <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-rossija-ne-prosto-sojuznik-belarusi-my-narody-ot-odnogo-kornja-491232-2022/> (дата обращения: 19.03.22).

³⁰ Макей и Грызлов обсудили взаимодействие в интеграционных объединениях. <https://rg.ru/2022/03/25/minsk-makej-i-gryzlov-obsudili-vzaimodejstvie-v-integracionnyh-obedineniiah.html> 25.03.22

мент, связанный с восстановлением тех основ социально-экономической и политической модели, которые доказали свою эффективность на предшествующем этапе³¹. Эта линия опирается на высокий уровень политического, экономического, и, что очень важно, военного сотрудничества. «Россия и Беларусь – члены Союзного государства и Евразийского экономического союза, они составляют ядро ОДКБ, то есть являются военно-политическими союзниками. Их отношения – это не отношения двух торговцев, каждого из которых можно перекупить»³².

Экономика и политика современного мира характеризуется высокой степенью неопределённости и хаотичности. Это обстоятельство не отрицает того, что мы обязаны заглянуть за горизонт и посмотреть, что же будет после хаоса. Задача представляется маловыполнимой применительно к европейской проблематике, но относительно российско-белорусских отношений характер и масштаб неопределённости существенно иной.

Предложим три сценария, причём определяющим фактором для них является совокупность внутренних факторов российско-белорусской интеграции, а не внешнее воздействие. Первый сценарий основывается на сохранении текущего уровня нестабильности в Европе и мире. Российско-белорусская, союзная интеграция будет углубляться под воздействием дополнительного эффекта защитной реакции. Второй сценарий предполагает углубление кризиса и ускоренными темпами ведёт к расширению полномочий Союзного государства. Третий сценарий предполагает выход из кризиса в среднесрочной перспективе, однако и он способствует развитию российско-белорусской интеграции.

Таким образом, при различных сценариях перспективы российско-белорусской интеграции принципиально не отличаются, но темпы развития двустороннего сотрудничества могут быть различными.

---

³¹ *Межевич Н.М.* Теоретические предпосылки и практические возможности российско-белорусского сотрудничества // *Международная жизнь*. Май. 2022. С. 29.

³² *Громыко Ал.А.* Заявления США о поддержке суверенитета Беларуси унижают для Минска. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/zayavleniya-ssha-o-podderzhke-suvereniteta-belarusi-unizitelny-dlya-minska/> (дата обращения: 03.02.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тектонические сдвиги в системе международных отношений, произошедшие за последние 30 лет, вылились в период длительной конфронтации разной степени интенсивности между соперничающими центрами силы. Россия форсирует ход событий, делая ставку на ускорение процессов переформатирования глобального управления и регулирования. Китай по большинству параметров превратился в одну из ведущих держав мира, а по паритету покупательной способности стал мировым лидером. Пекин всё громче заявляет о своих интересах и подходах к мироустройству, однако старается отсрочить неизбежность более острых форм столкновения с Соединёнными Штатами и их ближайшими союзниками. Исходя из умонастроений в США, политика «двойного сдерживания» в отношении России и Китая продолжится. В её рамках Вашингтон делает ставку на максимальное затягивание украинского кризиса для нанесения наибольшего ущерба Российской Федерации. Главным военно-политическим рычагом давления на Пекин становится тайваньский вопрос. Он используется для формирования антикитайского консенсуса, а также в качестве постоянного раздражителя, с помощью которого Пекин будут провоцировать на военный конфликт с Тайбэем.

После брекзита новыми красками заиграл британский фактор. Соединённое Королевство является средней державой с гипертрофированными амбициями, но с достаточными ресурсами, чтобы оставаться ближайшим союзником США в рамках «особых отношений» возрастающей асимметрии. С Евросоюзом Лондон будет выстраивать связи на основе сугубой прагматики и играть роль «спойлера», когда ему это выгодно. Брекзит нанёс непоправимый ущерб репутации Британии в ЕС, как и надолго утвердил в стране доминирование евроскептиков, с презрением относящихся к Брюсселю. Отношения Лондона и ЕС обретают ярко выраженный конкурентный характер, включая торговую сферу. Усилия

Британии по созданию ситуативных локальных альянсов в сфере безопасности со странами Северной Европы и ЦВЕ работают на дальнейшее ослабление остатков намерений ЕС в области «стратегической автономии».

Эпидемии, вирусы и болезни исторически сопутствовали развитию человеческого общества. Однако пандемию COVID-19 массовое сознание в Европе и в мире в целом восприняло не как очередную, пусть и грозную проблему, но как беспрецедентную и неожиданную беду эпических масштабов. Тем не менее испробованные методы борьбы с вирусом (локдауны, дистанционное обучение и работа, опыт форсированного создания, производства вакцин и др.) доказали свою эффективность и сыграют неопределимую роль в борьбе с подобными заболеваниями в будущем.

Определяющим для социально-экономического развития Европейского Союза становится одновременная энергетическая и цифровая трансформация народнохозяйственных комплексов. Однако «зелёный курс» столкнулся со многими сложностями в своей реализации, обусловленными как идеализированными представлениями о заявленных целях и механизмах, так и рядом внутренних и внешних вызовов. Тем не менее ставка и дальше будет делаться на рост независимости хозяйственного пространства ЕС на основе дирижизма и государственного вмешательства в деятельность субъектов рынка. Несмотря на предпринимаемые усилия, объединение продолжает отставать в конкурентной гонке с США и Китаем. Вряд ли оправдается расчёт Брюсселя на то, что водородные технологии станут движущим мотором энергетического перехода к климатически нейтральной экономике. Неоправданно высокие издержки приведут к падению конкурентоспособности ЕС. Производительные факторы в последующие годы продолжат перемещаться в другие экономики, в первую очередь в Северной Америке и Юго-Восточной Азии.

В ЕС сосуществуют тенденции к интеграции и дезинтеграции. Эти разнонаправленные процессы характерны для всей мировой экономики, в которой усиливаются фрагментация и асимметрия. В ответ на рост социальных издержек и проблем макроэкономического управления всё большее число стран будет стремиться оградить свои рынки, компании и в целом хозяйственные комплексы от неблагоприятного внешнего воздействия. В условиях высокой открытости национальных экономик инструментами такой политики становятся меры «протекционизма 2.0» (вводимые по мотивам национальной безопасности), борьба ведущих мировых игро-

ков за право устанавливать глобальные стандарты, прежде всего, в цифровой экономике и экологии, попытки реиндустриализации, включая рещоринг и френдшоринг (англ. — *reshoring, friendshoring*).

Евросоюз вплотную подошёл к исчерпанию стратегии региональной экономической интеграции, которая опиралась на позитивные эффекты от объединения рынков и декларировала цели благосостояния. Процесс сближения государств-членов по уровню душевых доходов остановился после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., а попытки руководства ЕС стимулировать экономический рост и технологическое развитие при помощи долгосрочных программ не дали существенных результатов. Теперь Брюссель переносит упор на цели, имеющие высокую общественную привлекательность (например, цифровая и «зелёная» повестка), но не связанные напрямую с повышением уровня жизни и социально-экономическим сближением. Баланс выгод и издержек от реализации поставленных задач будет неодинаков для разных стран и слоёв населения.

Торгово-экономические отношения стран Евросоюза в 2023–2024 гг. испытают влияние затяжного энергетического кризиса. Сократится обмен продукцией химической, сталелитейной, алюминиевой, стекольной промышленности в связи с резким взлётом цен на природный газ. Усиление роли Китая в международной торговле, политика «нулевой терпимости» к коронавирусу создадут эффект интерференции (наложения) нескольких кризисов. Суммарно доля ЕС в мировом товарообороте продолжит снижаться, а торговые потоки будут всё больше отклоняться в сторону Китая.

В краткосрочной перспективе в странах ЕС сохранится высокая инфляция, что снизит спрос на импорт. Появится стимул к ускоренному развитию кооперационных цепочек внутри объединения. Однако сложная экономическая ситуация ближайших лет способна стать спусковым крючком для массового переноса активов европейских компаний за рубеж. Сжимающееся воспроизводство внутрирегиональной торговли осложняют протекционистские меры в виде экспортных ограничений, инвестиционной дискриминации, скрытого субсидирования европейских производителей. Хотя названные факторы имеют разную направленность, интегральный вектор кризисного состояния торговых связей в Европе сохранится. Разворот этой тенденции на фоне ухудшения прогнозов по росту ВВП стран-членов ЕС, роста цен на энергоносители и продовольствие, снижения покупательной способности населения представляется всё менее вероятным.

На уровне политических решений в Евросоюзе очевиден отход от традиционного технократического подхода в пользу различных идеологических постулатов, основанных на идеальной картине мира и нереалистичных образах будущего. Характерной особенностью таких изменений стало пренебрежение технико-экономическими параметрами европейской энергетики и не оправдавший себя акцент на ВИЭ. Последовавшие отрицательные эффекты заставили ЕС раскрыть глаза на критическое положение дел в энергетике и пересмотреть подходы к более стабильным источникам энергоснабжения (природный газ и атомная энергия). Дальнейшего отступления от канонов климатической повестки потребовал курс на отказ от российского газа и как следствие — возврат к угольной энергетике. Очевидны перспективы повышения выбросов парниковых газов в европейской энергетике, что ставит под вопрос выполнение обязательств ЕС по сокращению выбросов в рамках Парижского соглашения и пакета “Fit for 55”.

В социальной сфере неизменными остаются главные цели Евросоюза до 2030 г.: обеспечение занятости, прежде всего среди молодёжи, расширение возможностей для переквалификации и профессионального обучения, снижение уровня бедности. Основные усилия ЕС будут сконцентрированы на поддержке домохозяйств. На уровне государств-членов созданы различные механизмы по поддержанию уровня жизни (единовременные выплаты, субсидирование расходов на отопление и общественный транспорт, налоговые льготы для компаний и др.). За годы пандемии COVID-19 часть средств структурных фондов ЕС перенаправлена в пользу национального и регионального развития: инфраструктура, НИОКР, окружающая среда, поддержка малого и среднего бизнеса, здравоохранение.

В ближайшие годы вероятно переориентация финансирования с долгосрочных проектов на решение чрезвычайных задач, связанных с помощью социально незащищённым слоям населения. Речь идёт о растущей категории молодёжи без образования и работы, низших слоях рабочего и среднего класса, служащих, мелких предпринимателях. Именно на них может лечь основная тяжесть издержек «двойного» перехода с учётом того, что они же первыми пострадали в ходе экономического спада последнего десятилетия и социально-экономических последствий украинского кризиса. Возможности сохранения ключевых элементов Европейской социальной модели у разных стран-членов ЕС сильно варьируются. Высок риск усиления дивергенции внутри

Союза. Череда кризисов усугубляет существующие диспропорции и неравенство в ЕС.

Экономические последствия пандемии и санкционной политики ЕС больно бьют по первостепенным потребностям граждан. Закономерным ответом становятся протесты, забастовки, демонстрации. Исследования электоральной базы популизма показывают, что значительная часть населения европейских стран, голосуя за несистемные партии, тем самым заявляет о своих нуждах и интересах. Власти стоят перед сложной задачей эффективных мер против быстрорастущей инфляции. Масштабные политические изменения происходят в Британии, Италии, Швеции, других государствах. Одновременно прослеживается спад эмоций, связанных со спецоперацией России на Украине. На первый план выходят бытовые проблемы, которые ведут к умножению состава различных протестующих групп.

Интеграция на пространстве бывшего СССР – особая часть глобальных экономических и политических процессов. В основе постсоветской интеграции – исторически не долгий, но уникальный по форме и масштабам тренд на дезинтеграцию рубежа 1980–1990-х гг. Становление Евразийского экономического союза – очевидное проявление стратегии позитивной интеграции. В её основе – опора на выгоды, связанные с совместным использованием факторов и результатов экономической деятельности внутри объединения. Анализ торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества демонстрировал укрепление связей. Позитив во взаимной торговле, потоках инвестиций и денежных переводах мобильных работников позволяет в целом дать положительную оценку интеграции. В то же время требуются системные усилия для того, чтобы сохранить её положительные эффекты, намного больше приспособить под нужды государств-членов.

В рамках Союзного государства России и Беларуси интеграция приобрела необратимый характер, что объясняется как экономическими, так и военно-политическими причинами. Следует предполагать, что в обозримой перспективе произойдёт стабилизация темпов и качества двусторонней интеграции, которая испытывает внутреннее и внешнее воздействие ряда тормозящих факторов. Форс-мажорные обстоятельства могут способствовать ускорению интеграции по ряду направлений, однако в целом сбалансированное и планомерное развитие интеграционных процессов зависит от стабильной и предсказуемой среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники и документы

- A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas. IEA Fuel report — March 2022.
- A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 8.7.2020. COM (2020) 301 final
- A New Industrial Strategy for Europe. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Brussels, 10.3.2020. COM (2020) 102 final.
- A New Era for Europe. How the European Union Can Make the Most of its Pandemic Recovery, Pursue Sustainable Growth, and Promote Global Stability. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022.
- Commission proposals to improve the working conditions of people working through digital labour platforms. Eurocommission. 2021.
- Consolidated version of the treaty on European Union // Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012, pp. 13-47.
- COSMO Covid-19 Snapshot Monitoring Zusammenfassung und Empfehlungen Wellen 66 und 67.
- Cyber Security Strategy for Germany 2021. <https://www.bmi.bund.de/Shared-Docs/downloads/EN/themen/it-digital-policy/cyber-security-strategy-for-germany2021.pdf>
- Cyber Security Strategy of the United Kingdom safety, security and resilience in cyber space, June 2009. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228841/7642.pdf
- Cyber Security Strategy, Cyber Security Strategy Committee, Ministry of Defence, Estonia, Tallinn. 2008. https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-security-strategies/ncss-map/strategies/cyber-security-strategy/@@download_version/993354831bfc4d689c20492459f8a086/file_en
- DeStatis Statistisches Bundesamt. Data on energy price trends. Long-time series from January 2005 to July 2022.
- Digital Compass: The European Way for The Digital Decade. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the Euro-

- pean Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. 2030, 9.3.2021 COM (2021) 118 final.
- Digitaler Kompass 2030: der europäische Weg in die digitale Dekade. Mitteilung der Kommission an das Europäische Parlament, den Rat, den Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschuss und den Ausschuss der Regionen. Brüssel, den 9.03.2021. COM (2021) 118 final.
- Directive (EU) 2019/1152 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on transparent and predictable working conditions in the European Union // Official Journal of the European Union. L. 186, 11.7.2019, pp. 105–112.
- Eckpunktepapier zur Überarbeitung der Nationalen Wasserstoffstrategie. Stellungnahme. Nationaler Wasserstoffrat. Berlin. Juni 2022.
- Entschließung des Europäischen Parlaments vom 19. Mai 2021 zu einer europäischen Wasserstoffstrategie (2020/2242(INI)). 20.05.2021.
- EU Complementary Delegated Act on climate change mitigation and adaptation covering certain gas and nuclear activities. EU Commission. Brussels, 2022.
- EU Renewable energy statistics. Eurostat 2021.
- EU State of the Union Address. EU Commission. Brussels, 2020.
- EU taxonomy for sustainable activities. EU Commission. Brussels, 2022.
- EU Taxonomy: Commission welcomes the result of today's vote by the European Parliament on the Complementary Delegated Act. Press Release 6 July 2022. Brussels.
- European Parliament. EP Spring 2022 Survey: Rallying around the European flag. Democracy as anchor point in times of crisis.
- Future of Europe, Fieldwork Date. Eurobarometer. October 2020 – November 2020.
- Future of Europe 2021. Eurobarometer. October 2021.
- Fit for 55': delivering the EU's 2030 Climate Target on the way to climate neutrality. Communication from the Commission the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 14.7.2021 COM(2021) 550 final.
- Fit for 55. The EU's plan for a green transition. Council of the European Union. Brussels, 2022.
- Flash Eurobarometer 501. The euro area. October – November 2021.
- Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. March 2021.
- Global Trends in Renewable Energy Investment 2020. Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF. 2020.
- Integration of Immigrants in the European Union. Eurobarometer. Report. June 2022.
- In Search of Strategy – The 2020 Integrated Review: Government Response to the Committee's First Report of Session 2019–21. Third Special Report of Session 2019–21. Ordered by the House of Commons to be printed 20 October 2020. Published on 22 October 2020 by authority of the House of Commons.

- Industriestrategie 2030. Leitlinien für eine deutsche und europäische Industriepolitik. BMWi, Berlin. November 2019.
- Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Action Plan against Disinformation Brussels, December 5, 2018. JOIN (2018). 36 final https://eeas.europa.eu/sites/default/files/action_plan_against_disinformation.pdf
- Joint Statement on U.S.-Germany Cyber Bilateral Meeting U.S.–Germany Cyber Bilateral Meeting, 24.03.2016. <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/160323-cyber-konsultationen-usa/279470>
- Kyoto-Protokolls Verpflichtungsperioden. Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz, 2022.
- Key challenges of our times – the EU in 2022. Eurobarometer. 2022
- Labour market slack by sex and age – annual data, 2022. Eurostat.
- Living conditions in Europe – income distribution and income inequality. Eurostat. 2022.
- Living conditions in Europe – poverty and social exclusion, October 2021. Eurostat.
- MEMO/04/43, EU Commission. Brussels 4 March 2004. Kyoto Protocol
- Nationale Wasserstoffstrategie. BMWi, Berlin. Juni 2020.
- NATO STANDARD AJP-01. Allied Joint Doctrine. Edition E Version 1. February 2017 https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/905877/20200728-dogtrine_nato_allied_joint_dogtrine_ajp_01.pdf
- NATO Standard AJP-3.20, Allied Joint Doctrine for Cyberspace operations. Edition A Version January 1, 2020 https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/899678/dogtrine_nato_cyberspace_operations_ajp_3_20_1_.pdf
- OECD Economic Surveys: Spain. OECD, 2021.
- One in five people in the EU at risk of poverty or social exclusion, 2021. Eurostat.
- Persons at risk of poverty or social exclusion by most frequent activity status (population aged 18 and over), 2022. Eurostat.
- Precarious employment by sex, age and NACE Rev. 2 activity. 2021. Eurostat.
- Paris Agreement. EU's role. EU Commission. Brussels, 2016.
- Posture statement of Gen. Paul M. Nakasone, commander, U.S. Cyber Command before the 117th Congress. URL: <https://www.cybercom.mil/Media/News/Article/2989087/posture-statement-of-gen-paul-m-nakasone-commander-us-cyber-command-before-the/>
- Proposal for a directive of the European Parliament and of the Council on improving working conditions in platform work. Brussels, 9.12.2021, COM (2021) 762 final.
- Report on the European instrument for Temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak pursuant to Article 14 of Council Regulation (EU) 2020/672 SURE at 18 months: third bi-annual report. Brussels, 24.03.2022, COM (2022) 128 final.

- REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. EU Press release. EU Commission. Brussels, 2022.
- REPowerEU Plan. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. — Brussels, 18.5.2022. COM (2022) 230 final.
- Seasonally adjusted unemployment, totals, March 2022. Eurostat.
- Statistics Explained, Minimum wage statistics, January 2022. Eurostat.
- Statistics Explained, Unemployment rate, March 2021. Eurostat.
- Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 Strategy, 2019. Eurostat.
- Shaping Europe's digital future. Code of Practice on Disinformation, September 26, 2018 <https://wayback.archive-it.org/12090/20201229114620/https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/code-practice-disinformation>
- Shaping Europe's Digital Future. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 19.2.2020. COM (2020) 67 final
- Shaping the digital transformation in Europe. Final Report. European Commission, DG CONNECT. September, 2020.
- Special Eurobarometer 509. "Social Issues" Report. March 2021.
- Standard Eurobarometer 82. Autumn 2014. EUROPEAN CITIZENSHIP REPORT. Fieldwork: November 2014.
- Standard Eurobarometer 96. Winter 2021–2022.
- State of the Union Address 2021 by President von der Leyen. European Commission. Strasbourg, 15 September 2021. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/soteu_2021_address_en_0.pdf
- State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. 16.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/press-corner/detail/en/SPEECH_20_1655 (дата обращения 31.07.2022).
- Strategic dependencies and capacities. Commission staff working document. Accompanying the Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 5.5.2021. SWD (2021) 352 final.
- Technical assessment of nuclear energy with respect to the 'do no significant harm' criteria of Regulation (EU) 2020/852 ('Taxonomy Regulation'). EU Joint Research Institute, 2021.
- Total government expenditure on social protection, 2020. Eurostat.
- The EU in the world. 2020 edition. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2020. DOI: 10.2785/932944
- The Cyber Security Strategy 2014–2017, Ministry of Economic Affairs and Communications, 2014. https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-security-strategies/ncss-map/Estonia_Cyber_security_Strategy.pdf
- U.S.—U.K. Cyber Agreement Opens Doors for Both Nations, September 8, 2016. <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/937878/us-uk-cyber-agreement-opens-doors-for-both-nations/>

- UNCTAD. International Trade in ICT Services and ICT-enabled services: Proposed Indicators from the Partnership on Measuring ICT for Development. UNCTAD Technical Notes on ICT for Development. 2015, No. 3. Geneva.
- UNICEF. Are the world's richest countries family friendly? Policy in the OECD and EU. UNICEF Office of Research, Florence, 2019.
- United Nations Conference on Trade and Employment held at Havana, Cuba from November 21, 1947, to March 24, 1948. Final Act and Related Documents. Interim Commission for the International Trade Organization. New York, April, 1948. Havana Charter for an International Trade Organization.
- United Nations Monetary and Financial Conference. Bretton Woods, New Hampshire. July 1-22, 1944. United States government printing office, Washington, 1948. Vol. 1.
- Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe's recovery. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 05.05.2021. COM (2021) 350 final
- Warsaw Summit Communiqué, Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en

Заявление МИД России в связи с продолжающейся киберагрессией со стороны «коллективного Запада». 29 марта 2022 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806906/

Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611. <http://kremlin.ru/acts/news/69285>

Оборона в эпоху соперничества. Представлено в парламент государственным секретарём по вопросам обороны по приказу Её Величества, март 2021 г. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1007598/Defence_In_a_Competitive_Age_CP_411_Mar_21_-_RUSSIAN.pdf

Рекомендации для служб, обеспечивающих общественную безопасность во время выборов. БДИПЧ, ОБСЕ 2018. <https://www.osce.org/files/f/documents/d/b/376354.pdf>

Научные публикации

- Алексеевкова Е.С.* Выбор Италии: Шёлковый путь по-европейски, а не по-китайски? В кн.: Фактор Китая в Средиземноморье. Под ред. Буториной О.В., Алексеевковой Е.С. Доклады Института Европы РАН. 2022. № 387. С. 61–82. DOI:http://dx.DOI.org/10.15211/report12022_387
- Ананьева Е.В., Годованюк К.А.* Стратегия национальной безопасности Великобритании // Аналитические записки Института Европы РАН, 2021. № 5 (235). С. 1–7. DOI: <http://DOI.org/10.15211/analytics52021>

- Бабынина Л.О.* Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании // Современная Европа. 2020. № 3. С. 5–15. DOI: 10.15211/soveurope320200515
- Бабынина Л.О.* Трансформация внутренней архитектуры ЕС: проблемы фрагментации политического пространства // Политическая наука. 2014. № 2. С. 44–64.
- Багдасарян К.М.* Критический анализ работ зарубежных исследователей, посвящённых Евразийскому экономическому союзу // Вестник Евразийской науки. 2020. № 4. <https://esj.today/PDF/37ECVN420.pdf>
- Баранова Г.В., Фролов В.А.* Методология и методика измерения социальной напряжённости // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 50–65.
- Белов В.Б.* Германия – сложный поиск новой промышленной стратегии // Современная Европа. 2019. № 4. С. 27–36. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/soveurope420192736>.
- Белов В.Б.* Европейский альянс чистого водорода. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 52–59. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/vestnikieran520205259>
- Белов В.Б.* Европейский сырьевой альянс. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 6. С. 22–31. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/vestnikieran620202231>.
- Белов В.Б.* Новая промышленная стратегия Евросоюза // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020. № 13 (196). DOI: <http://DOI.org/10.15211/analytics122020>
- Белов В.Б.* Цифровая трансформация европейской промышленности. В кн.: Европа между трёх океанов / Под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН; Нестор-История, 2019. С. 363–378.
- Белов В.Б.* Электромобильность Германии и «Европейский батарейный альянс» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 86–93. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/vestnikieran120208693>
- Белов В.Б.* Партийно-политическое развитие Германии в год пандемии и 30-летия объединения. В кн.: Европейская аналитика 2020. М., СПб: «Нестор-История», 2021. С. 56–70. EDN: KWGMQL.
- Биссон Л.С.* Социальные цели ЕС в условиях пандемии // Аналитические записки Института Европы РАН. 2021. № 16 (246). С. 1–8. DOI:10.15211/analytics162021.
- Биссон Л.С.* Координация систем социального обеспечения в ЕС: упущенная возможность для социальной Европы // Европейский Союз: факты и комментарии. 2019. № 96. С. 48–52. DOI: 10.15211/eufacts220194852.
- Биссон Л.С., Борко Ю.А.* Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы» // Современная Европа. 2019. № 6 (92). С. 5–18. DOI: 10.15211/soveurope6201905177.
- Биссон Л.С., Лункин Р.Н.* Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S086904990017872-1

- Болгова И., Никитина Ю.* Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом // Современная Европа. 2019. № 5. С. 13–22. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2019/5-2019/2.pdf>
- Борко Ю.А.* Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции. М.: «Наука», 1975.
- Борко Ю.А.* Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма. М.: «Наука», 1984.
- Британия после брекзита / Отв. ред. К.А. Годованюк. ДИЕ № 386. М.: Институт Европы РАН, 2021. DOI: http://dx.DOI.org/10.15211/report82021_386
- Буторина О.* Интеграция в стиле фанк // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. С. 106–121.
- Буторина О.* Цели региональной интеграции: современное понимание // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 5–14.
- Буторина О.В.* Региональная интеграция: основные понятия. В кн.: Европейская интеграция. Учебник / Под ред. О.В. Буториной и Н.Ю. Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 15–29.
- Буторина О.В., Борко Ю.А.* Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1. С. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016.
- Васильева Н.А., Лагутина М.Л.* К вопросу о формировании Евразийского Союза: теоретический аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 166–172.
- Гарр Т.* Почему люди бунтуют? СПб.: Питер, 2005.
- Глазев С.Ю.* Как построить Большое евразийское партнёрство? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 15 (3). С. 9–14. <https://DOI.org/10.22394/2073-2929-2021-03-9-14>
- Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / Пер. с англ. Под ред. А.А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры. Национальный совет по разведке, декабрь 2012. Вашингтон, округ Колумбия, США. <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/DS/Documents/global-trends-2030-rus.pdf>
- Говорова Н.В.* Европейский рынок труда в условиях пандемической реальности // Современная Европа. 2020. № 7. С. 67–78. DOI:10.15211/soveurope72020128139.
- Годованюк К.А.* Фактор Австралии во внешней политике Британии // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 35–47. DOI: 10.31857/S0869049922020034
- Годованюк К.А.* «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности // Современная Европа. 2020. № 6. С. 181–190. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/soveurope62020181190>

- Годованюк К.А.* Внешняя политика «Глобальной Британии»: особенности «суверенного» атлантизма // Современная Европа. 2021. № 6. С. 30–41. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/soveurope620213041>
- Годованюк К.А.* Новый формат отношений Британии и ЕС: вызовы пост-брекзита // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 4 (30). С. 54–70.
- Громыко Ал.А.* Европейская культура – силы притяжения и отталкивания // Общественные науки и современность. 2022. № 3. С. 7–20.
- Громыко Ал.А.* Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6–19.
- Громыко Ал.А.* Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 5. С. 6–19. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1;
- Громыко Ал.А.* Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом // Современная Европа. 2021. № 4. С. 10–25. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/soveurope420211025>
- Громыко А.* (под ред.) Этап специальной военной операции на Украине. Анатолия антироссийской политики в Европе // Доклады ИЕ РАН. 2022. № 390. М.: Институт Европы РАН, 2022.
- Громыко А.А.* От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 15–21.
- Грэм Томас.* Китай – Россия – США: отношения и стратегические треугольники // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 62–72.
- Губин А.* Расширение Востока в НАТО: новые подходы Японии и Республики Корея к обеспечению безопасности // РСМД, 9 августа 2022.
- Данилов Д.А.* Финляндия и Швеция на пути в НАТО // Обозреватель. № 5–6 (388–389), май–июнь 2022. С. 27–39.
- Данилов Д.А.* Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31.
- Данилов Д.А.* Трамп: перезагрузка НАТО // Мировая политика в фокусе современности: монография / Предисл. Е.П. Бажанова; Отв. ред. М.А. Неймарк. Дипломатическая академия МИД России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2018.
- Данилов Д.А.* НАТО: неформальный саммит или новый формат? // Международная жизнь. 2017. № 8, август. С. 50–67.
- Данилов Д.А.* Саммит НАТО в июле 2018 года: «технические» решения и стратегическая неопределённость // Международная жизнь. 2018, сентябрь. С. 180–191.
- Дериглазова Л.В., Менх В.В., Чепчугова А.П.* Проблема социального отторжения в странах ЕС: определение и методы измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. № 2. С. 201–224. DOI 10.21638/spbu06.2021.205. EDN: QСAХNP.

- Дюмулен И.И.* Нетарифные меры в современной международной торговле: некоторые вопросы теории, практика и правила ВТО, интересы России // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 2. С. 3–20.
- Евразийский экономический союз в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022.
- Жвителишвили А.Ш.* Новые социальные группы на Западе: общее и особенное // Власть. 2016. Т. 24. № 1. С. 118–124.
- Кавешников Н.* Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа. 2020. № 2. С. 163–175. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/soveurope22020163175>
- Каплан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.
- Климов И.* Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 6–23.
- Кондратьева Н.Б.* Единый внутренний рынок ЕС и европейская промышленность: обновление стратегии // Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 104: Март – май 2021. [Электронное издание]. С. 15–18. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/eufacts2202115>
- Кондратьева Н.Б.* Цифровизация единого рынка ЕС. В кн. Европа между трёх океанов / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: «Нестор-История», 2019. С. 379–395.
- Конопляник А.* Водородный раскол мнений: новый виток противостояния (часть 2) // Нефтегазовая вертикаль. 2022. № 2. С. 66–81.
- Кортунов А.А.* Восемь принципов Большого евразийского партнёрства. 25 сентября 2020. РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/>
- Котов А.В.* Экономическая и инвестиционная политика в период коронакризиса. В кн.: Германия. 2020 / Под ред. В.Б. Белова. Доклады Института Европы РАН. № 379. М., 2021. С. 52–77. EDN: DDYDSB.
- Кувалдин В.Б.* Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 5–13.
- Курyleв К., Малышев Д., Станис Д.* Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 1. С. 119–128. <https://DOI.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-119-128>
- Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные кон-туры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.
- Лебедева М.М.* Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 29–37. DOI: [10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37)

- Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шаниро Д., Тальяпиетра С., Вульф Г. Геополитика Европейского зелёного курса // Россия в глобальной политике. 17.01.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/geopolitika-zelyonogo-kursa/>. Дата обращения: 15.06.2022.
- Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 2 (11). С. 4–18.
- Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204–234.
- Лункин Р., Филатов С. Борьба «за» и «против» идентичности во внутривнутриполитических процессах // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 50–60. DOI: <https://DOI.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-50-60>
- Лункин Р., Биссон Л. Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 7–33. DOI: [10.31857/S086904990017872-1](https://doi.org/10.31857/S086904990017872-1)
- Мартыанов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 139–148.
- Мельянцева В.А. Современная глобализация и её воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1. С. 98–119.
- Миловидов В., Аскер-заде Н. Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 37–45. DOI: [10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45)
- Михайленко А.Н. Векторы развития евразийской интеграции // Вопросы политологии. 2020. Вып. 9 (61). Т. 10. С. 2781–2792.
- Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: три квартала 2021 года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Назаров М.М. Политический протест: опыт экономического анализа // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 28–45.
- О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022.
- Пантин В.И. Политические размежевания и расколы в современных обществах // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 28–40.
- Прекариат: колл. монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020.
- Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2018 г. Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019.
- Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2020 год. Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021.

- Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2021 год. Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022.
- Рогов С.М.* Неравнобедренный треугольник: Россия – США – Китай в новой геополитической обстановке // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 6–24.
- Росенко С.И.* Низший класс в социальной структуре постиндустриального общества: состояние и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 4. С. 128. EDN: VJHXBD
- Саркисян Т.* Интеграционный план ГОЭЛРО для XXI века. Цифровой суверенитет и цифровая повестка ЕАЭС // Россия в глобальной политике. 2021. № 3. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-3-136-149
- Сидди М.* «Зелёная революция»? Предварительная оценка «Зеленой сделки» // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 85–107. DOI:10.17323/1996-7845-2021-03-04
- Сидорова Е.А.* Преодоление последствий COVID-19 в ЕС: наднациональный финансовый аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 24–32.
- Социальная Европа в XXI веке / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011.
- Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Под ред. Ю.Д. Квашнина. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Страхи и надежды европейцев на фоне пандемии / Под ред. Р.Н. Лункина. Доклады Института Европы РАН. № 381. М.: ИЕ РАН, 2021.
- Тощенко Ж.Т.* Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8
- Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2021 год. Статистический сборник. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022.
- Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2018 год. Статистический сборник. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020.
- Циренчиков В.С.* Обновление промышленной стратегии ЕС // Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 104: Март–май 2021. [Электронное издание]. С. 27–30. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/eufacts220212730>
- Циренчиков В.С.* Очередная версия промышленной политики ЕС // Современная Европа. 2020. № 6. С. 153–162. DOI: <http://dx.DOI.org/10.15211/soveurope62020153162>
- Шишелина Л.Н.* Виктор Орбан: «Что делать?» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 4. С. 86–94.
- Экономические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022.

- Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе. 2019 год (по оперативным данным). Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020.
- Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе. 2020 год (по оперативным данным). Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021.
- Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе. 2021 год (по оперативным данным). Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022.
- Ямпольская Д., Алиева К.* Развитие рынка ЕАЭС на примере продукции электронной промышленности // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 12. С. 33–52.
- 2022 14th International Conference on Cyber Conflict: Keep Moving. T. Jančárková, G. Visky, I. Winther (Eds.) https://ccdcoe.org/uploads/2022/06/CyCon_2022_book.pdf
- Ainger J.* EU Bank May Refrain From Bestowing Green Label on Gas, Nuclear Projects. EIB's Hoyer says bank must be alert to risks of greenwashing // Bloomberg, January 27, 2022.
- Ainger J.* Key EU Parliament Groups Reject Plans to Label Gas and Nuclear as Green Energy // Time, June 14, 2022.
- Alber J.* The European Social Model and the United States // European Union Politics. 2006. Vol. 7. No. 3. Pp. 393–419. DOI: 10.1177/1465116506066272
- Alber J.* What the European and American welfare states have in common and where they differ: facts and fiction in comparisons of the European Social Model and the United States // Journal of European Social Policy. 2010. Vol. 20. No. 2. Pp. 102–125. DOI:10.1177/0958928709358791
- Almeida J., Machado F., Costa A.* Social Classes and Values in Europe // Portuguese Journal of Social Sciences. 2006. No. 5. 95–117. DOI: 10.1386/pjss.5.2.95_1
- Atmospheric implications of increased Hydrogen / Warwick N. at al. University of Cambridge and NCAS, University of Reading. April 2022. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1067144/atmospheric-implications-of-increased-hydrogen-use.pdf. (дата обращения: 31.07.2022).
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, Inc. 1961.
- Balassa B.* Towards a Theory of Economic Integration // Kyklos. 1961. 14 (1). Pp. 1–14.
- Barnard M.* Morocco, Algeria, Egypt: EU plans to import hydrogen from North Africa // Corporate Europe Observatory and Transnational Institute. May 2022. 32 p. URL: https://corporateeurope.org/sites/default/files/2022-05/Assessing_EU_plans_to_import_hydrogen.pdf. (дата обращения: 31.05.2021).

- Basset J., Peimer A.* Political ecological perspectives on socioecological relations // *Geography and Geographic Information Science*. 2015. Pp. 157–165, DOI: 10.1051/nss/2015029
- Becker P.* Eine europäische Wirtschaftspolitik im Werden // *SWP-Studie 2020/S 16*, 28.08.2020, 34 S. DOI:10.18449/2020S16
- Bekker S.* European socioeconomic governance in action: coordinating social policies in the third European Semester / *OSE Research Paper No. 19*, Brussels: European Social Observatory, 2015.
- Bellamy R., Kröger S.* A democratic justification of differentiated integration in a heterogeneous EU // *Journal of European Integration*. 2017. Vol. 39. No. 5. Pp. 625–639. <https://DOI.org/10.1080/07036337.2017.1332058>
- Bertin G., Ellison M., Moro G.* Is there a European Social Model? Theorising the relationship between economics and society. In: *The European Social Model and an Economy of Well-being: Repairing the Social Fabric of European Societies*. By G. Bertin, M. Ellison, G. Moro (Eds). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. Pp. 37–57.
- Bew J.* *Realpolitik. A History*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Black J., Lynch A.* Cyber Threats to NATO from a Multi-Domain Perspective. In: *Cyber Threats and NATO 2030: Horizon Scanning and Analysis 2020*. E-book. https://ccdcoe.org/uploads/2020/12/Cyber-Threats-and-NATO-2030_Horizon-Scanning-and-Analysis.pdf
- Blair Tony, Schroeder Gerhard.* *Europe: the third way/Die Neue Mitte*. London: Labour Party, 1999.
- Blumer H.* *Collective Behavior*. In: Robert E. Park, Ed. *An Outline of the Principles of Sociology*. New York: Barnes and Noble, 1994. Pp. 219–280.
- Brattberg E.* The EU's Looming Test on Election Interference, April 18, 2019. <https://carnegieendowment.org/2019/04/18/eu-s-looming-test-on-election-interference-pub-78938>
- Brittan S.* *Capitalism with a Human Face*. Hants, Vt.: Edward Elgar Publishing, 1995.
- Bubbico R. L., Freytag L.* *Inequality in Europe*. Luxembourg: European Investment Bank, 2018.
- Canto J., Macarena V-M.* The Effects of Social Identity and Emotional Connection on Subjective Well-Being in Times of the COVID-19 Pandemic for a Spanish sample // *Environmental Research and Public Health*. 2021, 18 (19), pp. 110–124. DOI: 10.3390/ijerph181910525
- Casanova J., Almeida J.* When democracy incubates inequality and heteronomy: authoritarianism and nationalism in the European Union // *Sociologia Problemas e Práticas*. 2021. DOI: 10.7458/SPP20219621001
- Coppedge D.* *Climate Hysteria Goes Far Beyond the Science* // *Creation Evolution*, 11 December, 2019.
- Cyber Capabilities and National Power: A Net Assessment*. International Institute for Strategic Studies, June 28, 2021. <https://www.iiss.org/blogs/research-paper/2021/06/cyber-capabilities-national-power>

- Cymutta S.* National Cybersecurity Organisation: Germany. / CCDCOE National Cybersecurity Governance Series, 2020. https://ccdcoe.org/uploads/2020/12/Country_Report_DEU.pdf
- Dauderstädt M.* Covid 19 and Europe-wide Income Disparities / Friedrich-Ebert-Stiftung, 2021.
- Davies J.* Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. No. 1. Pp. 15–27.
- de la Porte C., Heins E.* A new era of European integration? Governance of labour market and social policy since the sovereign debt crisis // *Comparative European Politics*. 2015. Vol. 1. No. 1. Pp. 8–28.
- Delfs A.* Germany to Bring Back Coal Power Plants If Russia Cuts Gas // *Time*. May 24, 2022.
- Della Porta D.* Social movements in times of austerity: bringing capitalism back into protest analysis. Cambridge; Malden Mass.: Polity press, 2015. Pp. 205–234.
- Devine F., Snee H.* Doing the Great British Class Survey // *The Sociological Review*. 2015, № 63. DOI: 10.1111/1467-954X.12282
- Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychol. Bull.* March 1999. 125 (2). Pp. 276–302.
- Dryhurst S., Schneider C.R., Kerr J., Freeman A.L.J.* Risk perceptions of COVID-19 around the world // *Journal of Risk Research*. 2020. Pp. 1–13. DOI: 10.1080/13669877.2020.1758193
- Durkheim E.* *The Division of Labor in Society*. New York: Macmillan Publishers Ltd., 1984.
- Enoch Ch.* Europe beyond the euro. Building protection for Europe's economies in the time of risks. Oxford: Palgrave Macmillan, 2021.
- Esping-Andersen G.* *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Ethier W.J.* The New regionalism // *The Economic Journal*. 1998. No. 108 (July). Pp. 1149–1161.
- Ferguson I., Lavalette M.* Globalisation and global justice: towards a social work resistance // *International Social Work and the Radical Tradition*. 2006. No. 49 (3). Pp. 309–318.
- Ferrera M.* The “Southern Model” of Welfare in Social Europe // *Journal of European Social Policy*. 1996. Vol. 6. No. 1. Pp. 17–37. DOI:10.1177/095892879600600102
- Futàk-Campbell B.* Political Synergy: How the European Far-Right and Russia Have Joined Forces Against Brussels // *Atlantisch Perspectief*. 2020. Vol. 44. No. 1. Special Edition: Putin's Russia.
- Freedman L.* Force and the international community: Blair's Chicago speech and the criteria for intervention // *International Relations*. 2017. Vol. 31 (2). Pp. 107–124. DOI: 10.1177/0047117817707395
- Friedman L.* U.N. Chief Warns of ‘Catastrophe’ With Continued Use of Fossil Fuels // *The New York Times*. March 21, 2022.

- Fukuyama F.* The End of History and The Last Man. New York: Free Press, 1992.
- Gamble A.* Between Europe and America: The Future of British Politics. Basingstoke, UK; New York, N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Gamson W.* Talking Politics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.
- Gamson W.* The Social Psychology of Collective Action. In: A. D. Morris and C. Mueller (Eds.). *Frontiers in social movement theory*. New Haven: Yale University Press, 1992. Pp. 53–76.
- Garton A.* The Future of Liberalism // *Prospect*. 2021. Winter Special. P. 18–28.
- Georgiou D.* The new EU Directive on Transparent and Predictable Working Conditions in the context of new forms of employment // *European Journal of Industrial Relations*. 2022. Vol. 28. No. 2. Pp. 193–210. DOI:10.1177/09596801211043717
- Giddens A.* *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1998.
- Gillet A., Simon F.* L'idée de Nicolas Sarkozy sur une taxe carbone à nouveau sur la table en France // EURACTIV.fr 18 May 2012.
- Golinowska S., Hengstenberg P., Żukowski M.* Diversity and Commonality in European Social Policies: The Forging of a European Social Model. Barbara Budrich Publishers, 2008.
- Gröbner C., Heimberger P., Kapeller J. and Schütz B.* Is the Eurozone disintegrating? Macroeconomic divergence, structural polarization, trade and fragility // *Cambridge Journal of Economics*. 2020. No. 44. Pp. 647–669. DOI:10.1093/cje/bez059
- Guehenno J.-M.* *The End of the Nation-State*. Minneapolis: Universities of Minnesota Press; London, 1995.
- Guilluy C.* *No Society. La fin de la classe moyenne occidentale*. Paris: Flammarion, 2020.
- Guilluy C.* *Le temps des gens ordinaires*. Paris: Flammarion, 2021.
- Haas E. B.* The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America // *Journal of Common Market Studies*. 1967. Vol. 5. No. 4. Pp. 315–343. <https://DOI.org/10.1111/j.1468-5965.1967.tb01153.x>
- Haass R.* *A World In Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*. New York: Penguin Press, 2017.
- Helpman E., Itskhoki O., Muendler M.-A., Redding S.J.* Trade and Inequality: From Theory to Estimation // *The Review of Economic Studies*. 2017. Vol. 84. Pp. 357–405. <https://DOI.org/10.1093/restud/rdw025>
- Helpman E., Itskhoki O., Redding S.* Inequality and Unemployment in a Global Economy // *Econometrica*. 2010. Vol. 78. No. 4. P. 1239–1283. DOI: 10.3982/ECTA8640
- Hemerijck A.* Recalibrating Europe's semi-sovereign welfare states / WZB Discussion Paper. No. SP I, 2006.
- Hemerijck A.* Stress-testing the new welfare state. In: *The Politics of the New Welfare State*. Ed. by G. Bonoli and D. Natali. Oxford: Oxford University Press, 2012.

- Hettne B., Söderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No. 3 (December). Pp. 457–473. DOI: 10.1080/713687778
- Hill C.* *The Future of British Foreign Policy: Security and Diplomacy in a World after Brexit*. Cambridge: Polity Press, 2019.
- Hövermann A. and Kohlrausch B.* Soziale Ungleichheit und Einkommenseinbußen in der Corona-Krise. Befunde einer Erwerbstätigenbefragung // *WSI-Mitteilungen*. 2020. 73 (6). Pp. 485–492. <http://dx.DOI.org/10.5771/0342-300X-2020-6-485>
- Hutton W.* *The World We're In*. London: Little, Brown, 2002.
- Inglehart R., Norris P.* *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Jessoula M.* Europe 2020 and the fight against poverty – beyond competence clash, towards ‘hybrid’ governance solutions? // *Social Policy & Administration*. 2015. Vol. 49. No. 4. Pp. 490–511.
- Khan M.* EU faces down critics over green investment label for gas and nuclear power // *Financial Times*. February 2, 2022.
- Krasner S. D.* *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University, 1999.
- Kroenig M.* *The Return of Great Power Rivalry: Democracy versus Autocracy from the Ancient World to the U.S. and China*. New York: Oxford University Press, 2020.
- Kirkham K.* The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 7. No. 2. July 2016. Pp. 111–28. <https://DOI.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>
- Kudryashova Y.S.* Prospects for the Transition of the EAEU to a Green Economy: Experience of the European Union for Green Growth of the Eurasian Economic Union and Conditions of Cooperation Between the EAEU and the EU. In: Zavyalova E.B., Popkova E.G. (eds) *Industry 4.0*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. https://DOI.org/10.1007/978-3-030-75405-1_9
- Kurer T.* The Declining Middle: Occupational Change, Social Status, and the Populist Right // *Comparative Political Studies*. 2020. 53 (10–11). Pp. 1798–1835. DOI:10.1177/0010414020912283
- Laužadytė-tutlienė A., Baležentis T., Goculenko E.* Welfare State in Central and Eastern Europe // *Economics and Sociology*. 2018. No. 11. Pp. 100–123. DOI: 10.14254/2071-789X.2018/11-1/7
- Leonard M.* *Why Europe Will Run the 21st Century*. London, New York: Fourth Estate, 2004.
- Leruth B.; Gänzle S. and Trondal J.* Differentiated Integration and Disintegration in the EU after Brexit: Risks versus Opportunities // *Journal of Common Market Studies*. 2019. Vol. 57. No. 6. Pp. 1383–1394.
- Libman A.M.* Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the “Global Script” // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 247–268. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-247-268

- Linden-Retek P.* The Refugees We Are: Solidarity, Asylum, and Critique in the European Constitutional Imagination // *German Law Journal*. 2021. Vol. 22, Issue 4. Pp. 506–533. DOI: 10.1017/glj.2021.28
- Lyle J.* From Siberia to Crimea: The Revenge of History in U.S.-Russian Relations // *The National Interest*. 12 January 2013. <https://strategic-culture.org/news/2018/01/15/from-siberia-to-crimea-revenge-history-us-russian-relations/>
- Margaritou K.* EAEU Policies and Governance // *The Future of Eurasian Integration*. 2021. No. 1 (L). Pp. 23–42. <https://DOI.org/10.20542/2073-4786-2021-1-23-42>
- McCourt D.* Rethinking Britain's role in the world for a new decade: the limits of discursive therapy and the promise of field theory // *British Journal of Politics and International Relations*. 2011. Vol. 13. No 2. Pp. 145–164.
- Meade J.E.* Problems of Economic Union. London and New York: Routledge, 1953.
- Meinecke H., Figures T., Engels M.* How Technology Can Tame the EU Carbon Tax on Imports / Boston Consulting Group, July 20, 2022. <https://www.bcg.com/publications/2022/navigating-the-european-green-deal>
- Menno F.* Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-Communist Countries in a Welfare Regime Typology // *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*, 2004. Vol. 3. No. 2. Pp. 1–30.
- Merton R.K.* Social theory and social structure. New York: Free Press, 1949.
- Meza E.* German gas mix emissions incompatible with climate targets – report / *Clean Energy Wire*, 14 Dec. 2021. <https://www.cleanenergywire.org/news/german-gas-mix-emissions-uncompatible-climate-targets-report>
- Milne S.* The Revenge of History: The Battle for the Twenty-First Century. London, New York: Verso, 2012.
- Mukhametdinov M.* The Eurasian Economic Union and Integration Theory. Palgrave Macmillan, 2020. Ebook. DOI: <https://DOI.org/10.1007/978-3-030-34288-3>
- Mundell R.A.* A Theory of Optimum Currency Areas // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 4. Pp. 657–665.
- Oesch D., Vigna N.* A Decline in the Social Status of the Working Class? Conflicting Evidence for 8 Western Countries, 1987–2017 // *Comparative Political Studies*. 2022, 55(7): pp. 1130–1157. DOI:10.1177/00104140211047400
- Oesch D., Rennwald L.* Electoral competition in Europe's new tripolar political space: Class voting for the left, centre-right and radical right // *European Journal of Political Research*. 2018, 57 (2). Pp. 783–807.
- Ormerod P.* The Death of Economics. London, Boston: Faber and Faber, 1994.
- Osula A-M.* National Cyber Security Organization: Estonia / CCDCOE National Cybersecurity Governance Series, 2015 https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/CS_organisation_ESTONIA_032015_1.pdf
- Penissat E., Spire A., Hugree C.* Social Class in Europe. New Inequalities in the Old World. Brooklyn: Verso books, 2020.
- Perry M.* There Is No Climate Emergency, Say 500 Experts in Letter to the United Nations / *American Enterprise Institute*, October 01, 2019. <https://>

- www.aei.org/carpe-diem/there-is-no-climate-emergency-say-500-experts-in-letter-to-the-united-nations/
- Peterquin S.* Report: EU greenhouse gas emissions down 24% since 1990 // AP, November 30, 2020.
- Petkova M.* Weekly data: EU's CBAM to impact Russia, China and the UK the most // Energy Monitor, 7 February 2022.
- Proctor D.* Coal Use Rises, Prices Soar as War Impacts Energy Markets // Powermag, Mar. 8, 2022.
- Renard T.* EU cyber partnerships: assessing the EU strategic partnerships with third countries in the cyber domain // European Politics and Society. 2019. Vol. 19. No. 3. Pp. 321–337. <https://DOI.org/10.1080/23745118.2018.1430720>
- Rifkin J.* The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004.
- Rodrik D.* Has globalization gone too far? Washington DC: Institute for international economics, 1997.
- Rodrik D.* The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy. New York and London: W.W. Norton & Company, 2012.
- Röpke W.* International Economic Disintegration. London: William Hodge and Company Ltd., 1942.
- Rosenau J.* Turbulences in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Sbragia A.* Comparative Regionalism: What Might It Be? // Journal of Common Market Studies. 2008. Vol. 46. Annual Review. Pp. 29–49.
- Schmitt M.N.* (general editor). Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Sengoku M.* Emerging Eastern European Welfare States: A Variant of the «European» Welfare Model. In: Slavic Eurasia's integration into the world economy and community (Ed. by S. Tabata and A. Iwashita). Sapporo, 2004.
- Shaping Europe's Digital Future. European Commission. 2020.
- Shmitt M.* Expert Backgrounder: NATO Response Options to Potential Russia Cyber Attacks. <https://www.justsecurity.org/80347/expert-backgrounder-nato-response-options-to-potential-russia-cyber-attacks/>
- Shulze M., Herpig S.* Germany Develops Offensive Cyber Capabilities Without A Coherent Strategy of What to Do With Them. Council on Foreign Relations, December 3, 2018. <https://www.cfr.org/blog/germany-develops-offensive-cyber-capabilities-without-coherent-strategy-what-do-them>
- Soula E.* The Many Faces of Foreign Interference in European Elections. German Marshall Fund. <https://www.gmfus.org/news/many-faces-foreign-interference-european-elections>
- Stephens P.* Britain Alone: the Path From Suez to Brexit. London. 2021.
- Stuenkel O.* Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order. Cambridge: Polity, 2016.
- Taylor K.* Leak: Only zero-emission cars will win EU green investment label / euractiv.com. November 12, 2020.

- The EU and the coronavirus pandemic. Standard Eurobarometer 96 – Winter 2021–2022.
- The European Green Deal. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 11.12.2019 COM(2019) 640 final.
- The Spring 2022. EB 97.3. Eurobarometer. European Parliament Eurobarometer survey.
- Thurow L.* The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Will Shape Tomorrow's World. London: Nicholas Brealey Publishing, 1996.
- Tinbergen J.* International economic integration. Amsterdam: Elsevier, 1954.
- Understanding the legal framework // Just Security, February 24, 2022. <https://www.justsecurity.org/80347/expert-backgroundunder-nato-response-options-to-potential-russia-cyber-attacks/>
- Vandalae K.* Bleak prospects: mapping trade union membership in Europe since 2000. Brussels: ETUI, 2019.
- Vaughan-Whitehead D.C.* The European Social Model in Crisis: Is Europe Losing its Soul? Cheltenham: Edward Elgar and International Labour Organization, 2015.
- Vaughan-Whitehead D.C.* EU enlargement versus social Europe. The uncertain future of the European social model. Cheltenham: Edward Elgar, 2003.
- Viner J.* The Customs Union Issue. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1950.
- Westlessness. Munich Security Report. Munich Security Conference. 2020.
- Which European countries know the least about climate change? A new survey finds people underestimate the scientific consensus // The Economist, June 30th 2022.
- Willett M.* Assessing Cyber Power, *Survival*, 2019. Vol. 61:1. Pp. 85–90. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1569895>
- Wright E.* Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure // *Politics & Society*. 1980, 9. Pp. 323–370. DOI: 10.1177/003232928000900303
- Zakaria F.* The Post-American World. New York, London: W.W. Norton & Company, 2009.
- Zeitlin J., Vanhercke B.* Socializing the European Semester: EU social and economic policy co-ordination in crisis and beyond // *Journal of European Public Policy*. 2018. Vol. 25. No. 2. Pp. 149–174. DOI:10.1080/13501763.2017.1363269
- Zielonka J.* The EU as an International Actor: Unique or Ordinary? // *European Foreign Affairs Review*. 2011. Vol. 16. No. 3. Pp. 281–301.

ОБ АВТОРАХ

Белов Владислав Борисович, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН, кандидат экономических наук

Биссон Любовь Сергеевна, старший научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН, кандидат политических наук

Буторина Ольга Витальевна, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Васильченко Александр Дмитриевич, младший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института Европы РАН

Ведерников Михаил Владимирович, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН, кандидат исторических наук

Годованюк Кира Анатольевна, ведущий научный сотрудник Центра британских исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН, кандидат политических наук

Громыко Алексей Анатольевич, директор Института Европы РАН, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН

Данилов Дмитрий Александрович, заведующий Отделом европейской безопасности Институт Европы Ран, профессор, кандидат экономических наук

Кондратьева Наталия Борисовна, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра экономической интеграции, ученый секретарь Института Европы РАН, кандидат экономических наук, доцент

Котов Александр Владимирович, старший научный сотрудник Центра германских исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН, кандидат экономических наук

Лункин Роман Николаевич, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества, главный научный сотрудник ИЕ РАН, доктор политических наук, профессор РАН

Межевич Николай Маратович, руководитель Центра белорусских исследований, главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор экономических наук, профессор

Плюснин Роман Михайлович, научный сотрудник Центра Северной Европы Отдела страновых исследований Института Европы РАН

Рогинко Сергей Анатольевич, руководитель Центра экологии и развития, ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований Института Европы РАН, кандидат экономических наук

Рожин Александр Александрович, младший научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН

Шариков Павел Александрович, ведущий научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН, кандидат политических наук

E24 **Европа в кризисном мире:** [Коллективная монография] / [Ал.А. Громыко и др.; отв. ред. Ал.А. Громыко]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. — М.: ИЕ РАН: Издательство «Весь Мир», 2022. — 376 с.

ISBN 978-5-98163-193-1 (ИЕ РАН)

ISBN 978-5-7777-0895-3 (Весь Мир)

DOI 10.55604/978577708953

В монографии ИЕ РАН представлен междисциплинарный анализ современных кризисных явлений в Европе и мире. Авторы обращаются к проблемам трансформации современных международных отношений, противостояния ключевых международных игроков, влияния процессов дефрагментации на макрополитическую и социально-экономическую ситуацию. Исследованы политические последствия пандемии коронавируса, внутрирегиональная торговля ЕС, европейский «зелёный курс» и климатическая повестка. Рассмотрена проблематика социальной стратификации европейских обществ и их конфликтный потенциал. Изучена кризисная ситуация в сфере европейской безопасности, новые подходы и национальные стратегии кибербезопасности, интеграционные перспективы Союзного государства России и Беларуси и Евразийского экономического союза. Исследование демонстрирует, что центробежные процессы на глобальном уровне, сталкиваясь с центростремительными на региональном, формируют большой набор конфигураций межгосударственных взаимодействий с опорой на различные сочетания прагматизма и идеологических подходов.

УДК 323/327

ББК 63.3(4); 65.6(4); 66.2(4)

ЕВРОПА В КРИЗИСНОМ МИРЕ

Коллективная монография

Ответственный редактор
Ал.А. Громько

Редакторы: *Зимарин О.А., Демьянович В.А.*
Мл. редактор: *М.Р. Завьялова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Верстка *С.А. Голодко*

Подписано в печать 11.2022
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5.
Тираж ... экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru
Тел. 8 (495) 632-47-04/06